
200
А.Б. Мартиросян
МИФОВ О СТАЛИНЕ
СТАЛИН
И РЕПРЕССИИ
1920–1930-х ГОДОВ

200
МИФОВ

СТАЛИНЕ

А.Б. Мартиросян

СТАЛИН и репрессии 1920-х — 1930-х гг.

Москва
Вече
2008

Мартиросян А.Б.

М29 Сталин и репрессии 1920-х—1930-х гг./ А.Б. Мартиросян. — М.: Вече, 2008. — 416 с.: ил. — (200 мифов о Сталине).

ISBN 978-5-9533-2232-4

Накануне советско-финляндской войны И.В. Сталин в беседе с послом СССР в Швеции А.М. Коллонтай отметил: «Многие дела нашей партии и народа будут извращены и оплеваны, прежде всего, за рубежом, да и в нашей стране тоже... И мое имя тоже будет оболгано, оклеветано. Мне припишут множество злодеяний». Сталина постоянно пытаются убить вновь и вновь, выдумывая всевозможные порочащие его имя и дела мифы, а то и просто грязные фальсификации. Но сколько бы противники Сталина не стремились превратить количество своей лжи и клеветы в качество, у них ничего не получится. Этот поистине выдающийся деятель никогда не будет вычеркнут из истории. Автор уникального пятитомного проекта военный историк А.Б. Мартиросян взял на себя труд развеять 200 наиболее ходовых мифов антисталинианы, разоблачить ряд «документальных» фальшивок. Вторая книга проекта— «Сталин и репрессии 1920-х—1930-х годов».

ББК 63.3(2)61

ISBN 978-5-9533-2232-4

От автора

Мифов о сталинских репрессиях 1920—1930-х гг. громадное количество. Пожалуй, это основной пласт мифов антисталинианы. Естественно, что далеко не все из них стали объектом аналитического исследования на страницах настоящей книги. Это невозможно даже по чисто техническим причинам — никаких объемов книги не хватит.

Краткому исследованию подверглись лишь знаковые мифы — те, которые наиболее активно используются в антисталинской пропаганде. Часть мифов исследована бегло и кратко, другие — более детально. Это связано как с их различным значением в антисталиниане, так и со степенью запутанности их истории и подоплеки.

Ну, а о том, насколько это удачно получилось у автора, — судить, как и всегда, только Его Величеству Читателю.

Миф № 51. Сталин терроризировал страну ст. 58 УК РСФСР. Эта страшная, зверская и ужасная статья Уголовного кодекса, или «Сто шестнадцать пополам».

Выражение «сто шестнадцать пополам» происходит из сленга репрессированных тех лет, которые, исходя из бытующей о них байки, на вопрос «По какой статье сидели? » отвечали: «Сто шестнадцать пополам ». Нет ни одного повествования о репрессиях сталинского периода, в котором не фигурировала бы знаменитая статья 58 Уголовного кодекса РСФСР. Именно поэтому необходимо прежде всего понять, что это за статья, какие наказания она предусматривала и, конечно же,

за что. Весь период правления И.В. Сталина действовал Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 года.

Итак, **статья 58 УК РСФР** в редакции 1926 года.

Контрреволюционные преступления

Статья 58/1. Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими, на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик, или к подрыву и ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции.

В силу международной солидарности интересов всех трудящихся такие же действия признаются контрреволюционными и тогда, когда они направлены на всякое другое государство трудящихся, хотя бы и не входящее в Союз ССР.

58/la[1]. Измена родине, т.е. действия, совершенные гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу караются — высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах — лишением свободы на срок десять лет с конфискацией всего имущества.

58/16[2]. Те же преступления, совершенные военнослужащими, караются высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества.

58/1в. В случае побега или перелета за границу военнослужащего совершеннолетние члены его семьи, если они чем-либо способствовали готовящейся или совершенной измене или хотя бы знали о ней, но не довели об этом до сведения властей, караются — лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией всего имущества.

---

[1] **Статья введена в УК РСФР в 1934 г.**

[2] **Статья введена в УК РСФСР в 1934 г.**

Остальные совершеннолетние члены семьи изменника, совместно с ним проживавшие или находившиеся на его иждивении к моменту совершения преступления, — подлежат лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на пять лет.

58/1г. Недонесение со стороны военнослужащего о готовящейся или совершенной измене влечет за собой — лишение свободы на десять лет.

Недонесение со стороны остальных граждан (не военнослужащих) преследуется согласно ст. 58/12.

58/2. Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре или на местах в тех же целях и, в частности, с целью насильственно отторгнуть от Союза ССР и отдельной союзной республики какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные Союзом ССР с иностранными государствами договоры, влекут за собой — высшую меру социальной защиты — расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с допущением, при смягчающих обстоятельствах, понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества.

58/3. Сношения в контрреволюционных *целях* с иностранным государством или отдельными его представителями, а равно способствование каким бы то ни было способом иностранному государству, находящемуся с Союзом ССР в состоянии войны или ведущему с ним борьбу путем интервенции или блокады, влекут за собой — меры социальной защиты, указанные в ст. 58/2 настоящего Кодекса.

58/4. Оказание каким бы то ни было способом помощи той части международной буржуазии, которая, не признавая равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистической системе, стремится к ее свержению, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественным группам и организациям, в осуществлении враждебной против Союза ССР дея-

тельности влечет за собой — лишение свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты — расстрела или объявления врагом трудящихся, с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с конфискацией имущества.

58/5. Склонение иностранного государства или каких-либо в нем общественных групп, путем сношения с их представителями, использования фальшивых документов или иными средствами, к объявлению войны, вооруженному вмешательству в дела Союза ССР или иным неприязненным действиям, в частности: к блокаде, к захвату государственного имущества Союза ССР или союзных республик, разрыву дипломатических сношений, разрыву заключенных с Союзом ССР договоров и т. п. влечет за собой — меры социальной защиты, указанные в ст. 58/2 настоящего Кодекса.

58/6. Шпионаж, т.е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам, влечет за собой — лишение свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества, а в тех случаях, когда шпионаж вызвал или мог вызвать особо тяжелые последствия для интересов Союза СССР, — высшую меру социальной защиты — расстрел или объявление врагом трудящихся, с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с конфискацией имущества.

Передача, похищение или собирание с целью передачи экономических сведений, не составляющих по своему содержанию специально охраняемой государственной тайны, но не подлежащих оглашению по прямому запрещению закона или распоряжению руководителей ведомств, учреждений и предприятий, за вознаграждение или безвозмездно, организациям и лицам, указанным выше, влекут за собой — лишение свободы на срок до трех лет.

Примечание 1. Специально охраняемой государственной тайной считаются сведения, перечисленные в особом перечне, утверждаемом Советом Народных Комиссаров Союза ССР по согласованию с советами народных комиссаров союзных республик и опубликовываемом во всеобщее сведение.

58/7. Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий или противодействия их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемой в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций, влекут за собой — меры социальной защиты, указанные в ст. **58/2** настоящего Кодекса.

58/8. Совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов, хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации, влекут за собой — меры социальной защиты, указанные в ст. **58/2** настоящего Кодекса.

58/9. Разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом, поджогом или другими способами железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопровода, общественных складов и иных сооружений или государственного или общественного имущества влечет за собой — меры социальной защиты, указанные в ст. **58/2** настоящего Кодекса.

58/10. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст.ст. **58/2—58/9** настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания, влекут за собой — лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.

Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс,

или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собой — меры социальной защиты, указанные в ст. 58/2 настоящего Кодекса.

58/11. Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой, влекут за собой — меры социальной защиты, указанные в соответствующих статьях настоящей главы.

58/12. Недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении влечет за собой — лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.

58/13. Активные действия или активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственной или секретной (агентура) должности при царском строе или у контрреволюционных правительств в период гражданской войны, влекут за собой — меры социальной защиты, указанные в стр. 58/2 настоящего Кодекса.

58/14. Контрреволюционный саботаж, т.е. сознательное неисполнение кем-то определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата, влечет за собой — лишение свободы на срок не ниже одного года, с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты — расстрела, с конфискацией имущества.

Кто-либо в состоянии объяснить, что в этой статье такого сверхужасного, сверхстрашного, сверхзверского? Ах, не нравятся идеологические штампы типа «р-р-р-революционных» и «контр-р-р-революционных» определений? Так снимите их, и вы получите в чистом виде то, что прописано в уголовных кодексах всех государств мира. И все эти преступления будут носить эпитет «антигосударственные». К слову сказать, именно в таком виде они присутствуют и в современном Уголовном кодексе РФ, а ранее присутствовали в УК РСФСР.

Полагаю, что после ознакомления с положениями ст. 58 УК РСФСР во всех ее ипостасях весьма трудно будет отделаться от искушения хотя бы гипотетически, но применить ее в современных условиях. Естественно, предварительно сменив ряд слишком ярко выраженных идеологических клише того времени на юридически и особенно державно более обоснованные термины. Едва ли кто-либо не согласится с тем, что даже изрядно урезанный, ограниченный ренессанс этой статьи всерьез бы улучшил положение дел в России как в экономике, так и особенно в благополучии и безопасности простых граждан...

Вот вам и «сто шестнадцать пополам»!..

Миф № 52. Никакого заговора оппозиции, тем более готовившей свержение Сталина, не было. Все это выдумки самого Сталина и НКВД.

Один из главнейших, если не самый главный из мифов антисталинианы. Интенсивно используется для того, чтобы доказать, что-де Сталин от врожденной злобности да от скуки, встав как-то с левой ноги, решил, видите ли, перерезать всех своих соратников по партии. Именно так объяснял процессы 1930-х гг. Л.Д. Троцкий. Точно так же их объяснял XX съезду КПСС Н.С. Хрущев. Точно так же объясняют и поныне. Так вот, вопрос в том и состоит, была ли все-таки оппозиция Сталину, плела ли она свой заговор или нет, имела ли она контакты с реакционными кругами наиболее враждебных Советскому Союзу государств? Конечно, из-за ограниченности места в книге крайне затруднительно дать всеобъемлющий ответ во всех деталях и нюансах. И все же мы попробуем. Правда, пойдем, как говаривал «незабвенный» Ильич, «другим путем». А поможет нам в этом тот, кто более всех был причастен ко всем заговорам против России в первой половине XX века и кого 1937 г. сурово покарал. Это опытнейший мастер закулисных интриг, видный масон высокой степени посвящения, давний агент германской и австро-венгерской разведок, а впоследствии еще и британской разведки **Христиан Георгиевич Раковский (1873—1941).**

Более полувека в отечественной историографии царит табу на использование в исторических исследованиях показаний подследственных 1937—1938 гг. Во всем мире использование материалов уголовных и иных следственных дел — общепринятая практика. Только у нас все наоборот. Начисто отрицают даже саму возможность наличия хотя бы даже одного зернышка истины в таких источниках. Мол, все их показания выбиты силой. Между тем в этих материалах целые Клондайки истины. Но, упаси вас Господь полагать, что-де окаянные костоломы Лубянки резиновыми дубинками или просто пудовыми кулаками «освежали» память и красноречие, например того же Раковского, от чего он и стал раскрывать некие тайны. Это было бы в корне неверно.

Во-первых, потому, что подследственных по всем крупнейшим делам 1936—1938 гг. и пальцем-то не трогали во время следствия на Лубянке. Нам еще предстоит в этом убедиться. Это уже потом Хрущев, а вслед за ним Горбачев с Яковлевым выдумали сказки о нещадно избивавшихся «кристально честных и несгибаемых партийцах». Тех самых, которых тот же Хрущев в прямом смысле слова пачками сдавал в руки НКВД, причем нередко еще и письменно настаивая на самой крутой расправе с ними. Иначе он не смог бы обелить самого себя, парадоксальным образом прорвавшегося на вершину власти в громадной стране. Тем более затруднительно было вразумительно объяснить главное. Почему, угодив на Лубянку, они добровольно, без какого-либо принуждения сдавали не столько десятки своих же подельников (это-то как раз понятно), сколько прежде всего «закладывали» сотни и тысячи ни в чем не повинных людей, что в последнем случае и привело к крупномасштабным и действительно необоснованным репрессиям.

Во-вторых, потому, что допросы Раковского осуществлялись на французском языке. Конечно, непрошеный «борец за счастье» народов России, подданный царской Болгарии, а негласно еще и королевской Румынии, сохранявший их паспорта и гражданства вплоть до ареста, вполне сносно глаголил и по-русски. Однако полностью его незаурядный интеллект крупного интригана мирового масштаба раскрывался

лишь тогда, когда он переходил на французский язык. Своеобразная дань «революционной моде». Но его откровения не должны были стать доступными другим сотрудникам Лубянки. Жесткая иерархия допуска к секретам разных уровней — не обсуждаемая реалия органов госбезопасности. Тем более что в процессе его допросов действительно затрагивались вопросы высшей мировой политики. Так что в данном случае французский язык и «дуэт» резиновой дубинки и пудовых кулаков — никак не совмещались.

И, в-третьих, потому, что как масон высокой степени посвящения, давний агент германской и австро-венгерской разведок, перевербованный в 1920-х гг. еще и британской разведкой, Раковский знал очень много такого, что относилось к высшим тайнам высшей мировой политики и геополитики. От такого чего-либо добиться дубинкой было невозможно. Так что хоть бей, хоть не бей. С таким возможно было только договариваться на условии — откровенность в обмен на жизнь. Потому и было решено его допросы вести не только на французском языке, но и с помощью сотрудника личной разведки Сталина. Их вел сотрудник, которого все знали только как Рене Дюваль, хотя это и было не настоящее его имя. Он владел французским языком лучше любого французского академика-филолога. Протоколы допросов подписывал как Гавриил Гавриилович Кузьмичев. Он же осуществлял и перевод протоколов допросов (они записывались на магнитную ленту) на русский язык. К ним никого не подпускали, даже Ежова. Кузьмичев-Дюваль лично докладывал их Сталину либо собственноручно запечатывал в особый конверт, вскрыть который имел право только Сталин.

Показания Раковского чрезвычайно содержательны и информативны. Что же до того, правду ли он говорил на этих допросах, то, смею вас уверить, подтверждение его показаниям имеется практически по всем пунктам. По ряду из них подтверждения были получены в одних случаях — почти за четверть века, в других и того ранее — за 32 года, а в некоторых и вовсе за полвека либо еще более лет до того, как он это сказал. Не говоря уже о подтверждениях, полученных из текущей информации спецслужб того времени. Практически по всем пун-

ктам подтверждения были получены и в наши дни. Так что источник предлагается не только очень серьезный и солидный, но и достоверный, не говоря уже о том, что и очень интересный. Правда, в некоторых случаях еще и изящно лукавый. Но на то он и был масоном высокой степени посвящения. Однако на достоверности его показаний это не отразилось.

Раковский очень часто использовал местоимение **«Они»** и соответствующие его вариации в зависимости от падежа — «Им», **«Ими»,** «Их». На масонском языке так обозначаются высшие иерархи мировой закулисы, чьи имена не принято упоминать всуе, особенно самими «вольными каменщиками» (масонами). То ли от незнания, во что не верится, то ли, что скорее всего и было, сознавая, что у **«Них»** руки очень длинные и потому опасаясь ответственности, — в одном месте своих показаний Раковский прямо говорит, что он хочет избежать всякой ответственности, — Христиан Георгиевич ни разу не обмолвился даже тенью намека на то, что под термином **«Они» он подразумевает Комитет 300 и его членов!** Не знать о нем он физически не мог. Если даже и не знал до 1917 г., что должно быть исключено по определению, то абсолютно точно знал о нем с середины 1922 г.

Во-первых, потому, что среди этих **«Они»** первым он назвал Вальтера Ратенау, причем с прямой ссылкой на Троцкого. Ратенау же действительно являлся членом **Комитета 300. А,** во-вторых, когда 24 июня 1922 г. было совершено покушение на Вальтера Ратенау, приведшее к его гибели, то за мгновение до смерти он произнес, что его убийство — **дело рук членов Комитета 300.** А незадолго до покушения Ратенау и вовсе разгласил секрет существования **Комитета 300.** Вот его подлинные слова, опубликованные 11 июня 1921 г. в **«Plain English»: «Только 300 человек, все друг друга знающие, управляют Европой. Они избирают преемников из своих. Эти евреи имеют силу сломать любой строй, где и какой признают "неумным". Христианство, по их мнению, безумие и должно скоро сгинуть».** Все эти факты были известны еще тогда — средства массовой информации разнесли их по всему свету. Раковский физически не мог не знать о них. Как, впрочем, не мог он не обратить внимания и на то, что Ратенау был убит в

Иоаннов день — «главный праздник» всех масонов. Кстати, как и Ратенау, Раковский тоже свел персоналии этих **«Они»** к евреям, что в корне неверно. Да, евреи там присутствуют, но не составляют большинства в **Комитете 300 и к тому же** выступают не с этнических позиций, а только как представители одного из отрядов высшего эшелона финансовой олигархии Запада. На таком уровне не принято руководствоваться этническими соображениями. Там мыслят и действуют только глобально. А вот когда дело доходит до реализации их задумок, то вот тут-то привлекаемые силы и средства могут быть совершенно разные, в том числе и евреи, и еврейский капитал, что, к слову сказать, имеет место быть уже не один век.

Итак, во время допроса в НКВД СССР 26 января 1938 г. Раковский показал: **«"Они" в конце концов увидели, что Сталин не может быть свергнут путем государственного переворота, и их исторический опыт продиктовал им решение повторения со Сталиным того, что было сделано с царем»!** Это уникальное заявление. Здесь каждое слово обозначает целый ряд важнейших обстоятельств и фактов. Не вдаваясь в подробный анализ его признания того, что свержение монархии в России было делом рук Запада, использовавшего против нее механизм тандема мировой войны и «революции»[1], —просто это выходит за рамки темы книги — сразу же перейдем к главному. Из его слов однозначно вытекает следующее.

1. В СССР издавна существовала не просто антисталинская оппозиция, а именно же крайне агрессивно настроенная антисталинская оппозиция, готовая ради достижения «своих» целей на самые крутые меры — вплоть до государственного переворота и убийства Сталина. И эта оппозиция никуда не исчезла.

Вот совершенно независимые друг от друга подтверждения. В написанной в 1938 г. на смерть сына Льва Седова брошюре «Лев Седов: сын, друг борец» Троцкий отмечал:

[1] **Об этом говорилось еще во введении к пятитомнику — см. книгу 1. Кстати говоря, до Раковского ни один из высокопоставленных «ленинских гвардейцев» или, как говаривал У. Черчилль, представителей «шайки подонков низших слоев больших городов Европы и Америки», не признавал этого, тем более находясь на территории СССР.**

«В 1923 году Лев с головой ушел в оппозиционную деятельность. Он быстро постиг искусство заговорщической деятельности, нелегальных собраний и тайного печатания и распространения оппозиционных документов». Кто бы объяснил, каким образом еще в 1923 г. сынок проклятого «беса мировой революции» смог бы «с головой уйти в оппозиционную деятельность», если бы его Богом и Россией проклятый папашка не инспирировал бы заранее оппозицию в стране?! В 1923 г. Ленин уже никакой роли не играл. Так что эта оппозиция изначально была направлена против Сталина. Кстати, тогда же, в 1923 г., на так называемом «пещерном совещании» оппозиция впервые приговорила Сталина к смертной казни.

Далее в своих показаниях ваковский прямо так и сказал: ***«И даже были приняты меры для объявления смертного приговора Сталину.»*** *На созванном в августе 1923 г. по инициативе Зиновьева и Бухарина, а в действительности-то с подани Троцкого так называемом «пещерном совещании* — проходило водной из пещер близ Кисловодска, отсюда и такое название, — обсуждался вопрос якобы об ограничении власти Сталина, который всего-то без году неделя являлся генеральным секретарем партии. Такого поста в партии ранее не было. Сталин все начинал с нуля, в прямом смысле на голом месте. Какую власть он мог приобрести на этом посту, если, подчеркиваю это вновь, к августу месяцу 1923 г. он пребывал на этом посту без году неделя?! Тем не менее «ленинские гвардейцы * практически единогласно пришли к выводу о необходимости убийства Сталина* ***«во имя ограничения его власти*!?*** *Однако поскольку все они были патологические балаболки, то, кроме брызгания ядовитой слюной, дело дальше не пошло. А вот Сталин узнал об этом и сделал свои выводы. Их нетрудно было сделать, так как и раньше подручные Троцкого пытались организовать убийство Сталина. Первый такой случай имел место в 1919 г.*

В свою очередь далекий от социалистических экспериментов, но стремившийся к объективному анализу событий в СССР французский писатель Анри Барбюс отмечал, что **«в 1927 г. оппозиционеры повели по всему фронту широкое наступление против руководства ВКПБ(б) и Коммунистиче-**

ского Интернационала. Оппозиция не раз выступала и прежде, активизируясь в различных обстоятельствах и никогда не переставала существовать в состоянии скрытого брожения, — но теперь она развертывалась методически и агрессивно, по определенному боевому плану».

Для сведения читателей: 1927 г. вошел в историю как год «военной тревоги» — оппозиция сладострастно ожидала нападения консолидированных вооруженных сил Запада на СССР и потому готовилась перехватить власть в условиях военного поражения. Троцкий по этому поводу вспомнил даже лозунг французского политического деятеля Клемансо времен Первой мировой войны — «власть надо брать тогда, когда враг находится в 80 км от столицы». Нападения, слава Богу, не случилось, хотя все шло к этому, но тем не менее оппозиция попыталась устроить антигосударственный переворот в ноябре 1927 г., правда, безуспешно.

2. Против Сталина неоднократно предпринимались череда заговоров, ориентированных на государственный переворот и его убийство, но все безуспешно.

Краткая хроника боевых действий.

Троцкистская оппозиция Сталину действовала уже в 1923 году, хотя возникла и того ранее. Выше была процитирована выдержка из брошюры Троцкого, которая наглядно свидетельствует о том, что это не выдумки Лубянки или того же Сталина. Уже осенью 1923 года в СССР были арестованы члены двух конспиративных групп «Рабочая группа» и «Рабочая правда». Осенью же 1923 года готовился и военный переворот в стране. Отчетливо понимая неминуемость скорой кончины Ленина, к чему, к слову сказать, Троцкий приложил немалые усилия, «бес мировой революции» отчаянно готовил военный переворот в стране, что в декабре того же 1923 г. подтвердил его ближайший соратник — пресловутый Антонов-Овсеенко, направивший в ЦК партии письмо, в котором открыто угрожал военным путчем.

Весной 1926 года различные течения оппозиции объединились, и возникла так называемая объединенная оппозиция, которая создала свой конспиративный центр. Центр имел свою

агентуру в ЦК, ОГПУ, среди военных (в частности, будущие подельники Тухачевского — Примаков и Путна), располагал филиалами в Ленинграде, Киеве, Харькове, Свердловске и других городах СССР. Кроме того, центр поддерживал конспиративную связь со своими сторонниками в других компартиях, входивших в Коминтерн, для чего использовались единомышленники в аппарате Коминтерна, народных комиссариатов иностранных дел и внешней торговли, которые вывозили и привозили различные конспиративные материалы, а также финансовые средства.

В 1927 г. оппозиция решилась на более откровенный выпад против партии и руководства. Выпустила так называемый манифест, более известный как «платформа 83» (до этого была «платформа 46»). Вместо созидательной работы, партии вновь навязали бессмысленную дискуссию, которая завершилась оглушительным провалом оппозиции. 730 тысяч членов партии проголосовали за линию ЦК и Сталина и только 4 тысячи — за оппозицию. Воздержалось всего 2600 человек. В очередной раз проиграв на арене легальной борьбы, оппозиция решилась на антигосударственный переворот. В дни ноябрьских праздников 1927 г. оппозиция попыталась решить свои проблемы силовым путем. Пришлось выводить даже броневики на улицу, чтобы умерить пыл оппозиции. Столкновение завершилось тем, что к оппозиции стали применять уже меры карательного воздействия на основе закона. Кого-то посадили, правда, в основном за хулиганство, кого-то выслали в места, куда Макар телят не гонял. Того же Троцкого, к примеру, выслали в Алма-Ату — «поправлять здоровье». Естественно, что началась и серьезная чистка в рядах партии. Между прочим, оттуда он стал призывать к Гражданской войне и военному перевороту (имеется в виду его пресловутое письмо от 21 октября 1928 г.).

С этого момента деятельность оппозиции перестала быть только антипартийной — она резко трансформировалась не столько даже в антиправительственную, сколько в антигосударственную. Соответственно власть пошла на ужесточение мер воздействия против оппозиции. В конце концов Троцкого и его семью выслали за границу.

С 1929 г. впервые стали приговаривать оппозиционеров к различным срокам заключения, в основном по статье 58 Уголовного кодекса. Дело в том, что именно в это время оппозиция особо активно стала вмешиваться в процесс коллективизации на селе, провоцируя крестьян на различные выступления против властей. Впоследствии, уже после XX съезда КПСС, выжившие представители троцкистской оппозиции по собственной же воле открыто признали, что они и тогда, в конце 20-х гг., прекрасно понимали, что политика Сталина единственно правильная. И тем не менее специально провоцировали различные слои населения, особенно крестьянство, на выступления против властей, развязывая в ряде мест локальные гражданские войны, подготавливая даже террористические акции.

Начало 1930-х гг. ознаменовалось резким всплеском активности оппозиции. Стали возникать новые подпольные организации. Одна из наиболее известных — «Союз марксистов-ленинцев» во главе с кровавым палачом советского народа Мартемьяном Рютиным. Этот и вовсе опубликовал так называемую Рютинскую платформу, которая была расценена в руководстве страны как прямой призыв к восстанию. Главная идея этой «платформы» — все долой! Долой индустриализацию, долой коллективизацию, долой культурную революцию, долой ликвидацию безграмотности, долой подъем благосостояния советских людей, долой все, что возможно долой! На большее оппозиция была не способна. Тем более на созидание. Только на разрушение. Потому и требовали возврата к ленинским принципам, потому что именно они и позволяли только разрушать, грабить и терроризировать население. «Рютинская платформа» привела к тому, что, по данным органов госбезопасности, среди молодежи особенно усилились террористические настроения. Кстати говоря, вначале Сталин пытался, как говорится, в традиционной для себя манере мирными средствами образумить того же М. Рютина, словесно увещевать его. Ничего не помогло. После этого в ход пошли уже карательные меры. Из партии он был исключен и арестован, получил 10 лет.

На рубеже 1932—1933 гг. органами госбезопасности была вскрыта глубоко законспирированная организация во главе с ярым троцкистом, опытнейшим подпольщиком Иваном Ни-

китовичем Смирновым. Это была не очень многочисленная, но сильная подпольная троцкистская организация, располагавшая серьезными позициями в партийно-государственном аппарате, ОГПУ, среди военных, а также филиалами во многих городах Советского Союза. Организация была ориентирована на государственный переворот в условиях войны. Более того, Смирнов действовал строго по указке Троцкого, с которым восстановил конспиративную связь. Во время следствия по делу Смирнова его единомышленники в ОГПУ сделали все, чтобы не была выявлена его истинная роль в создании глубоко и надежно законспирированного широкого антисталинского блока в стране. Об этом стало известно лишь в начале 80-х гг. прошлого века, когда в Америке открыли наконец архивы Троцкого. Кстати говоря, жена Смирнова — А.Н. Сафонова — также видная оппозиционерка, отсидевшая длительный срок в заключении, впоследствии, уже после XX съезда КПСС, написала Хрущеву письмо, в котором открыто признала, что обвинения в адрес ее мужа — правда.

Особенностью активизации оппозиции в начале 1930-х гг. стала координация действий с ею же инспирированной активизацией националистического подполья в стране. То есть, подготавливая антигосударственный переворот, троцкистская оппозиция, как в свое время Ленин, сделала ставку также и на националистический сепаратизм, чтобы в очередной раз угробить едва только состоявшееся государство. Были выявлены и разгромлены контрреволюционные организации буржуазных националистов на Украине, в мусульманских регионах страны, на Кавказе, в Закавказье и Средней Азии.

Несмотря на активные усилия оппозиции и невзирая на то, что в органах госбезопасности по-прежнему сохранялось большое количество сторонников Троцкого, оппозиция все-таки не смогла предпринять что-либо конкретное. Различные ее звенья, а также целые организации были разгромлены, хотя и не до конца, и далеко не все, как показали события 1937—1938 гг. Тем не менее в целом же попытки оппозиции свергнуть Сталина в тот период времени были сорваны. При всех трудностях первой пятилетки партия и население в подавляющем большинстве шли за Сталиным.

3. Именно поэтому-то «Они» и решили использовать имевшуюся в наличии внутреннюю оппозицию опять в рамках механизма тандема войны и «революции», то есть государственного переворота в условиях войны. Потому как ни «Они», ни сама эта оппозиция никогда не порывали тесной связи друг с другом. Исторический опыт мог быть востребован только при наличии такой тесной связи. Потому как для применения тандема войны и «революции» необходимо было располагать внутренней «когортой» негодяев. Иначе «революция» не получится.

Почему и чем все это важно? Да по очень простым причинам. **Во-первых,** Раковский признал подлинную суть феномена привода Гитлера к власти. Его ведь для того и привели к кормилу власти в Германии, чтобы теперь он, но уже военной силой расправился бы с ненавистным Западу Советским Союзом. Но привели именно тогда, когда **«Они»** убедились в том, что внутренняя оппозиция никак не может справиться со Сталиным собственными силами! Вот откуда это выражение Раковского: **«"Они" в конце концов увидели, что Сталин не может быть низвергнут путем государственного переворота...»**

За этим «в конце концов» стоит еще более феноменальное признание. На Западе давным-давно прекрасно поняли, почему Троцкий, а вместе с ним и сам Запад проиграли Сталину. Череда заговоров в догитлеровский период с целью осуществления государственного переворота для свержения Сталина в качестве исходной точки, как и любое иное политическое явление, обязана была иметь и действительно имела до крайности бесивший Запад и Троцкого вывод. Вывод о давно сложившемся, непобедимом обычными, бескровными политическими средствами преобладании Сталина, одолеть которое можно было только физическим его устранением, то есть свержением и убийством. Ведь вся так называемая русская революция 1917 г. готовилась под Троцкого. Ленин был подставной и временной фигурой, которая должна была исчезнуть, как только в этом возникнет необходимость. Как, впрочем, и другие конкуренты Троцкого. И Раковский безоговорочно подтвердил это, четко указав в дальнейших показаниях на то, что смертный приговор Сталину был вынесен Троцким

и его сторонниками еще при жизни Ленина — на рубеже 1922—1923 гг. Когда он без году неделю пребывал на посту генерального секретаря партии. Это не только напрямую связано с «завещанием» Ленина[1], но и прежде всего с тем, что Троцкий одним из первых понял, что «русская революция» превращается в подлинно русскую.

Во-вторых, убедившись в полном бессилии внутренней антисталинской оппозиции, «Они» на основании своего «исторического опыта» приняли конкретное решение развязать войну против СССР, но по сценарию в тандеме с внутренним переворотом (то есть в тандеме с «революцией») — аналогичному тому, который был использован против царя! Для чего, как поведал Раковский, и привели Гитлера к власти в Германии. То есть внутренняя антисталинская оппозиция опять-таки оказалась востребована, но на роли второго плана — организация антигосударственного переворота («революции») в ситуации военного столкновения с Германией! А это означает, что то, что с давних пор вызывало неописуемое бешенство Запада и вследствие чего Троцкий неоднократно предпринимал попытки государственного переворота, есть суть свидетельства того, что Западу не давали покоя еще со времен Первой мировой войны не достигнутые им глобальные цели в отношении России.

Ведь на Западе никто и предположить не мог всего, что произошло в действительности. Например, того, что созданное только для уничтожения геополитических конкурентов «оружие массового поражения» в лице «научного коммунизма» или, проще говоря, марксизм, будет использовано, во-первых, для воссоздания практически по имперским лекалам столь ненавистной Западу России (хотя бы и в лице СССР) как могучего геополитического фактора всемирного масштаба.

На Западе, надо отдать ему должное, давно зафиксировали первые признаки грядущих перемен. Из содержания документов британского МИДа — Foreign Office

---

[1] **В действительности же попытки физического устранения Сталина предпринимались Троцким, начиная с 1919 г. О так называемом «завещании» Ленина см. книгу 3 пятитомника.**

37/ 11779 № 319 и № 560/53/38 27 Jan. and 11 Feb. 1926 — ***видно, что уже в то время официальный Лондон обратил внимание на то, что советское партийно-государственное руководство стало переходить к политике (как внешней, так и внутренней) с использованием «национальных инструментов».*** *Ничего удивительного в том не было. Чуть ли не сразу после похорон Ленина Сталин откровенно отринул курс на «мировую революцию» и открыто провозгласил курс на строительство социализма в отдельно взятой стране и в интересах всего народа. Кстати, он и до «октябрьского переворота» никогда не был сторонником «мировой революции» как таковой. Примечательно также и следующее. Если у Лондона (а, по сути-то, у всего Запада) тревогу вызвал переход советского партийно-государственного руководства к политике с использованием* ***«национальных инструментов»,*** *то ведь это однозначно свидетельствует о том, что проводившаяся* ***до этого*** *политика базировалась на использовании* ***«антинациональных инструментов».*** *Учитывая же, что по времени тревога Лондона совпадает с началом постленинского периода в истории СССР, следовательно, базировавшаяся в ленинский период на использовании* ***«антинациональных инструментов»*** *политика явно устраивала Великобританию да и весь Запад тоже. И, к слову сказать, еще об одном. Чтобы в начале 1926 г. выразить обеспокоенность по такому «поводу», а этот вывод, между прочим, у британского МИДа был аналитический, необходимо было получение подобной информации на протяжении длительного времени. МИД Великобритании не та контора, что спешит с выводами.*

Во-вторых, для интенсивного экономического развития России (СССР), что тем более не предусматривалось Западом. Исторически так сложилось, что привод Гитлера к власти объясняют, как правило, только геополитическими, политическими и идеологическими причинами. Однако в действительности колоссальнейшее, если не вообще первостепенное значение имели экономические причины. Дело в том, что до 1932 г. в мире было четыре крупных промышленных района:

Пенсильвания в США, Бирмингем в Великобритании, Рур в Германии и Донецкий (тогда находился в составе РСФСР) в Советском Союзе. В конце первой пятилетки к ним добавились Днепровский (на Украине) и Урало-Кузнецкий (в РСФСР). Сколько бы ни ругали за всякие перегибы первую пятилетку, но именно она стала причиной тектонического сдвига в расстановке глобальных экономических сил. А следовательно, обозначила и такой же по своей сути тектонический сдвиг в расстановке мировых геополитических сил. Ведь в мире стало не просто шесть промышленных районов. Просто шесть Запад как-нибудь да перенес. Ему стало невыносимо по иной причине.

До 1932 г. три четверти промышленных районов мирового значения дислоцировались на Западе. С 1932 г. ровно половина индустриальных районов мирового уровня уже находилась на территории СССР! Казалось бы, до последней нитки ограбленная страна в течение всего пяти лет, преимущественно собственными силами не только свергла абсолютное и также, казалось бы, незыблемое превосходство Запада с пьедестала мирового экономического Олимпа, но и принципиально сравнялась с ним. А ведь не являлось секретом, что в ранее неосвоенных регионах Советского Союза в ближайшем же будущем должны были появиться еще несколько крупных промышленных районов мирового уровня. Более чем одна треть самого крупного материка — Евразии — оказалась гигантской площадкой для создания, развития и успешной работы крупного индустриального производства. Ранее практически нетронутые богатства ее центральной части оказались не только доступны к разработке и использованию, но и попросту интенсивно вовлекались в активный хозяйственный оборот. Дотоле всего лишь географически, в основном посредством железнодорожного транспорта, осязавшийся потенциал геополитической силы Советского Союза стал стремительно наполняться небывалой и неведомой Западу экономической мощью, трансформация которой также и во внушительную военную мощь была делом небольшого времени да, как говорится, техники.

Те, кого Раковский называл **«Они*,** превосходно владели базисными принципами экономики. Потому прекрасно поня-

ли, что столь быстро достигнутое фантастическое количество еще более быстрыми темпами трансформируется в такое фантастическое качество, что Западу и впрямь придется выносить всех святых и сдаваться на милость созидающего социализма. И ведь ни на йоту не ошиблись. Накануне, например, Мюнхенского сговора по объему товарной продукции СССР вышел с пятого места в мире и четвертого в Европе на второе в мире и первое в Европе. В 1938 г. СССР уже производил **13,7%** мировой продукции, в то время как Германия —**11,6%,** Англия — 9,3%, Франция — 5,7%!!! Впереди были только США — **41,9%. А ведь начиналось-то все с отрицательных величин!**

Вот почему «Они» и свернули «Ими» же устроенный мировой кризис, прозванный Великой депрессией. Дальнейшее его затягивание было уже опасно для самого Запада. И одновременно Гитлера привели к власти на рубеже завершения первой — начала второй пятилетки. Потому как с конца 1932 г. **«Они»** окончательно уяснили себе, что теперь «Им» и впрямь необходимо абсолютно гарантированное уничтожение России, хотя бы и Советской, причем и как государства, и особенно как страны, как единственной в мире единой трансконтинентальной евразийской державы. Дабы начисто исключить даже тень намека, даже иллюзию какого бы то ни было возрождения России, и ее влияния в будущем на Восточную Европу, контроль над которой Запад считал ключом к грезившемуся мировому господству. О Востоке уж и не говорю. Иначе давно запланированной глобальной перегруппировки сил было бы не достичь. А этого можно было достичь только путем тотального геополитического, прежде всего территориального ограбления и уничтожения России. О повторном финансово-экономическом ограблении при одновременном нанесении на этот раз невосполнимого демографического урона не говорю — и так должно быть понятно. Это автоматически входило в планы Запада. Перед Гитлером была поставлена не допускавшая двойного толкования задача: **СССР (в том числе и лично Сталин), но особенно Россия как становой хребет советского государства, должны были быть начисто уничтожены вплоть до состояния «РУССКОЙ ПУСТЫНИ»! Прин-**

ципиальный сговор между Западом и Гитлером накануне его привода к власти в том и заключался, что он был допущен к ее кормилу лишь тогда, когда поклялся всеми коричневыми «святыми», что на блюдечке преподнесет Западу «РУССКУЮ ПУСТЫНЮ»!

В-третьих, для эффективной защиты Советского Союза, особенно в период его военной слабости, путем создания едва ли не тотальной угрозы тылу всего Запада — собственно говоря, все догитлеровские планы нападения на СССР потому и были сорваны.

По мнению Запада, все это создавало исключительно заразительный пример, который угрожал самим его основам. Бешенству Запада не было предела. Ну, ведь не для того же там выдумывали весь этот «марксизм», чтобы самим же и угодить, если и не в могилу, то по крайней мере в глубокую яму, вылезти из которой было бы крайне трудно. Такое использование предназначенного только для разрушения «оружия массового поражения » в сталинском СССР буквально до осатанения бесило Запад. Тем более что за кулисами этого процесса в СССР постепенно подготавливались предпосылки для полной девестернизации и деленинизации страны и государства. Подготавливались и необходимые предпосылки для полной демократизации внутренней жизни в интересах всего народа, проведения внешней и внутренней политики, сообразуясь лишь с национальными интересами России (СССР). И в этом смысле интересы Запада и внутренней оппозиции тоже совпадали. Дело в том, что еще в первой половине 1930-х гг. в число первоочередных целей (силового) переворота вошла также и задача предотвращения разработки и принятия, а когда это сорвалось, то и на максимальное препятствование полномасштабному вхождению в силу новой Конституции СССР 1936 года. Именно против нее крайне резко были настроены практически все представители так называемой ленинской гвардии. И прежде всего потому, что впервые после 1917 года новая Конституция предоставляла равные права всем гражданам СССР вне какой-либо зависимости от социального происхождения и положения, национальной принадлежности и вероисповедания.

Особенно пугало «ленинскую гвардию» твердое намерение Сталина провести в жизнь одно из главнейших положений новой Конституции — **реализовать положение о всеобщих, равных, прямых и тайных выборах.** Оно именно тем было страшно для них, что с помощью всеобщих, равных, прямых и тайных выборов на альтернативной основе Сталин планировал мирным и демократическим путем осуществить давно назревшую ротацию правящей элиты, поскольку «ленинская гвардия» не желала заниматься созидательным трудом и беспрерывно ставила палки в колеса. Сталин не скрывал этого намерения и, в частности, в беседе с председателем американского газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюспейперс» Р. Говардом 1 марта 1936 г. говорил, что **«всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти».** Аналогичное он планировал сделать и в партии — избрание на выборные должности в партийные органы всех уровней планировалось также на основе всеобщих, равных, прямых и тайных выборов. **Попросту говоря, в интересах всех народов СССР Сталин хотел начать подлинную демократизацию страны, провести свободные выборы на альтернативной основе и тем самым мирным путем удалить от власти сложившуюся партократию, продолжавшую жить беспочвенными иллюзиями мировой революции, отстранить от управления экономикой дилетантов, заменяя их уже выросшими при Советской власти профессионалами. Он мечтал вернуть страну к спокойной жизни Й проводить внешнюю и внутреннюю политику, сообразуясь лишь с национальными интересами России (СССР).**

Это вызвало дикое озверение партократии, основной костяк которой состоял тогда из «ленинских гвардейцев», ибо она поняла, что ее дни сочтены — сочтены самым мирным, самым демократическим путем. Именно поэтому-то и произошла тогда многоуровневая консолидация политической и военной оппозиции антисталинского характера. Первая, из-за своей чрезмерной склонности к болтологии, ничего сама не могла сделать — это были балаболки в самом прямом смысле этого слова, которые могли действовать только под руковод-

ством очень сильного вождя, а второй же была нужна более возвышенная цель, нежели просто предательство и измена. Объединение выдвинуло в повестку дня вопрос о необходимости срочного осуществления государственного переворота силами военных, у которых, к слову сказать, был свой, отличный от планов балаболок замысел.

По словам Молотова, тот же Тухачевский стал торопиться с реализацией заговора, начиная со второй половины 1936 года. Именно тогда и завершалась работа по созданию новой Конституции СССР. Это в точности совпадает и с выявленными на судебном процессе по делу правотроцкистского центра (март 1938 г.) данными. Выяснилось, что из-за резко осложнившейся к осени 1936 г. обстановки — завершалась работа над новой Конституцией, начались аресты видных деятелей антисоветского подполья, в том числе и военных, — внутренняя оппозиция стала торопиться с переворотом. Ее представители в срочном порядке довели до сведения Троцкого настоятельную просьбу о том, чтобы **«соглашение, достигнутое троцкистами с германской национал-социалистической партией по вопросу о возможности ускорения войны, облегчающей приход троцкистов к власти, должно быть форсировано во что бы то ни стало».** А помочь в этом вопросе — прежде всего конкретно в организации государственного переворота с целью захвата власти, — могли только военные.

Как видите, всего одной фразой Раковский очень даже смачно подтвердил вышесказанное, на что у нас ушло несколько страниц. Потому Запад и рискнул на привод Гитлера к власти — с помощью этого ублюдка он намеревался все-таки достигнуть этих целей.

Кстати говоря, ставки на Гитлера как на фактор войны не скрывал и Троцкий, который прекрасно знал, кто стоит за спиной фюрера. Дело в том, что, начиная с середины 1929 г., по всему свету поползли слухи о том, что Гитлера финансируют американские банкиры еврейского происхождения Уорбурги. Чуть позже эти слухи полностью подтвердились. Однако Уорбурги всегда стояли и за спиной Троцкого, который был связан с ними, в том числе и кровнородственными узами. В это же самое время с только что изгнанным из СССР и еще

пребывавшим в Турции Троцким встретился знаменитый немецкий писатель, видный представитель еврейской интеллигенции Германии Эмиль Людвиг (Эмиль Коэн). Явно обратив в свое время внимание на указанные слухи о финансировании Гитлера Уорбургами, Э. Людвиг в беседе с Троцким задал вопрос о том, когда сторонники «беса перманентной мировой революции» смогут собраться вместе. Получил весьма впечатляющий ответ: **«Когда для этого представится какой-либо новый случай, например война или новое вмешательство Европы, которая смогла почерпнуть смелость из слабости правительства».**

Э. Людвиг был очень опытным политическим публицистом и потому прекрасно понял, что означает протянувшаяся от Уорбургов связь к Гитлеру и Троцкому и что в этой связи означает такой ответ Троцкого. Для него было очевидным, что началась фактически прямая подготовка к войне против СССР. И именно в этой же ситуации и прозвучал ставший фактически приговором Троцкому окончательный вывод Э. Людвига: **«Так отвечает Троцкий на вопрос о том, возможен ли договор между Троцким и фашистами»!** Впоследствии вывод Э. Людвига процитировал и Л. Фейхтвангер. Два выдающихся, мирового уровня представителя зарубежной еврейской интеллигенции пришли совершенно к одинаковому выводу! А в сущности выходит, что за девять лет до цитируемых показаний Раковского Троцкий полностью подтвердил их.

В то же время, констатировав факт полного бессилия оппозиции в деле самостоятельного свержения Сталина путем только внутреннего государственного переворота, но в то же время обозначив факт новой ее востребованности в формально антисоветских, а в действительности-то антироссийских планах Запада, Раковский, сам того не подозревая, показал и первопричины провала оппозиции в 1936—1938 гг.

Дело в том, что согласно расчетам оппозиции, по словам Раковского, **«Гитлер вторгнется в СССР, и подобно тому, как это было в 1917 году, когда поражение, которое потерпел в те времена царь, дало нам возможность его низвергнуть, поражения, нанесенные Сталину, послужат нам для его свержения... Опять пробьет час для мировой революции».**

Обратите внимание на то, насколько точно это совпадает с тем, что говорил Троцкий еще в 1929 г. Однако состоявшая из б/у «ленинских гвардейцев» оппозиция к 1937 г. была изрядно ослабшей на голову. И потому самым естественным образом не поняла, что никакие «мировые революции» Западу более были не нужны. Ему просто надо было уничтожить СССР и Россию. И точка. Поэтому-то Запад и не нуждался в каких-либо сменщиках Сталина, тем более склонных к «мировой революции». В результате Западу стала крайне выгодной даже сама ликвидация всех этих трусливых и безмозглых «ленинских гвардейцев». Потому, что, во-первых, это делалось чужими руками — органами госбезопасности СССР. Соответственно не только вся ответственность легла бы на Сталина, но и появилась бы возможность использовать это обстоятельство для тотальной дискредитации Советского Союза. Что и имеем до сих пор. Во-вторых, по понятиям Запада, государство, где происходят широкомасштабные чистки оппозиции, представляет собой легкую добычу для агрессора, поскольку в обществе нет единства. А, следовательно, его моральный дух слаб для оказания серьезного сопротивления врагу. В какой-то, но очень незначительной мере это проявилось-таки в 1941 году.

Наконец, одновременно Раковский случайно показал и корни истоков происхождения обвинений многих оппозиционеров в сотрудничестве с рядом иностранных разведок. Дело в том, что едва только внутренняя оппозиция почувствовала востребованность самое себя в планах Запада по уничтожению России (хотя бы и Советской), она очень сильно переоценила свое значение в политическом и особенно геополитическом пасьянсах Запада. Начало чему, кстати сказать, в традиционной для него манере положил лично Троцкий. Естественно, по примеру 1917—1922 гг. оппозиция начала двойную игру: и с окоричневевшими тевтонами, и с западными демократиями тоже.

Во-первых, «многостаночничество» —распространенное явление в марксистских кругах. «Моду» на него завели еще К. Маркс и Ф. Энгельс. Являясь агентами стратегического интеллектуального влияния британской разведки и британско-

го политического масонства, они умудрялись сотрудничать и с Бисмарком, и с германским масонством, и с австрийской полицией. Например, Парижская коммуна, в сущности, была предана именно ими. Правда, как «научно подкованные» организаторы «революционного» бандитизма, они нередко преднамеренно вступали в тайные контакты с рядом конфидентов, чтобы полученную от них информацию передавать британской разведке. Так, в частности, они проделали с Бисмарком, в окружении которого у них были свои агенты — Микеле Иоганне (1828—1901) и Адольф Лотар Бухер (1820—1878). Последний, к примеру, за десять дней до заключения франкфуртского мирного договора, коим якобы должна была закончиться франко-прусская война 1870—1871 гг., передал Марксу текст проекта этого договора, с которым «классик» ознакомил своего куратора из британской разведки Д. Эркарта. Согласованию, в частности, подлежал пункт этого договора об условиях передачи Эльзас-Лотарингии Германии, на чем и должна была зиждиться перманентность мировой войны в Европе. С другой стороны, тот же К. Маркс не гнушался и таким приработком — сдавал своих же соратников австрийской полиции из расчета 40 шиллингов за голову. В их времена практически каждый второй член секретариат I Интернационала «стучал» на какую-нибудь европейскую спецслужбу, а нередко и на несколько спецслужб.

Во-вторых, как справедливо отмечают здравомыслящие современные историки и публицисты,

— **«...в этих планах** (планах оппозиции. — *А*. **М.)небыло ничего невероятного — это была всего лишь калька с истории 1917—1922 годов, включая путь большевиков к власти, Брестский мир, создание Дальневосточной республики»[1]. А этот путь, между прочим, включал многосторонние шашни Ленина, Троцкого и К° как с западными демократиями, так и с тевтонами».**

— «...В *этом* (в планах оппозиции. —А. М.) **нет ничего необычного — все очень реально, жизненно... Если некие люди могли в 1918 г. заключить мир с немцами, чтобы ценой терри-**

[1] Шубин А.В. Вожди и заговорщики. М., 2003. С. 296.

ториальных уступок остаться у власти, почему *те же самые люди* не могли повторить то же через шестнадцать лет? Это ведь были *те же самые люди]»*[1] Правильно, те же самые люди. Они-таки и устроили то же самое — многосторонние шашни как с западными демократиями, так и опять с тевтонами, на этот раз окоричневевшими.

Однако оппозиция явно не понимала, что двурушников и Запад тоже терпеть не может. Не говоря уже о том, что дважды в одну и ту же реку войти невозможно. В 1917—1922 гг. они могли служить нескольким западным «богам», потому как это было выгодно самим этим «богам». Но к середине 1930-х гг. не было даже и тени намека на это. Запад занял крайне жесткую позицию —СССР должен быть уничтожен. И никакие заигрывания внутренней оппозиции с тевтонами и одновременно с западными демократиями не могли окончиться добром. Потому-то в конце концов Запад собственноручно и завалил все заговоры оппозиции, в первую очередь, «естественно», заговор военных во главе с Тухачевским. Естественно, не из любви к Сталину, СССР или марксизму. Запад не руководствовался соображениями свержения лично Сталина. Ни СССР, ни Сталина в 1920-х — 1930-х годах Запад не считал ровней себе. И свой «исторический опыт» востребовал совершенно по иной причине, нежели просто в порядке удовлетворения собственного искуса проделать со Сталиным то, что однажды уже было проделано с царем. **Западу была нужна война. И не просто война против Советского Союза. И даже не просто Вторая мировая война. Западу было нужно абсолютно гарантированное уничтожение России, хотя бы и Советской. Западу было нужно именно такое абсолютно гарантированное уничтожение России (СССР), которое начисто исключало бы даже тень намека на иллюзию какого-либо ее (тем более его) влияния на Восточную Европу, контроль над которой Запад считал ключом к грезившемуся мировому господству. Иначе запланированной на XX век глобальной перегруппировки сил было бы не достичь.**

---

[1] Бушков А. Красный Монарх. СПб., 2004. С. 362.

А для Сталина все это было очевидно. Он-то прекрасно понимал неизменный смысл геополитических устремлений Запада в отношении мира и России, как бы она при этом ни называлась. И для него вопрос из дилеммы немедленно перерос в трилемму — из двух зол необходимо было выбирать третье! Потому как уж что-что, но недавнюю-то историю о том, как в феврале 1917 г. русские генералы и в целом российская элита подлейшим образом предали царя и Отечество, Сталин прекрасно помнил. И повторять печальную участь Николая II не собирался. Тем более что заговор оппозиции, в том числе и его силовая часть в лице заговора Тухачевского, самым серьезным образом грозил государственной независимости, суверенитету и территориальной целостности самого СССР — ведь заговорщики планировали территориальные уступки Германии и Японии в обмен на их помощь в перевороте! Не говоря уже о том, что по их милости России была уготована участь «пушечного мяса» и «дойной коровы» для достижения совершенно враждебными ей странами совершенно чуждых ей целей! Да еще и с подставлением постСССР под удар объединенных сил англосаксонского Запада! Не говоря уже о смене не только режима, но и строя. Впрочем, аналогичные же переговоры оппозиция пыталась вести и с западными демократиями, также торгуя Советским Союзом оптом и в розницу.

Однако Сталин вовсе не намеревался отдать на поругание оппозиции те феерические, вызывавшие рукоплескания всего мира успехи СССР, которые были достигнуты к тому времени. Кровавый финал затянувшегося исторического спора стал абсолютно неминуем.

Ну, так и как же, был заговор или нет?

Миф № 53. Никакого саботажа и вредительства в народном хозяйстве, особенно в конце **1920-х**—начале **1930** гг. не было. Все это выдумки Сталина и Лубянки.

Миф № 54. «Шахтинское дело» — сплошная фальсификация **ОГПУ** и Сталина.

Миф № 55. «Дело Промпартии» — сплошная фальсификация ОГПУ и Сталина.

Миф № 56. «Дело Трудовой крестьянской партии» — сплошная фальсификация ОГПУ и Сталина.

Миф № 57. «Дело "Союзного бюро меньшевиков"» — сплошная фальсификация ОГПУ и Сталина.

Самое смешное в этих мифах состоит в том, что они уже давно разоблачены самой историей, в том числе и новейшей. Тем не менее, мифы по-прежнему в ходу. Их беспрестанно эксплуатируют, особенно стараются «журналюги». «Владыка журнализм! Глупец, которому дано при помощи столбцов дурачить по утрам три тысячи глупцов!»(Альфред де Мюссе). Ну ладно бы только три тысячи и только глупцов. Это было бы и незаметно. Беда вся в том, что дурачат и обманывают миллионы, десятки миллионов честных, умных и порядочных людей, которые искренне хотят знать правду об истории своей Родины, пусть и не всегда приятную. А над ними издеваются, подсовывают грязную, безграмотную стряпню. Говорят, что это «свобода слова ». Но где, в каком документе написано, что свобода слова есть свобода обманывать, причем издевательски, с откровенным презрением к читателям, слушателям, зрителям: мол, публика все проглотит? Мы же полагаем, что российский читатель — самый умный и дотошный читатель в мире, потому что он хочет точно знать, что же было в действительности.

Позвольте в связи с этим предложить вашему вниманию выдержки из прекрасной книги Е. Прудниковой и А. Колпакиди «Двойной заговор. Тайны сталинских репрессий» (М., 2006) в сопровождении кратких комментариев автора этих строк.

«Досье: саботаж

Экономика, переходящая в политику и наоборот

У советской власти в 1920-е годы существовала одна проблема, которая сейчас объявлена несуществующей по причине

ее абсурдности. Проблема заключалась в том, что у национализированных заводов, фабрик, рудников и пр. существовали бывшие хозяева. А поводом для обвинений в абсурдности стал неудачный термин, смешное слово — «вредительство». Ходят, мол, в цехах, на шахтах какие-то люди и из чистой вредности вредят, вредят, вредят... Однако когда начинаешь знакомиться с конкретным содержанием этого термина, оказывается, что в нем много до боли знакомого и совсем не смешного.

...Сразу после революции крупные деятели русской промышленности, оказавшись в эмиграции, создали в Париже так называемый «Торгово-промышленный центр »(сокращенно «Торгпром»). В 1922 году, когда стало ясно, что власть большевиков не намерена обрушиться в ближайшие дни, в «Торгпроме» появился секретный совет. Цель его была проста и откровенна — организация борьбы с Советской властью. В его состав вошли такие акулы бизнеса, как Густав Нобель, бывший владелец нефтяных предприятий, миллионеры братья Гукасовы, С.Г. Лионозов, С.Н. Третьяков и др. Все они сумели спасти свои капиталы от революции, поэтому в средствах «Торгопром» недостатка не испытывал ».

Небольшое **дополнение.** Цель — организация борьбы с Советской властью — была обозначена не в 1922 году и не в связи с созданием секретного комитета при «Торгпроме », а непосредственно в момент создания «Торгпрома» в 1920 году. Первый глава этой организации — бывший стальной король Российской империи Н.К. Денисов — откровенно заявил: **«"Торгпром" поставил своей целью всеми средствами и способами бороться с большевиками на экономическом фронте»**. А в официальном заявлении «Торгпрома» о своем рождении говорилось еще более откровенно: **«Торгово-промышленный комитет будет продолжать упорную борьбу против советского правительства, будет неуклонно осведомлять общественное мнение культурных стран об истинном смысле событий, происходящих в России, и подготовлять будущее восстание во имя мира и свободы»**. То есть откровенно провозглашены политические задачи, решение которых планировалось осуществлять экономическими методами. Одним только фактом такого заявления «Торгпром» автоматически вошел в резко конфронтационное

противоречие с советским уголовным законодательством. Предвидеть же последствия такого противоречия не составляет никакого труда.

Одним из свидетельств деятельности секретного совета было прямое финансирование террора — одним, но не единственным. Ведь на территории Советской России оставалась колоссальная собственность...

«В те годы никто не ожидал, что Советская власть продержится долго. В числе прочих надежд была и надежда на то, что она рухнет сама собой, не выдержав экономических трудностей. И этот процесс, безусловно, надо было подстегнуть. Это во-первых. Во-вторых, со дня на день эмигранты ждали иностранной интервенции и готовились к тому, чтобы оказать ей всемерную помощь. В-третьих, после введения нэпа появились новые возможности — получить свои предприятия в концессию или в порядке денационализации, если таковая будет проводиться. Ожидая и надеясь, что реализуется какой-либо из этих трех вариантов, бывшие хозяева пристально следили из-за границы за своими предприятиями — как они эксплуатируются, старались поддерживать их в приличном состоянии, чтобы к тому времени, как они вернут себе свою собственность, в нее не надо было вкладывать значительные средства. В этом им помогали старые служащие компаний, фабрик, заводов, рудников — в обмен на денежные «пособия» из-за границы. Ну, и, конечно, приторговывали сведениями о состоянии промышленности Советской России.

...Еще в ноябре 1918 года член правления акционерного общества нефтяных предприятий в России «Нобель» Густав Нобель перед отъездом за границу собрал в Петрограде группу ответственных служащих фирмы и наказал им в его отсутствие заботиться о сохранении имущества и сырья предприятий впредь до ликвидации Советской власти и возвращения их прежним владельцам. Дал он также указание быть готовым к тому, чтобы при необходимости — например с началом интервенции, — дезорганизовать работу нефтяных предприятий в России.

В 1919 году в Финляндии появилась входящая в «Торгпром» отраслевая нобелевская организация, во главе с пол-

ковником Н.Н. Булнаковым. Организация, помимо прочего, занималась экономическим шпионажем. Она пересылала в Россию деньги для раздачи бывшим служащим «Нобеля» (200 миллионов рублей ежемесячно) и получала от них сведения о добыче нефти и о состоянии предприятий. В России организацией руководили профессор Тихвинский и бывший голландский подданный В.В. Гармсен, управляющий Петроградским районным нефтяным комитетом. Экономический шпионаж и получение нобелевских пособий выплыли на свет в середине 1921 года, в ходе ликвидации «Петроградской боевой организации» — крупного разветвленного контрреволюционного подполья, занимавшегося как пропагандой, организацией террора, так и экономическим саботажем. Глава организации В.Н. Таганцев, например, совместно с князем Шаховским занимался созданием подпольных банковских контор. Членами организации, как выяснилось, были и профессор Тихвинский, и Гармсен, который передавал Таганцеву сведения о состоянии нефтяной промышленности России. Члены «боевой » части организации были расстреляны, с профессором Тихвинским и его «коллегами » поступили мягче. 26 июля 1922 года Московский ревтрибунал приговорил девять подсудимых, проходивших по этому делу, к различным срокам лишения свободы ».

Небольшое дополнение. Обычно в связи с этим делом чаще всего «вздыхают » о трагической судьбе профессора Таганцева и поэта Николая Гумилева, выставляя их как невинных жертв большевиков. Однако рассекреченные архивы британской разведки свидетельствуют, что большевики справедливо поставили к стенке этого и иных «профессоров », потому как откровенным шпионажем они занимались, да еще и в придачу подрывной антигосударственной деятельностью. Любая власть в таком случае проявляет свирепость в защите самой себя. Более того, как установил историк Д. Зубарев, еще в 1931 году филолог-германист Б.П. Сильверсван сообщил в письме писателю-эмигранту А.В. Амфитеатрову, что **в конце июля 1921 года Гумилев принял его в подпольную организацию.** Сформирована она была по принципу «пятерок», захватывала как штатских, так и армию. После разгрома организации Сильверсван уцелел, ушел

за границу. И вот теперь писал Амфитеатрову, который изначально не верил в существование заговора: «Я никогда не писал об этом деле потому именно, что не хотел заявлять, что чекисты "со своей стороны"... действовали разумно... в этом случае... Поэтому пусть лучше останется Ваша версия — что "заговор" сочинен этой сволочью и что люди погибли без причины и без повода». Вот так и получилось, что ни в чем они не повинны — виновата только ЧК.

«...В 1923 году Московское ГПУ всерьез занялось делами Серпуховского государственного текстильного треста, который работать-то вроде бы и работал, а толку от него было мало. Серпуховский текстильный трест объединял в основном фабрики «Товарищества мануфактуры Коншина». Заправляли там бывшие высокопоставленные служащие «Товарищества». Председатель треста В.И. Чердынцев до революции был директором Богородско-Глуховской мануфактуры, зав. торгово-производственным отделом, Н.М. Калинин — членом правления «Товарищества» и т.д. При обысках чекисты нашли «черную бухгалтерию», которая неоспоримо доказывала, что часть руководителей треста были совладельцами московских частных фирм. Стоит ли продолжать? Любой читатель может нынче сам прочесть лекцию о том, как по этим каналам перекачивались средства от государственного к частным предприятиям, как продавали продукцию по заниженным ценам, а сырье покупали по завышенным, какие прибыли получали.

Но была и другая сторона этой деятельности. Бывшие владельцы «Товарищества» братья Кнооп, эмигрировав за границу, образовали в Германии совместно с другими текстильными фабрикантами так называемое Висбаденское соглашение и открыли в Берлине контору, во главе которой поставили бывшего директора-распорядителя «Товарищества» А. А. Ценкера. Члены «соглашения» живо интересовались положением на своих бывших предприятиях. Они сумели установить связь со старыми специалистами, которые снабжали их необходимой информацией и выполняли их указания (какой информацией и какие указания — это мы рассмотрим, когда перейдем к «шахтинскому делу»). За свои услуги работники треста по-

лучали от бывших хозяев деньги, хоть и небольшие, зато в твердой валюте. В марте 1923 года пятеро работников Серпуховского треста получили 42 фунта стерлингов. Через несколько недель на те же цели было направлено еще 30 фунтов. Дело треста рассматривалось в Московском ревтрибунале. Чердынцев и Калинин были приговорены к расстрелу (первого потом помиловали), ряд работников треста получили по 10 лет — и кто скажет, что они безвинно пострадали?

...До революции Платинопромышленная компания владела приисками на Урале. В 1922—1923 годах французские капиталисты, члены правления компании, учредили фирму «Эндюстриель де платин» и стали добиваться передачи им прежних рудников в концессию. Однако представитель компании, профессор Дюпарк, в докладе, представленном Советскому правительству, несколько перестарался. Его доклад содержал массу сведений о состоянии в советской платиновой промышленности. Легальным путем они не могли быть получены. Тогда кто информировал французов?»

Небольшое дополнение. Вопрос этот имел и имеет чрезвычайное значение, так как относится к сфере особых секретов любого государства и связан со стабильностью его денежно-финансовой системы. Между тем в то время цена платины в мире составляла в среднем 118 долларов США (долларов 1923 г.!) за тройскую унцию (то есть за 31,103477 г), в то время как цена золота — всего 20,86 долларов США за ту же тройскую унцию! Приведенные цифры позволяют понять, на получение какого приза нацелилась французская компания.

«ГПУ достаточно быстро раскрыло информатора. Это был заведующий геологоразведочной частью треста «Уралплатина» профессор Модест Клер. Швейцарский подданный Клер предложил французской компании свои услуги. Французы их с благодарностью приняли. Связь поддерживалась через полковника Жильбера Сютель-Делонга, бывшего зав. коммерческой частью приисков, в то время работавшего директором французской миссии Красного Креста по оказанию помощи голодающим. *{Для сведения. Все миссии указанного типа запинались в Советской России шпионской деятельностью.*

Причем значительная часть их шпионажа составлял именно экономический шпионаж. Наибольшую активность проявляли, конечно же, американцы. В их пресловутой АРА шпион сидел на шпионе и шпионом погонял. — А.М.] Доказательства были бесспорны: ГПУ удалось получить переписку Сютель-Дюлонга с хозяевами, где прямым текстом говорилось о роли Клера. За свои услуги профессор получил от компании 200 франков. Естественно, в концессии французам отказали, а Модест Клер был арестован и осужден на 10 лет лишения свободы.

... В 1919 году правление Южно-Русского металлургического общества эвакуировалось в Польшу. Своим уполномоченным бывшие владельцы оставили инженера Жарновского, который должен был сохранить завод до возвращения хозяев. Жарновский собрал особо доверенных служащих, довел до их сведения свое назначение и предложил выполнять указания не новой власти, а бывших хозяев. Естественно, не «за так», а за жалованье. С 1920 года правление наладило связь с Жарновским и его помощниками. Они стали получать обещанное жалованье, которое в 1921 году было увеличено (так, Жарновский имел 1000 франков, а его помощники — от 500 до 800 франков в месяц). Перед ними была поставлена задача — «содействовать правлению по получению завода в концессию», то есть работать не по государственной программе, а по указаниям бывших хозяев. Так, на заводе производились крупные ремонтные работы, деньги на которые брались из фонда заработной платы; ремонт не соответствовал производственной программе завода; скрывались от учета имевшиеся в наличии материалы. Кстати, что интересно, назначенное жалованье не выплачивалось полностью. Хозяева обещали произвести со своими помощниками полный расчет в течение года с момента передачи завода в концессию.

3 июня 1925 года в Екатеринославле выездная сессия Верховного суда УССР начала рассмотрение дела металлургического завода «Югосталь». Перед судом предстало 19 человек — инженеров, техников и бухгалтеров завода (Жарновский к тому времени эмигрировал в Польшу). Руководитель группы, заведующий прокатным отделением А.В. Шихов, глав-

ный бухгалтер завода Н. Простаков и заведующий технической бухгалтерией Д.Ф. Храповицкий были приговорены к расстрелу, однако приговор им заменили 5—6 годами лишения свободы. Пятеро подсудимых получили меньшие сроки лишения свободы, восемь были оправданы.

... Но самым громким делом о «вредительстве » было так называемое «Шахтинское дело», которое сегодня объявлено, естественно, насквозь сфальсифицированным, причем совершенно голословно. Ни в одной из многочисленных публикаций на эту тему не приводится практически никаких фактов — что это было за дело, каковы обстоятельства, в чем обвиняли арестованных. Одни эмоции, и неудивительно, что это так. Потому что как только узнаешь, что там на самом деле происходило, то с самых первых страниц попадаешь на до боли знакомые сюжеты...

... Весной 1928 года в советской печати появились сообщения о разоблачении «крупной вредительской организации » в Шахтинском районе Донбасса. Как говорилось в официальном сообщении прокурора Верховного суда СССР, «раскрыта контрреволюционная организация, поставившая себе целью дезорганизацию и разрушение каменноугольной промышленности района». На скамье подсудимых оказались 53 человека, в основном из числа местных специалистов. Государственное обвинение поддерживал прокурор Н.В. Крыленко. Обвинение состоит как бы из двух блоков: производственного и политического. Крыленко выделяет три формы собственно вредительства — неправильную постановку эксплуатации шахт, порчу машин и оборудования, неправильный выбор места для новых разработок. Кроме того, «шахтинцам » вменялось в вину создание подпольной организации, поддерживавшей связь с «московскими вредителями» и с зарубежными антисоветскими центрами. На первый взгляд обвинения *кажутся* полной чушью по причинам отсутствия мотивации. Зачем им все это было надо — неправильно эксплуатировать, портить машины? Все несколько проясняется, когда узнаешь, что началась эта история не в 1928 году, а значительно раньше ».

Небольшое дополнение. В те времена уголь для экономики значил если не абсолютно все, то по меньшей мере практи-

чески все. Потому что без угля не могла развиваться основа основ экономики и особенно промышленности — металлургическая промышленность, не могли функционировать ни железнодорожный, основополагающий вто время вид транспорта в стране — паровозы-то «бегали» на угле, ни речной флот — пароходы-то тоже работали на угле, не могла функционировать химическая, фармацевтическая и другие отрасли промышленности и экономики. Короче говоря, уголь в то время был «всему голова». Не зря его называли «хлебом промышленности». А Донбасс в те годы по-прежнему являлся главным центром добычи угля в стране.

«...Все началось в незабвенном 1919-м, когда члены правления Днепровского южно-русского металлургического общества бежали в Польшу. Перед отъездом они поручили доверенным служащим сохранить предприятия и постоянно информировать их о положении дел. Из-за границы прежние хозяева связались со своими агентами. Связь велась через бывшего совладельца рудников Ружицкого, назначенного экономическим советником польского консульства в Харькове[1] (он же, кстати, осуществлял связь и с группой на Днепровском металлургическом заводе). В течение 1921—1923 годов главный инженер Кадиевского рудоуправления в Донбассе Гуляков передавал через Ружицкого сведения о состоянии шахт и получал указаниях бывших хозяев. Указания были следующими: создавать видимость работы шахт, но при этом всячески препятствовать разработкам, не вывозить угольные запасы, сохранять ценные участки, имея в виду скорое возвращение хозяев. Их выдала жена Гулякова, которая 15 декабря 1923 года сообщила в ГПУ о том, что ее муж занимается экономическим шпионажем. Дело расследовал экономический отдел ГПУ УССР. Верховный суд УССР приговорил шестерых изобличенных «вредителей» к различным срокам лишения свободы — от двух до десяти лет.

Тогда-то органы ГПУ и взяли под пристальное наблюдение все шахты. Выяснилось, что подобные отношения с прежними хозяевами широко распространены среди старых спе-

[1] Тогда столица Украины.

циалистов. И только проведя колоссальную подготовительную работу, ГПУ арестовало группу специалистов угольной промышленности, открыв дело, которое потом и было названо «шахтинским».И снова все нити ведут в 1919 год. Как показал на следствии инженер Н.Н. Березовский, «в случае занятия рудников красными войсками мы должны работать в пользу старых хозяев по сохранению рудников и оборудования в целости, чтобы их не обесценивать, чтобы при переходе рудников обратно к белым они не были взорваны или повреждены красными войсками».

В 1923 году в Париже образовалось «Объединение бывших горнопромышленников Юга России», в Польше — «Польское объединение бывших директоров и владельцев горнопромышленных предприятий в Донбассе ». Их задача была добиться возвращения принадлежавших им предприятий — в концессию ли или иным путем. Многие из них имели связь со старыми служащими в России. Теперь уже интересы бывших владельцев и интересы державы не совпадали. Согласно материалам процесса, в 1923 году образовался «Харьковский центр», состоявший в основном из инженеров объединения «Донуголь». Один из руководителей «центра », Ю.Н. Матов, так формулирует его основные задачи: «Информация бывших владельцев о происходившем в Донбассе, добыче, состоянии работ и перспективах планов развития рудников и шахт. Проведение вредительской работы при производстве добычи, замедление темпов нового строительства. Вредительство при импортной механизации и рационализации. Общая установка в задачах и деталях организации сводилась к общей дезорганизации каменноугольной промышленности ».

Работник «Донугля» С Б. Братановский конкретизировал эти задачи, на первый взгляд кажущиеся бессмысленным саботажем:

«1) сохранение в неприкосновенном виде наиболее ценных недр и машин для эксплуатации в дальнейшем прежними владельцами или концессиями; 2) доведение рудничного хозяйства до такого состояния, при котором Советское правительство было бы вынуждено сдать рудники в концессию ино-

странцам или вообще капитулировать перед иностранным капиталом; 3) в случае войны помогать врагам СССР расстройством тыла, прекращая добычу или разрушая или затопляя рудники Донбасса; 4) пропаганда против Советской власти».

Еще более конкретен инженер А.И. Казаринов:

«В задачи организации входило, как основная цель ее, — возвращение каменноугольных рудников и горных предприятий прежним их владельцам на тех или иных основаниях, будь то концессия или другое... В осуществление этой задачи прилагались усилия к тому, чтобы на рудниках накапливалось большое количество механического оборудования, но так, чтобы оно до определенного момента не могло использоваться; в первую очередь восстанавливались и переоборудовались такие шахты, восстановление которых стоило дорого, вместо того, чтобы на новом месте проходить более дешевые шахты; в то же время разработка новых выгодных участков тормозилась искусственно путем задержки разведок и закладки новых шахт на малоценных участках. В результате всех этих мероприятий должны были выявиться невыгодность и нерентабельность эксплуатации для "Донугля" и, как естественный выход отсюда, денационализация и сдача шахт в аренду, в концессию».

Небольшое дополнение. Не следует полагать, что это вынужденные признания подследственных, что ГПУ-ОГПУ силой давило на них. Вот содержание перехваченного советской разведкой частного письма одного из руководителей очень сильной контрреволюционной организации «Трудовой крестьянской партии России», впоследствии расстрелянного экономиста-аграрника, профессора А.В. Чаянова. Еще в 1923 году, находясь за рубежом в командировке, он писал одной из руководительниц масонским подпольем России — знаменитой Елене Дмитриевне Кусковой —следующее: «Если мы еще мечтаем спасти Россию, то должны вмешаться. А ведь как вмешаться и чем вмешаться, эту задачу разрешить трудно. В маленьком масштабе еще, пожалуй, можно разрешить. Под сим я подразумеваю публицистическую работу. Надо твердо и определенно разделять Россию и СССР. Надо измерять живые процессы в народном хозяйстве, содействие этим про-

цессам интеллигенции, работающей с Советской властью... Нужна объективность, при которой препятствие Советской власти росту народного хозяйства выявится ярче, что мы и будем делать, доколе будем иметь возможность... Но все это маленький масштаб. Он не удовлетворяет и не приближает конца. Но как делать в большом масштабе, сказать не умею. Вот что еще предо мною неясно мелькает. Поистине, я буду писать про интервенцию, но не военную, а экономическую. Мне представляется неизбежным в будущем проникновение в Россию иностранного капитала. Сами мы не выползем. Эта интервенция усилилась, так как при денежном хозяйстве в России давление Запада будет всегда более реальным. Вот если будет на Западе котироваться червонец, то любой солидный банк может пригрозить и напугать. Это куда страшнее Врангеля и всяких военных походов! Так нельзя ли нам также использовать эти экономические возможности, открывающиеся перед Западом? Нельзя ли к экономическим концессиям Запада присоединить наши политические концессии?.. К концессиям Западу для их получений выгодно получить политические гарантии, которые могут заключаться в том, что один за другим в состав Советской власти могут входить не советские люди, но работающие с Советами. Как все это практически осуществить? Надо договориться самим, то есть всем тем, кто понимает, что делать в России, кто способен принять новую Россию. Надо частное воздействие на западноевропейских политических деятелей, необходим с ними сговор...»[1]. По прочтении этого письма у вас не возникло никаких ассоциаций с современностью? Вот то-то и оно...

«По данным следствия, организацию финансировали Объединение бывших углепромышленников Юга России, французское объединение бывших владельцев предприятий в России, аналогичное польское объединение и ряд германских фирм(АЕГ, «Эйкгоф», «Кестер», «Симменс-Шуккерт»идр.), а также иностранные разведки. Тесное взаимодействие иностранных фирм с разведками своих государств в то время было обыкновенным делом (это «дело» во все времена обыкновен-

[1] РГАСПИ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 548. Л. 25-32.

ное, более того, это незыблемая традиция. — А. М.). Некоторые крупные германские концерны даже создавали у себя так называемые русские отделы, которые, помимо промышленной, вовсю занимались и разведывательной деятельностью. В частности, «русский отдел» фирмы АЕГ [(Всеобщая компания электричества) — это вообще особая черта германских концернов, еще с дореволюционных времен, о чем русская контрразведка хорошо знала, чему свидетельство ее обширный и глубоко аналитический доклад на эту тему, сохранившийся в архивах. — *А.* М.]. Представители этих организаций нередко были не только инженерами, не только организаторами промышленного шпионажа, но и связными между иностранными разведками и их русскими агентами. Камня в них за это не бросим — люди выполняли свой патриотический долг. В отличие от их русских контрагентов.

Во втором блоке обвинений, в частности, говорится, что в 1926 году «шахтинцы» создали группу в Москве. В нее вошли председатель научно-технического совета каменноугольной промышленности (бывший акционер и директор Ирининского каменноугольного общества) Л.Г. Рабинович и другие работники наркомата, плановых органов и т.д. Это уже был выход на всесоюзный масштаб».

Небольшое дополнение. Обращает на себя внимание одно обстоятельство. Дело в том, что весной 1926 года в Германию «на лечение» выезжал возглавлявший тогда Главконцеском и Научно-технический Совет при ВСНХ Л.Д. Троцкий. Во время своего пребывания за границей «бес мировой революции» встречался с наиболее одиозными, яро антисоветски настроенными представителями мирового бизнеса и политики, в частности с Генри Детердингом, который фактически возглавлял возникший тогда англо-германский блок против СССР. Именно Троцкий дал подробные разъяснения представителям западного бизнеса и иностранных разведок, как необходимо вести дела с Советским Союзом, чтобы довести дело до взрыва. Именно он разъяснил им наиболее уязвимые места советской экономики и объяснил, как нужно прицельно бить по ним, чтобы вызвать внутренний взрыв на фоне вооруженного нападения на СССР. Но одновременно он привез и соот-

ветствующие инструкции от своих хозяев за рубежом по координации подрывной деятельности оппозиции в связи с нарастанием угрозы вооруженного нападения на СССР и в условиях войны. И вовсе неудивительно, что «шахтинцы» именно в 1926 году создали группу в Москве. Тем более неудивительно, что через своих людей Троцкий посодействовал тому, чтобы Дзержинский именно в 1926 году отправился к праотцам.

«... К тому времени положение в стране изменилось. Расчеты на денационализацию, концессии, аренду проваливались. Оставался один шанс — государственный переворот и, может быть, военная интервенция. Тем более что положение СССР на международной арене (к концу 1920-х гг.) резко ухудшилось. Одновременно начались и трудности с хлебом. Как бы повели себя вы на месте «торгпромовцев» — когда вот-вот начнется интервенция против ненавистного режима? А деньги у них были, и очень большие...

Согласно материалам дела, в 1926—1927 годах группа перешла к подрывной деятельности. Участились случаи взрывов и затоплений шахт, порчи дорогостоящего оборудования или закупки негодных машин, занижения зарплаты рабочим, нарушений КЗоТа и правил техники безопасности и пр. — чтобы подорвать каменноугольную промышленность и вызвать недовольство Советской властью. Притом что наверняка, воспользовавшись случаем, с больной совнаркомовской головы на кстати подвернувшихся козлов отпущения перевалили как можно больше последствий экономических трудностей, разгильдяйства, бесхозяйственности, сами обвинения ни в коей мере не кажутся невозможными».

Небольшое дополнение. Не отрицая ни экономических трудностей, ни разгильдяйства, ни бесхозяйственности — увы, по этой части Россия уже не один век держит печальное «первое место» во всем мире — хотелось бы отметить следующее. Насчет «больной совнаркомовской головы» — это, конечно, очень лихо. Потому как винить за это надо почившего в полном безумии «гениального вождя» В.И. Ленина. Именно его политика НЭПа довела страну до кризиса. А то, что она всенепременно доведет страну до небывалого кризи-

са — между прочим страну на 99% аграрную, — на Западе сообразили еще тогда, когда НЭП только вводился. В перехваченном советской разведкой частном письме от 28 мая 1923 г. бывший посол Временного правительства в США Б.А. Бахметьев со ссылкой на руководителя АРА (Американская администрация помощи голодающим) Г. Гувера (в скором будущем президент США) писал своему конфиденту — одной из руководительниц масонского подполья в России Е.Д. Кусковой: «Он недавно весьма убедительно рассказал мне, как, по его мнению, образование излишков у крестьян приведет их к столкновению с действующей системой большевистского управления. Агенты АРА правильно осведомили Гувера о давлении этих излишков на местные цены и о естественно выросшем у крестьян сознании необходимости вывезти этот хлеб, чтобы продать по наивысшей цене. По мере расширения этого явления, т.е. образования хлебных излишков, у земледельца естественно будет вырастать желание реализовать эти излишки по максимальной цене, а максимальные цены — это значит условия свободной мировой торговли. Я думаю, что Гувер прав и что противодействующая этого естественного и непреодолимого инстинкта — получить за свой хлеб максимум его стоимости, явится одним из самых сильных и непобедимых врагов большевистской власти». В последующих письмах 1923—1926 гг. Бахметьев на основании других бесед с американскими политиками и бизнесменами и собственного анализа конкретизировал прогноз событий в СССР. **Он, в частности, открыто указывал на фатальную неотвратимость столкновений «производственных инстинктов» крестьян-собственников с «лишенной гибкости», слабой национализированной промышленностью и торговлей. Отмечал неизбежность «новых производственных забастовок, вызванных обстановкой на "обменном конце", повторение обстоятельств, приведших к первой капитуляции 21 года»** (то есть когда произошел Кронштадтский мятеж, по итогам которого и имея в виду обстановку в стране в целом Ленин и начал вводить НЭП. — *А.* М.). **Единственный выход, который под влиянием своих американских друзей видел Бахметьев, состоял в денационализации промышлен-**

ности и торговли в сопровождении коренных перемен политического характера. Абсолютно аналогичные цели и ориентацию имели многократно упомянутые выше бывшие владельцы предприятий и внутренняя антисталинская оппозиция, работавшая в основном на Троцкого. А к тому моменту, когда официально было сообщено о «Шахтинском деле», Бахметьев, по-прежнему опираясь на мнение своих американских и иных забугорных друзей, описывал царившие в правящих кругах Запада настроения следующим образом: «Как здесь судят, возможности, в свое время открытые законодательством нэпа, фактически использованы... Россия подошла к стене. Она задыхается в теснинах командных высот, и кризис, серьезный внутренний кризис неотвратим». Надежды на то, что поднимавшаяся в очередной раз мощная волна мелкотоварной стихии смоет командные высоты пролетариата не только в экономике, но и в политике, достигли тогда в капиталистическом мире своей кульминации. Вот почему в 1927 году оппозиция и разворачивалась, по свидетельству А. Барбюса, методично, агрессивно и по единому боевому плану.

[*Для сведения. Именно по этой схеме Горбачев и разрушал Советский Союз на последнем этапе своей предательской деятельности. Был разрешен неонэп в виде кооперативов, незамедлительно приведший к резкому обострению внутренней обстановки и мощному внутреннему, прежде всего экономическому кризису, автоматически переросшему во внутренний политический взрыв, — и СССР не стало. У Советского Союза не оказалось ни Сталина, ни даже тени намека хоть на какие-то мозги в руководстве — одни ненасытные, алчные, мерзкие типы, которые действовали по указке Запада и в угоду Западу.*]

«Дело это слишком большое и конкретное, чтобы быть «липовым». По нему проходят 53 обвиняемых и огромное количество свидетелей. Только по Шахтинскому рудоуправлению было проведено около 1000 очных ставок и допросов — можно ли полностью сфальсифицировать такой огромный труд?

В 1928 году состоялся судебный процесс. Из 53 подсудимых 20 полностью признали себя виновными, 10 — частично,

23 человека виновными себя не признали. Четверо были оправданы, одиннадцать человек приговорены к расстрелу (шестерым из них Президиум ЦИК СССР заменил расстрел десятью годами лишения свободы), остальные получили различные сроки наказания. 9 июля 1928 г. инженеры Н.Н. Горлецкий, Н.К. Кржижановский, AJL Юсевич, Н.А. Бояринов и служащий С.З. Будный были расстреляны.

Кстати, штрих к портрету Н.И. Бухарина, кумира современных «реабилитаторов». Спустя несколько месяцев после дела Бухарин, рассказывая Каменеву о разногласиях «тройки » со Сталиным, утверждал, что в некоторых вопросах Сталин «ведет правую политику». Оказывается, генсек предложил не расстреливать подсудимых по «Шахтинскому делу », и тогда «мы голоснули против этого предложения» и добились расстрела».

Небольшое дополнение. Как видите, Сталин не был кровожадным, как его пытаются выставить. «Любимец» не столько всей партии, сколько почившего в полном безумии кровожадного палача России Ленина Николай Иванович Бухарин буквально хвастал своим подвигом, что «голоснули » за расстрел. Ну, не мерзавец ли?! Зато как визжал, когда самого на суд вытащили...

Что же до его оценки того, что-де Сталин «ведет правую политику », то тут он прав — правую политику вел Сталин, от слова «право ». Потому что когда соратники в экстазе административного рвения решили воздействовать на общественное мнение до суда и тем самым оказать давление на суд, Сталин крепко дал им по мозгам. Вот текст его телеграммы (из архива РГАСПИ): «24 марта 1928 г. Артемово —Ярославскому. Копия: Сталино — Молотову, Шахты — Томскому, Харьков — Кагановичу. Получил через ЮСТа Вашу речь в Артемовске. Мы решили не печатать ее, т.к. она будет расценена как определенное давление на судебные органы, что может испортить дело судебного процесса. Прошу Вас воздержаться от больших выступлений и публикации речей. Сталин».

«...С 25 ноября по 7 декабря 1930 года Верховный суд СССР рассматривал процесс так называемого Инженерного центра, или «Промпартии». На скамье подсудимых 8 чело-

век. Профессор МВТУ, директор Теплотехнического института Л.К. Рамзин, заместитель председателя сектора Госплана, профессор И.А. Иконников, заместитель председателя производственного сектора Госплана (здесь неточность, правильно — топливного сектора. — А. М.) В.А. Ларичев, председатель Научно-технического совета ВСНХ, профессор Н.Ф. Чахновский и еще четверо специалистов достаточно высокого уровня. Подсудимые по делу «Промпартии» обвинялись в том, что создали разветвленную сеть ячеек в наркоматах и местных органах многих городов, установили связь с правительствами империалистических стран и военными и финансовыми центрами белой эмиграции, вели советскую экономику к развалу, готовили с помощью интервенции свержение Советской власти и реставрацию капитализма. Большая часть нитей вела во Францию. Отношения с этой страной тогда были сложными, разведка доносила о подготовке интервенции. Кроме того, во Франции был «Торгпром». По данным следствия, работа делилась на два направления. Во-первых, подрывные действия, с тем чтобы ослабить экономику страны, а если удастся, то вызвать экономический кризис».

Небольшое дополнение. Поздней осенью 1928 г. Л.К. Рамзин и В.А. Ларичев находились в служебной командировке в Париже, где выступили перед руководителями «Торгпрома». С большим докладом к присутствующим обратился Л.К. Рамзин. Он сообщил своим слушателям, что их организация насчитывает свыше двух тысяч человек, что они проникли во все области советской промышленности и активно проводят на практике тщательно, научно разработанный план вредительства, дабы воспрепятствовать осуществлению смелого и грандиозного пятилетнего плана в целях скорейшей индустриализации СССР. «Один из наших методов, —воодушевленно докладывал профессор, — это метод минимальной стандартизации, что тормозит экономическое развитие страны и снижает темпы индустриализации. Далее существует метод создания диспропорции между отдельными отраслями народного хозяйства, а также между отдельными участками одной и той же отрасли. И, наконец, метод "омертвления капитала", иначе говоря, вложения капитала либо в совершенно ненуж-

ное строительство, либо в такое, которое может быть отложено на долгий срок, так как в нем нет в настоящий момент нужды». Далее профессор Рамзин выразил особое удовлетворение результатом, полученным методом «омертвления капитала». «Этот метод, — подчеркнул он, — имел в виду задержать ход индустриализации. Без сомнения, он понизил общий уровень экономической жизни страны, что вызвало недовольство широких масс населения». Любопытно также, что Рамзин в своем докладе признал тот факт, что некоторые члены его организации были арестованы ОГПУ по «Шахтинскому делу».

P.S. Перечисленные Рамзиным вредительские методы используются и поныне. Например, минимальная стандартизация — ныне каждая частнокапиталистическая тварь создает свои собственные, не контролируемые государством так называемые отраслевые стандарты и технические условия, особенно при производстве пищевой продукции и алкоголя, из-за чего в массовом порядке гибнут люди. О диспропорциях в экономике наслышаны все — хотя бы в части, касающейся «нефтяной иглы». Широко применяется и метод «омертвление капитала», причем, в отличие от времен Рамзина, омертвления капитала осуществляется в самом прямом смысле — громадные золотовалютные резервы и средства стабилизационного фонда России находятся за рубежом, в основном в американских банках, являясь для нас действительно мертвым, но животворящим громадные прибыли для экономики США капиталом. Воистину пожалеешь, что нет сейчас ни Сталина, ни ОГПУ, ни НКВД, ни даже КГБ. Есть только «демократия», не к ночи будь она помянута...

«Во-вторых, подготовить серию крупных диверсий на тот случай, если интервенция все-таки состоится. И зарубежные центры, финансирующие подрывную деятельность, и сама деятельность, и ставка на интервенцию и подготовка к ней — все это дело по тем временам обычное. Что интересно: подсудимые по делу «Промпартии» полностью признали свою вину (хотя до «ежовых рукавиц» было еще очень далеко...). Пятерых приговорили к расстрелу, однако, по инициативе Сталина, высшая мера была им заменена десятью годами лишения

свободы. Бухарина, чтобы «голоснуть» и расстрелять ценных специалистов, к тому времени в Политбюро уже не было. Кстати, судьба самого Рамзина весьма примечательна. Через несколько лет он, действительно очень талантливый инженер, вернулся к работе. Репрессии 1937 года его, по уши замазанного не в вымышленной, а в самой что ни на есть конкретной антисоветчине, обошли стороной, а в 1943 году он получил самую престижную премию страны — Сталинскую премию».

Небольшое дополнение. Во время указанного выше выступления осенью 1928 г. с докладом перед руководством "Торгпрома" Рамзин от имени своей организации заявил: **«Нам нужна ваша активная помощь. Но еще нужнее вооруженная интервенция для свержения большевиков». В** ответ председатель Торгпрома Денисов заявил: «Как вам известно, мы совещались с господином Пуанкаре (президент Франции. *— А. М.),* а также с господином Брианом (министр иностранных дел Франции Аристид Бриан удостоился «чести» стать «персонажем» известной в то время скороговорки — «У Бриана торчат пушки из кармана». *— А.М.).* **Господин Пуанкаре одобрил план военного похода против СССР и во время одного из наших последних совещаний с ним сообщил, что этот вопрос передан французскому генеральному штабу для разработки. Могу сообщить, что французский генеральный штаб создал специальную комиссию с полковником Жуанвиллем во главе для организации нападения на Советский Союз».** Присутствовавший на том собрании полковник Жуанвилль тут же стал обсуждать с Рамзиным вопрос об использовании различных оппозиционных элементов в СССР, включая и троцкистскую оппозицию для активной военной поддержки интервентов.

P.S. Первоначально нападение на Советский Союз было назначено на конец лета 1929 г. или, самое позднее, на лето 1930 г. Основные силы выставлялись Польшей (совместно с прибалтийскими лимитрофами), Румынией (должна была выступить как зачинщик — спровоцировать пограничный конфликт в Бессарабии) и Финляндией. Кроме того, должны были быть задействованы армия Врангеля и казаки генерала Краснова. Их планировалось десантировать на советскую территорию в первую очередь. Французский генеральный штаб снаб-

жал военными инструкторами и по возможности обещал помощь французских воздушных сил. Германия должна была дать технических специалистов и добровольческие полки. Англичане предоставляли свой флот. План наступления был вариантом плана Гофмана. Того самого генерала Гофмана, который еще в конце 1917 г. начал переговоры с ленинской делегацией в Брест-Литовске, а потом всю оставшуюся жизнь сожалел, что не повесил эту делегацию на первом же столбе. Не без содействия советской разведки Гофмана еще в 1927 году отправили к праотцам, однако, как видите, план он успел-таки разработать. Советская разведка добыла этот план и 4 сентября 1930 года опубликовала его в германской газете «Фоссише цайтунг». Когда Рамзин был арестован, то на допросе он показал то же самое.

«...Не прошло и трех месяцев после дела «Промпартии», как в Москве начался процесс над членами «Союзного бюро меньшевиков» (1—9 марта 1931 года). Четырнадцать человек на скамье подсудимых. Среди них — член президиума Госплана В.Г. Громан, член правления Госбанка СССР В.В. Шер, известный экономист и литератор Н.Н. Суханов, экономист А.М. Гинзбург и другие, в основном имеющие отношение к финансам. Они тоже признали себя виновными и получили каждый от трех до десяти лет».

Небольшое дополнение. До сих пор считается, что это дело тоже было сфальсифицировано. Однако факты говорят об обратном. В июне 1929 года в Москве были арестованы нелегально прибывший туда из Берлина представитель «Заграничной делегации ЦК РСДРП (м)» М. А. Броунштейн-Валерианов и члены подпольной группы меньшевиков во главе с уполномоченным от этой «делегации» Т.Н. Кузнецовой. Эта группа имела связь с берлинским центром «Заграничной делегации ЦК РСДРП(м)», пересылала туда различную информацию, часть которой публиковалась в эмигрантском журнале «Социалистический вестник», получала оттуда финансовую поддержку. О том, что эта группа реально действовала в подполье против Советской власти убедительно свидетельствует один из руководителей «Заграничной делегации ЦК РСДРП(м)» известный по истории меньшевистский лидер

Ф.И. Дан. В перехваченном советской разведкой конфиденциальном письме от 9 июля 1929 г. на имя одной из руководительниц масонского подполья в СССР — Е.Д. Кусковой —Дан писал:«... **Недавно — говорю это Вам совершенно доверительно —** нас **постиг довольно сильный провал. Но это, очевидно, неизбежный спутник всякой нелегальной работы — ведь мы уже 9-й год пребываем в подполье».** Между прочим, упомянутая группа действовала среди руководящих партийно-государственных и хозяйственных работников СССР, которые сочувствовали идеям меньшевиков. От них поступала важная информация, а их самих нередко привлекали к различного рода подрывным акциям. Именно поэтому-то после провала функции представителя «Заграничной делегации ЦК РСДРП (м)» в СССР Дан возложил на В.К. Икова — служащего одного из московских издательств. Однако уже в январе 1931 года этого Икова ОГПУ прибрало, и он предстал в качестве обвиняемого по делу «Союзного бюро меньшевиков».

«К тому же времени относится и дело «Трудовой крестьянской партии», по которому привлекались видные аграрники, работавшие в Наркомфине и Наркомземе — А.В. Чаянов, Н.Д. Кондратьев, Л.Н. Юровский, Н.П. Макаров (а также Л.Н. Литошенко, Л.Б. Кафенгауз и многие другие). Кстати, название взято из утопической повести Чаянова «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии». В книге описывалась Россия будущего, где у власти находится трудовая крестьянская партия, сохраняющая общинное устройство русской деревни.

В отличие от первых двух процессов ни один из обвиняемых виновным себя не признал. Это косвенно говорит о том, что можно было и противостоять ОГПУ, а значит, признания подсудимых на процессах кое-что значили. Кондратьев, например, обвинялся в попытках направить страну по капиталистическому пути, потому что считал приоритетным не промышленность, а сельское хозяйство, основным в котором он видел индивидуальное крупное хозяйство. А вот образовывали ли они эту самую «Трудовую крестьянскую партию»? То есть ТКП-то существовала, в чем самая пикантность ситуации и состоит. По эмигрантским источникам, это была вполне

реальная организация с центром в Праге и достаточно разветвленной структурой внутри Союза. Около 1930—1931 годов большая часть ее деятелей внутри СССР были арестованы, после чего организация захирела...»

Небольшое дополнение. Цитируемые коллеги не совсем правы. Да, в указанные годы часть деятелей «Трудовой крестьянской партии» действительно была арестована. Но далеко не самая большая. Да и не захирела эта организация. Напротив, это была одна из самых мощных, прекрасно информированных, обладавших очень разветвленным агентурным аппаратом в различных кругах СССР подрывных организаций. Она располагала блестяще информированной агентурой в высшем эшелоне власти в СССР, вплоть до ЦК ВКП(б) и даже в окружении членов Политбюро. Известный современный историк В. Шамбаров в своей книге «Государство революции» (М., 2001) указывал: «У зарубежных антикоммунистических организаций существовала какая-то своя агентура в СССР, и, судя по некоторым данным, агентура неслабая. Например, 23—29.6.37 г. в Кремле прошел Пленум ЦК ВКП(б), и поскольку на нем решались вопросы репрессий против большой группы видных партийцев, то даже в архивах ЦК документы о нем оказались представлены в урезанном виде, а единственный экземпляр несокращенной стенограммы был потом найден в "особой папке" Сталина. Но в пражских архивах "Крестьянской России" (эта та самая "Трудовая крестьянская партия", существование которой после убийства Сталина начисто отрицают до сих пор. — *А.М.)* обнаружились полные данные о пленуме, где были перечислены и выступающие, и содержание выступлений. И даже кулуарные разговоры советских вождей, происходившие во время сверхзакрытого пленума! Аналогичные материалы имелись и в ЮВС (возможно, через "Крестьянскую Россию", которая в данный период с ними сотрудничала). В белогвардейские круги поступала исчерпывающая информация о терроре против коммунистических руководителей — фамилии репрессированных, даты арестов, в чем обвиняются, расклады внутренних взаимоотношений в советской верхушке. В архиве В.Л. Бурцева оказался отражен и ход следствия над некоторыми высокопоставленными боль-

шевиками, вплоть до того, кто ведет дело, кто на кого дал показания, ссылка на номера документов. То есть белая разведка имела одного или нескольких агентов в самой верхушке советского руководства. Но кто это был, так и осталось тайной».

Уважаемый коллега Шамбаров ошибается — не осталось это тайной. Вычислили их. Например, ближайшими друзьями того же Кондратьева были в будущем партийный и хозяйственный работник, ярый оппозиционер Г.Л. Пятаков, известный советский дипломат Л.М. Карахан (Караханян) и многие другие. Пятаков и Карахан были расстреляны в 1937 году. Чуть дольше продержался известный ученый Н.И. Вавилов — его замели только в 1940 году и тоже по делу «Трудовой крестьянской партии».

Особенностью главарей «Трудовой крестьянской партии» являлась их уникальная близость с дореволюционными масонскими кругами и масонским подпольем, оставшимся в СССР. Как-то автору этой книги довелось прочитать краткую биографию того же Кондратьева. И более всего в ней поразило то, что каждый второй из числа его знакомых и друзей — масон, а то и очень влиятельный масон, в том числе и с дореволюционных времен. И связь они поддерживали масонским образом. И зарубежные конфиденты для переписки у них были тоже масоны. Выше уже приводилась цитата из письма того же Чаянова Елене Дмитриевне Кусковой. Но Кускова и ее муж Прокопович — это еще те фигуры в масонских кругах как дореволюционной России, так и в Советской России. Многие из этих не разоблаченных во время масонов оказались на очень высоких постах в СССР. Естественно, что они могли спокойно информировать своих соратников по подрывной подпольной и шпионской деятельности обо всем, что становилось им известным. Оттого-то и информированность пражской штаб-квартиры «Трудовой крестьянской партии» была столь высока.

На допросах в ОГПУ ни Кондратьев, ни Чаянов своих подельников не сдали. Кого ОГПУ «замело» собственными силами — того и «замело». Однако работа по этому направлению продолжалась. И когда в 1940 году были присоединены

прибалтийские государства, а архивы их спецслужб попали в НКВД, то тогда же «замели» и Вавилова.

Не менее поразителен и тот факт, что на реабилитацию «Трудовой крестьянской партии» и ее осужденных советским судом членов не рискнул даже такой враг России и СССР, как Хрущев. Реабилитация состоялась только 16 июля 1987 г., то есть во время Горбачева. В указанный день из Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла постановление, что-де «Трудовая крестьянская партия» на территории Советского Союза никогда не существовала, объявленные ее членами лица "вредительской деятельностью" не занимались и были осуждены без всяких к тому оснований». Вот так Горбачев по просьбе Запада реабилитировал масонско-разведывательную агентуру Запада в Советском Союзе. Впрочем, а что еще можно было ожидать от этого ярого врага Величайшей Державы мира?!

«Пик «вредительских» дел пришелся на 1928—1931 годы. Только в 1931 году на Особом совещании ОГПУ и его коллегии были рассмотрены дела 2490 человек. В их числе 85 профессоров, 1152 инженерно-технических работника, 249 экономистов, 310 агрономов, 22 ветврача и пр. 666 человек. Обвинения были самые разнообразные...»

Небольшое дополнение. Все это преподносится как зверские репрессии в отношении специалистов на основе сфальсифицированных ОГПУ дел. Насчет фальсификаций, надеюсь, уже стало понятно, что это не так. Грешны были обвиняемые, ох как грешны. Что же до зверств ОГПУ в отношении специалистов, то и это полный бред. Дело в том, что после Гражданской войны в стране было учтено 38 **400** специалистов промышленности и транспорта и 18 **200** специалистов сельского хозяйства. Указанные цифры свидетельствуют о том, что обоснованным репрессиям подверглись всего 4% от их общей численности[1]. И что, это зверство ОГПУ?!

«Многие «экономические» дела очень тесно увязаны со шпионажем, как промышленным, так и традиционным. В этом

[1] **Советская интеллигенция: история формирования и роста: 1917—1965. М., 1968. С. 119.**

отношении европейские спецслужбы ничем не отличались от наших, нашпиговывая агентами любую допущенную к работе в СССР контору. 11 марта 1933 года ОГПУ арестовало большую группу британских и советских инженеров фирмы «Метрополитен-Виккерс». Двое англичан —МонкхаусиТорнтон — сразу же «раскололись». Первый рассказал все, что знал, «заложив» также одного из директоров компании, Ричардса, который не стал дожидаться ареста и быстренько пересек границу в обратном направлении. Что любопытно, оба — и Монкхаус, и Ричарде — еще в 1918 году были офицерами разведки британского экспедиционного корпуса в Архангельске. Торнтон, хотя и отказался на суде от своих показаний, тем не менее незадолго до этого тоже всех «сдал». Вот отрывки из его показаний на следствии: «Все наши операции по шпионажу на территории СССР велись под руководством Интеллидженс Сервис, через ее агента С.С. Ричардса, который являлся управляющим директором "Метрополитен-Виккерс электрикал экспорт Компани Лимитед"... Согласно инструкциям Ричардса, новые члены были включены в состав разведсети, всего 27 шпионов: Монкхаус, Кокс, Торнтон, Тизл, Шаттерс, Бурк, Риддл, Макдоналд, А. Аннис, Г.Аннис, Шипли, Поллит, Уотерс, Нордуолл и Кларк занимались военным и политическим Шпионажем, тогда как Джул, Джолли, Корнелл, Маккараккен, Кашни, Грегори, А. Смит, Фэллоуз, Ноуелл, Чарнок, Уотмаф — занимались шпионажем политэкономическим».

Однако наказания тогда были очень мягкими! Пятеро завербованных советских инженеров получили от 5 до 10 лет. Двое сознавшихся англичан — два и три года, остальных просто выставили за пределы СССР.

Рассказывая о деле «Виккерса » в своем двухтомном труде «Всемирная история шпионажа», два милых француза, Роже Фалиго и Реми Коффер, пишут: «Процесс "Виккерса" останется в истории как первый большой шпионский процесс, инсценированный в стране строящегося коммунизма». А затем добросовестно информируют озадаченного их логикой читателя, что «Виккерс» был постоянным прикрытием для английской разведки, что раскрытая ГПУ организация была

частью операции, проводимой в СССР Стюартом Мензисом, будущим шефом разведки, что с 1918 по 1943 год в СССР не было сети британской разведки (признаться, верится с трудом) и поэтому разведке приходилось работать под экономическим прикрытием. Кстати, директор «Виккерса», Теренс Максвелл, имел чин полковника, военные чины имели также некоторые другие руководители фирмы. Но если все так обстояло, то в чем же «инсценированность» процесса?»

Небольшое дополнение. Уважаемые коллеги совершенно справедливо поставили вопрос, как, впрочем, и абсолютно справедливо усомнились в том, что на территории СССР с 1918 по 1943 г. не было сети британской разведки. Была, да еще какая мощная. Британская разведка располагала исключительно сильной, блестяще информированной агентурой в самом верхнем эшелоне советского руководства. К примеру, один только агент «Д-57» чего стоил. Даже по признанию самих же британских исследователей, специализирующихся на истории британской разведки, этого агента следует идентифицировать с наркомом иностранных дел СССР М.М. Литвиновым или, по меньшей мере, с кем-то из его ближайшего окружения. Потому что от этого агента поступала столь высококлассная информация по внешнеполитическим и иным вопросам, что добыть ее можно было только на этом уровне. А что уж говорить об агенте британской разведки в секретариате члена Политбюро Микояна — этого негодяя вычислили уже в 1936 г., однако из-за предательской деятельности наркома внутренних дел Г.Г. Ягоды сигнал был утоплен в недрах Лубянки. Повторно его вычислили уже в 1940 году, когда Лубянку возглавлял Лаврентий Павлович Берия. В 1940 г. этому агенту не удалось выскользнуть — поставили к стенке. А сколько еще таких было. Ведь в годы Гражданской войны и интервенции англичане навербовали уйму людей, не говоря уже о тех, что остались с дореволюционных времен. В Средней Азии, например, вербовали целыми племенами. Да что там говорить, чтобы британская разведка оставила в покое Россию вне зависимости от того, как она называется?!

Что же до специальной операции, которую проводил Стюарт Мензис, то тут французы не соврали. С.Мензис специально

подставил этих дуралеев «под экономическим прикрытием», чтобы прикрыть вербовку мощного и перспективного агента в секретариате Микояна, которую осуществил региональный резидент СИС по Восточной Европе майор британской разведки Гарольд Гибсон по кличке «Гиби».

Итак, факты приведены, с множеством деталей. Надеюсь, теперь не составит особого труда сделать объективный вывод.

Миф № 58. Сталин виновен в смерти выдающегося советского военачальника М.В. Фрунзе.

Очень коварный миф. Инспирирован с подачи Троцкого и его приспешников сразу после смерти Михаила Васильевича Фрунзе во время операции 31 октября 1925 г. В литературной форме нашел свое отражение в произведении писателя Бориса Пильняка-Вогау «Повесть непогашенной луны». Как правило, эту троцкистскую сказочку считают едва ли не документальным доказательством вины Сталина в том, что Фрунзе «заоперировали». А в подтверждение обычно используют не менее нелепый вымысел бежавшего на Запад Бориса Бажанова, бывшего секретаря Сталина. К сожалению, в этом мифе переплетены совершенно разноплановые события того времени, и чтобы разобраться с ним, придется начать с дальнего разбега.

Прежде всего, с подоплеки истории стремительного возвышения Тухачевского. А она непроста. Дело в том, что к концу осени 1923 г. у высшего руководства партии и страны скопилось предостаточное количество достоверной информации о ненадежности ряда видных представителей высшего командного состава РККА того периода. Факты свидетельствовали об очень серьезном положении в военной сфере. К примеру, один из ближайших и ярых сторонников Троцкого В.А. Антонов-Овсеенко 27 декабря 1923 г. направил в ЦК партии письмо, в котором открыто угрожал руководству партии и государства военным переворотом в поддержку Троцкого. Сами понимаете, что военный путч (переворот) не вызревает в од-

ночасье. Начальник Политуправления (ГлавПУР) РККА троцкист Антонов-Овсеенко прекрасно знал, что он пишет. И руководство страны и партии тоже прекрасно знало, что отнюдь не на пустом месте он угрожал военным переворотом в поддержку Троцкого. О том, что ситуация в военной сфере развивалась тогда в направлении заговора, свидетельствует и тот факт, что слухи о заговоре военных, в частности в Кавказской армии (кстати, ее командующим тогда был А. Егоров), докатились аж до Берлина. Троцкий с таким «искусством» официально опровергал эту информацию, что умудрился подтвердить при этом, что заговор все-таки был, но якобы среди младшего комсостава. Кстати, попробуйте понять: на кой же черт ему понадобилось давать официальное разъяснение полпредству СССР в Берлине? За границей усиленно циркулировали слухи о прямой причастности командующего Петроградским военным округом В. Гиттиса к антисоветскому заговору. Но о каких слухах можно вести речь, если В. Гиттиса и впрямь вскоре сняли с этого поста с резким понижением?! Да и, кстати говоря, очень даже любопытна дошедшая до ряда заинтересованных ушей в Берлине информация о мотивах и целях заговора Гиттиса. В ней утверждалось, что этот заговор имеет целью поставить во главе России **«интернационалистов-коммунистов», называлось даже их число — 12 человек, а то, видите ли, современная (тогда) советская власть слишком националистична, то есть прорусская!? Кстати говоря, в то время под «интернационалистами-коммунистами» однозначно понималась группировка во главе с Троцким. Под «большевиками» — группировка во главе со Сталиным.**

Вообще-то за этими терминами кроется фантастический феномен. Если обобщенно, то его суть в острейшем, абсолютно непримиримом, глобальном противоречии между «коммунистами-интернационалистами», ратовавшими за использование России как хвороста для разжигания пожарища «мировой революции», и «большевиками», которые открыто, ассоциировались, пускай особенно первых порах, с квази, но именно же имперски ориентированным патриотическим, великодержавным крылом в партии, которое выступало за территориальную целостность России едва ли не полностью в

рамках границ прежней империи и ее возрождение на новых началах и принципах. Первую группу возглавлял Троцкий (некоторое время совместно с Лениным), а вторую — объективно возглавил Сталин. В горниле самой «революции» и спровоцированной при прямом соучастии Запада братоубийственной Гражданской войны, как исторически само собой разумеющееся, это противоречие перековалось в фатально неизбежные две мощнейшие одноименные политические силы, предрешив тем самым и их мощнейшее столкновение «стенка на стенку» в будущем.

Но о каких слухах можно говорить, если сам глава ОГПУ — Ф.Э. Дзержинский — на заседании Политбюро 24 января 1924 г., то есть когда еще тело Ленина не втащили в Мавзолей, которого тоже еще не было, лично докладывал информацию о заговоре в военной сфере, в частности, в Кавказской армии?! Главе органов госбезопасности делать, что ли, больше нечего было, чтобы именно в этот момент докладывать на Политбюро информацию о военном заговоре?! Информация была столь существенна, что Дзержинский вынужден был докладывать ее именно на Политбюро. И хотя она была, очевидно, недостаточной для того, чтобы разбираться с вояками при помощи Уголовного кодекса — иначе головы полетели бы уже тогда, — ее оказалось вполне достаточно, чтобы в целях безопасности руководство партии и государство в срочном порядке перетасовало всю колоду военной элиты. Начались повальные замены командующих, в том числе и округами. Перетасовка осуществлялась на основе принципа «сдержек и противовесов», но с учетом личных неприязненных отношений между сменяемыми и сменяющими.

А самого председателя Реввоенсовета СССР и наркома по военным и морским делам Л.Д. Троцкого в срочном порядке «подперли» заместителем в лице командующего Украинским военным округом и Вооруженными силами Украины и Крыма... Михаила Васильевича Фрунзе, у которого еще со времен Гражданской войны были крайне неприязненные отношения с «бесом мировой революции». И в этом назначении было немало удивительного — даже вступив в новую должность, Фрунзе некоторое время сохранял за собой командование

выше, указанными силами на Украине и в Крыму. Понятно, что без прямого согласия Сталина подобное было бы невозможно — в военной иерархии все четко расписано: сдал — принял. А тут... а тут явно выходит, что у центрального руководства были весьма существенные опасения насчет возможного выступления настроенных в поддержку Троцкого генералов. Вот и оставили за Фрунзе функции главкома вооруженными силами Украины и Крыма. Однако Троцкий не был бы самим собой, если, уходя, ушел бы не оставшись. Именно поэтому он начал куда более важную, с дальним прицелом интригу, в результате которой весьма успешно, но вторично и фактически намертво «повязал» Тухачевского неизбежной в случае чего совместной ответственностью. Речь вот о чем.

С момента окончания Гражданской войны, к концу 1923 г., Тухачевский вышел из-под контроля Троцкого, которому был обязан буквально всем. Разработанный Троцким план военного переворота в *целях* перехвата власти у предсмертного ложа «вождя» сорвался в конце 1923 г. из-за Тухачевского. И произошло это отнюдь не потому, что Тухачевский столь уж сильно обожал Советскую власть или тех же большевиков в противовес, например, тем же «интернационалистам-коммунистам». Как раз нет, ибо еще тогда, в начале 1920-х гг., многие уже отмечали его поразительную готовность при малейшем удобном случае всадить топор в спину той власти, которая сделала его видным военным деятелем. Произошло это в силу весьма банальной причины — склонности к бонапартизму. Тухачевский уже тогда метил себя в «Красные Бонапарты», сколачивая, по сути дела, целую когорту единомышленников из числа военных, готовых пойти за ним.

И сколь бы парадоксальным то ни показалось, но первым его политические позиции и настроения как бонапартистские квалифицировал именно Троцкий. Еще в 1921 г., когда нахватавшийся верхушек марксизма и в угоду царившей тогда моде на «полевую революцию» Тухачевский «изобрел» печально знаменитую «классовую стратегию». Опытнейшие царские генштабисты пришли в ужас от таких «стратегических» фортелей крайне амбициозного комфронта. Однако более проницательный Троцкий уже тогда вдребезги разнес концепцию Тухачев-

ского. Это было, конечно же, комично, поскольку сам Троцкий в принципе-то занимал такую же позицию — одни его призывы к «революционной войне» с Францией в период рурского кризиса 1923 г. чего стоят. Но вдвойне комично стало тогда, когда из этой брехологии Тухачевского он сделал вывод о том, что «бонапартизм вырос из революционной войны»! Знал «бес», что говорил. Ведь суть подоплеки такого его вывода в том и заключалась, что он сам явно и откровенно метил в «Красные Бонапарты», а тут какой-то «салага от марксизма» вознамерился его обскакать. Два медведя, как известно, в одной берлоге не уживаются. Точно так же и обоим, втуне уже явно примерявшим на себя роль «Красного Бонапарта» и явно мечтавшим о захвате власти в стране, не могло не стать тесно на ниве «революционной войны», «полевойреволюции» и «классовойстратегии», ибо схема «марксистской методики» прихода к власти была и есть шаблонная — война, затем революция.

Следовательно, оба крайне амбициозных деятеля уже не могли не схлестнуться. Троцкий стал косо поглядывать на Тухачевского, чему в немалой степени способствовала доходившая до него всевозможная информация о какой-то заговорщической возне Тухачевского и его окружения в рамках структуры командования Западного фронта. Очевидно, в том числе и поэтому тоже, весь 1923 г. под разными предлогами он пытался оторвать его от командования войсками Западного фронта, выпроваживая его, в частности, в Германию — то на секретные переговоры с рейхсвером, то для подготовки так называемого германского октября, то вызывая обратно в Москву, и т.д. Тухачевский же, почуяв грядущее ослабление Троцкого — весь 1923 г. шел процесс последовательного разгрома «беса» по партийно-государственной линии, — не нашел ничего умней, как занять юдофобствующую позицию, что на фоне махровым цветом расцветшей в стране и в армии юдофобии вообще выдавалось чуть ли не за удальство. Ну, а ради модного тогда партийного «политеса» все это прикрывалось некими антитроцкистскими настроениями самого Тухачевского и его окружения.

Трудно сказать, понимал ли Тухачевский как командующий Западным фронтом, что планируемая Троцким как ос-

новной шаг к военному перевороту военная катастрофа при имитации операции вторжения на Запад («в помощь германскому пролетариату») обрушится в первую очередь именно на подчиненные ему войска?! Тем не менее факт остается фактом: в 1923 г. Тухачевский отказался поддержать Л. Троцкого и взять на себя роль его «шпаги», реализующей «дворцовый переворот». Неблагодарности Троцкий не простил. Поняв, что его замысел с переворотом провалился, он нанес ответный удар. 1 ноября 1923 г. Троцкий представил в Политбюро новую «Схему командующих фронтами, начальников штабов и командармов». В соответствии с ней Тухачевский фактически лишился своего поста командующего фронтом, причем в период отсутствия в стране — осенью 1923 г. он в очередной раз был направлен в Германию в качестве «офицера связи между Красной Армией и "черным рейхсвером". Узнав об этом, Тухачевский прервал свою «миссию» в Берлине и срочно возвратился в Смоленск, где дислоцировалось командование Западного фронта.

Однако было уже поздно. Механизм его смещения с этого поста уже набрал обороты, и 1 апреля 1924 г. Тухачевский был назначен на должность помощника начальника Штаба РККА, причем предварительно, в форме чрезвычайной меры, он попросту был отстранен от должности комфронта и лишь через неделю после этого был назначен на новый пост. После этого, формально оставаясь в верхнем эшелоне военной элиты, Тухачевский тем не менее явно терял свое былое реальное влияние на военно-политическую ситуацию в стране. Соответственно такие же последствия претерпевала и гуртовавшаяся вокруг него часть военной элиты. Троцкий весьма последовательно проучивал «кандидата в Бонапарты». Так продолжалось до июля 1924 г., когда Троцкий уже явно почувствовал скорый конец своей не только военной, но и даже политической карьеры. Тем более что едва только был сооружен временный (деревянный) мавзолей Ленина, как Сталин окончательно отринул всякую болтологию о «мировой революции» и четко обозначил курс на «строительство социализма в отдельно взятой стране». Понимая, что уход с поста Председателя Реввоенсовета и наркома по военным и морским делам немину-

ем в самом ближайшем будущем и уяснив все это, Троцкий начал новый тур политического заигрывания с Тухачевским, решившись на использование принципа «уходя — остаться».

Надо отдать должное Троцкому — он превосходно использовал известный ему компромат на Тухачевского. Прежде всего, то, как он бежал из лагеря военнопленных в Ингольштадте, — в этом вопросе его явно «просветили» тевтоны. Обычно этот побег рассматривают как доказательство того, что он нарушил честное слово офицера, на основании чего немцы выпускали пленных погулять. Однако это сущая мелочь по сравнению с главным. Ведь он-то бежал через Швейцарию, где пробыл практически месяц, — 18 сентября оказался на ее территории, но только 12 октября 1917 г. предстал перед военным агентом России в Париже А.А. Игнатьевым! Как правило, Тухачевский помалкивал о том, что он делал в Швейцарии почти целый месяц. Более того, молчал он и о том, почему не явился к военному агенту в Швейцарии Генерального штаба генерал-майору Сергею Александровичу Головань, что было бы проще и естественнее. И, само собой разумеется, Головань преспокойно выполнил бы свою прямую обязанность и отправил бы Тухачевского на Родину. Вместо этого он почти целый месяц болтался в Швейцарии и затем явился к Игнатьеву. Почему?! Ответ весьма прост. Германская разведка прекрасно знала, что Головань отличался весьма строгим подходом к подобным проблемам и на слово никому не верил. Напротив, он проверил бы все самым тщательным образом, тем более что под его началом находилась хотя и малочисленная, но очень эффективно работавшая агентурная сеть, наблюдавшая за всеми нелегальными связями немцев с Россией, в том числе и за эмигрантской общиной русских в Швейцарии. Агентура Голованя доставляла немало беспокойства немецкой разведке.

Именно поэтому-то Тухачевского тевтоны направили в Париж, где А. Игнатьеву, при его колоссальной занятости своими функциями представителя России при штабе союзного командования Антанты, явно было недосуг заниматься тщательной проверкой очередного сбежавшего из германского плена русского офицера. Расчет оказался точен —А. Игнатьев без проверки отправил его в Россию. Был здесь и еще один

важный момент — А. Игнатьев пользовался колоссальным авторитетом в русской армии, и быть возвращенным на Родину при его содействии являлось не только авторитетным, но и своего рода индульгенцией. В 20-х числах октября 1917 г. Тухачевский уже был в России. К слову сказать, именно немцы сообщили Троцкому о том, что по возвращении в Россию Тухачевский неоднократно посылал в Германию письма для своих солагерников, что в практике спецслужб обычно расценивается как уведомление о благополучном положении дел. Письма эти до сих хранятся в германских архивах.

Далее. У внимательных исследователей давно на сильном подозрении находится якобы факт чудесно резкого старта будущего «стратега» с помощью некоего Н.Н. Кулябко. Это обстоятельство не раз подвергалось очень справедливым сомнениям. Однако из-за того, что длительное время нечем было подкрепить эти сомнения, они так и оставались сомнениями. Сейчас появились некоторые документы, которые позволяют говорить вот о чем. Николай Николаевич Кулябко в тот момент, то есть в феврале 1918 г., когда произошла «чудесная» встреча Тухачевского с ним, состоял членом ВЦИК по работе с военными комиссарами и одновременно являлся военным комиссаром обороны Москвы. Но самое важное в этом факте то, что Кулябко, как и все члены ВЦИК, был избран после утверждения его кандидатуры представителями германской разведки при Ленине — майором Бауэром (в основном был занят уничтожением компрометирующих Ленина документов о его связи с германской разведкой), майором Любертсом («Агасфер») и его помощником лейтенантом Гартвигом («Генрих»). А фни, в свою очередь, получили прямое указание на сей счет непосредственно из Генерального штаба Германии, куда, естественно, заблаговременно сообщили имена кандидатур в члены ВЦИК и, конечно же, свои соображения и характеристики, которые были составлены на основании данных самой германской разведки. Жаль, что именно характеристики-то не публикуются, а так, конечно, было бы очень интересно, как германская разведка характеризовала октябрьский костяк «ленинской гвардии». Сразу же оговорюсь, что Сталина в этом списке нет.

При содействии именно Кулябко Тухачевский оказался в Военном отделе ВЦИК. Так что абсолютно правы те, кто давно заподозрил нечистое уже в самом старте будущего «стратега», а также те, кто давно указывает на то, что начальная ступенька в карьере будущего «полководца» была старательно высечена именно же немцами. Как известно, в апреле 1918 года Тухачевский стал членом Коммунистической партии, а вот рекомендовал его туда старинный друг их семьи, «старый революционер» и... **бывший подполковник Отдельного корпуса жандармов, бывший начальник Киевского охранного отделения — все тот же Николай Николаевич Кулябко! Это одно и то же лицо! И именно тот самый подполковник жандармерии Кулябко, который оказал максимальное содействие революционерам-террористам в организации убийства премьер-министра Российской империи Петра Аркадьевича Столыпина, осуществленного небезызвестным Дмитрием (Мордкой) Богровым.** А по совместительству Н.Н. Кулябко являлся и хорошим старым знакомым Ленина.

Во всех книгах о Тухачевском о Кулябко пишут как о давнем революционере. В определенном смысле это правда. Связями в революционных кругах он располагал и по должности, и через своего дядю — Юрия Павловича Кулябко и его жену Прасковью Ивановну, которые состояли в РСДРП(б) еще до «революции» 1905 г. Они встречались с Лениным и в России, и в период его пребывания в эмиграции за границей. Связующим звеном между Н.Н. Кулябко и В.И. Лениным выступали Богровы — близкие и дальние родственники убийцы Столыпина Дмитрия Богрова: Сергей (Вениамин) Евсеевич Богров (1879), в партийном подполье клички «Фома» и «Валентинов», а также очень близкая знакомая Ленина, Крупской, Горького Валентина Львовна Богрова (1882). С.Е. Богров после «октября» оказался на службе у Троцкого в народном комиссариате иностранных дел, откуда, по протекции Ленина, навсегда уехал в Германию вместе со старшим братом Мордки Богрова — Владимиром. После столь удачно организованного руками Богрова убийства Столыпина Н.Н. Кулябко, естественно, вылетел из Отдельного корпуса жандармов, хотя постоянно протежировавший ему его шурин и однокашник, генерал-май-

ор Отдельного корпуса жандармов Александр Иванович Спиридович продолжал оставаться начальником дворцовой охраны царя, а с августа 1916 г. являлся Ялтинским градоначальником. После увольнения Кулябко работал в Киеве агентом по продаже швейных машин. Лучшего прикрытия для подпольщика не сыскать. Рынок швейных машин в дореволюционной России был стопроцентно монополизирован германской фирмой «Зингер». И если принять во внимание, что в те времена излюбленным прикрытием для германской разведки в России служили именно же германские фирмы и компании, то тогда на все 100% станет понятно, почему объективные исследователи прямо указывают на то, что первая ступенька в карьере будущего маршала была старательно высечена немцами.

И вот еще что очень важно. В момент, когда Троцкий начал новый тур заигрывания с Тухачевским, в партии стала разворачиваться малоизвестная, но ожесточенно свирепая борьба с соратниками, запятнавшими себя в прошлом сотрудничеством с царской полицией и жандармерией. Это был очень весомый аргумент для того, чтобы сломить Тухачевского, который, бравируя модной тогда юдофобией, старался дистанцироваться от Троцкого. Однако «бес» был очень сильным политическим бойцом и быстренько выбил из Тухачевского склонность к юдофобии, во всяком случае к открытому ее проявлению. Проще говоря, скрутил его в бараний рог и заставил исполнять его, «беса», волю.

18 июля 1924 г. М.Н. Тухачевский был назначен Троцким уже заместителем начальника Штаба РККА и в тот же день — исполняющим обязанности начальника Штаба? Тем самым Троцкий изъял у временно отсутствовавшего тогда Фрунзе руководство Штабом, что в общем-то не было мотивировано чем-либо серьезным, кроме как тайными расчетами самого Троцкого. А перед этим в ранее разогнанные структуры командования Западного фронта, превращенного уже в Западный военный округ, были возвращены сторонники Тухачевского. И когда 25 января 1925 г. Троцкий вылетел с поста Председателя РВС СССР и наркома по военным и морским делам, то в наследство Фрунзе достался и.о. начальника Штаба РККА Тухачевский. Формально между ними не было неприязненных отношений.

Но Лев Давидович действительно был дальновидным человеком и политическим деятелем, форменным «бесом», ибо в начале 1925 г. он начал уже новую, глобальную интригу. Прежде всего, он поспособствовал тому, чтобы Тухачевского отправили в Германию на стажировку в рамках осуществлявшегося тогда тайного сотрудничества между РККА и германским рейхсвером. Пока он находился в Германии, Троцкий приступил к осуществлению основной части задуманной им операции. Ее суть состояла в том, чтобы не допустить формирования державно мыслящего высшего военного руководства СССР, на что была направлена военная политика Фрунзе и Сталина.

Как уже указывалось выше, в январе 1925 г. Михаил Васильевич Фрунзе сменил Троцкого на посту председателя РВС республики и наркомвоенмора. Отношения же между ними были давно и безнадежно испорчены в период Гражданской войны. «Бес » еще в 1920 г. беспочвенно обвинил Фрунзе в массовых грабежах, бонапартизме и едва не арестовал его с помощью своих людей в ЧК. В 1920 г. с подачи увязшего в фантастической нефтяной афере «Алгемба» Ленина «бес » пытался лишить Фрунзе наиболее боеспособной 4-й армии, приказав от имени вождя направить ее целиком на бессмысленное строительство никому не нужной одноименной железной дороги. В данном случае Троцкий использовал то обстоятельство, что отношения Фрунзе с Лениным также были испорчены еще с 1918 г., когда Михаил Васильевич выступил против преступных ленинских уступок по Брестскому договору. «Смена караула » на посту председателя Реввоенсовета Республики не прошла незамеченной на Западе — в том числе и ее имел в виду британский МИД, в панике написав, что Сталин переходит к политике с использованием «национальных инструментов », в чем был прав, ибо сумел уловить глубинный смысл произошедшего в СССР: Фрунзе не только ощущал себя русским по национальности, хотя и был наполовину молдаванином, но и прежде всего был державником, хотя и не во всем примыкал к Сталину, с которым у него, впрочем, были весьма неплохие отношения и от которого он имел в качестве заместителя самого Ворошилова. Возглавив РВС Республики, Фрунзе первым делом приступил к давно назревшей военной реформе, начав ее

с резкого сокращения численности вооруженных сил — практически в 10 раз, с более чем 5 млн человек до 500 с небольшим тысяч. Одновременно резкому сокращению подвергся неимоверно разбухший за годы правления Троцкого, в основном за счет его сторонников из числа прежде всего его соплеменников, центральный аппарат РВС, Наркомата по военным и морским делам, а также Штаба (тогда термин «Генеральный штаб» не использовался, вместо него использовали слово «Штаб» с большой буквы), нашпигованные троцкистами.

В книге израильского автора Арона Абрамовича «В решающей войне» (Тель-Авив, 1982) с беспрецедентной документальной точностью показано, что сформированный Троцким за годы Гражданской войны командный состав РККА едва ли не на все 100% являл собой его соплеменников и идеологических сторонников. Стоит ли после этого удивляться тому, что уже летом — в начале осени 1925 г. Фрунзе «удалось» трижды попасть в автомобильные катастрофы, вследствие чего он получил ушибы рук, ног и головы. Причем в третий раз — так и вовсе выпал из машины, в результате чего у него вновь открылось кровотечение язвы желудка. Летом того же года Фрунзе стал настойчиво добиваться назначения себе еще одного заместителя — Григория Котовского, легендарного героя Гражданской войны. Котовский еще со времен советско-польской войны воевал бок о бок со Сталиным и Буденным[1]. То есть отчетливо наметилось формирование совершенно иного, в корне противоположного Троцкому и его стилю правления, военного триумвирата в лице Фрунзе, Ворошилова и Котовского.

Все трое были смелыми, решительными, волевыми командирами, не пасовавшими перед трудностями, способными находить оригинальные решения самых сложных задач. К тому же все трое, хотя и в разной степени, но тем не менее были «на короткой ноге» со Сталиным. Конечно, все они были разного

[1] Правда, нельзя не отметить и того, что за бригадой Котовского числился один весьма распространенный тогда грех: она «прославилась» своими антиеврейскими погромами в период Гражданской войны. В то же время следует иметь в виду, что и сам Троцкий, и его соплеменники, прислуживавшие ему, также отличались на этот счет, без разбору ставя к стенке очень многих, евреев в том числе, не говоря уже о русских.

интеллектуального уровня. Фрунзе, к примеру, был на несколько голов выше и Клима Ворошилова, и того же Котовского. Однако 5 августа 1925 года Григорий Котовский был злодейски убит наемным убийцей, имя которого стало известно только после развала СССР — Мейер Зайдер. Котовцы, надо сказать, потом его ликвидировали, так как М. Зайдер на редкость дешево отделался. За убийство героя Гражданской войны он получил 10 лет по суду, из которых отсидел всего два. И уже в 1928 г. гулял на свободе (не исключено, что его специально выпустили досрочно в расчете на то, что в гневе котовцы сделают то, что было крайне необходимо подлинным заказчикам убийства Котовского). Потрясенный нелепой смертью своего друга и еще более нелепым следствием, которое вел Особый отдел, а военная контрразведка, к слову сказать, вплоть до 1931 г. находилась в ведении Реввоенсовета Республики, и там тоже было полно сторонников Троцкого, Фрунзе всерьез заподозрил неладное и затребовал в Москву все документы по расследованию убийства Котовского. Особенно же на самого Мейера Зайдера.

Судя по всему, Тухачевский знал о подлинной причине убийства Котовского, в частности о том, что тем самым ему была открыта дорога на Олимп военной власти в СССР. Как рассказывал сын легендарного комбрига Григорий Котовский, во время очередного перерыва в работе съезда жен комсостава РККА, проходившего в Кремле в 1936 г., к вдове Котовского — Ольге Петровне — подошел маршал Тухачевский и, пристально глядя ей в глаза, зачем-то сообщил ей следующее. Что-де в Варшаве вышла книга какого-то польского офицера, в которой утверждалось, что Котовского убила сама Советская власть. Зачем это понадобилось «стратегу»? Ведь обычно только преступников или непосредственно причастных к преступлению тянет на место преступления или же к оставшейся в живых жертве свидетелю преступления. Как, впрочем, зачем во времена господства Тухачевского, Якира, Гамарника и т.п. «стратегов» в РККА, Главному Политическому Управлению понадобилось распространять грязные инсинуации об убийстве Котовского — что, мол, убили его из-за баб? Кого и что прикрывал ГлавПУР, во главе которого стоял по-

дельник Тухачевского Гамарник?! Ведь эти инсинуации распространялись еще в 1934 г.

А параллельно этим событиям крайне злопамятный, злобный по натуре «бес мировой революции» стал особо подло мстить Фрунзе. Сначала через своих людей организовал трехкратное попадание Фрунзе в автомобильные аварии. И это в Москве, где в 1925 г. автомобили можно было пересчитать по пальцам, скорость их не превышала, да и то по максимуму, 30—40 км в час, а в аварию легче всего было угодить, лишь преднамеренно врезавшись в столб или конный экипаж, которых тогда была тьма-тьмущая!? Однажды Фрунзе почему-то и вовсе выпал из машины на ходу и сильно ушибся!? Это как же надо было возить министра обороны огромной страны, чтобы за короткий срок он трижды попал в автомобильные аварии, да к тому же еще и вывалился из машины?! Ну, а когда ему и вовсе стало худо, то, предварительно навязав ему через своих сторонников-врачей необходимость операции в связи «с опасностью прободения язвы», через своих же людей Троцкий организовал его «заоперирование» прямо на операционном столе, и в 5.50 утра 31 октября 1925 г. Фрунзе не стало[1].

В ноябре 1925 года начальником Генштаба стал только что вернувшийся из Германии Михаил Николаевич Тухачев-

---

[1] В этой связи необходимо обратить внимание на некоторые специфические особенности медицинской стороны этого дела. В те времена в советской медицине, особенно в той ее части, которая обслуживала верхи, сохранялось крайне почтительное отношение к германской медицине, едва ли не в буквальном смысле выливавшееся в некое унизительное для русской медицины низкопоклонство. Корифеем по части анестезии, в том числе и творцом спинномозговой анестезии, а именно она почему-то и была применена в отношении Фрунзе, в те времена был знаменитый германский хирург профессор Август Вир. Вполне возможно, что он действительно был очень известным хирургом. Но все дело в том, что именно он своей спинномозговой анестезией в 1925 г. отправил на тот свет трех очень известных как в Германии, так и за ее пределами лиц: президента Германии Фридриха Эберта, всемирно известного акушера-гинеколога Эрнста Бумма и крупнейшего германского магната тех времен Тиссена. Что касается Э. Бумма, то, вполне возможно, что он «до кучи» попал в эту тройку «заанестезированных». Но того не скажешь в отношении Ф. Эберта и Тиссена. Президента Германии «заанестезировали» именно тогда, когда Запад стал готовиться к освобождению «духа войны»

ский — самый что ни на есть «питомец» Троцкого. В результате хладнокровно организованных убийств — сначала Котовского, которого сменивший Троцкого Фрунзе планировал назначить себе замом, а затем и самого Фрунзе, — положение Тухачевского на посту и.о. начальника штаба было закреплено настолько, что он уже как начальник штаба, то есть без приставки «и.о.», достался сменившему Фрунзе К.Е. Ворошилову. И едва лишь это произошло, сразу, чтобы завуалировать свою операцию по продвижению Тухачевского на один из высших военных постов в государстве и вообще отвлечь внимание от случившегося, Троцкий через своих людей стал распускать слух о том, что-де Сталин якобы причастен к смерти Фрунзе!

Как известно, он появился в результате того, что Троцкий через К. Радека и других своих сторонников «подрядил» Пильняка, быстренько слепившего «Повесть непогашенной луны». Впоследствии сын Пильняка-Вогау Борис Андроникашвили писал, что «сопоставив повесть с воспоминаниями ближайших друзей и сподвижников Фрунзе... нашел в них много общего... обнаружил даже совпадение отдельных реплик», и это, мол, «укрепило... веру в то, что отец получал материал из ближайшего окружения полководца». Трудно ска-

---

против СССР. Несмотря на то, Эберт был типичным социал-демократическим оппортунистом, к 1925 г. он уже явно мешал Западу. Во главе Германии необходимо было ставить совсем иную личность - личность, способную на оживление реваншистских и милитаристских сил, которую уважала бы хотя и куцая, но имевшая колоссальное влияние на внутреннюю политику страны германская армия, т.е. рейхсвер. Именно тогда, несмотря на весьма преклонный возраст, и был избран президентом генерал-фельдмаршал Пауль фон Гинденбург, прославленный полководец Первой мировой войны. А тут и Локарнские соглашения подоспели... Тиссена же, судя по всему, «заанестезировали» за его яростное сопротивление любым попыткам Запада содрать с Германии репарационные платежи. Так вот и спрашивается, не бесценный ли опыт по «заанестезированию» важных пациентов с помощью спинномозговой анестезии Августа Вира был использован для убийства Фрунзе в форме «естественной смерти из-за не выдержавшего слабого сердца» прямо на операционном столе?! Очень уж все смахивает на использование германского «опыта»... Об этом см.: Вагнер Е.А. Раздумья о врачебном долге. Пермь, 1986. С. 102.

зать, отдавал ли себе Борис Андроникашвили отчет в том, что он написал. Однако очевидно, что отец его написал эту повесть по заказу и, более того, данный заказ сохранял свою силу в течение многих десятилетий. Иначе что должно означать тотальное совпадение деталей и даже реплик в мемуарах, которые были изданы уже после смерти Сталина?! Конечно, сын и не мог написать по-иному, иначе пришлось бы открыто признавать, что отец выполнил заказ злейшего врага России — Троцкого.

Впрочем, не беда, что он сделал половинчатое признание. До уровня 100% исторической правды его признание довел крупный партийный работник, а затем редактор газеты «Известия» и журнала «Новый мир» Иван Михайлович Тройский, который на старости лет вспоминал: «Содержание "Повести непогашенной луны", по словам Пильняка, было ему подсказано троцкистами — А.К. Веронским, К.Б. Радеком и В.В. Полонским. Последний напечатал ее, не согласовав с двумя редакторами — И.И. Скворцовым-Степановым и А.В. Луначарским. Этой повестью троцкисты намеревались нанести удар по руководству партии. Частично это удалось. По поводу этой повести я беседовал с Радеком и Воронским, ссылаясь на устное заявление Пильняка в разговоре со мной. Оба они подтвердили правильность заявления Пильняка. Я назвал повесть Пильняка идеологической диверсией».

Последующее поведение Пильняка свидетельствует о том, что он прекрасно понимал, что натворил. В момент публикации он уехал из СССР в Китай. А что ему было делать в Китае? Ведь не синолог же и даже не сотрудник спецслужб или Коминтерна. Разве что отсидеться, пока в Москве гнев не пройдет. А гнев, мягко говоря, был очень даже не маленький. Было принято Постановление Политбюро от 13 мая 1926 г. насчет Пильняка и его подлого опуса. Между тем, чтобы выехать в Китай и уже в мае прочитать там свое произведение, он должен был самое позднее в марте — апреле сдать готовую рукопись в редакцию журнала — это во-первых; во-вторых, он должен был заранее подать все документы на выезд, получить китайскую въездную визу, не говоря уже о том, что он должен был направиться туда от какого-нибудь ведомства

СССР, ибо по-другому тогда за границу не выезжали. Какого ведомства? Кто и как конкретно помогал ему в этом, не говоря уже о том, что зачем? Ведь Пильняк не был, подчеркиваю, хотя бы даже начинающим синологом, чтобы его отправлять в Китай, тем более в столь срочном порядке.

А теперь посудите сами: разве в интересах Сталина было разрушать такой удачный для него триумвират в военном руководстве страны, триумвират из авторитетнейших военных того времени, которые, как на подбор, все державники? И разве в интересах Сталина было разрушать такой триумвират в условиях резкого обострения международной обстановки? Ведь16 октября 1925 г. были подписаны пресловутые Локарнские соглашения, дух которых Сталин без обиняков назвал «духом войны». Как показало последующее развитие международной обстановки, Локарнские соглашения явились своего рода предтечей Мюнхенского сговора Запада с Гитлером. Схема была одна и та же. И предполагала она вооруженное нападение на СССР. Так вот и получается, что всего-то через пару недель после того, как «дух войны » был выпущен на свободу, усилиями Троцкого на тот свет был отправлен один из лучших советских военачальников той поры — Михаил Васильевич Фрунзе. Не говоря уже о Котовском. А то как же — Запад готовит новую войну, а во главе вооруженных сил СССР будет стоять такой сильный военачальник, как Фрунзе, к тому же личный враг Троцкого?! Уж лучше, по мнению «беса », вооруженные силы возглавит «серый», по его мнению, Клим Ворошилов, а при нем нехай будет заново завербованный сторонник «беса» —Тухачевский. Всякое поражение можно устроить «краше », чем в Первой мировой! В итоге-то получилось, что едва только Запад выпустил «дух войны » на свободу, как планирование военных операций в СССР возглавил ставленник Троцкого.

А с 1926 года по каналам разведки в Москву стали поступать первые сигналы о том, что в СССР формируется некая военная партия, готовая на силовой переворот, в том числе и в ситуации войны.

Вот что стояло за убийством выдающегося военачальника М.В. Фрунзе.

Миф № 59. Сталин виновен в смерти Ф.Э. Дзержинского.

Весьма глупый и неуместный миф. Появился в последнее время, что называется, «до кучи». Телевизионщики состряпали даже документальный фильм под названием «Загадки смерти Дзержинского», в котором эзоповым языком, но вполне внятно обвинили в смерти «железного» Феликса Сталина. Логика была по-неандертальски примитивна. Раз уж Сталина обвиняют во всех смертных грехах, то почему бы не добавить еще один. Одним грехом больше, одним меньше — какая кому разница. В общем, хотели **«как лучше»** в интересах антисталинизма, правда, получилось же **«как всегда».** А оно и не могло получиться иначе. Потому что к смерти Дзержинского Сталин тем более не имел никакого отношения. Напротив, он, судя по всему, заподозрил неладное и потребовал от врачей, которым доверял, провести тщательное вскрытие и исследование причин смерти. Кстати говоря, используя именно этот факт, телевизионщики и состряпали свой фильм. Ну а мы посмотрим, что же произошло на самом деле.

А произошло практически то же самое, что и со смертью Фрунзе. В преддверии надвигавшейся войны, а Троцкий был убежден в этом, тем более после того, как весной 1926 г. он побывал в Германии на встрече со своими «патронами», «бес мировой революции» нанес еще один смертельный удар по Советскому Союзу. Дело в следующем.

Все по привычке смотрят на Дзержинского только как на основателя ВЧК-ГПУ-ОГПУ, как на чекиста № 1. Это правда, но далеко не вся. Со 2 февраля 1924 г. Ф.Э. Дзержинский стал еще и председателем совета Народного хозяйства (ВСНХ), то есть главой всего государственного хозяйства. Под его руководством оказалась вся государственная промышленность, которая находилась в упадке. На этот пост его рекомендовал лично Сталин, с которым у Дзержинского были очень даже неплохие как личные, так и деловые отношения. Дзержинский был хорош для Сталина не только тем, что поддерживал его политику, но и тем, что был сторонником быстрого вос-

становления и развития хозяйства, а также тем, что хорошо разбирался в хозяйственных вопросах.

Дзержинский разработал очень интересную «локомотивную» программу, суть которой заключалась в немедленном развертывании паровозостроения в Советском Союзе. По абсолютно справедливому и обоснованному мнению Феликса Эдмундовича, программа дала бы возможность полностью загрузить паровозостроительные заводы, что в свою очередь резко подтягивало за собой другие, смежные производства. А для них нужен металл, соответственно паровозостроение требует опережающего развития металлургии. На базе интенсивного роста металлургической промышленности появляется возможность резко интенсифицировать металлообрабатывающую промышленность, а соответственно насытить рынок металлоизделиями, обеспечить доходность государственной промышленности, обзавестись оборотными средствами и сделать остро необходимые для восстановления основного капитала промышленности накопления. Образно говоря, Дзержинский решил сделать паровоз локомотивом советского экономического роста. Сталин безоговорочно поддержал его план.

Однако против плана Дзержинского тут же выступила вся троцкистская братия, прежде всего впоследствии расстрелянный нарком финансов Г.Я. Сокольников (Бриллиант). Он настаивал не только на резком сокращении финансирования программы развития промышленности, которую выдвинул Дзержинский, но и на сохранении за наркоматом финансов функции распределения всех отпущенных для промышленности средств. В ответ на это Дзержинский предложил программу радикальных преобразований в системе управления металлопромышленности, суть которой сводилась к концентрации и централизации управления. В этойже программе содержался еще один пункт, который практически обессмертил имя Дзержинского как умелого и очень эффективного хозяйственника. 19 июня 1924 г. он предложил идею единого промышленного бюджета. Изобретение очень простое, но столь же и очень эффективное. Государственная промышленность часть полученной прибыли сдает государству. Нарко-

мат финансов проектирует государственный бюджет, в котором есть строка финансирования промышленности в целом. Но вот распределение финансирования промышленности осуществляется уже на Президиуме ВСНХ, в соответствии с задачами развития промышленности.

В результате активной поддержки Сталина решением Политбюро ЦК ВКП(б) программа Дзержинского была утверждена. Не вдаваясь в детализированные подробности, следует указать, что Политбюро одобрило:

главную задачу индустриализации — опережающий рост производства стали и чугуна;

главную экономическую цель — строительство мощной машиностроительной индустрии, которая сможет осуществить хозяйственный переворот в стране;

главную политическую цель этих экономических преобразований — сбросить экономическую власть крестьянства путем создания крупных товарных производств, основанных на крупномасштабном применении машин и оборудования, произведенных на советских заводах;

главный метод индустриализации — сосредоточение управления промышленностью в одном штабе и концентрация государственного капитала в едином промышленном бюджете;

главный способ индустриализации: а) крупномасштабное планирование развития целых отраслей промышленности в их взаимосвязи и взаимном влиянии друг на друга; б) развитие вместе с крупной металлургической и машиностроительной промышленностью смежных и связанных отраслей хозяйства;

основной характер индустриализации — концентрация производства на крупнейших заводах и строительство самых крупных и современных предприятий.

С присущей ему энергией Дзержинский активно включился в гигантскую работу по экономическому преобразованию страны и достиг без преувеличения фантастических результатов. Когда он возглавил ВСНХ, в СССР выплавлялось **1,55** млн тонн чугуна, **1,623** млн тонн стали, производилось **1,396** млн тонн проката.

По состоянию на 20 июля 1926 г., когда Дзержинского не стало, выплавка чугуна в стране составила **2,202** млн т, ста-

ли — **2,91** млн т, производство проката — **2,259** млн т. То есть рост составил соответственно **70,4,55,8** и **61,8%!**

Более того. Когда Дзержинский возглавил ВСНХ, в стране работали всего **45** доменных и **115** мартеновских печей. После себя «железный» Феликс оставил 53 работающих домны и **149** мартеновских печей. При нем были расконсервированы и пущены в эксплуатацию Енакиевский, Донецко-Юрьевский им. Ворошилова и Константиновский металлургические заводы на юге и пять металлургических заводов на Урале. Кроме того, было расконсервировано и пущено в эксплуатацию более **400** других предприятий разных отраслей. Более того. При Дзержинском было начато первое строительство — были заложены: металлургический завод в Керчи, заводы сельскохозяйственного машиностроения в Ростове и Златоусте, метизный завод в Саратове.

Наконец, следует указать, что в 1926 г. загрузка заводов впервые превысила уровень 1913 года, составив **101%.** Более того. В том же году СССР вышел на 7-е место по выплавке чугуна и на 6-е место по выплавке стали в мире. Уже в 1926 г. на долю СССР приходилось 3,2% мировой выплавки стали!

Эти успехи Дзержинского и Сталина доводили до бешенства Троцкого и возглавлявшуюся им оппозицию. Они делали все возможное, чтобы сорвать успешное развитие советской промышленности. Потому как Запад откровенно обещал в 1926 г., что будет произведено вооруженное нападение на СССР — как раз в том же 1926 г. состоялась секретная, формально англо-германская, но с широким международным участием конференция, которая приняла решение о необходимости вооруженного нападения на Советский Союз консолидированными силами всего европейского Запада.

Именно по этой причине Дзержинский и стал очередной мишенью Троцкого и его приспешников. Именно они организовали его травлю на всех уровнях, в борьбе с которой Дзержинский опирался на твердую помощь Сталина и его группы. В конце концов, поняв невозможность сломить сопротивление могучего тандема Дзержинский—Сталин, Троцкий и К° приняли решение об отравлении «железного» Феликса. Что и

было сделано во время пленума ЦК ВКП(б) 20 июля 1926 г., во время которого ему стало плохо, а через три часа он скоропостижно скончался. В начавшейся после «сердечного приступа» Дзержинского суматохе кто-то из приспешников Троцкого быстро убрал стакан с водой, из которого во время выступления пил Феликс Эдмундович. Так что следов никаких не осталось.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что Дзержинский сохранял колоссальное влияние и на органы госбезопасности, так как при всей загруженности по работе в ВСНХ Феликс Эдмундович оставался и председателем Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) при Совете народных комиссаров СССР. А там уже подросла ядовитая троцкистская поросль, главарем которой был пресловутый *Генрих Ягода. Троцкий очень точно рассчитал ходы.* Дело в том, что на назначение Ягоды главой ОГПУ он и не рассчитывал, но он рассчитывал на то, что Ягода станет практически полновластным хозяином Лубянки при очень больном сменщике Дзержинского — Рудольфе Менжинском. Так оно и случилось.

Проще говоря, в течение 1925—1926 гг. Троцкий сумел расставить своих людей в главных силовых ведомствах Советского Союза. А на 1927 г. уже было запланировано вооруженное нападение на Советский Союз консолидированными силами европейского Запада.

Вот почему в 1927 г. оппозиция повела по всему фронту широкое наступление против руководства ВКПБ(б), вот почему она развертывалась методически и агрессивно, по определенному боевому плану. Троцкий рассчитывал, что при наличии контроля над главными силовыми ведомствами страны ему удастся захватить власть в СССР в условиях войны. Потому-то он и кричал в 1927 г., **что «власть** надо **брать** тогда, когда враг находится **в** 80 **км от** столицы».

Авторы многочисленных публикаций и упомянутого выше телефильма хотели в очередной облить грязью Сталина и бросить на него тень серьезных подозрений в причастности к смерти Дзержинского. **Теперь** мы **видим, что** в **реальности стояло за смертью, точнее убийством, «железного» Феликса.**

Миф № 60. Сталин приказал убить выдающегося русского ученого В.М. Бехтерева за то, что тот поставил ему диагноз «паранойя» и разгласил его.

В отличие от многих других антисталинских мифов у этого есть точная дата и даже время рождения. Он «родился» в ночь с 24 на 25 декабря 1927 г., то есть в момент, когда угасла жизнь одного из самых выдающихся русских ученых начала XX в. — Владимира Михайловича Бехтерева. Изначально сюжет мифа таков.

Еще в начале 1927 г. группа оппозиционно настроенных к Сталину партийных деятелей якобы обратилась к Бехтереву с просьбой освидетельствовать психическое состояние Сталина. Ученому будто бы дали возможность побеседовать с некоторыми родственниками Сталина и даже предоставили некие необходимые для постановки диагноза сведения. Бехтерев якобы встречался со Сталиным в декабре 1927 г. во время своего пребывания в Москве, куда он прибыл для участия в работе I Всесоюзного съезда невропатологов и психиатров. И якобы, как честный ученый, Бехтерев сделал вывод о том, что Сталин болен шизофренией, чем может нанести большой вред обществу, о чем и заявил своим коллегам, но в совершенно иной формулировке — что-де он «смотрел одного сухорукого параноика».

У Сталина действительно не в порядке была левая рука. На всех фотографиях и кадрах кинохроники это хорошо заметно. Но в то же время это вовсе не означает, что в словах Бехтерева речь шла именно о Сталине, хотя тень на плетень уже явно брошена.

Сталин якобы узнал об этом и приказал уничтожить Бехтерева. И во время посещения Бехтеревым Большого театра какие-то неизвестные личности отравили его, когда он во время антракта находился в правительственном буфете. К тому же, по легенде, выходило, что эти же неизвестные и пригласили ученого в буфет. Вечером того же дня Бехтереву стало плохо, а на следующий день, точнее в 23 ч. 45 мин. 24 декабря (практически в ночь на 25-е) 1927 г., выдающегося ученого не стало.

Как известно, никто, кроме правоохранительных органов, не имеет права проводить криминалистическое расследование, даже в ретроспективе. Да оно и не нужно в данном случае — чуть позже убедимся в этом однозначно. Отметим лишь следующее. Бехтерев прибыл в Москву вечером 21 декабря 1927 года. Остановился у своего друга — профессора МГУ С.И. Благоволина. I Всесоюзный съезд невропатологов и психиатров, для участия в работе которого он прибыл в Москву, открылся 22 декабря. Будучи избранным его почетным председателем, Бехтерев весь первый день просидел в президиуме съезда. 23 декабря он лично вел заседание съезда по вопросам профилактики и лечения, а вечером того же дня посетил Большой театр, где смотрел балет «Лебединое озеро». И в тот же вечер Владимир Михайлович почувствовал себя плохо. Так вот, сколько ни ищи, но найти хоть какой-то промежуток времени, когда Бехтерев мог бы встретиться со Сталиным, все равно невозможно. Так что оставим это пустое занятие и сразу перейдем к главному.

Миф появился как злобная месть Троцкого и его сторонников за полный провал попытки оппозиции устроить антигосударственный переворот в стране. Оппозиция предприняла такую попытку в связи с 10-летием октябрьского переворота. Выше уже указывалось, что в 1927 году антисталинская оппозиция в СССР разворачивалась методично, агрессивно и по определенному боевому плану. Это была нешуточная, сильная даже при всей своей малочисленности, очень агрессивная, боевая, с хорошо развитыми навыками и инстинктами подрывной подпольной деятельности оппозиция. Ее активизация в 1927 г. была обусловлена тем, что над СССР тогда вновь распростерлась черная тень реальной в то время угрозы вооруженного нападения с Запада при не исключившейся в то же время вероятности вооруженного конфликта и на Дальнем Востоке. Троцкий даже без оглядки выдал свои истинные намерения, завыв о том, что-де надо брать власть в свои руки, когда враг будет в 80 км от столицы.

Оппозиция методично, агрессивно и по-боевому подготавливала государственный переворот в стране, четко координировавшийся с внешней угрозой вооруженного нападения.

Основная же причина подготавливавшегося антигосударственного переворота заключалась в следующем. В тот период завершалась подготовка к первой пятилетке. Троцкий же и его сторонники были категорически против курса Сталина на строительство социализма в отдельно взятой стране. Особенно же оппозиция была против индустриализации СССР. Ни Запад, ни его приспешники в СССР в лице троцкистской оппозиции не оставляли попыток превратить-таки Советский Союз в сырьевой придаток Запада. Вот в чем и заключалась основная суть как внешней угрозы, так и резкой, но в координации с первой, активизации оппозиции.

А что может быть лучше для обоснования попытки свержения своего политического противника, чем предлог медицинского характера?! Особенно, если этот предлог якобы говорит об имеющем место психическом расстройстве политического конкурента. В истории заговоров это более чем распространенное явление. Мировая история буквально изобилует многочисленными примерами на эту тему. В разные эпохи, в разных государствах и в совершенно разных заговорах их участники весьма охотно прибегали (и прибегают) к использованию якобы медицинских причин для оправдания якобы объективной необходимости и обоснованности свержения своего политического противника. Мол, психу не место у кормила власти. И Троцкий пошел.по давно проторенному в истории пути. Для этого и была выбрана версия о психическом расстройстве Сталина. Кстати говоря, очень любопытно, почему Троцкий и К° остановили свой выбор именно на паранойе. Причина такого выбора была политической, но, естественно, с медицинской «подкладкой».

Дело в том, что перед оппозицией стояла весьма непростая, можно сказать, тяжелая, почти неразрешимая задача. Ведь надо же было хоть как-то объяснить достаточно длительное к тому времени пребывание Сталина на посту генерального секретаря партии, на который, к слову сказать, его предложил их общий вождь — В.И. Ленин. Причем объяснить, во-первых, не бросая жирной черной тени на самого Ленина, который, как известно, почил в Бозе, будучи в полном безумии, а, во-вторых, не оскорбляя членов партии, особенно старых,

а также членов ЦК, которые по состоянию на конец 1927 г. уже трижды за прошедший шестилетний период голосовали за оставление Сталина на этом посту, хотя сам Иосиф Виссарионович трижды подавал прошения об освобождении его от этого поста.

Наиболее удобная версия о шизофрении — как о самом распространенном психическом заболевании — для этого не годилась. Потому как на бытовом уровне, в процессе ежедневного общения шизофрения в той или иной мере становится заметной окружающим, даже если они не знают мудреных медицинских терминов. Ведь «шизофрения» в переводе означает «расщепленный разум». То есть, примени оппозиция эту версию, то получилось бы, что ни их «гениальный вождь» Ленин, ни члены ЦК, ни члены партии за длительный период не смогли разглядеть, что Сталин шизофреник. Что в свою очередь означало бы, что и они тоже слабы на голову.

А вот версия паранойи была лишена такого изъяна. Ведь по определению *клиническая картина этого психического расстройства определяется в основном эффективно окрашенными систематизированными бредовыми или сверхценными идеями, захватывающими определенный круг представлений и развивающимися при отсутствии или малом участии галлюцинаций и без выраженных изменений личности.*

Вотчто и привлекло внимание Троцкого и его сторонников. В случае грезившегося им успеха заговора и антигосударственного переворота все, что до этого успел сделать Сталин для укрепления СССР, запросто можно было бы объявить бредом больного, особенно подготовку к индустриализации и первой пятилетке. Но объявить именно в форме, не вызывающей сильного раздражения у остальных членов партии и советского партийно-государственного руководства. Потому как в противном случае немедленно возник бы вопрос: как могло получиться, что сотни тысяч членов партии голосовали за такой бред? А вот тут-то и пригодилось бы это самое «без выраженных изменений личности »: мол, ловко скрывал Сталин свою болезнь, оттого и не распознали ее вовремя. А поскольку клиническая картина этого заболевания вырисовыва-

ется как «эффективно окрашенная систематизированными бредовыми или сверхценными идеями, захватывающими определенный круг представлений», то попытку опорочить курс Сталина на индустриализацию и строительство социализма в отдельно взятой стране можно было выставить как **«сверхценный» бред параноика, который нельзя реализовывать!**

Но чтобы представить эту версию в солидном виде, необходимо было озвучить ее устами видного ученого. В России всегда был особый пиетет перед учеными людьми. И члены партии не являлись исключением в этом смысле. Именно поэтому оппозиция и попыталась обратиться к выдающему русскому ученому Владимиру Михайловичу Бехтереву. Но тут у нее произошел целый ряд накладок.

Во-первых, В.М.Бехтерев не был постоянно практикующим врачом-психиатром. Он был психоневрологом, потому как созданное им самим научное направление он так и называл — психоневрология. Причем в рамках этого научного направления Бехтерев доверял исключительно анатомо-физиологическим объяснениям интересовавших его явлений. Тем более что его психотерапевтические интересы еще до 1917 г. окончательно сосредоточились на гипнозе. Какое отношение к постановке диагнозов мог иметь такой специалист, обладая такими научными склонностями?! Ведь для этого необходим статус постоянно практикующего врача-невропатолога/психиатра. А вот им-то он и не был. Его больше увлекали опыты наподобие тех, что осуществлял с собачками великий русский физиолог Павлов. Проще говоря, Троцкому и К° понадобилось широко известное имя выдающегося русского ученого. Причем в большей степени акцент должен быть на слове «русский». Троцкий прекрасно понимал, что после его живодерства над Россией в период с 1917 по 1923 г. в стране ему не доверяют. К тому же в то время СССР в очередной раз захлестнул «девятый вал» ярой юдофобии, что было последствием Октябрьского переворота и политики НЭПа. **И Троцкому непременно нужно было озвучить версию о паранойе устами выдающегося русского ученого.**

Во-вторых, ни Троцкий, ни его сторонники были не в состоянии правильно оценить ряд фактов. Например, того, что

В.М. Бехтерев был выдающимся представителем старой русской, российской научной школы, человеком исключительной чести и научной порядочности, неотделимой от общечеловеческой. Он никогда и ни при каких обстоятельствах не изменял свято чтившейся им клятве Гиппократа. К тому же он был и генерал-майором медицинской службы царской армии. То есть имел еще и очень твердые убеждения и понятия об офицерской чести. И чтобы такой человек, врач, ученый, офицер пошел бы на поводу у троцкистской оппозиции, даже если и не разделял позиции большевиков? Начисто исключено!

В-третьих, тем не менее Троцкий и К° все-таки посмели обратиться к Бехтереву со своим подлым предложением. И совершенно естественно, нарвались на нормальную реакцию порядочного человека. Владимир Михайлович Бехтерев послал обратившихся к нему представителей троцкистской оппозиции по хорошо известному всей России адресу. Более того, открыто пригрозил, что сообщит об их подлом предложении не просто кому следует, а самому Сталину. Как выдающийся ученый и порядочный человек, генерал старой закалки, он не привык иметь дело с мерзостями — это не входило в его кодекс чести.

Как и всегда, реакция троцкистской оппозиции оказалась подлой и преступной — после провала попытки антигосударственного переворота и самого заговора В.М. Бехтерева быстро спровадили к праотцам путем отравления. Причем сделали это умышленно в Москве, дабы бросить тень именно на Сталина. Первоначально разрабатывавшаяся для обоснования свержения Сталина версия о паранойе была использована как месть за провал заговора и попытки антигосударственного переворота, для чего ее разбавили некоторыми деталями антисталинского характера, не сказать о которых нельзя.

Обратите внимание, что в мифе использован пассаж о том, что Бехтереву дали возможность побеседовать с некоторыми родственниками Сталина. Но это примитивный бред, рассчитанный на ничего не знающих лиц. У Сталина была весьма эффективная личная охрана. Руководители охраны — Паукер и Власик — весьма активно «ловили мышей». Велось очень зоркое наблюдение за всеми, в том числе и за кругом знакомств

ближайших родственников генсека, особенно тех, кто проживал в Москве и Ленинграде. Это вообще одна из основных задач личной охраны (службы безопасности) первых лиц в любом государстве мира. А ведь Бехтерев был настолько известной личностью, что любой его контакт с кем-либо из родственников Сталина просто физически не мог остаться незамеченным. Да и, честно говоря, в сам контакт вступить было очень сложно. Вся родня Сталина волей-неволей вынуждена была следовать курсом его личной скромности. К примеру, проучившись длительное время в Промакадемии, тот же Хрущев даже и предположить не мог, что одна из миловидных слушательниц академии — Надежда Аллилуева — жена генерального секретаря партии. Едва ли не всеобъемлющий жесткий аскетизм в быту и поведении тогда был в особом почете.

Не меньший бред представляет собой и глупость утверждения о том, что-де Бехтереву якобы были предоставлены некоторые медицинские документы о состоянии здоровья Сталина для постановки диагноза. Личная охрана первого лица всегда особо зорко наблюдает за всем документооборотом подопечного. Тем более за документами личного характера — такими, как медицинские данные первого лица. Это вообще секрет секретов в любом государстве. По определению это особо охраняемые документы, и любой несанкционированный доступ к ним немедленно привлек бы особое внимание личной охраны. Ведь прежде чем показать их Бехтереву, их необходимо было изъять из Лечсанупра Кремля. Причем изъять в условиях особой охраны этих документов, не привлекая внимание личной охраны Сталина. Малейшая попытка оппозиции выкинуть такой номер была бы пресечена самым жестоким образом. К слову сказать, именно потому, что у оппозиции не было даже истлевшего пепла от какого-либо документа медицинского характера в отношении Сталина, она и вынуждена была распускать самые грязные слухи. Будь у нее хотя бы самый задрипанный клочок хоть какого-либо документа, то, уж будьте уверены, она использовала бы его на полную мощность. Но ничего подобного в руках оппозиции не было — оттого-то она и распускала самые грязные слухи.

Такой же беспрецедентный бред представляет собой и утверждение о том, что, узнав о диагнозе, Сталин приказал ликвидировать Бехтерева. Во-первых, выше уже говорилось, что Бехтерев чисто физически не имел возможности встретиться со Сталиным в декабре 1927 г. Во-вторых, сам Бехтерев постоянно проживал в Ленинграде. И до приезда в Москву также не мог встретиться со Сталиным. В-третьих, не надо путать Гегеля с Бабелем — Сталин 1927 г. это далеко еще не Сталин после 1937 года. В-четвертых, никакого правительственного буфета в Большом театре в те времена не существовало. Все, что в мифе подразумевается под этим громким названием, в те времена означало следующее. Это была одна из наиболее приличных комнат, где под строгим надзором личной охраны Сталина иногда накрывали столы для угощения артистов по типу «а ля фуршет». И что же, на глазах у всех кто-то из охраны стал бы травить Бехтерева? А что ему было делать именно там? Ведь не артист же, а доктор, психоневролог.

Наконец, о самом главном. Еще в 1995 г. в интервью популярному еженедельнику «Аргументы и факты» (№ 39) внучка выдающегося ученого и сама известный деятель науки, академик Наталья Петровна Бехтерева заявила: **«Это была тенденция — объявлять Сталина сумасшедшим, в том числе с использованием якобы высказывания моего дедушки, но никакого высказывания не было, иначе мы бы знали. Дедушку действительно отравили, но из-за другого. А кому-то понадобилась эта версия. На меня начали давить, и я должна была подтвердить, что это так и было. Мне говорили, что они напечатают, какой Бехтерев был хороший человек и как погиб, смело выполняя свой врачебный долг. Какой врачебный долг? Он был прекрасный врач, как он мог выйти от любого больного и сказать, что тот — параноик? Онне мог этого сделать».**

Вы поняли, в чем все дело? Кому-то понадобилась реанимация этого старинного бреда, и они начали давить на женщину — внучку ученого. А кому она могла понадобиться, если все произошло в разгар преступной «перестройки»? В чьих руках находились тогда печатные СМИ, чтобы столь уверенно гарантировать, что эту ложь напечатают? А кто у нас с 1985 г. возглавлял КПСС, а затем и СССР? И особенно кто

возглавлял Агитпроп ЦК КПСС? Правильно, М.С. Горбачев и «прораб перестройки» А.Н. Яковлев. Однако же давно известно, что сколь веревочке не виться — конец-то все равно настанет. И он настал.

Когда подлое давление негодяев ослабло, а все эти «архитекторы и прорабы» вместе со своей преступной «перестройкой» закономерно оказались на помойке Истории, наследственные гены выдающегося русского ученого и порядочного человека все-таки взяли верх. Наталья Петровна по собственной воле, открыто, многомиллионным тиражом мужественно признала, что это была вынужденная ложь! И добавила: **«У нас в семье всем было известно, что отравила Владимира Михайловича его вторая жена — Берта Яковлевна»!** Вот потому-то человек Троцкого в ОГПУ — Генрих Ягода — и спустил на тормозах расследование дела об убийстве выдающегося русского ученого Владимира Михайловича Бехтерева. А оппозиция тем не менее использовала факт убийства Бехтерева по ее же приказу в своих интересах, создав в результате целый ряд мифов о причастности Сталина к смертям Фрунзе, Дзержинского, Бехтерева. Вот так и создавался общий миф о Сталине как об убийце.

Такова подлинная правда — самое страшное оружие для любой лжи, фальсификации и мистификации!

Миф № 61. Сталин виновен в смерти Адольфа Абрамовича Иоффе — видного советского дипломата и представителя «ленинской гвардии».

Один из самых глупых, ни на чем не основанных мифов антисталинианы. Истинный представитель «ленинской гвардии» Адольф Абрамович Иоффе (он же В. Крымский) был, как обычно указывают, патологическим невротиком. На самом же деле — эпилептиком, страдавшим к тому же еще и шизофренией. Длительное время за ним наблюдал один из самых выдающихся учеников знаменитого Зигмунда Фрейда — Альфред Адлер (кстати, темой его научной диссертации как раз и была эпилепсия). Наблюдал многие годы, задолго

до октября 1917 г. И не только наблюдал, но и пытался вылечить методом так называемого психоанализа, проводя по 5—6 сеансов в неделю, что, между прочим, стоило тогда баснословных денег. Правда, не вылечил: врожденная психическая патология излечению не поддается, будь ты хоть трижды даже самим Зигмундом Фрейдом. И вот этот самый псих в тяжелой форме стал первым советским послом в Германии!

Впоследствии А.А. Иоффе в **18.00 17 ноября 1927** г. выстрелом из пистолета покончил жизнь самоубийством. То есть через десять дней после того, как предпринятая 7 ноября того же года оппозицией отчаянная попытка государственного переворота с треском провалилась. И это самоубийство также пытаются вменить в вину Сталину, что обычно делается следующим образом: **«...не выдержав телесных и психических страданий, к которым, вероятно, добавлялись и меры против внутрипартийной оппозиции в ВКП(б), которые были предприняты Сталиным в то время».** Ведь это же надо так лгать! Патологический психопат сам застрелился, а виноват Сталин? Впрочем, ну как же, ведь столь безобидное дельце затеяла оппозиция — в надежде на вооруженное нападение извне всего лишь какой-то там переворотишко рыпнулась осуществить, а против нее, несчастной, такие жестокости... К слову сказать, жестокостей не было и в помине, хотя кое-кого и пришлось упечь в кутузку. Правда, за хулиганство. Самая «жестокая» мера — высылка Троцкого в Алма-Ату. Вот и застрелился «бедолага» Адольф Абрамович Иоффе. И застрелился этот патологически ненормальный «ленинский гвардеец» и ярый сторонник Троцкого (а этого А. Адлер тоже «пользовал», на пару с Иоффе) лишь потому, что в очередной раз впал в дикий стресс, и разум в очередной раз «расщепился»(шизофрения в переводе означает расщепленный разум). Так ведь и было от чего, ибо как-никак, но провалилась очередная попытка заговора с целью осуществления государственного переворота. Ну, а дальше собственноручно выпущенная пуля сделала то, чего не мог добиться даже один из лучших учеников самого З. Фрейда, — «вылечила» навсегда... методом окончательного расщепления мозгов.

«Невинная жертва» сталинизма, однако...

Миф № 62. Репрессии против военных, особенно против командного состава, в 1920—1930-х гг. — сплошная фальсификация ОГПУ и Сталина.

Миф № 63. Дела «Генштабисты» и «Весна» — провокация ОГПУ и Сталина против военных специалистов.

Мифы на эту тему вошли в оборот совсем недавно, от силы лет пятнадцать тому назад. Ныне основной их проводник — военный историк Н.С. Черушев. Имея в своем распоряжении незаурядные материалы, он не дает им объективную оценку. Потому-то все его книги и являются добросовестной хрестоматией. То есть, если в строгом переводе с греческого, «сборником отрывков» из различных следственных и судебных дел в отношении военных того времени. А вот анализа сути явлений того периода — увы, там нет. Потому что его главная задача, как он написал в одной из своих книг, «показать динамику репрессий» и «подвести к выводам». Однако современному читателю — читателю вдумчивому — важна суть событий, а не «динамика репрессий», и «подводить к выводам» его не надо.

Черушев утверждает следующее: «Характерной тенденцией в деятельности ВЧК-ОГПУ в 1920-е годы было стремление "вычистить" из рядов Красной Армии тех военнослужащих, которые в свое время были офицерами царской армии, а также и тех, кто по какой-либо причине служил в армии белых. И это несмотря на то, что большинство из них затем добровольно изъявили желание служить в РККА и все последующие годы были лояльны к советской власти. Однако, как оказалось, все они были "под колпаком" у чекистов, все годы службы в Красной Армии находились под подозрением. Из их числа в первую очередь чекисты формировали всевозможные "контрреволюционные", "террористические", "шпионские", "вредительские" антисоветские организации»[1].

[1] Черушев Н.С. Невиновных не бывает. Чекисты против военных. 1918-1953. М., 2004. С. 6.

Но ведь, как одна из главнейших силовых структур государства, армия априори должна находиться и потому всегда находилась и всегда будет находиться под наблюдением органов государственной безопасности! Причем в любом государстве вне зависимости от строя, режима и т.п. Потому что армия, подчеркиваю, как один из главнейших силовых институтов государства, одновременно и один из важнейших гарантов государственной независимости, суверенитета и территориальной целостности. А гарант, как жена Цезаря, должен быть вне подозрений. История же российской армии, при всей ее беспрецедентной доблести на полях сражений, далеко не безупречна как раз именно с этой точки зрения. Сколько в истории государства Российского описано заговоров с участием, в том числе и с преимущественным участием, военных, не говоря уже о сугубо военных заговорах — не счесть. Чего же удивляться, что органы государственной безопасности вели наблюдение за военными? Это нормальная, рутинная практика в любом государстве. Там, где этого нет или, по меньшей мере, негласный контроль над вооруженными силами ослаблен — там всегда переворот или как минимум военный заговор. Так что насчет чекистского «колпака» можно было бы и не столь прямолинейно ляпать. Хотя бы для того, чтобы прилюдно не расписываться в элементарном непонимании природы этого контроля. Ведь вопрос-то не в том, что был или не был этот контроль («колпак»), а какие цели он преследовал, в чьих интересах он осуществлялся.

А вот тут-то у непонимающего суть этого контроля Черушева серьезная закавыка, потому что «корень зла» он видит явно в самом факте существования органов государственной безопасности. Но назвал бы он хотя бы одно государство мира, где этого нет. Даже в Ватикане, где папских гвардейцев можно по пальцам сосчитать, — и то есть своя служба безопасности, которая недреманным оком негласно наблюдает за ними. И если что не так, тут же увольняет, а может и к суду привлечь.

Закавыка же у Черушева проистекает из следующего. Он словно не знает того факта, что военная контрразведка, то есть особые отделы, с момента возникновения еще в период Граж-

данской войны и до 17 сентября 1931 года находилась в прямом ведении высшего военного органа СССР — Реввоенсовета, который все это время и ставил задания органам ГПУ-ОГПУ в военной сфере. Так что, если уж охота ему «проливать крокодилову слезу» в адрес «невинно» репрессированных еще в 1920-х — начале 1930-х гг. военных, то прежде всего ему необходимо было бы бросить увесистый булыжник в адрес Реввоенсовета. Так было бы правильнее. Потому что органы госбезопасности, как особый силовой инструмент государства, действовали по указаниям высших органов власти и, естественно, на основе Конституции, в которой этот высший орган власти прямо указан как высший.

Что же до столь любимого Черушевым и многими авторами «конька» —беспрестанного перемывания истории дел «Генштабисты » и особенно «Весна », — необходимо по меньшей мере хотя бы минимально знать, что это за время было и какие внутренние и внешние события происходили.

Прежде всего нельзя забывать, что история военных заговоров в СССР началась еще тогда, когда и СССР еще не был провозглашен. Первый такой случай имел место еще весной 1922 г. и связан он с заговором командующего Петроградским военным округом Гиттиса. А если еще точнее, то в 1920 году, когда верные Троцкому архаровцы из числа военных едва не «замочили » дражайшего Ильича во время охоты в Завидово в августе 1920 года. Нельзя забывать о подготовке Троцким в конце 1923 года военного путча, о котором в письменном виде проболтался его ярый сторонник Антонов-Овсеенко, угрожавший этим путчем ЦК партии. Нельзя забывать о том, что даже в траурные дни похорон Ленина Дзержинский вынужден был докладывать на Политбюро тревожные сведения о заговоре военных. Нельзя забывать о том, что троцкистская оппозиция постоянно провоцировала националистическое подполье на проявления националистического сепаратизма, в том числе создавая военизированные организации, где первую скрипку играли именно военные. Такие организации создавались на Украине — «Украинская войсковая организация», в Закавказье — «Азербайджанский национальный центр » и т.д.

Нельзя забывать, что против Советского Союза чрезвычайно активно работали разведки ведущих стран Запада, особенно британская, французская, германская, что у них в услужении находились разведки прибалтийских лимитрофов, польская, румынская и финская разведки. Опираясь на старые связи — ведь многие офицеры, оказавшиеся по разные стороны баррикад, тем не менее не потеряли личных отношений между собой, не говоря уже о том, что нередко и родственных, — указанные разведки активно использовали эти обстоятельства в вербовочной и подрывной деятельности против СССР. Любая разведка активно использует такие ситуации. Кстати, и российская разведка тоже, причем в те времена особенно. Во все времена это используется и будет использоваться. Естественно, что использовалось и тогда. Так что не надо удивляться тому, что были вскрыты те или иные шпионские резидентуры или вредительские организации, связанные с заграницей. Британская разведка, к примеру, традиционно была очень активна в отношении военно-морских сил Советского Союза. Еще со времен революции и интервенции насадила серьезные агентурные сети на этом направлении.

Чего же удивляться, что в 1926 г. была разгромлена контрреволюционная монархическая организация на Балтийском флоте, а через несколько лет аналогичную организацию выявили на Черноморском флоте. Эти флоты — давние объекты британской разведки. В годы революции и Гражданской войны британской разведке так и не удалось уничтожить эти флоты, дабы лишить Россию морской силы, хотя усилия прилагались отчаянные. Один Троцкий наворотил с этими флотами такого, что ему и десяти ледорубов по его проклятому черепу было бы мало. Чего удивляться, что в 1930 г. была разоблачена вредительская организация в Морских силах РКК. У Черушева едва ли не смех вызывает то обстоятельство, что среди предъявленных по этому делу обвинений фигурировало «проведение линии на отрыв морских сил от сухопутной армии», «торможение постройки доступного нам флота». Увы, зашоренность антисталинизмом — не лучшая методика в исследовании истории. Что смешного он увидел в «проведении линии на отрыв морских сил от сухопутной армии», если это

один из серьезных козырей в организации военного поражения на смешанном театре военных действий? То есть там, где сухопутные войска априори должны взаимодействовать с военным флотом, поддерживая друг друга. В начале Великой Отечественной войны у нас именно так и происходило в Крыму.

А с какой стати надо было ёрничать насчет «торможения постройки доступного флота»? Что, не видели мы в последние пятнадцать лет, как «демократы» не давали развивать флот, уничтожая даже то, что имелось? И тогда было то же самое. Действительно пытались доказать руководству страны, что не нужен нам флот. Хотя в это время наши морские богатства грабили все, кому было не лень. Одна только Норвегия награбила наших рыбных богатств столько, что вправлять ей мозги по части приличного поведения в международном сообществе пришлось вновь созданным лично Сталиным Северным флотом. То же самое происходило и на Тихом океане, где пользовавшиеся слабостью нашего Тихоокеанского флота японцы не только вовсю хамили, но и грабили наши морские богатства. А товарищ Тухачевский в это время убеждал Сталина, что нам не нужен мощный флот, достаточно москитного флота и тяжелых бомбардировщиков.

Черушев указывает на даты, но не понимает, что за этим стоит. Вот тот же разгром вредительской организации в морских силах произошел в 1930 году. А ведь в то время действительно готовилась вооруженная интервенция против Советского Союза, в которой ударную роль должны были играть вооруженные силы как раз государства Балтийского моря — Германии, Польши, Латвии, Эстонии, Финляндии. А их действия должны были поддерживать британский флот и французская авиация. И что же, разведки этих стран, равно как и военное командование этих государств, так желали нарваться на серьезный вооруженный отпор со стороны Советского Союза? Потому и делали ставку на различных негодяев в погонах, чтобы с минимальными потерями добиться успеха при вооруженном нападении. Чего тут смеяться или ёрничать, когда вся мировая, не говоря уже о российской, история войн чрезмерно изобилует примерами такого предательства. Кстати говоря, с угрозой военной интервенции связано и дело «Вес-

на». Оно ведь тоже пришлось на 1930 год, и это тоже не случайность. А не случайность по следующей причине.

У нас до сих пор ходят безумные легенды о неких исключительных полководческих способностях Тухачевского и К°. Однако в действительности они не были ни гениальными, ни бездарными стратегами. Они были всего лишь заурядными, главным образом нахватавшимися верхушек военных знаний военачальниками. Кто-то лучше, кто-то хуже, однако общий уровень их способностей был таков, что всерьез называть это стратегическими талантами просто нельзя. Вся их так называемая слава полководцев пошла со времен Гражданской войны. Однако, как свидетельствуют серьезные исследования, М.Н. Тухачевский, И.П. Уборевич, И.Э. Якир, В.К. Блюхер, И.Ф. Федько, П.Е. Дыбенко, А.И. Егоров и т.д., включая таких полуштатских «героев» Гражданской войны, как ГЛ. Сокольников, М.М. Лашевич, И.Т. Смилга, Н.И. Муралов, СВ. Мрачковский и т.п., не проявили себя серьезными, по-настоящему талантливыми полководцами. **Всеми своими успехами они обязаны кадровым царским офицерам, пришедшим на службу в Красную Армию!**

Их приход в Красную Армию был обусловлен не принуждением, хотя отдельные случаи подобного насилия действительно имели место, а мощным всплеском русского патриотизма, вызванным растущим вмешательством Антанты в Гражданскую войну. Очень многие бывшие царские генералы и офицеры отлично понимали, что от покровительствовавшей всевозможным националистическим сепаратистам и ярым врагам России Антанты ничего хорошего ждать не приходилось. Перешедшие на сторону Красной Армии бывшие царские генералы и офицеры стремились служить в сильнрй и независимой от иностранцев русской армии, хотя и с чуждой им идеологией. Они не желали служить если и не в марионеточных в полном смысле слова, то тем не менее в полностью подконтрольных иностранным державам армиях Колчака, Деникина, Юденича, Миллера, гетмана Скоропадского, Петлюры, Бермондт-Авалова, Врангеля и т.п.

По данным А.Г. Кавтарадзе, автора уникальной монографии «Военные специалисты на службе Республики Советов.

1917—1920 гг.»(М., 1988), в Красной Армии к концу Гражданской войны служили примерно 75 тысяч военспецов. Их число было огромно в звене младшего и среднего командного состава, но особенно велико среди старшего и высшего комсостава. В период Гражданской войны все главкомы Красной Армии являлись военными специалистами. К примеру, из 20 командующих фронтами 17 являлись военспецами, то есть 85%, среди командующих армиями — 82%, среди начальников штабов армий — 90%, среди начальников штабов дивизий — 70%. Однако здесь следует иметь в виду, что из 75 тысяч военспецов в Красной Армии 65 тысяч являлись офицерами военного времени. То есть сугубо кадровыми, обладавшими высшим военным образованием в Красной Армии офицерами были всего 10 тысяч человек. Это столько же, сколько их было у Колчака, но в два раза больше чем, например, у Миллера или Юденича, однако в три раза меньше, чем у Деникина, кадровый офицерский состав армии которого насчитывал 30 тысяч человек. **Преобладание среди военспецов офицеров** военного **времени прежде всего объясняется тем, что они представляли более демократические слои** российского общества, чем кастовое **кадровое** офицерство.

Однако десятитысячный корпус кадровых офицеров оказался очень внушительной силой. Занимая посты начальников штабов и помощников командующих, именно они и были подлинными руководителями фронтов, армий, корпусов и дивизий. Именно они и являлись организаторами побед Красной Армии в Гражданской войне. И, повторяю, именно им так называемые герои Гражданской войны обязаны своей славой военачальников.

Так вот именно от них, блестяще владевших стратегией и тактикой армий европейских государств, обладавших колоссальным боевым опытом как Первой мировой, так и Гражданской войн бывших царских офицеров и генералов, и решили избавиться «герои» Гражданской войны. Избавиться в канун ожидавшегося вооруженного нападения с Запада. Потому что все эти «герои» готовили поражение своей страны. А бывшие золотопогонники могли всерьез помешать им. Они-то всегда были за Россию. Вот и весь сказ. Да, чуть было не забыл. Имен-

но из рядов бывших золотопогонников впервые, кстати, в том же 1930 г. стали поступать сигналы о военном заговоре во главе с Тухачевским. Правда, тогда ему удалось отвертеться.

То есть это была не случайная акция. Целенаправленно репрессировались или в лучшем случае просто изгонялись из вооруженных сил наиболее сильные, образованные, обладавшие колоссальным боевым опытом, отлично знавшие стратегию и тактику европейских армий офицеры и генералы. Изгонялись также и наиболее сильные военные педагоги из числа бывших царских офицеров. Потому что сохранение таких преподавателей гарантировало высокий класс подготовки будущих старших и высших офицеров. Изгонялись те бывшие царские военные, которые имели отличные от взглядов «героев»-верхоглядов точки зрения на принципы обороны России, хотя бы и Советской. Особенно ярко это проявилось в деле выдающегося русского военного теоретика генерала Свечина — сторонника стратегической обороны. Против него-то и выступали Тухачевский и К°, которые, напротив, пропагандировали безумные идеи превентивного нападения на соседние государства. Кстати говоря, Свечина спас — вытащил из тюрьмы — именно Ворошилов.

Изложенное, конечно же, не означает, что все изгнанные из рядов РККА бывшие золотопогонники были невинны аки агнцы Божьи. Утверждать подобное было бы глупо. Часть из них действительно участвовала в различных контрреволюционных организациях. По меньшей мере вследствие того, что всякие подпоручики типа Тухачевских, Якиров, Уборевичей и прочих Фельдманов, Корков и Примаковых занимали высшие посты в военной иерархии, а обеспечившие им грандиозную победу в Гражданской войне — остались с носом. Как были на своих второстепенных должностях, так и за полтора десятилетия никак не были повышены ни в должностях, ни званиях. Подобные ситуации неизбежно порождают не только недовольство, но и соответствующие действия, не всегда приветствуемые Уголовным кодексом.

И еще один момент. Очень часто в упомянутых делах пытаются услышать эхо знаменитой операции «Трест». Мол, чекисты нарвались на бумеранг — сами же раньше легендировали всякие антисоветские настроения и организации среди выс-

ших военных, а затем стали получать такие порочившие военных данные уже от собственной агентуры из-за границы. Подобные утверждения не стоят и выеденного яйца. Потому что легендирование участия военных в этих вымышленных организациях, особенно Тухачевского и К°, было прекращено еще в самом начале 1924 года. Более того, дела «Генштабисты» и «Весна» заводились по указаниям одних и тех же руководящих работников ГПУ-ОГПУ, которые начинали и вели операции «Трест» и «Синдикат». Уж кто-кто, но они-то прекрасно знали, где плевелы их собственной дезинформации, а где никак с ними не связанная новейшая агентурная информация из-за границы, которая свидетельствовала об организации некоей «военной партии» из числа высших советских военачальников. Потому и были заведены эти дела.

Как видите, если отойти от «динамики репрессий», но вникнуть в элементарную суть дела, то картина получается совсем иная. Принципиально иная.

Миф № 64. Покушения на Сталина, Молотова и других руководителей СССР в первой половине 1930-х гг. — фальсификация Сталина.

Глупость антисталинистов. Причем глупость несусветная. Потому как архивы правительственной охраны свидетельствуют о неоднократности таких попыток.

Дело в том, что борьба с оппозицией в первую очередь носила характер борьбы за власть. Причем, если со стороны Сталина и его группы эта борьба за власть была в интересах всех народов СССР, его независимости, суверенитета и территориальной целостности, то со стороны оппозиции — в интересах Запада. Прежде всего в интересах реставрации капитализма, ради превращения СССР, точнее постСССР, в сырьевой придаток Запада, в том числе и за счет расчленения его территории для последующей ее утилизации разными государствами и монополиями Запада. И совершенно не случайно, что попытки осуществления террористических актов участились именно в начале 1930-х гг. За этим стоят как полити-

ческие, так и экономические причины глобального характера. Об экономических причинах террора мы уже подробно сказали при рассмотрении мифа № 52.

Те, кто правит на Западе, превосходно владели базисными принципами экономики. Потому прекрасно поняли, что придется и сдаваться на милость созидающего социализма.

Именно поэтому совместно со спецслужбами западных стран, следуя установкам Троцкого на террор, а «бес мировой революции» инструкции-то получал от первых, внутренняя оппозиция делала все, чтобы объединенными усилиями нанести мощный удар по Советской власти и, захватив власть в стране, реставрировать капитализм. Свои главные усилия они направляли на Сталина и его ближайших соратников, уделяя особое внимание вопросам физической их ликвидации. Такая информация тогда постоянно поступала по каналам разведки и контрразведки, что впоследствии подтвердилось и на основных судебных процессах 1930-х гг.

Так, в сентябре 1932 г. председатель Совета народных комиссаров СССР В.М. Молотов предпринял поездку по горнорудным и промышленным районам Сибири. При посещении одной из шахт Кузбасса машина, на которой он ехал, внезапно свернула с дороги и остановилась на самом краю оврага. Молотов и сопровождавшие его лица чудом избежали смерти, отделавшись легкими ушибами. Машиной управлял член местной троцкистской организации — Виктор Арнольд. Руководитель этой троцкистской организации, один из верных сторонников Троцкого Шестов, поручил ему осуществить террористический акт против Молотова. На маршруте следования было подобрано место, где водитель должен был устроить аварию со сваливанием автомобиля в глубокий овраг, предварительно выскочив из нее. Все сорвалось лишь по той причине, что Виктор Арнольд в последний момент потерял самообладание, поняв, что угробит и самого себя. Впоследствии это подтвердил и сам Молотов: «Было покушение в Прокопьевске. Шофер дал показания, что в последний момент передумал, там пропасть была. Неизбежно не только меня убило бы, но и его тоже».

Боевики из нелегальной заговорщической группы, входившей в троцкистский блок, проследили в Москве и маршруты

поездок народного комиссара обороны К.Е. Ворошилова. Несколько дней даже дежурили на улице Фрунзе, чтобы совершить террористический акт. Однако машина наркома, как правило, шла на большой скорости, что не позволило боевикам осуществить прицельную стрельбу. Теракт сорвался, а вскоре боевиков арестовали.

Террористу Богдану, входившему в зиновьевский блок, было поручено убить Сталина на одной из партийных конференций. В мае 1934 года он сумел проникнуть в зал заседания, но не смог приблизиться к месту, где находился Сталин. К тому же в последний момент Богдан заколебался. Руководитель боевой организации зиновьевского блока — старый подручный Зиновьева по Ленинграду, отпетый уголовник и бандит Бакаев — буквально на следующий день застрелил Богдана за невыполнение задания блока. Между прочим, Зиновьев и Каменев прочили Бакаева на должность главы органов госбезопасности после грезившегося им успеха государственного переворота. Бакаев должен был ликвидировать на Лубянке все следы преступлений оппозиции. Впоследствии, когда он был арестован и предстал перед судом, Бакаев откровенно об этом поведал.

Кстати говоря, бакаевские боевики обстреляли также и катер Сталина, полагая, что он совершает на нем морскую прогулку вдоль побережья Черного моря.

Разве все это могло быть фальсификациями Сталина, если автор использовал данные из книги одного из руководителей знаменитого 9-го Главного управления Комитета государственной безопасности СССР генерал-майора Михаила Степановича Докучаева «Москва. Кремль. Охрана» (М., 1993)? Это профессионал столь высочайшего класса, что каждое его слово на вес золота.

Миф № 65. Сталин причастен к смерти С.М. Кирова.

Один из самых подлых мифов во всей антисталиниане. Прежде всего потому, что Сталин и Киров были очень близкими друзьями, о чем красноречиво свидетельствует дарствен-

ная надпись Сталина на подаренной Кирову книге «О Ленине и ленинизме»: *«Другу моему, брату любимому от автора»*.

Непосредственным автором мифа был один из главных подлецов в так называемой ленинской гвардии — несносный Коля Балаболкин, как его называл Троцкий, он же Николай Иванович Бухарин. Во всей антисталиниане это, пожалуй, единственный случай, когда миф родился в виде подлой и грязной частушки, составленной лично Бухариным:

Эх, огурчики да помидорчики,
Сталин Кирова убил в коридорчике...

В первом варианте было еще хлеще:

Эх, огурчики да помидорчики,
Сталин Кирова пришил в коридорчике...

Затем, как водится, вся оппозиционная шваль распустила языки. Не отставали и эмигранты. А уж Троцкий — этот и вовсе соответствующую «теорию» развел. Затем его присные, особенно те, что дали деру на Запад. Те с ученым видом якобы знатоков в письменном виде пороли такую чушь, что даже заядлые антисоветчики и те носы воротили. Ну, и, наконец, за дело взялся Н.С. Хрущев. С трибуны XX съезда КПСС он облыжнЬ и прилюдно обвинил Сталина в организации убийства Кирова. Затем «исследованиями» по его поручению занялась некая Ольга Шатуновская. Она собрала целых 64 тома всевозможного бреда разных недобитых вовремя негодяев, которые болтали, что в голову взбредет, даже несусветную ложь. Со временем Шатуновская, как и полагается таким лицам, уехала в США.

Смысл этого мифа в следующем. Мол, еще на XVII съезде ВКП(б) делегаты хотели избрать генеральным секретарем партии Кирова и даже проголосовали за него. Однако Сталин все данные голосования сфальсифицировал (по этому поводу даже сочинили очередную антисталинскую байку о том, что-де важно не как считают, а кто считает). Потом-де прикончил Кирова как якобы опасного конкурента, а затем, в 1937 г., доб-

рался и до остальных делегатов этого съезда, отчего его и прозвали съездом расстрелянных. А что было в действительности?

Прежде, чем показать, что же было в действительности, хотелось бы обратить внимание на одно обстоятельство, которое, к сожалению, всегда остается незамеченным.

«Технологический почерк» убийства Кирова практически полностью тождественен «почерку» убийства знаменитого премьер-министра Российской империи Петра Аркадьевича Столыпина. Но если менее чем за четверть века в одной и той же стране, но при разных политических режимах происходят два крупнейших политических убийства с одним и тем же, едва ли не во всех деталях совпадающим «технологическим почерком » их совершения, то это означает, что в обоих случаях за кулисами действовал один и тот же профессионал. Единственный, кто в Советском Союзе в то время досконально знал уникальные детали операции по подготовке и осуществлению убийства Столыпина при якобы внешней непричастности охранки, был тот самый подполковник жандармерии Николай Николаевич Кулябко, который дал Тухачевскому рекомендацию в партию. Кто не верит, пусть почитает — это даже в современных книгах хорошо описано — о подготовке М. Богрова к убийству П.А. Столыпина и роли Н.Н. Кулябко в этом злодейском преступлении, а также о подготовке убийцы Кирова — Николаева и той роли, которую сыграли ленинградские приспешники оппозиции в органах госбезопасности.

И не следует считать, что автора занесло. Хотя бы потому, почему бывшему товарищу министра внутренних дел и шефу Отдельного корпуса жандармов в 1914—1915 гг. генерал-лейтенанту Владимиру Федоровичу Джунковскому, фактически открывшему для большевиков все каналы для антивоенной пропаганды еще в период Первой мировой войны, можно было быть подлинным автором широко известных операций Лубянки — «Трест», «Синдикат» и других, авторство которых до сих пор приписывают Дзержинскому и Артузову, а вот Кулябко не мог проконсультировать заинтересованную в организации убийства Кирова антисталинскую оппозицию?! Повторяю, «технологический почерк» убийства Сергея Мироновича Кирова и Петра Аркадьевича Столыпина совпа-

дает едва ли не, последнего микрона. Такое не может быть случайностью. В мире криминала так повториться может только тот, кто уже организовывал такое же преступление. Посторонний не сможет так сделать. А тут ведь не просто какой-то там Кулябко, а подполковник Отдельного корпуса жандармерии, то есть профессионал. Кстати говоря, профессионал — он и есть профессионал: в обоих случаях Кулябко вышел «сухим из воды» — после убийства Столыпина отделался всего лишь тем, что его уволили со службы, но стал «старым большевиком», а в 1934 г. «кировский поток», в водоворот которого попали как виновные, так и, к глубокому сожалению, невиновные, обошел его стороной...

Так вот, основной мотив убийства состоял в том, что именно Кирова лично сам Сталин прочил в генеральные секретари. Непосредственно перед покушением Сталин официально, на Политбюро предложил избрать Кирова секретарем ЦК и освободить его от работы в Ленинграде, мотивируя это состоянием своего здоровья и возрастом! Ясно же, что именно Кирову и предназначалась роль преемника Сталина. А убийство кандидата в преемники — «традиционный» метод подготовки всех «дворцовых» переворотов, с давних времен «традиционный». И не только в России, но и в других странах. Посмотрите хотя бы на современность — неужели никто не замечает, сколь упорно Путин не называет имени своего преемника, хотя на него оказывают массированное давление со всех сторон. И правильно делает, что не называет, — если назовет, схарчат за милую душу, если и вовсе не пришьют. У нас в стране мастера-то разные есть...

Потому и было ускорено убийство Кирова, хотя разработка этого подлого преступления была начата еще в апреле 1934 года. Первоначально ведущим мотивом убийства была патологическая ненависть главарей оппозиции — Троцкого, Зиновьева, Каменева, Рыкова, Енукидзе и других — к Кирову как к политическому деятелю, верному стороннику и другу Сталина. Киров был ярым противником троцкистско-зиновьевской оппозиции. И когда он стал 1-м секретарем Ленинградского обкома, то первым делом вдребезги разгромил эту оппозицию в городе, причем так, что после 1927 г. они и носа-то не могли поднять. Однако в начале 1934 г. Троцкий уже

вступил в конфиденциальные контакты с нацистами, рассчитывая на то, что, когда гитлеровская Германия нападет на Советский Союз, его сторонники организуют поражение и внутренний переворот. Не зря же он сам заявлял, что вся банда его сторонников соберется вместе тогда, когда начнется война, когда Европа почерпнет смелости из слабости Советского правительства. А вот для того, чтобы оно действительно стало слабым именно в момент войны, для этого необходимо было ликвидировать Кирова, который в силу своего авторитета в случае чего мог бы возглавить Советский Союз. Кстати говоря, и Сталин тоже не случайно решил именно его выдвинуть на роль генерального секретаря. Дело в том, что он, как никто другой в партии и стране, прекрасно понимал, что фатально неминуемое в скором будущем военное столкновение с Германией будет не просто войной. Оно будет цивилизационным столкновением по геополитическим мотивам с ярко выраженной этнической окраской — «арийцы» против «недочеловеков», то есть славян. Соответственно вооруженный отпор в таком столкновении со стороны Советского Союза должен был возглавить именно же русский как представитель главного, государствообразующего народа. Потому Сталин и прочил умного, сильного, авторитетного, деятельного и прекрасно понимающего, что к чему, русского по национальности Кирова на роль генерального секретаря.

И когда за рубежом стало известно об этом предложении Сталина на Политбюро — выше уже говорилось о том, какая нехилая агентура имелась у эмигрантов в высшем эшелоне советского партийно-государственного аппарата, — Троцкий дал команду немедленно ускорить осуществление убийства Кирова. У «беса мировой революции» тоже была очень сильная агентура непосредственно в ЦК ВКП(б), в частности, Е.С. Коган. Являясь техническим секретарем ЦК партии, она имела допуск ко всем протоколам заседаний Политбюро, нередко сама их и оформляла. А ее родная сестра — Р.С. Коган — работала шифровальщицей в советском полпредстве в Осло (Норвегия), где в то время находился Троцкий. Р.С. Коган по поручению троцкистской оппозиции поддерживала в Осло связь с Троцким. Вот по этому каналу Троцкому и станови-

лось известно если не все, то чрезвычайно многое. В 1937 году сестры Е.С. и Р.С. Коган были арестованы и расстреляны за контрреволюционную деятельность.

Как было указано выше, разработка плана убийства Кирова началась в апреле 1934 года, чему были посвящены специальные совещания Каменева, Зиновьева, Евдокимова, Мрачковского, Бакаева и других активных оппозиционеров на даче Зиновьева в Ильинском (под Ленинградом). В разработанном ими плане предусматривались два варианта убийства. Первый вариант — на улице, чтобы убийце легче было бы скрыться с места преступления. В этих целях Николаеву, который уже был намечен на роль убийцы, была обеспечена помощь латвийского консульства, при содействии которого он должен был покинуть СССР. Второй вариант — непосредственно в Смольном. В обоих случаях в качестве мотива убийства заранее подготавливалась соответствующая легенда для Николаева. Что-де он нигде не может устроиться на работу, так как его никуда не берут, а на все его ходатайства и просьбы никак не реагируют. Однако при каждом обращении о трудоустройстве он специально выдвигал такие условия, которые не могли быть приняты. На каждом его заявлении накладывалась соответствующая резолюция об отказе в приеме на работу. Николаев собрал кучу таких бумаг, которые затем были предъявлены суду. Грубо говоря, ему заранее готовили легенду убийцы-одиночки, действующего из чувства мести из-за неустроенности в жизни.

Уличный вариант не сработал, так как Николаева несколько раз задерживали ничего не знавшие о замыслах главарей оппозиции сотрудники УНКВД Ленинграда, но по указанию Ягоды начальник питерских чекистов Ф.Д- Медведь каждый раз отпускал его, хотя у задержанного нашли и маршруты передвижения Кирова, и револьвер. Оставался только один вариант — в Смольном.

Окончательно решение об убийстве было принято 28 ноября 1934 г. — в этот день Киров из квартиры Сталина в Москве позвонил в Ленинград и дал указание назначить собрание партийного актива на 1 декабря на 18.00 по вопросу: «О задачах коммунистов по обеспечению отмены карточной системы». Дело в том, что уже была запланирована отмена карточ-

ной системы с 1 января 1935 года. Доклад должен был делать сам Киров. И как только он возвратился в Ленинград, Зиновьев дал команду на начало операции по убийству с таким расчетом, чтобы оно было осуществлено за полтора часа до начала партактива. Попросту говоря, чтобы сорвать его и, воспользовавшись суматохой, перехватить власть в городе.

Однако случилось так, что Киров вовсе и не собирался 1 декабря 1934 г. раньше времени приезжать в Смольный. Он сидел дома и работал над докладом. Между тем Николаев уже находился в Смольном, еще до рокового приезда Кирова. Причем болтался там днем. Вышел из здания, а потом вернулся и находился там вплоть до прибытия Кирова. И самое интересное заключается в том, что Кирова в Смольный внезапно вызвал начальник УНКВД по Ленинграду и области Ф.Д. Медведь, попросив срочной аудиенции, которую Киров назначил ему на **16.30.** Однако Медведь прибыл в Смольный через **10**—15 минут после назначенного ему времени, когда Киров уже был мертв. Точное время убийства —**16** ч. **37 мин.** Никаким протоколом партийно-государственного аппарата за все годы Советской власти никак не предусматривалось опоздание руководителя органов госбезопасности на аудиенцию к первому секретарю местной парторганизации. Это едва ли не автоматически могло повлечь серьезное наказание, вплоть до увольнения или, по меньшей мере, понижения в должности. Медведь же только на **16.30** заказал себе машину, что уже означает умышленное опоздание. Хуже того. Всего через 8 **мин.** после убийства Кирова, в **16** ч. 45 мин., был начат допрос жены Николаева — **Мильды Драуле. То есть следствие изначально умышленно выводилось на тропу версии убийцы-одиночки, который действовал из чувства мести как из-за неустроенности в жизни, так и по соображениям ревности. В Ленинграде хорошо было известно, что Киров неравнодушен к женскому полу.**

Далее идут общеизвестные странности. Например, то, что Киров оказался в коридоре один, а где был его охранник — не известно. Когда же прибывший в Питер Сталин потребовал привести к нему охранника Кирова — Борисова, то вместо охранника ему привезли его труп. И вот что любопытно. **Во-первых,** от момента озвучивания Сталиным тре-

бования немедленно привезти к нему на допрос Борисова до момента смерти последнего прошло всего 30 минут. **Во-вторых,** шофер Кузин, который вместе с двумя оперативниками — Малием и Виноградовым — вез на допрос к Сталину охранника Кирова Борисова, и тогда, и спустя двадцать с лишним лет, то есть уже при Хрущеве, показал одно и то же. Что оба сотрудника — Малий и Виноградов — помешали ему нормально ехать, устроили дорожно-транспортное происшествие, выхватив у него руль, вследствие чего машина врезалась в стену дома, после чего в кузове он обнаружил уже труп Борисова, а сами опера драпанули наутек. Их, конечно же, быстренько изловили и расстреляли. Самого Кузина тоже замели. Однако, отсидев в тюрьме, он тем не менее в самый разгар антисталинской истерии Хрущева ни на йоту не отказался от своих показаний 1934 года и вновь, едва ли не слово в слово повторил то, что говорил еще Сталину. И, несмотря на это, ублюдки во главе с лысым подонком-троцкистом и сумасшедшей старухой умудрились обвинить Сталина еще и в смерти Борисова!?

Что касается голосования на съезде, то это бред разоблачили сами же идиоты из ЦК КПСС. Был такой журнал при Горбачеве — «Известия ЦК КПСС». Так вот, в № 7 за 1989 год там опубликовали данные о голосовании на XVII съезде ВКП(б). Из опубликованных этим журналом данных видно, что против Сталина было подано всего 3 голоса, против Кирова — 4, а наибольшее количество голосов «против» — **181** — получил нарком земледелия Яковлев (Эпштейн), что, собственно говоря, и понятно. Непродуманная политика наркомата земледелия на селе не могла вызывать восторг у делегатов. И вот еще что. Упомянутый выше журнал «Известия ЦК КПСС» выходил под особым личным надзором Горбачева, Яковлева и Медведева. Уж эта отнюдь не святая троица ни при каких обстоятельствах не пропустила бы в печать материал, который хотя и косвенно, но говорил бы в пользу Сталина.

Тем не менее, несмотря на то, что уже многократно, с приведением массы уникальнейших деталей и экспертиз было доказано, что **Сталин никакого отношения к убийству Кирова**

не имел и **иметь не** мог, так как они были близкими друзьями*и* верными друг другу политическими соратниками, — об этом свидетельствуют даже ярые антисталинисты, отсидевшие немалые сроки, — миф все равно по-прежнему используется в антисталинской пропаганде.

Миф № 66. Сталин приказал ликвидировать знаменитого писателя А.М. Горького.

Миф возник более 70 лет назад. Практически сразу после смерти писателя в 11 ч. 10 мин. 18 июня 1936 г. На эту тему перестарались буквально все. И родственники Горького, и внутренняя оппозиция, и Троцкий, и различные эмигрантские круги за рубежом, и так называемая «прогрессивная общественность» СССР времен горбачевской «катастройки», и десятки журналистов, писателей, деятелей культуры и кино. В общем, как в Священном писании — всякой твари по паре. На слуху в основном три версии. Все три версии утверждают, что имело место отравление. Первая гласит, что-де Сталин якобы прислал Горькому отравленные конфеты, отведав которых «буревестник революции» отправился к праотцам. Согласно второй, в отравлении Горького замешана его давняя любовница Мария Игнатьевна Закревская-Бенкендорф-Будберг, являвшаяся агентом советских спецслужб. Третья — производства Льва Давидовича Троцкого-Бронштейна. По своему обыкновению Троцкий, «естественно», обвинил Сталина, написав в книге «Сталин», что-де **«Горький, имевший влияние как внутри страны, так и за границей, представлял собой серьезную опасность, а главное, он не мог согласиться с тем уничтожением старых большевиков, которое подготовлял Сталин... Заставить его молчать нечего было и думать; арестовать, выслать или даже "ликвидировать" было еще менее приемлемо. Оставалось одно — ускорить его кончину при посредстве ядов Ягоды, "не проливая крови"**.

Однако сколь парадоксально ни прозвучало нижеследующее, Троцкий задом наперед подтвердил суть показаний бывшего наркома внутренних дел СССР Г.Г. Ягоды и врачей,

лечивших Горького незадолго о его смерти. Согласно их показаниям, особенно показаниям Г.Г. Ягоды от 27 декабря 1937 г., «объединенный центр правотроцкистской организации в течение долгого времени пытался обработать Горького и оторвать его от близости к Сталину. В этих целях к Горькому были приставлены и Каменев, и Томский, и ряд других. Но реальных результатов это не дало. Горький по-прежнему близок к Сталину и является горячим сторонником и защитником его линии. При серьезной постановке [вопроса] о свержении сталинского руководства и захвате власти правотроцкистами, центр не мог не учитывать исключительного влияния Горького в стране, его авторитет за границей. Если Горький будет жить, то он подымет свой голос протеста против нас. Мы не можем этого допустить. Поэтому объединенный центр, убедившись в невозможности отрыва Горького от Сталина, вынужден был вынести решение о ликвидации Горького. Выполнение этого решения поручено было мне через врачей, лечивших Горького»[1].

Очевидно, небезынтересно было бы отметить, что впоследствии пресловутый Джордж Оруэлл даже сочинил в своем «Скотном дворе» специальную пародию по этому случаю. Согласно его пародийному изложению, две овцы «признались, что они довели до смерти старого барана, одного из самых преданных поклонников Наполеона, заставляя его бегать вокруг костра, когда он задыхался от кашля».

В период горбачевской «катастройки» репрессированных в 1938 г. по этому делу врачей вновь реабилитировали «за отсутствием состава преступления ». Что, конечно же, не удивительно. В нашей стране врачей за любые, даже самые тяжелые преступления огульно реабилитируют. Ягода же до сих пор не реабилитирован. Что же в итоге получается?! Что показания Ягоды — сущая правда?! И расстреляли его за дело?! Выходит, что именно так.

Но в таком случае остается только выяснить мотив преступления. А мотив-то, между прочим, был и очень серьез-

[1] Из протокола допроса Г.Г. Ягоды от 27 декабря 1937 г. //ЦА ФСБ. Ф. Н - 13614. Т. 2. Л. 186 - 207.

ный. На это указывает присутствие одной из версий Марии Игнатьевны Закревской-Бенкендорф-Будберг. Дело в том, что незадолго до смерти совместно со Сталиным Горький решал вопрос о репатриации второй части своего громадного архива из-за рубежа в СССР. Первая часть находилась в Советском Союзе с 1926—1927 гг. То были литературные архивы. А вот вторая часть имела громадное политическое значение. Это были письма эмигрантов и приезжавших из СССР писателей, ученых, актеров, художников, дипломатов и т.п., а также записи бесед с ними. Приезжая в европейские страны, они считали необходимым высказать, в том числе и в письменном виде, Горькому свое недовольство, свои сомнения по поводу происходившего в СССР, критику в адрес Сталина и проводившегося им курса на строительство социализма в отдельно взятой стране. В этой части архива были письма И. Бабеля, М. Кольцова (Фридлянд), Вс. Мейерхольда, К. Станиславского, а также видных представителей так называемой «ленинской гвардии» — Пятакова, Томского, Рыкова, Красина и многих других. Ряд писем и записей бесед свидетельствовали о том, что в СССР действует серьезная оппозиция, представители которой всеми силами пытаются привлечь на свою сторону выдающегося писателя. Именно эта часть архива с 1932 г. находилась в руках проживавшей в Англии М.И. Закревской-Бенкендорф-Будберг.

За год до смерти Горького в Лондон приезжала первая жена Горького — Екатерина Павловна Пешкова. По поручению самого Горького она просила Марию Игнатьевну отдать эту часть архива, чтобы отвезти ее в СССР. Сотрудничавшая не только с советской разведкой, но прежде всего с британской, Мария Игнатьевна в 1935 г. отказалась выполнить просьбу Горького. На тот момент британской разведке по каким-то соображениям еще было выгодно, чтобы антисталинская оппозиция в СССР оставалась бы нетронутой. Однако незадолго до смерти Горького стало известно, что Мария Игнатьевна согласна привезти эти архивы Горького в СССР. А ведь там был сильнейший компромат на многих деятелей СССР. Кстати, впоследствии выяснилось, что дать согласие на возврат архива ее уговорил видный сотрудник британской разведки,

член «Комитета 300» — хорошо известный по истории Брюс Локкарт, с которым она «дружила » еще с 1918 года. И как только стало известно, что Мария Игнатьевна должна приехать в СССР с этим архивом, то тут же, на редкость «своевременно», в тяжелой форме «заболел» и сам А.М. Горький. Кстати говоря, одним из самых первых о скором приезде Марии Игнатьевны узнал именно Г. Ягода.

В опубликованном в центральных советских газетах 19 июня 1936 года официальном медицинском заключении о смерти А.М. Горького говорилось: «Алексей Максимович Горький заболел первого июня гриппом, осложнившимся в дальнейшем течении катаром верхних дыхательных путей и катаральным воспалением легких. Тяжелая инфекция, как об этом свидетельствовали повторные исследования крови, на почве хронического поражения сердца и сосудов и в особенности легких, в связи со старым (сорокалетней давности) туберкулезным процессом (каверны, расширение бронхов, эмфизема легких, астма, склероз легких) обусловили с первых же дней очень тяжелое течение болезни. Уже с третьего дня болезни начали выявляться симптомы ослабления сердечной деятельности и — особенно — резкие нарушения дыхания. Энергичнейшим применением всех средств, могущих влиять на улучшение функций сердечно-сосудистой и дыхательной систем, удалось продержать деятельность сердца до утра 18 июня. В ночь на 18 июня Алексей Максимович впал в бессознательное состояние, с 10 часов утра деятельность сердца начала быстро падать, и в 11 ч.10 м. последовала смерть, на 69-м году жизни, при явлениях паралича сердца и дыхания ». Заключение было подписано народным комиссаром здравоохранения РСФСР Г.Каминским, начальником Лечсанупра Кремля И. Ходоровским, заслуженными деятелями науки Г. Лангом, Д. Плетневым, М. Кончаловским, А. Сперанским и доктором медицинских наук Л. Левиным.

Есть такая болезнь — хроническая обструктивная болезнь легких, сокращенно ХОБЛ. В современном мире, по данным Всемирной организации здравоохранения, ею болеют более 600 млн человек. По частоте поражения людей ХОБЛ опережает бронхиальную астму и пневмонию. В первую очередь

ХОБЛ страдают именно курильщики. Горький же был не просто заядлым курильщиком, а старинным, страстным курильщиком. В последние годы жизни он ежедневно выкуривал 75 папирос!

ХОБЛ была известна и в 1930-х гг. Правда, не под своим сегодняшним названием, а как последствие многолетнего страстно заядлого курения (в основном под названием эмфизема легких и астма), выражающееся в резком осложнении функции дыхания, сердечной недостаточности, нехватке кислорода, одышках и т.д. Более того, врачи прекрасно знали, что при таких симптомах очень легко подхватить любую инфекцию. А в свою очередь любая инфекция может привести к тяжелым последствиям, в том числе и к летальному исходу. Между тем организм Горького и без того являл собой «букет» всевозможных заболеваний — как возрастных, так и приобретенных. С молодости у него были поражены легкие — из-за туберкулеза, его постоянно изматывала одышка при малейших физических нагрузках, острая сердечная недостаточность, нехватка кислорода. В 1936 г., например, ему ежедневно привозили до 100 кислородных подушек, а незадолго до смерти — аж до 300! Организму такого больного человека достаточно маленького толчка, чтобы спровоцировать резкое осложнение вплоть до летального исхода. Но прежде вспомните, например, знаменитый фильм «ТАСС уполномочен заявить». По сюжету фильма, кстати говоря, взятому из реальной практики КГБ СССР, агент американской разведки отравил заподозрившую его в работе на ЦРУ свою же любовницу ядом, проявившиеся симптомы которого свидетельствовали об «обыкновенном гриппе», который якобы привел к осложнениям, что при гриппе действительно иногда бывает, вследствие чего и последовала ее смерть. И только при эксгумации трупа и повторном, более тщательном токсикологическом анализе специалистами КГБ удалось выявить, что произошло умышленное отравление.

Между тем, возвращаясь к нашему сюжету, Ягода сам был неплохим мастером по ядам, не говоря уже о том, что в НКВД существовала специальная лаборатория Майрановского, занимавшаяся разработкой ядов для специальных опера-

ций спецслужб. Лаборатория находилась в прямом подчинении наркома внутренних дел. И что стоило Ягоде приказать нанести на дыхательное устройство одной из сотен привозившихся Горькому кислородных подушек штамм гриппа или нечто похожее на это?! Уж что-что, но вирусология в те годы была развита, в стране производили различное бактериологическое оружие. Достать штамм гриппа для него не было проблемой. И кто заметит, что на дыхательное устройство кислородной подушки нанесен штамм гриппа или нечто похожее на него?! Сами понимаете, что никто. Ни так, ни сяк такое невооруженным глазом не увидеть. Для этого нужен очень мощный микроскоп.

Итак, серьезный мотив для убийства Горького был. Орудие убийства —тоже. «Технология»убийства —тоже.Летальный же исход — налицо. Почему в столь категоричной форме?! Да по очень простой причине. Обратите внимание на то, что в медицинском заключении упоминается факт **«тяжелой инфекции»**, которую **«подтвердил повторный анализ крови».** В инфекции гриппом, конечно же, ничего хорошего нет, но и к тяжелым ее не отнести. Даже в те времена. Это во-первых. **Во-вторых, и это самое главное, — в те времена анализ крови для установления гриппа не брали!** Как, впрочем, и сегодня. По этому вопросу автор специально консультировался с терапевтом, у которого за плечами почти семь десятилетий врачебной практики. И не просто столь огромный стаж — этот человек начинал свою врачебную деятельность именно на тех принципах, которые существовали еще в 1930-е годы.

Между тем в медицинском заключении о смерти Горького прямо указывается на то, что кровь на анализ брали дважды. Зачем, если медицинская практика даже того времени не предусматривала подобного?! Зачем, если в этом документе категорически утверждается, что первого июня Горький заболел именно гриппом?! Категоричный тон этого утверждения из медицинского заключения свидетельствует о том, что у врачей не было ни малейшего сомнения, что у Горького грипп. Но если грипп, то зачем брать кровь на анализ даже у столь именитого пациента, если, повторяю, медицинская практика даже того времени этого не предусматривала?! Причем брать дважды!?

При изложенных выше обстоятельствах ответ может быть один — кровь дважды брали на анализ лишь для того, чтобы убедиться в том, что никаких следов применения какого-то специального вещества в крови не осталось!

А вот и само вещество, отсутствие следов которого пытались дважды проверить. Коллега автора по историческим расследованиям — известный современный историк Юрий Игнатьевич Мухин в интересной книге «Убийство Сталина и Берии» приводит такой факт: «В 1938 г., когда начался открытый суд на Рыковым и Бухариным с подельниками (а именно по этому делу и проходили врачи, «лечившие» Горького. — *А*. М.), уже в ходе процесса к суду с письмом обратился врач Белостоцкий, сообщив, что он из газет узнал, что судят врачей-убийц Горького и ему есть что по этому поводу сообщить суду. Сообщил он о том, что его однажды для подмены послали в качестве медсестры делать уколы больному Горькому. Профессор Левин (один из главных обвиняемых среди врачей. — *А*. М.), «лечивший» Горького, полагая, что нетерапевт Белостоцкий не поймет, что к чему, распорядился вкалывать больному писателю лошадиные дозы строфантина. Когда Белостоцкий удивился такому назначению и спросил об этом Левина, тот вдруг вообще отменил свое ранее данное назначение вводить Горькому строфантин. Такое «лечение» Горького запомнилось Белостоцкому, а когда он из газет узнал, что это не случайность, то решил сообщить об этом эпизоде суду... В те годы, когда люди узнавали, что тот или иной деятель арестован, они считали своими гражданским долгом сообщить о фактах деятельности арестованного, которые они до той поры не могли оценить».

Так вот, автор специально проконсультировался и по этому вопросу. Терапевт, у которого за плечами почти семь десятилетий врачебной практики, объяснил, что строфантин чрезвычайно сильное лекарство, которое применяется при острой сердечной недостаточности. Является самым сильным в своей группе. Более всего меня удивило, что человек, с которым я консультировался, сам по себе очень спокойный, и практически ни разу за десятилетия знакомства с ним я не слышал от него каких-либо выражений в превосходных степенях. И вдруг — «чрезвычайно сильное лекарство», «самое силь-

ное лекарство». Далее этот врач объяснил мне, что строфантин не только назначается врачом, но и вводится пациенту только под непосредственным контролем врача, который и назначил его. Делается это так. В буквальном смысле слова 3—4 капли строфантина смешивают с 10 «кубиками» глюкозы в растворе или с физраствором, после чего лекарство вводится внутривенно и очень-очень медленно, в течение 10—15 минут. Предельная доза строфантина — 0,25 куб. см. Но назначают ее крайне редко. Потому что малейшая передозировка приводит к остановке сердца.

Согласно же сообщению Белостоцкого, доктор Левин назначал Горькому лошадиные дозы строфантина, а когда удивленный врач спросил его об этом, то Левин внезапно вообще отменил свое же назначение вводить Горькому строфантин. Между тем внезапное прекращение введения строфантина, тем более после больших доз, также означает неминуемую смерть пациента.

Так вот, с какой такой стати считается, что прозвучавшее в суде обвинение этих врачей в том, что они «залечили» Горького по решению руководства правотроцкистского блока и непосредственно Ягоды, было надуманным и фальшивым?! Разве не очевидно, —хотя бы по действиям доктора Левина, —что Горького действительно «залечили»?! Хотя бы тем, что сначала он прописал писателю лошадиные дозы строфантина, а потом внезапно прекратил это назначение. И не для того ли дважды брали у Горького кровь на анализ, что хотели убедиться, что следы лошадиных доз строфантина отсутствовали?!

То есть если подвести итог этим фактам, то получается следующая картина. Сначала спровоцировали крайне ослабленный ХОБЛ, не способный даже к элементарному сопротивлению инфекции организм Горького на грипп, а когда вперед вышла проблема поддержания сердечной деятельности писателя, то, подсадив его на лошадиные дозы строфантина, внезапно прекратили введение этого препарата. И летальный исход стал фактом. Чем не «технология» убийства?! И попробуй догадайся, что тут к чему?! Видите, сколько нюансов.

Так что обвинение Ягоды и помогавших ему врачей было обоснованно. Но у нас ведь все до идиотизма в кубе доводит-

ся. Все, что было при Сталине, огульно охаивается и очерняется, а его самого непрерывно пытаются втоптать в грязь. Не получается, однако. Потому-то и приходится дважды, а то и трижды реабилитировать так называемые «невинных жертв» сталинизма. Врачей, к примеру, как водится, вновь оправдали при Горбачеве. Ягоду же, напоминаю, не оправдали до сих пор! **Так вот и спрашивается, кто же был заинтересован в ликвидации Горького?! Сталин или антисталинская оппозиция, смотревшая на «буревестника революции» как на серьезную помеху?! Ведь антигосударственный переворот оппозиция хотела устроить прежде всего из-за предстоявшего в конце 1936 г. принятия новой, демократической Конституции СССР. А ведь именно против нее-то оппозиция и была настроена крайне резко, считая ее отходом от революции в сторону обуржуазивания страны и обвиняя за это Сталина, которого поддерживал Горький. А то, что Горького оппозиция все-таки ликвидировала, — лично у автора сомнений нет. Никаких. Но это личное мнение автора. Читатели же могут сделать свои выводы, в том числе и исходя из приведенных выше данных.**

Миф № *67.* Сталин умышленно инициировал репрессии в СССР в 1937—1938 гг.

Миф № 68. Сталин в 1937—1938 гг. умышленно решил вырезать так называемую «ленинскую гвардию».

Миф № 69. Сталин умышленно создал ГУЛАГ как «машину для уничтожения народа».

Миф № 70. Триумф Сталина оборачивался страшной трагедией народа. В 1937—1938 гг. по политическим мотивам были репрессированы миллионы людей.

Это излюбленные мифы всех антисталинистов. Расценивается ими как убойный — из-за возможности жонглировать цифрами с шестью, а то и больше нулями. Кто только и как

только ни поупражнялся на эту тему. В буквальном смысле слова тьма-тьмущая этих «миллионоведов» — всех даже и не перечислить, ибо никаких книг не хватит. И все давят на эмоции. Но что же было в действительности?

А в действительности за период с 1921 г. по 1 февраля 1954 г. осужденных за контрреволюционные преступления по ст. **58** УК РСФСР и аналогичным статьям уголовных кодексов союзных республик насчитывается всего 3 **777 380** человек, из них **2,9 млн** (76,7 %) — внесудебными органами. Именно эти данные **1 февраля 1954** г. официально сообщили Хрущеву Генеральный прокурор СССР Р. Руденко, министр внутренних дел СССР С. Круглов и министр юстиции СССР К. - Горшенин. Если учесть, что к моменту представления этих данных прошел почти год после смерти Сталина, а осуждения по ст. **58** УК все равно продолжались, то необходимо вычесть из указанного общего количества репрессированных за контрреволюционные преступления среднегодовое количество осужденных в количестве **114 466** человек за указанный период, ибо эти **114 466** человек «доля» уже лично Хрущева[1]. Однако полученная таким образом цифра — 3 **662 914** — будет слегка лукава. Ведь чисто сталинский период начинается с конца января 1924 г. и заканчивается 5 марта 1953 г. Следовательно, необходимо вычесть еще три раза по **114 466** чел., в результате чего подлинное количество осужденных за контрреволюционные преступления в период единоличного пребывания Сталина у власти составит 3 **319 516** человек. Конечно, осужденным, репрессированным и тем более, расстрелянным от такого подсчета легче не станет. Но, увы, ввиду непрекращающейся вакханалии издевательств так называемых «демократов» не столько над цифрами, сколько над самим фактом репрессий и стоящими за ними трагическими судьбами людей, вынужден сделать такие подсчеты.

Кроме того, объективность требует вычесть из этого количества и тех, о ком однозначно сожалеть не приходится. Речь идет о нарушителях границы, агентах иностранных раз-

[1] Всего же только за год после смерти Сталина борец с культом личности засадил за решетку 589 тыс. человек.

ведок, диверсантах, террористах, членах вооруженных банд. Эти прекрасно знали, на что идут. Дело в том, что только за период с 1921 г. (тогда еще РСФСР) по 22 июня 1941 г. одних только нарушителей было задержано свыше **932** тыс. человек (практически 10 армий!), то есть по 46 **600** чел. в год, или примерно по **128** чел. в день, или в час — **5,5** нарушителя! Кроме того, за этот же период задержано свыше 30 тыс. шпионов, диверсантов и террористов, свыше 40 тыс. вооруженных бандитов, составлявших **1319** ликвидированных вооруженных банд. То есть в указанный период за год только этой «публики» задерживалось в среднем по **3500** чел. (10 чел. в день), ликвидировалось по **66** вооруженных банд в год или по **5,5** — в месяц! Везде шла необъявленная, тайная, ожесточенная война против СССР!

И то же самое продолжалось и после войны. В первые послевоенные годы очень сурово разбирались с предателями, изменниками, власовцами, различного рода иными пособниками фашистских оккупантов, агентами гестапо и т.п. Естественно, что продолжалась и активная борьба с вооруженными бандитскими формированиями, в том числе и оставленными гитлеровцами, но перешедшими на службу американской и английской разведок. Последние банды различных «лесных братьев» в Прибалтике и на Западной Украине были ликвидированы уже в конце 1950-х гг. Так что если быть до конца объективным, то из 3 **319 516** человек осужденных за контрреволюционные преступления по ст. **58** УК в период пребывания Сталина у власти необходимо вычесть как минимум еще один миллион человек. С указанными категориями нарушителей уголовного законодательства ни в одной стране мира не миндальничают, иначе нет ни суверенитета, ни территориальной целостности, ни неприкосновенности границ государства.

В итоге получится более или менее объективная цифра осужденных при Сталине за контрреволюционные преступления — 2 **319 516** человек. Именно их трагическая участь и имеет право на особое внимание. Потому как среди них были как справедливо осужденные, так и несправедливо. И это, к глубокому сожалению, непреложный факт. Много это или

мало? Во всяком случае, явно не десятки миллионов, коими непрерывно стращают записные «демократы».

Для сведения читателей: за весь постсталинский период и вплоть до насильственного развала СССР в стране было репрессировано примерно **48 млн человек!** Без малого почти каждый шестой гражданин СССР. И это называлось возвращение к **«ленинским нормам жизни», к «социализму с "человечьим лицом"»!?**

Правда, в соответствии с заведенной еще негодяем Хрущевым дурацкой «модой» у нас все равно все сводится к известной формуле: **«триумф вождя оборачивался страшной трагедией народа».** Однако «изобретателя» этой формулы — генерала от истории Д.А. Волкогонова — мудрый народ метко прозвал Туфтогоновым. Между тем репрессии того периода настолько сложное и запутанное явление, что нужен хотя бы самый простой минимум ясности в таком особо важном вопросе. А эмоции и всякие «формулы» в таком деле — лишнее. Именно поэтому-то хотелось бы внести определенную ясность, почему так произошло в 1937—1938 гг.

Прежде всего, Сталин вовсе и не собирался устраивать «страшную трагедию народа». Сколь ни парадоксально это показалось бы, но фактом является то, что из всего тогдашнего руководства именно Сталин отличался наиболее умеренным подходом и отсутствием кровожадности. Именно он чаще йсех настаивал на **неприменении** суровых приговоров. Именно он чаще других настаивал на **неиспользовании внесудебных полномочий,** особенно при вынесении суровых приговоров. Документально точно известны многие случаи, но один из них, имеющий прямое отношение к лицу, лично спровоцировавшему репрессии 1937—1938 гг., приведем специально. В сентябре 1934 г., воспользовавшись им же лично спровоцированными — в виду полной некомпетентности и неумения организовывать хозяйственную работу — трудностями при хлебозаготовках, а также пребыванием в его крае председателя Совнаркома СССР В.М. Молотова, 1-й секретарь Западно-Сибирской краевой парторганизации Роберт Индрикович Эйхе уговорил его предоставить сформированной в крае «тройке» незаконное даже по тем чрезвычайным

условиям право вынесения приговоров о высшей мере наказания. Молотов направил соответствующую телеграмму в Москву. Там она была согласована с Кагановичем и Ждановым. Однако, понимая всю неправомерность такого решения, эта отнюдь не святая троица решила свалить ответственность за него на Сталина. Соответственно направили ему в Сочи, где он отдыхал, телеграмму с просьбой утвердить такое решение. 10 октября 1934 г. Сталин ответил: «Не пойму, в чем дело. Если можете, лучше обойтись без тройки, а утверждать приговоры можно в обычном порядке»[1]. То есть в судебном порядке! Если суд сочтет такой приговор целесообразным.

Именно Сталин был инициатором очень многих помилований, в том числе и с заменой высшей меры наказания — расстрела — на более мягкие приговоры. На этот счет существует также немало убедительных доказательств. И одним из наиболее ярких примеров является факт замены расстрельных приговоров пяти основным фигурантам громкого тогда дела «Промпартии» десятью годами тюремного срока. Причем один из самых главных фигурантов этого дела — выдающийся российский инженер-теплотехник Л.К. Рамзин — в 1943 году получил самую престижную в те времена Сталинскую премию. Подчеркиваю, что таких примеров немало, и остается лишь искренне сожалеть, что объем книги не позволяет привести их все.

Что же до сути тех трагических событий, то настоящая объективность и справедливость требуют не воспринимать всякого рода эмоциональные вопли насчет того, что-де «революция пожирает собственных детей». Тем более всякие разговоры насчет термидора — по аналогии с великой французской революцией. И особенно всевозможную болтовню насчет невесть откуда взявшихся жестокости, злобности и злопамятности Сталина, в силу которых он, видите ли, встав как-то по утру с левой ноги, взял да и порешил вырезать всех своих соратников. Все это бездумно «красивые» и, подчеркиваю,

[1] Архив Президента РФ (ранее «Особая папка» Политбюро ЦК КПСС). Ф. 3. Оп. 58. Д. 212. Л. 17.

эмоциональные всплески эпистолярного жанра. В реальности же это полная чушь и глупость. Потому как неизбежность беспощадной борьбы с оппозицией автоматически была запрограммирована самой сутью России. А ее суть, как отмечалось еще во введении к пятитомнику, заключается в **БЕЗОПАСНОСТИ.** Суть же самой запрограммированности еще лет за семьдесят до 1937 г. сформулировал один из самых выдающихся светочей русской политической мысли, фактический основоположник русской школы геополитики — **Н.Я. Данилевский,** который прямо указал на одну принципиальную особенность реакции России на любые социальные эксперименты с ней.

«Но как ни внешне наше русское просвещение, как ни оторвана наша интеллигенция (в большинстве своем) от народной жизни, она не встречает, однако же, в русском народе и в России "TABULAM RASAM"[1] для своих цивилизаторских опытов, а должна, волею или неволею, сообразовываться с веками установившимся и окрепшим народным бытом и порядком вещей. Для самого изменения этого порядка интеллигенция принуждена опираться, часто сама того не замечая, на народные же начала, когда же забывает об этом (что нередко случается), то народ, составивший долгим историческим опытом общественный организм, извергает из себя чуждое, хотя бы то было посредством гнойных ран, или как бы облегает его хрящеватою оболочкою и обособляет его от всякого живого общения с народным организмом. И чуждое насаждение, в своей мертвенной формальности, хотя и мешает, конечно, правильному ходу народной жизни, но не преграждает его, и она обтекает и обходит его мимо».

Все получилось точно по Данилевскому. Принужденные, сами того не замечая, опираться на народные же начала для изменения самого порядка вещей, Ленин и К°, пускай и случайно, но еще в самом начале революции осуществили мощные геополитические прививки всей России. **После таких прививок победить Россию и ее народ невозможно. Тем более было невозможно навязать, особенно в абсолюте, волю к гео-**

[1] То есть «чистую доску» (лат.).

политическому разрушению. И иного не могло быть по определению. Белое движение, к слову сказать, поскользнулось именно на вопросе о земле и, конечно же, на сотрудничестве с Антантой, откровенно не желавшей восстановления единой и неделимой России.

Если обобщенно, то инспирированная Западом «русская революция», особенно же октябрьский переворот, с самого начала пошли не тем путем, который был изначально согласован, с одной стороны, между Лениным и К° и тевтонами, Лениным и К° и англосаксонским Западом, с другой — между Троцким и К° и Западом (в первую очередь англосаксонским), и, наконец, между Лениным и К° и Троцким и К\ Неосознанно произведенные Лениным мощнейшие геополитические прививки всей России против его же разрушительных планов в результате инициировали процесс зарождения и быстрой выкристаллизации в ближайшем же тогда будущем острейшего, абсолютно непримиримого, глобального противоречия между коммунистами и большевиками. А уже в горниле самой «революции» и спровоцированной при прямом соучастии Запада братоубийственной Гражданской войны, как исторически само собой разумеющееся, это противоречие перековалось в фатально неизбежные две мощнейшие одноименные политические силы, предрешив тем самым и их мощнейшее столкновение «стенка на стенку» в будущем! Потому как с помощью именно большевиков, если по Данилевскому, народ и стал постепенно извергать из себя чуждое, хотя бы то и посредством различных «гнойных ран». А если оно еще не было возможным в полной мере, то как бы облегал хрящеватой оболочкой и обособлял чуждое от всякого живого общения с народным организмом. И чуждое насаждение, в своей мертвенной формальности, хотя и мешало, конечно, правильному ходу народной жизни, но не преграждало его, и она обтекала и обходила его мимо.

Этим «чуждым насаждением» и были так называемые интернационалисты-космополиты в лице присланных с Запада «марксиствующих доктринеров» — «коммунистов», основной костяк которых составляли прибывшие вместе Лениным и Троцким эмигрантские «шайки подонков больших городов

Европы и Америки». Для этих не было ничего святого, и ничто для них не имело значения, кроме разрушения России и «мировой революции», в которой России они отводили роль «вязанки хвороста». На Россию им было откровенно наплевать, что, к слову сказать, они и не скрывали. Лидером этой группы был Троцкий. «Большевики» же открыто ассоциировались, пускай особенно на первых порах, с квази-, но именно же имперски ориентированным патриотическим, великодержавным крылом в партии, которое выступало за территориальную целостность России едва ли не полностью в рамках границ прежней империи и ее возрождение на новых началах и принципах. Эту группу объективно возглавил Сталин.

В этом плане очень характерна оценка Сергея Дмитриевского — бывшего советского дипломата, практически одновременно с изгнанием Троцкого из СССР добровольно оставшегося на Западе. За это он «удостоился» весьма нелестных эпитетов со стороны Сталина в его «Политическом отчете ЦК XVI съезду ВКЩ6)» 27 июня 1930 г.В 1931 г.С. Дмитриевский издал на Западе книгу «Сталин». Переосмыслив пройденный им путь в революции, а также и самую русскую революцию, он блестяще показал, что и как произошло.

«Партия Ленина, — писал С. Дмитриевский, — никогда не была вполне единой ни по своему человеческому материалу, ни по идеям и интересам, движущим ее людьми. Единство ее выступлений вовне, ее "генеральной линии" охранялось сильной рукой и непререкаемым авторитетом ее создателя и вождя. В процессе революции партия выросла. Она вобрала в себя и почти все активные революционные элементы населения, вобрала в себя и многие тысячи случайных, пристраивавшихся к власти людей. Наличие в руках партии власти меняло подход к идейным разногласиям. Идеи получили в революции жизненное значение, за идеями стояла власть и возможность через эту власть многое осуществлять. Наметилась неизбежность жестокой борьбы...

Троцкому на Россию как таковую было наплевать. Его бог на небе был Маркс, на земле —- западный пролетариат, его священной целью была западная пролетарская революция. Троцкий был и есть западный империалист наизнанку.

Взамен культурного западного капитализма, взорвав его, он хотел иметь культурный западный пролетарский социализм. Взамен гегемонии над миром западной буржуазии — гегемония западного пролетариата. Лицо мира должно было измениться только в том отношении, что у власти вместо буржуазии становился пролетариат. Прочая механика должна была остаться примерно прежней — то же угнетение крестьянства, та же эксплуатация колониальных народов.

Словом, это была идеология западных социалистов, и разница была одна: те не имели мужества дерзать, Троцкий дерзал; те хотели только разделять власть над миром, Троцкий хотел иметь ее целиком в руках своих и избранного класса. Россия для Троцкого была отсталой страной с преобладанием "подлого" земледельческого населения, поэтому сама по себе на пролетарскую революцию она не была способна. Роль хвороста, разжигающего западный костер, роль пушечного мяса западной пролетарской революции — вот роль России и ее народов. Гегемоном мирового революционного движения Россия не могла быть. Как только огонь революции перебросится на "передовые", "цивилизованные" страны, к ним перейдет и руководство. Россия вернется в свое прежнее положение отсталой страны, на задворки цивилизованной жизни, из полуколонии культурного капитала превратится в полуколонию культурного социализма, в поставщика сырья и пушечного мяса для него, в один из объектов западной пролетарской эксплуатации, которая неизбежно должна быть, ибо иначе нет возможности сохранить для западного рабочего его привилегированное положение. В самой России Троцкий стремился утвердить безраздельное господство рабочего класса, вернее привилегированных верхушек его. Только таким образом удастся погнать на чуждую им борьбу тупую массу деревенских рабов. Только таким образом организовав из русского рабочего класса касту надсмотрщиков-управителей, удастся в дальнейшем подчинить русскую деревню западному паразитическому пролетариату.

Отсюда враждебное отношение Троцкого к идее "рабоче-крестьянского" государства и союза, ставка на "рабочее" государство, на полное порабощение — как политическое, так

и экономическое — городом деревни. Отсюда же в дальнейшем идея "сверхиндустриализации" России: опять не в интересах России как таковой, но во имя быстрого создания в ней мощного рабочего класса-властителя. Жизнь разбивала все идеи и все планы Троцкого. Революции на Западе не происходило. Наоборот, капитализм на Западе все больше "стабилизировался". В то же самое время от русской революции все крепче начинало пахнуть мужицким, сермяжным духом. Под давлением разбившей их жизни Троцкий и его группа пришли, в конце концов, к "ликвидаторству": русская революция потеряла для них смысл»[1]. Однако Троцкий был человеком очень сильного ума и воли и вовсе не намеревался сдаваться. Как, впрочем, и Сталин не намеревался отказываться от своего курса строительства социализма в отдельно взятой стране и превращения СССР в могучую державу мирового уровня. В результате и без того запрограммированное самой сутью России неизбежное кровавое столкновение между «коммунистами» и «большевиками» приобрело характер абсолютно неминуемой фатальности.

В соответствии с логикой Высшего Закона Высшей Мировой Геополитики и Политики, о котором говорилось еще во введении к пятитомнику, это неминуемо вело к восстановлению национального суверенитета, независимости и территориальной целостности России, ее экономического, политического и военного могущества на новых началах и принципах. Проще говоря, к восстановлению столь ненавистной Западу единой, неделимой и могучей России! Что в итоге и было сделано, хотя бы и в лице СССР!

К слову сказать, легендарный гуру англосаксонской геополитики Маккиндер еще в самом начале XX века откровенно предупреждал правящую элиту Великобритании и всего Запада о том, что никакая социальная революция не сможет изменить отношение России к великим географическим границам ее существования. Потому как они тождественны понятию ее Безопасности — Безопасности ее бытия вообще, то

[1] Цит. по: Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи/Составитель М. Лобанов. М., 1995. С.73—74.

есть прежде всего как страны, а не только как государства. Увы, пророков и на Западе не слушают и не слышат.

Если резюмировать удивительно точную, проницательнейшую мысль всю свою сознательную жизнь откровенно русофобствовавшего Маккиндера, то увидим потрясающий непреложный факт. Ведь и он тоже, пускай и в слегка завуалированной форме, но предупреждал, что абсолютная невозможность изменения посредством социальной революции отношения России к великим географическим границам ее существования, проще говоря, к своей сути, то есть Безопасности, автоматически приведет к отторжению такой социальной революции. Более того, приведет к перерождению такой социальной революции в то, что действительно соответствует сути России — к сохранению ее великих географических границ, что тождественно Безопасности России. Что и произошло. Но ведь этим же было запрограммировано и кровавое столкновение «коммунистов»и «большевиков». Потому как в борьбе с Советским Союзом Сталина оппозиция откровенно была готова торговать национальным суверенитетом, независимостью и территориальной целостностью именно же России как станового хребта СССР. В таких случаях исторические споры решаются только по принципу «или — или». Иного не бывает. Кстати говоря, до 1945 г. основная задача и Запада тоже заключалась не просто в уничтожении СССР, а именно же большевизма прежде всего. То есть именно в большевизме Запад видел суть своего основного геополитического конкурента. Во всех своих тайных решениях по уничтожению СССР в первой половине XX века Запад оперировал термином «большевизм», и, вкладывая в него сугубо геополитический смысл, постановлял — «большевизм должен быть уничтожен»! Насчет же коммунистической и тем более советской угрозы он тогда не распространялся. Это уже стало «модным» в послевоенный период.

Именно поэтому-то изначальная цель событий 1937—1938 гг. состояла в бескомпромиссной и беспощадной борьбе с подрывной антигосударственной деятельностью оппозиции, главным образом троцкистской. Причем о необходимости этой борьбы и ее беспощадности Сталин предупредил оппозицию еще

за два года. Речь идет о постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 мая 1935 г., которое гласило: «**1. Создать Оборонную комиссию Политбюро для руководства подготовкой страны к возможной войне с враждебными СССР державами.**

За кулисами этого пункта стояла безупречная разведывательная информация как об интенсивных военных приготовлениях Германии, так и особенно о том, что во время мартовских 1935 г. англо-германских переговоров Великобритания впервые выдала Гитлеру карт-бланш на его экспансию в восточном направлении.

2. Создать Особую комиссию Политбюро по безопасности для ликвидации врагов народа.

За кулисами этого пункта стояли многочисленные и многолетние данные органов госбезопасности о резкой активизации и так никогда не прекращавшейся антигосударственной, подрывной деятельности троцкистской оппозиции, ориентировавшейся, как и прежде, на ситуацию войны, прежде всего на организацию военного поражения СССР, в условиях которого она намеревалась перехватить власть в стране.

3. Провести во всей партии две проверки — гласную и негласную.

4. Обратиться ко всем членам и кандидатам партии с закрытым письмом о необходимости повышения большевистской бдительности, беспощадного разоблачения врагов народа и их ликвидации».

Во-первых, тем самым Сталин открыто и однозначно предупредил всю внутреннюю оппозицию, включая, естественно, и генеральскую, что в связи с надвигающейся угрозой войны он более не намерен терпеть какую бы то ни было оппозицию. Кстати, он не впервые это сделал. Еще во время первой «военной тревоги» в 1927 г. он точно так же ставил задачу — **«...чтобы укрепить тыл, надо обуздать оппозицию».**

Решительный тон постановления Политбюро от 15 мая 1935 г. требовал от всей оппозиции прекратить свою заговорщическую деятельность перед лицом надвигающейся угрозы войны, иначе ее участь будет печальна. Тем более что еще 4 мая 1935 г. Сталин открыто предупредил генералов, что ему хорошо известно, как они **«угрожали свергнуть нынешнее руко-**

водство, угрожали убить кое-кого из высшего руководства». А ведь угрожали убить-то как раз его самого! Сталин не только дал понять, что если и не все, то очень многое об их заговоре ему известно, но и реальный шанс прекратить свою заговорщическую, подрывную деятельность?! Подчеркиваю, что Сталин сделал это, что называется, «с открытым забралом» — главари оппозиции, в том числе и генеральской, прекрасно знали об этом постановлении Политбюро ЦК ВКП(б), но, как всегда, проигнорировали и это предупреждение. И в 1936—1937 гг. оппозиция пошла на резкую активизацию своей подрывной деятельности, что закончилось для кого-то из них длительной отсидкой в тюрьмах и лагерях, а для кого-то — и вовсе у расстрельной стенки. За что боролись — на то и поролись.

Во-вторых, говорить о «страшной трагедии народа» в целом не приходится. Подлинно страшная трагедия народа имела место как раз **в ленинский период, с 1918 по 1922** г., когда «самый человечный палач» Ульянов-Ленин, будучи формально еще в здравом уме, не без удовольствия безумствовал на ниве кровавого террора против народов России, прежде всего против русского народа. Выдающийся историк современности, ныне, к глубокому сожалению, покойный Вадим Кожинов неопровержимо доказал, что в указанный период погибло в 30 **раз** больше людей, чем в период 1936—1938 гг.

Однако трагедия все-таки имела место быть. **Но трагедия партии, точнее, ее так называемого ленинского ядра.** Как это и было запрограммировано острейшим, абсолютно непримиримым, глобальным противоречием между **коммунистами** и **большевиками. В.** Кожинов, пожалуй, первым в отечественной историографии обратил внимание на прямо коррелирующую связь между количеством репрессированных по политическим мотивам (то есть за контрреволюционные преступления) и количеством убывших из партии. По его данным, в январе 1934 г. в ВКП(б) состояло 1 **млн 874** тыс. **488** членов и **935** тыс. **298** кандидатов в члены, которые к 1939 г. должны были стать полноправными членами партии. В таком случае общая численность партии к 1939 г. должна была бы составить примерно **2,8** млн человек. Однако к марту 1939 г. членов

ВКП(б) насчитывалось не около **2,8** млн чел., а только 1 **млн 588** тыс. **852** человека. То есть на 1 **млн 220** тыс. **932** человека меньше, чем членов и кандидатов в члены партии совокупно насчитывалось в январе 1934 г. Но именно эта, зафиксировавшая «убыль» из рядов партии цифра наиболее близка к числу репрессированных в 1937—1938 гг. «политических» — 1 **млн 344** тыс. **923** человека.

Конечно, суть дела не в точных подсчетах. «Убыль» могла иметь место как по естественной причине, которую никто не в силах отменить, так и без репрессивных последствий выбытия из партии. Тем не менее близость указанных цифр вполне обоснованно позволяет говорить не о **«страшной трагедии народа»**, а о **«трагедии партии».** Да и то только в кавычках. Потому что некогда начавшаяся, точнее, инициированная и инспирированная Западом и прислуживавшей ему «шайкой подонков низших слоев больших городов Европы и Америки» как «русская революция», последняя очень быстро стала превращаться действительно в русскую революцию. Сталин не имел к той шайке ровным счетом никакого отношения, так как всю жизнь революционера провел в России и никогда не увлекался идеей «мировой революции». Потому и возглавил большевистское течение в партии, означавшее возрождение России практически по имперским лекалам, но на новых началах и принципах. 1937—1938 гг. явились финалом этого процесса. И бешенство антисталинской оппозиции более всего проистекало именно из того, что «коммунистов-интернационалистов» откровенно стали заменять на русских. Выжившие в тот период представители оппозиции даже спустя десятилетия не скрывали, что вся их неописуемая злоба на Сталина проистекает именно из того факта, что с середины 1930-х гг. **«в правительство подбирали людей с русскими фамилиями». Между прочим, не только в правительство.**

В-третьих, разгульный масштаб репрессий стал печальным фактом истории в силу следующих основных причин.

С одной стороны, антисталинская оппозиция изначально договорилась о том, что в случае провала и ареста каждый из оппозиционеров должен топить свою ответственность в незаслуженных страданиях невинно арестованных по их же на-

ветам и клевете. Логика у оппозиции была еще та — «чем больше посадят, тем быстрее прекратятся репрессии против настоящих заговорщиков». Не шибко умная от природы вдова Бухарина — Анна Ларина — проболталась об этом в своих мемуарах, сославшись на одного из видных представителей троцкистской оппозиции Сокольникова. В интервью «Московскому комсомольцу» в 2006 г. вдова маршала Катукова рассказала, как это на практике происходило. По ее словам, возвращаясь с допросов, ее же сокамерницы едва ли не с чувством выполненного долга буднично произносили: «Сегодня я посадила еще семнадцать человек»! Пострадавший в те годы генерал А.В. Горбатов в свою очередь вспоминал: «Моим соседом по нарам был в колымском лагере один крупный когда-то работник железнодорожного транспорта, даже хвалившийся тем, что оклеветал трехсот человек. Он повторял то, что мне уже случалось слышать в московской тюрьме: "Чем больше — тем лучше: скорее все разъяснится"». Как видите, данные трех совершенно разных людей, пострадавших в то время, совпадают между собой едва ли не дословно. А такое не может быть случайностью. Это убойное подтверждение того, что все именно так и происходило! И ведь так действовали практически *99,99%* арестованных в те годы.

Незадолго до своего ареста в 1934 г. один из лидеров оппозиции — Л. Каменев — якобы по долгу службы в издательстве «Академия» готовил предисловие к сборнику, посвященному заговору Катилины в Древнем Риме. Интересно, этому издательству больше делать было нечего, кроме как именно в то время готовить к изданию такие труды? В истории Древнего Рима не нашлось ничего иного достойного для издания, кроме истории заговора Катилины? Придется дать некоторые пояснения. В этой истории все позволяло оппозиции провести угодные ей аналогии с ситуацией 1934 г. Каменев, к примеру, писал, что это «революционное движение», «последняя попытка сопротивления республиканских элементов» наступлению цезаризма. Очевидно, что прочитавшим подобные высказывания представителям оппозиции не составило бы труда спроецировать подобные оценки древнего заговора на современность 1934 г. именно в том ракурсе, в котором ей это

было выгодно. Профессиональный брехун и закоренелый оппозиционер Каменев умышленно лгал, что-де катилинарии и сам Катилина «не оставили истории никаких свидетельств о своей программе, своих планах и замыслах». А как же тогда книга Гая Транквилла Светония — Каменев не мог не знать о ней.

А вот и то, зачем ему понадобилась такая ложь на пустом месте. Как бы предчувствуя фатально неизбежный провал антисталинской оппозиции, Каменев весьма «технологично» переложил всю ответственность за него на Сталина, загодя обвинив его в вынужденном применении положений Уголовного кодекса. Он отмечал, что «сохранились только свидетельства смертельных врагов движения... Обесчещение врага, сведение социально-политического движения к размерам уголовного преступления — такова цель обоих (то есть выражавших официальную точку зрения Цицерона и Саллюстия. — Л. М.). Задача удалась... Катилина и его сообщники вошли в историю как устрашающий образец политических авантюристов, готовых ради низменных личных целей, опираясь на отребье человечества, предать на поток и разграбление основы человеческого общежития. Обычная участь разгромленного революционного движения».

С этим же обстоятельством связана и так называемая инициативная клевета на невинных людей без какой-либо надобности и принуждения со стороны следствия. К примеру, не касаясь сути дела известного театрального деятеля В. Мейерхольда, отметим, что «по его милости» было арестовано свыше ста человек, которых он назвал якобы как сообщников. Плохая ли, хорошая ли контрразведка была в СССР в то время — это другой вопрос, но она обязана была проверять каждую выявленную связь арестованного. А теперь посмотрите, во что это выливалось. В. Мейерхольд назвал сто человек. Каждый из тех ста, предположим, еще сто. Уже только на этом уровне выходит что десять тысяч человек попали в поле зрения контрразведки. Если, предположим, и их арестовали и каждый из них назвал опять-таки сто человек, то выходит уже один миллион человек! Даже если по пятьдесят или по двадцать и даже по десять человек, то все равно масштаб репрессий немедленно выходил в закритический уровень!

С другой стороны, еще в самом начале трагических событий тех лет партократия едва ли не силой вырвала у Сталина согласие на репрессии. **Это непосредственно связано с мифами о том, что «Сталин умышленно инициировал репрессии в СССР в 1937—1938 гг.», «Сталин умышленно пошел на незаконные репрессии в 1937—1938 гг.» и «Сталин умышленно создал ГУЛАГ как** "машину **для уничтожения народа"».** Указанные мифы, одни из самых подлых и коварных во всей антисталиниане. Запущены в активный пропагандистский оборот лично Хрущевым, который, по своему обыкновению, попросту повторял вымыслы Троцкого, даже не отдавая себе отчета в том, что занимается примитивным плагиатом у «беса мировой революции». Мифы обладают одной особенностью. На протяжении многих десятилетий они были фактически единственными недоступными и даже неприступными для принципиального опровержения.

Но не, силе Бог, а в Правде! В последние годы их неприступность и недоступность для принципиального опровержения вдребезги разгромил выдающийся, особенно своей личной и научной смелостью, а также потрясающей объективностью современный историк, доктор исторических наук **Юрий Николаевич Жуков. В** 2003 г. он опубликовал блестящую в силу своей беспрецедентной документальной обоснованности ранее особо секретными документами (в том числе даже и не рассекреченными до настоящего времени) «Особой папки» Политбюро ЦК КПСС книгу под названием **«Иной Сталин».** Немалую лепту внесли также **Олег Борисович Мозохин,** создавший уникальный, полностью базирующийся на ранее особо засекреченных документах КГБ СССР и «Особой папки» Политбюро ЦК КПСС труд под названием **«Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов госбезопасности (1918—1953)»** (М., 2006) и кандидат исторических наук **Михаил Юрьевич Моруков,** издавший не менее удивительную своей уникальной документальной обоснованностью книгу **«Правда ГУЛАГа** из **круга первого»** (М., 2006).

Особое значение для понимания событий 1937—1938 гг. имеет упомянутая выше книга Ю.Н. Жукова, главный, документально безукоризненно обоснованный вывод которого в том, что не Сталин, а именно партократия является подлин-

ным инициатором репрессий 1937—1938 годов. Причем прежде всего именно из-за страшивших ее последствий всеобщих, равных, прямых и тайных выборов на альтернативной основе, которые устанавливались новой Конституцией 1936 года. Ее до бешенства страшила вполне демократическая перспектива запросто лишиться своих теплых местечек. Ю.Н. Жуков документально точно доказал, что непосредственно от партократии подлинными инициаторами репрессий явились Н.С. Хрущев и его ближайший «дружок» Р.И. Эйхе, возглавлявший парторганизацию Западно-Сибирского края.

Очень характерна история второй (гражданской) жены старшего сына Хрущева Леонида — Розы Трейвос, племянницы Первого секретаря Калужского обкома партии. Отсидев в лагерях, Роза Трейвос в период «оттепели» была освобождена, сумела каким-то образом оказаться в числе приглашенных на какое-то мероприятие в Кремле, подошла к Хрущеву и при всех заявила ему следующее: ***«Это вы, а не Сталин, виноваты в том, что моего дядю расстреляли*** *и* ***что я оказалась в лагере! Это вы, а не Сталин, виноваты в репрессиях!»*** *Охрана с трудом оттащила разбушевавшуюся Розу от «дорогого Никиты Сергеевича»...*

Даже, по данным комиссии ярого врага Советского Союза и России — недоброй памяти А.Н. Яковлева, — на «личном счету» Хрущева ***161860*** *человек, угодивших по его «милости» в жернова им же в значительной степени и инициированных репрессий. Из них: 55* ***741*** *человек — за период (1936—1937 гг.) работы первым секретарем Московского городского и областного комитетов партии и* ***106119*** *человек — за период его издевательств над Украиной (с января 1938 г. и до начала войны). Это именно его Сталин вынужден был предупредить сверхкраткой запиской — «Уймись, дурак».*

Кстати говоря, попутно Ю.Н. Жуков раскрыл еще одну, ранее недоступную для понимания тайну: почему одним из первых, если не самым первым на XX съезде КПСС, Хрущев реабилитировал именно этого негодяя — Роберта Индриковича Эйхе. Да потому, что именно он, как еще убедимся, и был самым главным начальным инициатором репрессий. Потому его и реабилитировали в первую очередь.

Еще при анализе мифа № 52 указывалось, что в СССР постепенно подготавливались предпосылки для полной девестернизации и деленинизации страны и государства. Подготавливались и необходимые предпосылки для полной демократизации внутренней жизни в интересах всего народа, проведения внешней и внутренней политики, сообразуясь лишь с национальными интересами России (СССР). Апофеозом этой политики на рубеже 1936—1937 гг. должно было стать полномасштабное вхождение в силу новой Конституции СССР 1936 года, против которой крайне резко были настроены практически все представители так называемой ленинской гвардии. Впрочем, сказать, что «крайне резко против» — почти ничего не сказать. Они предъявляли ему самые страшные в их среде политические обвинения — похуже, чем вся статья 58 со всеми своими параграфами. «Ленинские гвардейцы» обвиняли его в отходе от марксизма и ленинизма. Его подвергали массированной критике слева. Они считали, что Сталин поторопился с объявлением о ликвидации антагонистических классов в СССР. Более того, они убежденно считали, что его вариант Конституции открывает путь к реставрации буржуазного строя!? Но вот что касается репрессий, то, к удивлению многих, «ленинская гвардия» относилась не столько даже лояльно, сколько особо доброжелательно, настаивая на их усилении.

Причина столь злобной критики Сталина была проста. Прежде всего потому, что впервые после 1917 года новая Конституция (Сталина) предоставляла равные права всем гражданам СССР вне какой-либо зависимости от социального происхождения и положения, национальной принадлежности и вероисповедания. Особенно пугало «ленинскую гвардию» твердое намерение Сталина провести в жизнь одно из главнейших положений новой Конституции — **реализовать положение о всеобщих, равных, прямых и тайных выборах на альтернативной основе.** Оно именно тем было страшно для них, что с помощью всеобщих, равных, прямых и тайных выборов на альтернативной основе Сталин планировал мирным и демократическим путем осуществить давно назревшую ротацию правящей элиты, поскольку «ленинская гвардия» не желала

заниматься созидательным трудом и беспрерывно ставила палки в колеса. Сталин не скрывал этого намерения и откровенно говорил, что **«всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти».** Аналогичное он планировал сделать и в партии — избрание на выборные должности в партийные органы всех уровней планировалось также на основе всеобщих, равных, прямых и тайных выборов. **Попросту говоря, в интересах всех народов СССР Сталин хотел начать подлинную демократизацию страны, провести свободные выборы на альтернативной основе и тем самым мирным путем удалить от власти сложившуюся партократию, продолжавшую жить беспочвенными иллюзиями мировой революции, отстранить от управления экономикой дилетантов, заменяя их уже выросшими при Советской власти профессионалами. Он мечтал вернуть страну к спокойной жизни и проводить внешнюю и внутреннюю политику, сообразуясь лишь с национальными интересами России (СССР).**

К слову сказать, Сталин не скрывал от партократии, что громадное число ее представителей должно быть готово к тому, чтобы лишиться своих постов. **Подчеркиваю — лишиться постов, а не голов.** На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. Сталин сам назвал количество тех из партократов, кто должен был быть готов лишиться своих постов: 3—4 **тыс.** партийных руководителей высшего звена, **30—40 тыс.** — среднего и **100—150 тыс.** — низового звена. Обозначил и срок — в течение последующих после пленума шести месяцев необходимо **«влить в эти ряды свежие силы, ждущие своего выдвижения», то есть как раз до выборов в Верховный Совет СССР и местные советы. Более того, Сталин открыто обозначил, что партийные организации будут освобождены от хозяйственной работы. А ведь больше-то им и делать было нечего!**

Это вызвало невероятный всплеск буквально дикого озверения партократии, состоявшей тогда в основном из «ленинских гвардейцев» и иной примкнувшей к ним партийной швали, составлявшей их кланы, ибо она поняла, что лишится власти, что дни ее сочтены самым мирным, самым демократическим путем. Уже на пленуме она заговорила только о необ-

ходимости поиска врагов и ни о чем другом. Хотя представители группы Сталина открыто пытались повернуть партийных чинуш к проблемам невнимания и равнодушия партийных секретарей к рядовым членам лартии и их нуждам, а также к задачам по реализации положений новой Конституции. Все было тщетно. Прямо на пленуме эти твари начали обвинять друг друга во всех смертных грехах. А дальше началась и вовсе жуткая вакханалия. Партийные секретари стали откровенно валять дурака и телеграфно запрашивать Сталина о том, как надо голосовать на выборах в партийных организациях — выбирать ли открытым либо тайным голосованием парторгов и делегатов на партконференциях и членов бюро парткомов. Сталин ответил не только предельно коротко и ясно — **«Все выборы проводятся путем тайного голосования».** 20 марта 1937 г. он провел еще и решение Политбюро «Об организации выборов парторганов (на основе решения пленума)», в котором однозначно говорилось следующее: **«Воспретить при выборах партийных органов голосовать списком. Голосование производить по отдельным кандидатурам, обеспечив при этом всем членам партии неограниченное право** отвода **кандидатов и** критику **последних.** Установить **при выборах** партийных органов закрытое (тайное) голосование». А вот это был уже смертельный **удар!** Потому что испытание выборами не выдержало бы подавляющее большинство партийных тварей.

Последовавшая реакция партийных секретарей со всей однозначностью показала следующее. Стремясь возложить всю ответственность за любые провалы, ошибки, неудачи и упущения в парторганизациях и народном хозяйстве на подведомственной территории на хозяйственников, партократия стала откровенно стремиться к тому, чтобы заранее придать им политический характер и на основании этого стала откровенно требовать арестов и репрессий в преддверии выборов. Поняв это стремление партократов, Сталин предпринял попытку свести к минимуму подобную практику, чтобы оградить от необоснованных обвинений и наветов простых граждан, особенно специалистов, пусть даже с далеко не безупречным партийным прошлым.

Между тем в ситуации, когда Сталин и его группировка едва сдерживали натиск озверевшей и жаждавшей крови партократии, произошла еще и ликвидация верхушки заговора военных во главе с Тухачевским, а также в чекистских рядах. Возможно, Сталин и был бы рад сделать это в иной обстановке, однако поступавшая к нему информация свидетельствовала о том, что медлить более нельзя. К тому же в силу своей незаурядной подлости заговорщики решили воспользоваться семейными обстоятельствами Сталина. Было известно, что из-за болезни его мать находится в тяжелом положении, и заговорщики рассчитывали, что он поедет в Тбилиси, чтобы повидаться с ней. А они тем временем осуществят в Москве переворот. Однако замысел заговорщиков был сорван, в том числе и тем, что Сталин принял очень жесткое, нелегкое для себя, как сына, решение никуда не ездить. Он так и не смог попрощаться с матерью перед ее смертью. И даже при такой ситуации заговор военных был ликвидирован буквально в последний момент.

Стало очевидно, что ставка на силовой вариант государственного переворота ради предотвращения как вхождения в силу новой демократической Конституции, так и иных прогрессивных и также демократических по смыслу, букве и духу нововведений Сталина бита полностью. Сталин ни на йоту не отступит от своих планов. На состоявшемся в последней декаде июня 1937 г. пленуме ЦК ВКП(б) это вновь было продемонстрировано с предельной жесткостью. Осознав все это, партократия окончательно вышла из себя. Ее озверению и жажде крови не стало предела. Особенно, если учесть, что в заключительном выступлении на упомянутом пленуме Сталин фактически бросил открытый вызов партократам — **для организации беспристрастного контроля за выборами по новой Конституции он предложил использовать существующие в стране общественные организации, но никак не ВКП(б) и ее организации на местах!** Уяснив, что она лишается даже призрачной возможности контролировать выборы, но более всего, что она лишается возможности узаконить свой прежний руководящий статус по новой Конституции, партократия перешла в отчаянное контрнаступление. Опираясь на прекрас-

ное исследование Ю.Н. Жукова, суть охватившего партократию озверения можно и должно сформулировать следующим образом. Возложение функции контроля за крайне неугодными для партократии выборами на общественные организации страны означало, что партократия лицом к лицу столкнется с подавляющим большинством народа. То есть именно с тем подавляющим большинством народа, которое она в предыдущие годы восстановила против себя. Прежде всего, бессмысленными зверствами коллективизации. Ведь в ряде случаев дело тогда доходило до того, что отдельные партсекретари объявляли на подведомственной им территории гражданскую войну[1]. Более того. Бессмысленной борьбой с церквями, в том числе и их закрытием, отвратительной организацией снабжения продовольствием, предметами широкого потребления в годы первой и второй пятилеток, жестоким отношением к нуждам простых граждан, в том числе и рядовых членов партии.

«Именно местным партийным руководителям, — отмечает Ю.Н. Жуков, — и именно теперь, в ходе всеобщих равных, прямых, тайных, да еще и альтернативных выборов, грозило самое страшное — потеря одного из двух постов, советского, обеспечивавшего им пребывание в широком руководстве, гарантировавшего обладание неограниченной властью. Ведь по

[1] Во всем тогдашнем советском партийно-государственном руководстве именно Сталин был жестким противником резких, тем более репрессивных мер на селе и занимал эту позицию как до 1928 года, так и после. Лишь в начале XXI в. стали известны секретные документы, наглядно свидетельствовавшие о том, что спровоцированное троцкистской оппозицией насилие на селе вызвало крайне резкую, негативную, а, главное, немедленную реакцию Сталина. Так, когда 30 января 1930 г. в Москву поступили сведения о крайнем насилии, осуществляемом на селе первым секретарем Средне-Волжского крайкома Менделем Хатаевичем, Сталин уже 31 января направил ему секретную телеграмму следующего содержания: «Ваша торопливость в вопросе о кулаке ничего общего с политикой партии не имеет. У вас получается голое раскулачивание в его худшем виде». Телеграмма была подписана также Молотовым и Кагановичем. Причина такой резкой и немедленной реакции Сталина заключалась в том, что Мендель Хатаевич решением бюро крайкома от 20 января 1930 г. фактически развязал гражданскую войну в отдельно взятом регионе!

сложившейся за истекшее десятилетие практике первые секретари крайкомов и обкомов обязательно избирались сначала депутатами всесоюзных съездов советов, а уже на них членами ЦИК СССР, как бы подтверждая тем полную и единодушную поддержку всего населения края, области. Потеря же депутатства, теперь уже в Верховном Совете СССР, означала утрату доверия со стороны как беспартийных, так и членов партии. А в таком случае чуть ли не автоматически мог возникнуть вопрос о дальнейшем пребывании данного первого секретаря и на его основном посту, партийном. **Решение ПБ** (Политбюро. ***— А. М.***)**... его могли утвердить на иной должности, вполне возможно, на хозяйственной, требующей образования, знаний, опыта — всего того, чем он не обладал».**

В авангарде этого отчаянного контрнаступления на Сталина **и в** целом Политбюро оказались возглавлявшие парторганизации Западно-Сибирского края и Москвы — кровавые бандиты Р.И. Эйхе и Н.С. Хрущев. Ю.Н. Жуков установил содержание ранее неизвестного пункта № 66 также ранее неизвестного протокола № 51 заседания Политбюро 28 июня 1937 г., в котором говорилось: «**1. Признать необходимым применение высшей меры наказания ко всем активистам, принадлежащим к повстанческой организации сосланных кулаков. 2. Для быстрейшего разрешения вопроса создать тройку в составе Миронова (председатель), начальника управления НКВД по Западной Сибири, тов. Баркова, прокурора Западно-Сибирского края, и тов. Эйхе, секретаря Западно-Сибирского краевого комитета партии»**. Ю.Н. Жуков справедливо замечает: «Содержание решения, бесспорно, свидетельствует, что оно появилось на свет как реакция на обязательную для таких случаев инициативную записку Р.И. Эйхе. Записку, до сих пор не найденную, но содержание которой можно реконструировать с большой достоверностью. Скорее всего, ею Эйхе попытался подтвердить и развить мысль, высказанную им еще на февральско-мартовском пленуме (1937 г. — А. М.). Тогда он безапелляционно заявил: мол, в Западной Сибири существует «немалая группа заядлых врагов, которые будут пытаться всеми мерами продолжать борьбу». Вполне возможно, Эйхе отметил в записке и то, что не разоблачен-

ная до сих пор полностью некая «повстанческая контрреволюционная организация» угрожает политической стабильности в крае, что особенно опасно в период подготовки и проведения избирательной кампании. И потому, как можно предположить, просил ПБ санкционировать создание «тройки», наделенной правом выносить смертные приговоры. Подобное откровенное игнорирование права, презрение к существующей судебной системе, даже основанной на чрезвычайных законах, было присуще Роберту Индриковичу Эйхе издавна, практически всегда сопровождало его деятельность. В 1930 г. жесткий, волюнтаристский стиль работы Эйхе, слишком наглядно продемонстрировавшего свою предельную некомпетентность, вызвал резкий и открытый протест большой группы ответственных работников Сибири. Однако именно они, а не Роберт Индрикович, были сняты со своих должностей. В 1934 г., в ходе хлебозаготовок, Эйхе истребовал от ПБ право давать санкцию на высшую меру наказания на подведомственной ему территории в течение двух месяцев — с 19 сентября по 15 ноября **(должен заметить, что в данном случае Ю.Н. Жуков по недоразумению случайно ошибся — как указывалось выше, Сталин не дал такой санкции.** *—А.М.)*. Видимо, вспомнив о том, он и обратился в ПБ с новой просьбой о создании внесудебного, не предусмотренного никакими законами органа, «тройки» —органа, явившегося почти точной копией тех военно-полевых судов, которые царили в стране в период первой русской революции. Инициативная записка Р.И. Эйхе оказалась тем камушком, который вызвал страшную горную лавину. Три дня спустя, 2 июля, последовало еще одно решение ПБ, распространившее экстраординарные права, предоставленные поначалу лишь Эйхе, уже на всех без исключения первых секретарей ЦК нацкомпартий, обкомов и крайкомов. «Замечено, —констатировалось в нем, —что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время из разных областей в северные и сибирские районы, а потом по истечении срока высылки вернувшихся в свои области, являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых отраслях промыш-

ленности. ЦК ВКП(б) предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные, менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД. ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке».

Ю.Н. Жуков далее отмечает: «Легко заметить странную двусмысленность решения. Прежде всего, то, что первых секретарей отнюдь не обязывали создавать "тройки" и брать на учет с помощью сотрудников НКВД возвратившихся из ссылки "кулаков и уголовников". Им только предлагалось, то есть оставлялось на их собственное усмотрение, сделать это или не сделать. Во-вторых, в решении ПБ от 2 июля вполне определенно говорилось о том, что взятых на учет следует разделить на «наиболее враждебных» и «менее активных». И в том и в другом случае явно подразумевалась отдача на произвол "троек" далеко не всех взятых на учет, а лишь "зачинщиков всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений", а также участников подобного рода действий, несомненно, подлежащих уголовному преследованию. Наконец, вряд ли случайно на столь сложную и потому продолжительную работу отводилось всего пять дней. Безусловно, подразумевалось, что действовать тройки будут недолго и лишь по уже существующим в управлении НКВД спискам.

... Есть все основания полагать, что Р.И. Эйхе, обращаясь в ПБ, действовал не только от себя, лишь в своих интересах. Он выражал требования значительной группы первых секретарей, а может быть, и их абсолютного большинства, настаивал на том, что загодя обговорили члены широкого руководства в кулуарах пленума либо вечером...» после работы пленума. «Трудно отделаться от предположения, —подчеркивает Ю.Н. Жуков, — что инициативная записка Эйхе являлась неким пробным шаром, способным проверить, пойдет ли ста-

линская группа им навстречу в данном случае, и насколько, чтобы в противном случае предпринять адекватные меры».

Жуков указывает в этой связи на редкое, даже уникальное, как он считает, посещение руководителями региональных парторганизаций кремлевского кабинета Сталина в те самые дни, то есть между 28 июня и 2 июля. 1 июля со Сталиным и Молотовым встретились пять первых секретарей, а 2 июля еще четверо. И, судя по всему, это-то и было конкретным проявлением широкого и активного контрнаступления партократии на Сталина и его ближайших соратников. Эйхе вышел с инициативой, получил разрешение и тут же ринулись остальные. Подыграл этому широкому и активному контрнаступлению партократии и новый нарком внутренних дел Ежов — сам выходец из партократии. Ему-то, по еще не потерявшим для него смысл корпоративным соображениям, легко было найти общий язык с такими подонками от партократии, как Эйхе и другие первые секретари, чтобы совместными усилиями как можно скорее силой устранить тех, кто непременно проголосовал бы против партократов, **а может быть, и провел бы собственных депутатов».**

В целях прояснения ситуации того времени должен обратить особое внимание на то обстоятельство, что такие планы — те, что выделены жирным текстом, — у различных слоев оппозиции действительно были. Например, репрессированный в 1937 г. родной брат по сию пору ёрничающего на телевидении художника Б. Ефимова — Михаил Кольцов (настоящая фамилия Фридлянд) — на одном из допросов показал о планах новой оппозиции следующее:«... **На троцкистов и бухаринцев рассчитывать не приходится, ибо все эти люди конченые и связь с ними гибельна, но в стране... имеются новые кадры недовольных и жаждущих контактов с Западной Европой молодых интеллигентов... новая конституция в корне изменит обстановку политической борьбы, очень многое упростит и легализует, так что будет безопаснее добиваться поставленных целей, используя для давления на правительство парламентские формы. Наркомы и целые составы правительств будут ниспровергаться и предлагаться с парламентской трибуны. С этой трибуны надо будет добиваться на-**

стоящей свободы слова в буржуазном смысле слова, отмены монополии внешней торговли, восстановления концессии — того, что требуют иностранные державы...» Не следует полагать, что другие контингента оппозиции не разрабатывали аналогичных же планов.

Для Ежова это имело еще и тот смысл, что после разоблачения и ликвидации заговора Тухачевского и в целом в связи с завершением операции «Клубок»[1] НКВД как бы и делать было больше нечего. Но Ежов-то, как выяснилось уже впоследствии, страдал чрезвычайно опасной для руководителя карательного органа болезнью — он просто не умел останавливаться. Не говоря уже о том, что втайне мечтал войти в состав высшего руководства СССР. А на чем себя проявить-то?! И, судя по всему, в силу всех вышеуказанных соображений и не без содействия партсекретарей Ежов присутствовал на их встречах со Сталиным и Молотовым 1 и 2 июля. И явно именно он и готовил цитировавшееся выше решение ПБ от 2 июля, по которому НКВД отводилась если и не главная, то по крайней мере достаточно весомая роль — взять на учет «кулаков и уголовников», то есть тех самых, в основном крестьян, которым, благодаря настоя-

[1] Операция, которую Сталин назвал «Клубок», началась в первых числах января 1935 года. Брат первой жены Сталина — председатель правления Внешторгбанка А.С. Сванидзе — сообщил, что в Кремле возник заговор с целью совершения государственного переворота, что заговор возглавляют близкие ему люди — председатель ВЦИК СССР А.С. Енукидзе и комендант Кремля Р.А. Петерсон — и что заговорщики собираются арестовать всю руководящую пятерку (узкое руководство), то есть Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова и Орджоникидзе. Переворот планировался «дворцового типа» — руководство должно было быть арестовано либо на квартирах, либо в кабинете Сталина во время одного из заседаний. Наилучшим вариантом считался арест во время киносеанса в кинозале Кремля на втором этаже Кавалергардского корпуса. Переворот должен быть осуществлен силами кремлевского гарнизона. Для ареста узкого руководства уже подготовлены абсолютно надежные и готовые на все пятнадцать человек. Как правило, эту информацию называют доносом. Причем даже в тех случаях, когда приводят беспрецедентно убедительные, с прямой ссылкой на особо секретные ранее архивы Политбюро данные о том, что этот заговор действительно имел место быть. Так что называть его доносом нет ни малейших оснований. Тем более что все это подтверждается данными следствия и судебных процессов.

ниям АЛ. Вышинского, возвратили избирательные права. А ведь Вышинский не самодеятельностью занимался, а выполнял решения Сталина и его соратников.

Нельзя не отметить, что Сталин отчетливо понимал всю остроту момента и активного натиска партократии. Не случайно, в частности, он ограничил срок исполнения решения ПБ от 2 июля всего пятью днями, рассчитывая в данном случае на невозможность исполнения решения, особенно из-за неповоротливости партийного аппарата, тем более в координации с органами НКВД. К сожалению, расчет Сталина не оправдался. Партократия уже закусила удила. Первые ответы пришли в срок, вторая партия уже 9—11 июля. Самые кровожадные списки представили 1-й секретарь МК ВКП(б) Н.С. Хрущев и его дружок и такой же бандит, 1-йч:екретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе. Как справедливо указывает Ю.Н. Жуков, Хрущев подозрительно быстро разыскал в фактически никогда не имевшей кулаков огородной по своей аграрной сути Московской области **41 305** «бывших кулаков» и «уголовников», из которых **8500** человек потребовал приговорить к расстрелу, а 32 **805** человек — к высылке (впоследствии это список был им увеличен). Эйхе пошел дальше. Этот подонок только к расстрелу потребовал приговорить **10 800** человек, а количество обреченных на высылку — и вовсе оставил неопределенным в попытке сохранить за собой право самостоятельно решать этот вопрос.

Обратите внимание на точное совпадение озвученного Сталиным количества партократов, которые, по его мнению, должны лишиться своих постов, и тем, что представили эти партийные твари уже в первом списке. По максимуму озвученная Сталиным цифра составляла **194** тыс. партократов всех уровней. Не желая подвергаться давно заслуженным, в виду плохой работы, болезненным ударам «хлыста», о котором говорил Сталин, то есть крайне опасаясь всеобщих, равных, прямых и тайных выборов на альтернативной основе, партократия выставила вместо себя, но, в отличие от сталинского плана мирной ротации руководящей элиты, уже на кровавое заклание такое же и даже чуть большее количество «врагов

народа», которых подозрительно быстро сосчитали по всей стране. Первым же списком партократия представила список на **194 122** человека. В том числе 68 **739** человек — к расстрелу. То есть **35,41%** от общего числа представленных по первому списку к репрессиям.

Именно представленные партократией списки «врагов народа» вошли составной частью в приказ Ежова по НКВД от 30 июля 1937 г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». И когда он, добавив данные самого **НКВД,** свел их все воедино, то оказалось, что только первая волна репрессий затронет **ЧЕТВЕРТЬ МИЛЛИОНА ЧЕЛОВЕК!**

Один только этот факт означал, что намеченные для репрессирования **250** тысяч человек автоматически потянут за собой в общей сложности не менее **2,5** миллиона человек. Потому что прежде чем репрессировать, их тоже допрашивали бы, и они тоже кого-то назвали бы, в среднем, не менее 10 человек, а иные, по примеру оппозиции, также «закладывали» бессчетное количество абсолютно невинных людей. Более того, Ежов пошел на расширение трактовки понятия «кулаки и уголовники». Помимо отбывших различные сроки наказания и реабилитированных крестьян и иных категорий населения, которым новая конституция вернула гражданские права, Ежов впихнул в их число членов различных антисоветских политических партий. Например, эсеров, грузинских меньшевиков, армянских дашнаков, азербайджанских мусаватистов, узбекских иттихадистов и т.п., а также бывших активных участников бандитских восстаний, белых, карателей, репатриантов. Причем с маниакальным упорством всех их он относил к сельским жителям. То есть, грубо говоря, нагло подтягивал эти категории под решение ПБ от 2 июля.

Хуже того. Ежов самовольно пошел на невероятное расширение масштаба репрессий, введя понятие «семей, члены которых способны к активным антисоветским действиям» и «члены семей репрессированных по 1-й категории» (то есть расстрелянных). Из всего этого очень скоро получились трагические «ЧСИР» и «ЖИР» — то есть члены семей изменников родины и жены изменников родины. А ведь одновремен-

но-то никуда не исчезла задача борьбы с троцкистской, бухаринской и прочей оппозицией. И этих-то вообще принципиально «вырубали» кланами, потому как кланами же они друг друга и закладывали.

Остается только один вопрос. Почему партократия так торопилась именно в промежутке с 28 июня по 2 июля, а затем с невиданной скоростью представила списки для репрессий? Оказывается, все дело было в том, что в те же дни сессия ЦИК СССР должна была утвердить и утвердила «Положение о выборах в Верховный Совет СССР» и новая избирательная система, включая и альтернативность, стала законом. Именно поэтому партократия и торопилась — она откровенно стремилась изначально превратить этот важнейший документ в ничего не значащий листок бумаги!

Вырвав же согласие на репрессии, партократия заимела возможность открыто создать угрожающий фон всей избирательной кампании. С каждой неделей репрессии ширились, поражая не только и даже не столько крестьянство, хотя ему незаслуженно крепко досталось, сколько тех, кто развязал против них и иных уже реабилитированных слоев населения некое подобие гражданской войны. А репрессиям против последних, то есть против партократов, «...теперь чуть не непременно стали предшествовать обсуждения на партийных пленумах и съездах после чего незамедлительно следовала опала и, как правило, затем и сами репрессии. Небезынтересно отметить, что поначалу компрометирующие сведения, особенно в отношении высокопоставленных лиц, поступали вовсе не из НКВД, а из рядовой партийной массы». Порой достоверная, а подчас и амальгамная или попросту вымышленная информация ложилась затем в основание уже чисто политических обвинений, в том числе и в контрреволюционных преступлениях.

Ю.Н. Жуков справедливо отмечает: «Все это в совокупности достаточно наглядно демонстрировало, во что неизбежно выльется задуманная избирательная кампания. Со свободой не только выдвижения, но и обсуждения каждого кандидата в депутаты, особенно — Верховного Совета СССР, на открытых собраниях. В обстановке несомненного массового

психоза, деловую критику, установление единственно требуемого — способен ли данный человек в случае победы на выборах выражать и защищать интересы тех, кто его выдвинул, — непременно подменит "охота на ведьм" с ее вечными атрибутами — подозрительностью, торжеством наветов и инсинуаций, патологической жаждой крови. И, скорее всего, начнется самое обыкновенное сведение счетов, далеко не всегда порожденных политическими разногласиями.

Ни к чему не привели и обе противоречивые попытки обуздать партократию. Сначала — пойдя ей на уступки, наделив неограниченными правами, затем обрушив репрессии против нее. С надеждой провести альтернативные выборы приходилось окончательно распроститься. Их просто не позволили бы провести. Партократия в самоубийственном противостоянии сумела добиться своего — сохранила в полной неприкосновенности старую политическую систему, теперь лишь прикрытую как камуфляжной сеткой новой конституцией». Хотя и, откровенно говоря, изрядно попритихла. Сталин вполне ясно продемонстрировал, что может и «железной рукой» обуздать партократию.

Подводя итог, следует прямо сказать, что полной неудачей завершилась первая попытка группы Сталина реформировать политическую систему Советского Союза. Вторая же, послевоенная его попытка с реформой политической системы страны окончится его убийством.

Вот так и начинались репрессии. Так складывался их разгульный масштаб, приведший в итоге, в том числе и к необоснованности и незаконности части из них. А этого уже просто не могло не быть еще и ввиду отсутствия чекистского профессионализма у самого Ежова, которого его замы и сотрудники без особого труда обводили вокруг пальца и подсовывали любые бумаги на подпись, тем более что он очень быстро запил по-черному. В делах Лубянки он ничего не соображал, и обмануть его не представляло никакого труда. К тому же, подчеркиваю, у него была опасная черта характера — он просто не умел останавливаться. И это не говоря уже о том, что в самих чекистских рядах оказалось немало негодяев, особенно из числа так называемых «коммунистов-интернационали-

стов». Эти подонки отличались особым, но крайне неуместным рвением, — прежде всего в том смысле, как действовала оппозиция, стремившаяся спровоцировать как можно больше арестов, рассчитывая на то, что чем больше арестов случится, тем быстрее прекратят репрессии против оппозиции. Но одновременно они еще и особо зверствовали, в том числе и в расчете на то, чтобы выслужиться. Слава Богу, что в конце-то концов заслуженная кара настигла очень многих из них и эта мразь оказалась у расстрельной стенки.

Говоря обо всем этом, менее всего автору хотелось бы, чтобы написанное им восприняли как оправдание Сталина. Прежде всего, потому что автор не адвокат, а Сталин, само собой разумеется, в адвокатах не нуждается. Обвинителей же — и так несть им числа. Но об одном хочу сказать прямо. Единственное, в чем действительно можно и нужно всерьез, но ретроспективно упрекнуть Сталина, так это в том, что он не имел никакого права поддаваться даже откровенному нажиму со стороны партократии, озверевшей из-за ликвидации заговора Тухачевского как силового рычага государственного переворота, на который она делала ставку. Ведь сам же потом горько сожалел о происшедшем, а после войны хотел открыто покаяться перед народом за допущенные трагические ошибки.

Однако спустя семь десятилетий легко так говорить. Только вот как прочувствовать всю сложность ситуации лета 1937 г., когда армия на грани взрыва, извне — надвигается угроза войны, а на носу еще и откровенный бунт партократии, которая в течение 20 лет держала власть в стране и просто так сдавать свои позиции не собиралась?! На протяжении всех лет подготовки к конституционной реформе партократия только и знала, что ставила палки в колеса. Не говоря уже о сильнейшем противодействии оппозиции курсу на индустриализацию. Заговорщическая активизация всех элементов антисталинской оппозиции с точностью до миллиметра и секунды совпадает с началом подготовки к конституционной реформе.

Хуже того. Своими действиями она откровенно грозила развязать и в конце концов развязала-таки новую Гражданскую войну в стране! И в то же время единственный в тот мо-

мент рычаг для удержания власти в стране — все та же проклятая партия, точнее, партийный аппарат на местах! Даже в той же армии, где в связи с ликвидацией заговора Тухачевского срочно был восстановлен институт ненавистных комиссаров. **Сталин выбрал главное — сохранение государства.** Партократия же, сделав вид, что согласна с таким выбором, ответила зверскими репрессиями против всех, кто хоть както выступал против нее, фактически сорвав намеченный процесс демократизации в ходе конституционной реформы. **Государство-то уцелело, но какой невероятный ущерб Советскому Союзу нанесла партократия. 1937—1938 гг. навсегда ославлены репрессиями, даже если во многих случаях они были законными и обоснованными. Но почему за это должен отвечать только один Сталин?! Только потому, что он «лицо кавказской национальности»?! Или потому, что не дал порулить Великой Державой Троцкому и его банде негодяев?!**

Надо отдать должное Сталину — он-то прекрасно понимал, что все шишки свалят на его голову. Вновь обращаю внимание на то, что после войны он искренне хотел покаяться перед народом за допущенные в предвоенный период трагические ошибки, прежде всего за 1937—1938 гг. Не успел. Убили. В том числе и за это намерение. А также за новую попытку оторвать-таки партократию от власти.

Спустя всего три года после смерти его оклеветали так, как никого в Истории. И до сих пор шквал клеветнических обвинений не утихает. Однако все обвинения в его адрес могут быть сняты или, по меньшей мере, могут быть приведены в адекватное историческим реалиям состояние, в том числе и в плане соразмерности его вины обвинениям в его адрес, лишь тогда, когда полностью откроют все архивы и будет проведено скрупулезное изучение каждого дела. Но власти ни посталинского СССР этого не желали, ни постсоветской России не желают. Политический же бандитизм Комиссии А.Н. Яковлева, огульно реабилитировавшей и продолжающей уже при новом своем главаре огульную реабилитацию всех — от контрабандистов и басмачей до шпионов и диверсантов — нельзя расценивать как тщательное изучение тех событий, ибо **это всего лишь конъюнктурная подтасовка под текущие политически цели.**

В завершение этой части анализа группы мифов небезынтересно было бы указать, что в 1940 г. при численности населения СССР **194,2** млн. человек было всего **6549** убийств. В современной «демократической» России при **142** млн.человек населения ежегодно в результате убийств гибнет до 100 тысяч человек, включая и тех, кто скончался позже в больницах после покушений на их жизнь, и более 70 тысяч пропадает бесследно.

Что же касается вопроса законности репрессий, то тут также следует исходить не из эмоций, а из фактов, прежде всего юридических. Да, понимаю, дело это скучное, но в данном случае архиважное. Потому что как бы мы ни относились к тому времени, но органы госбезопасности и тогда действовали не в безвоздушном пространстве, а на основе действовавших законов СССР и ведомственных приказов, контролировавшихся постановлениями Политбюро ВКП(б), ВЦИК и Совнаркомом СССР. Хотим мы признать это или нет, но по тем временам это считалось вполне легитимным.

К примеру, после убийства С.М. Кирова (1 декабря 1934 г.) появилось ставшее впоследствии широко известным Постановление Президиума ЦИК и СНК СССР «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик», которое вводило «облегченный» порядок ведения следствия и судопроизводства по делам, связанным с терроризмом. Современному читателю такие названия государственных органов, как Президиум ЦИК и СНК СССР, мало что говорят, если вообще что-либо говорят. Между тем Центральный Исполнительный Комитет СССР являлся высшим органом законодательной власти, а СНК СССР, то есть Совет народных комиссаров СССР, или, по-современному, Кабинет министров, — высший орган исполнительной власти в Советском Союзе. То есть с юридической точки зрения введение «облегченного» порядка следствия и судопроизводства по делам о терроризме по тем временам было абсолютно законно, легитимно. И то же самое произошло, когда своим постановлением от 14 сентября 1937 г. ЦИК СССР распространило сходный порядок ведения следствия и судопроизводства по делам «о контрреволюционном вредительстве и диверси-

ях». Можно произносить какие угодно эмоциональные речи насчет демократии, однако же предоставление таких прав органам госбезопасности было осуществлено легитимно — высшим законодательным органом государства и в рамках существовавшего тогда законодательства.

Возьмем другой законодательный акт, по которому прошло значительное количество репрессированных в то время. 4 февраля 1937 г. было принято совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о порядке судебного рассмотрения дел на троцкистские антисоветские группы. Совместные постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР в Советском Союзе были законным, легитимным актом. В данном случае его проект был представлен народным комиссаром внутренних дел СССР Н.И. Ежовым, Генеральным прокурором СССР АЛ. Вышинским и председателем Верховного Суда СССР В.В. Ульрихом.

Теперь в отношении права на внесудебные репрессии, которое было использовано в 1937—1938 гг. Народный комиссариат внутренних дел СССР был создан на основе постановления ЦИК СССР от 10 июля 1934 года. С образованием НКВД СССР были упразднены судебная коллегия и «тройки», существовавшие в системе ОГПУ. Право на внесудебные репрессии было сохранено только за Особым совещанием при НКВД СССР (ОСО НКВД СССР). И это тоже официально было предусмотрено упомянутым постановлением ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. Положение об Особом совещании при НКВД СССР было утверждено 5 ноября 1934 г.

В 1937 г. права Особого совещания при НКВД существенно расширены. И тем не менее даже в этом случае была сохранена надзорная функция за его решениями. Она была отдана Прокурору Союза ССР (и его заместителю), который, обязательно участвуя в заседаниях Особого совещания, в случае несогласия как с самим решением Особого совещания, так и с самим фактом направления того или иного дела на рассмотрение Особого совещания, имел право внесения протеста в Президиум ЦИК Союза ССР. Причем в указанных случаях решение Особого совещания приостанавливалось до вынесения решения Президиума ЦИК. То есть определенная за-

конность все-таки сохранялась — хотя и в минимальном размере, но сохранялась. Кстати говоря, Прокурор Союза ССР и его заместители довольно-таки часто пользовались этим правом, ограничивая произвол НКВД, насколько это было возможно в тех условиях.

Особые нарекания вызывают ряд приказов НКВД по репрессированию отдельных категорий населения, в основе которых лежал так называемый этнический принцип. Считается, что это были «удары по площадям». К их числу относятся такие приказы, как, например, об аресте всех немцев, работавших на оборонных заводах (артиллерийских, снарядных, винтовочно-пулеметных, патронных и т.п.), и высылке части арестованных за границу, о ликвидации местных организаций ПОВ (Польская организация войсковая), прежде всего ее диверсионно-шпионских и повстанческих кадров в промышленности, на транспорте, совхозах и колхозах, а также другие.

При всей внешней жестокости этих приказов, особенно если на них смотреть с позиций современной демократии и прав человека, это мера была вынужденная, но, увы, необходимая. После всех катаклизмов, которые Россия пережила в период Первой мировой и Гражданской войн, в стране действительно было огромное количество всевозможной агентуры различных разведок, эмигрантских и контрреволюционных организаций. К примеру, вплоть до 22 июня 1941 г. советская контрразведка различными способами изымала из сейфов резидентуры германской разведки в Москве списки германской агентуры по всему Советскому Союзу.

В этом смысле очень характерна история с германским послом в СССР графом Шуленбургом, который в первую очередь был очень опытным разведчиком-агентуристом со специализацией по России, о чем не слишком-то широко известно. Фридрих Вернер фон Шуленбург был один из наиболее крупных и опытнейших германских разведчиков того периода, специалистом по России, особенно по Закавказью, в частности по Грузии, где он начинал свою разведывательную карьеру еще в царские времена, в 1911 г., став вице-консулом Германской империи в Тифлисе. В годы Первой мировой войны XX в., он естественно, отсутствовал в России, однако уже

в 1918 г. вновь появился в Закавказье в качестве главы дипломатической миссии при командующем германскими оккупационными войсками генерале фон Крассе. Еще с дореволюционных времен располагал мощной, широко разветвленной и глубоко законспирированной агентурной сетью в Закавказье. В начале 1914 г. царской контрразведке каким-то образом удалось изъять у Шуленбурга записную книжку со многими фамилиями лиц, проживавших в Закавказье. Война, правда, помешала изобличить их всех, а после октября 1917 г. этим и вовсе никто не занимался. Но вот что интересно. Когда Шуленбург прибыл в СССР послом, то спустя пару лет советская контрразведка негласно изъяла у него список его личной агентуры. И он полностью совпал с тем списком, который изымала еще царская контрразведка. И вся эта агентура занималась шпионажем в пользу нацистской Германии.

Не в оправдание, а всего лишь в объяснение такой чистки хотелось бы отметить одно, как представляется, чрезвычайно важное обстоятельство. С 1935 г. Москве было достоверно известно, что вооруженное нападение на СССР планируется консолидированными силами коалиции ряда государств в составе Германии, Польши, Румынии, Финляндии, а также прибалтийских лимитрофов при участии также и Японии. Вот в отношении контингентов лиц указанных национальностей и их всевозможных организаций на территории СССР и предпринимались столь жесткие меры. После того, что произошло в Испании, когда весь мир облетела знаменитая фраза франкистов о «пятой колонне», было бы удивительно, если, Москва не отреагировала на это. Тем более что у России к тому времени был слишком печальный опыт того, как ее судьбу в 1917—1922 гг. решали даже и не сами ее коренные жители, а всевозможная эмигрантская сволочь, которой к октябрьскому перевороту в стране скопилось свыше 5 млн человек! Вот эта шваль и была слишком активно задействована в тех страшных катаклизмах, которые пришлось пережить России. Сталин же обладал поразительно уникальным для России талантом не только вовремя извлекать уроки из печального прошлого, но и прежде всего извлекать их в превентивном порядке.

Конечно, сколько ни объясняй, все равно факт остается фактом — репрессии затронули, к глубочайшему сожалению, также и невиновных людей. И в этой связи необходимо сказать следующее. Сталин и его соратники сумели остановить развязанную Ежовым вакханалию репрессий. Ведь этот подонок с подачи таких же подонков, как Хрущев, Эйхе и прочая партсволочь, наарестовал за 1937—1938 гг. 1 372 392 человек «врагов народа». 681 692 человека были расстреляны. К 21 июля 1938 года в тюрьмах ГУЛАГа скопилось громадное количество лиц, подавших кассационные жалобы в связи с несправедливыми приговорами. Более 100 тысяч человек вообще содержались с нарушениями всяких сроков следствия.

22 августа 1938 г. первым заместителем наркома внутренних дел был назначен Л.П. Берия. 29 сентября того же года по совместительству он стал еще и начальником Главного управления Государственной безопасности НКВД СССР. А с 25 ноября 1938 г. он стал наркомом внутренних дел СССР. Едва только Берия появился на Лубянке, так тут же исключительно резко стали снижаться масштабы всех видов репрессий. В целом их масштаб немедленно был снижен в 10 раз, в отношении военнослужащих — более чем в 61 раз по сравнению с пиком арестов лиц комсостава в 1937 г. (с 4474 до 73). А нам все Берия да Берия... Немедленно было запрещено приведение в исполнение ранее вынесенных расстрельных приговоров. Дела арестованных в массовом порядке стали направляться на пересмотр и доследование.

Только за 1939 г. и первый квартал 1940 г. Л.П. Берия способствовал освобождению из тюрем 381178 чел., а к началу войны еще примерно 130 тыс. человек. И это не говоря уже о тысячах и десятках тысяч реабилитированных. Именно из-за этого Генеральный прокурор СССР в 1939—1940 гг. М. Панкратов дважды строчил доносы на Берию, что-де он умышленно прекращает дела на «врагов народа» и освобождает их. Дважды этим вопросом занималась авторитетная партийно-государственная комиссия и дважды же подтвердила абсолютную законность и обоснованность действий Берии и возглавляемого им НКВД СССР. Конечно, это не значит, что органы госбезо-

пасности почивали после этого на лаврах и ни хрена не делали. Нет, ибо этого не могло быть по определению — государственный механизм не может не функционировать, иначе не будет государства. Просто все пришло в соответствие с законами того времени. Так, если при Ежове за 1937—1938 гг. за контрреволюционные преступления (ст. 58 УК РСФСР) были осуждены 1 372 392 чел., то за 1939 г. — только 63 889 чел., то есть в 21,5 раза меньше. Да и то в основном это был связано прежде всего с присоединением Западной Украины и Западной Белоруссии. Вот вам и «злодей» Берия.

В заключение еще раз хотел бы обратить внимание на следующее. Вопрос о репрессиях 1937—1938 гг. настолько трагическая и болезненная тема, что, обращаясь к ней, необходимо, насколько возможно, быть максимально объективным и постоянно помнить, что за прискорбными цифрами — трагические судьбы людей. Необходимо проявлять хотя бы элементарный такт и не жонглировать цифрами с невероятным количеством нулей. По меньшей мере, это просто подло. Потому, что, **во-первых,** при всей масштабности развернутой Ежовым вакханалии репрессий, десятков миллионов жертв его произвола, слава Богу, все-таки не было. К тому же, и, **во-вторых,** далеко не всегда в тех трагедиях был виноват лично Сталин.

И, наконец, в-третьих. В последнее время в России, как якобы само собой разумеющееся, привилась паскудная манера все время равняться на чертов Запад, который, видите ли, «светоч демократии и образец соблюдения прав человека». Так вот, для любителей во всем кланяться Западу сообщаю, что едва только в сентябре 1939 г. по своей же дурости вляпавшись во Вторую мировую войну, власти Великобритании немедленно, без суда и следствия арестовали 20 тысяч членов британской нацистской партии во главе с сэром Освальдом Мосли и его женой. Более того. Замели еще свыше 74 тысяч человек, которые, по мнению британской контрразведки, имели подозрительные связи с Германией. Подчеркиваю, без суда и следствия без исключения всех засадили в концентрационные лагеря с очень тяжелыми условиями содержания. Всего же в Великобритания в концлагерях сидело около 150 тысяч

человек, которых власти расценивали как подозрительных. Американцы же сразу после Пёрл-Харбора засадили в концентрационные лагеря свыше **112** тысяч своих сограждан только за то, что у них был японский разрез глаз! Затем взялись и за немцев именно как за немцев. Сажали без разбору всех подряд только за то, что они немцы. В СССР их удаляли из стратегических отраслей экономики, из оборонной промышленности, из армии. В Америке же просто за то, что они немцы.

Однако никто в мире не обвиняет ни США, ни Великобританию в нарушении демократии и прав человека. С какой же стати считается возможным идти на поводу у подонков Запада и обвинять Сталина в репрессиях против «пятой колонны»?!

Миф № 71. С санкции Сталина НКВД применял физическое насилие к арестованным, пытками вынуждая их оговорить себя.

Миф существует давно. Как правило, **в** подобных случаях тыкают секретной шифротелеграммой ЦК ВКП(б) от 10 января 1939 г., которая за подписью Сталина была направлена секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел, начальникам УНКВД, в которой говорилось: **«ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 г. с разрешения ЦК ВКП(б)... Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении социалистического пролетариата и потом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников? ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод»**. При всем том, что у этого документа есть координаты архивного хранения — **АП РФ. Ф. 3. Оп. 58.Д. 6. Л. 145—146, — это фальшивка! По всем признакам фальшивка!**

Во-первых, потому, что у Сталина никогда не было привычки давать указания в прошлое и одновременно в будущее. Если бы этот документ имел бы своей датой хотя бы 1937 г., то это было бы хоть как-то объяснимо. Тогда было бы понятно, за что обвиняют Сталина. Но 1939 г. в качестве даты — для государственного и политического деятеля уровня Сталина — идиотизм высшей марки. А идиотизм — это вообще не его стиль, поскольку этим он не страдал. **Во-вторых,** в тексте содержатся «литературные» ляпы, которых Сталин никогда не допускал. Ну, что значит, например, «социалистический пролетариат»?! Что, есть еще и «буржуазный пролетариат», а, может быть, еще и «феодальный пролетариат»?! Да и что значит «все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении социалистического пролетариата и притом применяют его в самых безобразных формах»?! Что, есть еще и небезобразные формы физического насилия?! И почему в отношении именно «социалистического пролетариата», если речь идет о пролетариате буржуазных стран?! С какой стати пролетариат буржуазных стран стал социалистическим?! Почему «в отношении социалистического пролетариата», а не в отношении «представителей рабочего и коммунистического движения»?! Ведь последнее было бы куда точнее со всех точек зрения. Разве не так?! По признанию многочисленных друзей и недругов, Сталин всегда отличался исключительной лаконичностью, точностью и отточенностью своих формулировок, исключавших глупое двойное толкование. А то, что написано в процитированном «документе», — не его стиль. Абсолютно не его стиль, но грубая подделка под него. Да еще и архивном номере.

В-третьих, секретные шифротелеграммы ЦК указанным адресатам всегда носили сугубо директивный, то есть приказной характер, но никак не рассуждающий. Это характерно для публицистики, но не для таких документов. С какой стати Сталин должен был скатиться до журналистских приемов?! **В-четвертых,** надо быть совершеннейшим клиническим идиотом, чтобы рассылать такие санкции, да еще и в виде шифровки по обкомам партии и начальникам областных управлений НКВД — ведь в таком случае утечка информации

неизбежна. Однако, несмотря на все сказки, Сталин даже параноиком и то не был.

В-пятых, в начале войны гитлеровцы захватили громадное количество партийных и государственных документов, в том числе и НКВД. К примеру, в целости и сохранности захватили всю документацию Смоленского обкома ВКП(б) и управления НКВД. Однако ни тогда, ни после войны, когда архив оказался у американцев, никто и никогда не тряс подобным «документом» или чем-либо похожим на такой «документ». Ничего подобного не предъявлял даже Хрущев, особенно усердствовавший в «разоблачении» Сталина и репрессий. «Документ» появился лишь во времена «катастройки» Горбачева, когда всем пропагандистским аппаратом из ЦК КПСС заведовала ярая вражина СССР — пресловутый Геббельс советской пропаганды А.Н.Яковлев. Он-то как раз и имел допуск к документам «Особой папки » Политбюро, которые с 1992 г. превратились в Архив Президента Российской Федерации. Под руководством именно А.Н. Яковлева и была состряпана эта фальшивка, благо в ЦК КПСС был специальный отдел, в котором стряпали поддельные документы. Умельцы там были невероятные — что угодно могли сделать. Хоть верительные грамоты от самого Господа Бога. Тем более что чистые бланки многих документов сталинского периода сохранились, равно как и печатные машинки того времени. Если через своих приспешников Яковлев силой вынудил внучку знаменитого русского ученого Бехтерева вновь озвучить старый бред сивой кобылы о том, что-де ее дед поставил Сталину диагноз «паранойя », за что и был убит, то, что могло помешать этому проклятому Геббельсу в тиши цековских кабинетов состряпать такую фальшивку?!

В популярном ежемесячнике «Совершенно секретно» (№ 5, 2004) была опубликована статья Г. Рамазашвили — «Портянка с грифом секретно», — в которой наглядно был показан царящий в наших государственных архивах совершеннейший бардак. Кто угодно запросто «рисует» любые документы и надписи, в том числе и на действительно подлинных!

В-шестых, цель этого фальшивого «документа» в том и состояла, чтобы показать, что даже после удаления Ежова с

Лубянки, но с приходом Берии ничего якобы не изменилось. Мол, как били, так и продолжили бить. Да, это факт, что при Ежове действительно имела место подлая практика применения физического насилия над арестованными с целью выбивания из них нужных следствию показаний. Но, кстати говоря, не всегда. Бывшая активная оппозиционерка, ярая сторонница Троцкого, жена главаря одной из самых мощных подпольных троцкистских организаций Ивана Никитовича Смирнова — А.Н.Сафонова ((1887—1958) — еще в 1958 году написала в мемуарах, что **физическое воздействие не применялось.** Между прочим, ее дело вел в том числе и Ежов. Сами понимаете, что ее-то, просидевшую в заключении не один год, после XX съезда КПСС (1956 г.), на котором был якобы разоблачен культ личности Сталина, никто ведь не заставлял писать такое. Тогда «упражнялись» только в очернении Сталина. Тогда царила истерия антисталинизма. Это было «в моде», но отнюдь не правда.

Но ведь со времен Хрущева «высочайшим повелением» лысого подонка-троцкиста было приказано выставлять адским чудовищем именно Берию. И вплоть до наших дней это указание все еще действует. Хотя ни КПСС, ни СССР давно уже нет. Цель же состряпанной Яковлевым и К° фальшивки в том и заключалась, чтобы опорочить **Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия»,** в котором резкой и обоснованной критике были подвергнуты **именно незаконные методы ведения следствия,** а органам НКВД и прокуратуры запрещались массовые аресты и выселения. Ведь после этого резко был усилен контроль за соблюдением законности в стране, а масштабы репрессий снизились в десятки раз. Кроме того, была произведена массовая реабилитация незаконно арестованных и осужденных, из-за чего новый Генеральный прокурор СССР М. Панкратов даже дважды писал доносы на Берию —что-де он отпускает на свободу «врагов народа». **Дважды специальная партийно-правительственная комиссия проверяла деятельность НКВД и дважды же подтвердила полную законность действий Берии и органов госбезопасности по восстановлению законности в стране.**

Миф № 72. Признание — «царица доказательств».

Кто только и как только ни использовал это, уже более полувека являющееся «крылатым», выражение в антисталиниане, запущенное в оборот еще на XX съезде КПСС лично Хрущевым. Как правило, сие выражение используется в роли некоего якобы убойного «аргумента», подтверждающего неправедность, несправедливость и незаконность осуждения репрессированных в 1930-х гг. лиц. Мол, все их признательные показания были вырваны силой. Что касается силы — об этом см. выше. А вот что касается «царицы доказательств» — прямо сейчас. **Это особо грубое передергивание конкретного выражения знаменитого прокурора СССР *АЛ.* Вышинского, разбавленное злоумышленным умолчанием.** Вот, что на самом деле говорил А.Я. Вышинский:

«В достаточно уже отдаленные времена, в эпоху господства в процессе[1] теории так называемых законных (формальных) доказательств, переоценка значения признаний подсудимого или обвиняемого доходила до такой степени, что признание обвиняемым себя виновным считалось за непреложную, не подлежащую сомнению истину, хотя бы это признание было вырвано у него пыткой, являвшейся в те времена чуть ли не единственным процессуальным доказательством, во всяком случае считавшейся наиболее серьезным доказательством, ***"царицей доказательств"...*** **Этот принцип совершенно неприемлем для советского права и судебной практики».**

Как видите, ничего из того, что ему приписывают, Вышинский не говорил. Но дело-то ведь не только в Вышинском. Все дело в том, что за счет злоумышленного передергивания и умолчания, злоумышленно и полностью исказили принципиальную сторону советской правоохранительной системы того времени. Мол, только признательные показания, вырванные пыткой,признавались «царицей доказательств».

[1] Имеется в виду уголовный процесс, который регулируется Уголовно-процессуальным кодексом.

Между тем судебные процессы по основным, наиболее громким делам, связанным с оппозицией, были открытыми. На них присутствовали десятки, если не сотни корреспондентов западных газет, многочисленные представители дипломатического корпуса. Вот мнение посла Соединенных Штатов Америки в СССР в 1936—1938 гг. Джозефа У. Дэвиса: «... **ПРОЦЕСС ПЯТАКОВА И РАДЕКА17 февраля 1937** г.

Подсудимые выглядят физически здоровыми и вполне нормальными. Порядок процесса разительно отличается от того, что принят в Америке, однако, учитывая то, что природа людей одинакова повсюду, и опираясь на собственный адвокатский опыт, можно сделать вывод, что обвиняемые говорят правду, признавая свою вину в совершении тяжкий преступлений. (18 февраля 1937 г.)

...Общее мнение дипкорпуса состоит в том, что правительство в ходе процесса достигло своей цели и доказало, что обвиняемые, по крайней мере, участвовали в каком-то заговоре.

Беседа с литовским послом: он считает, что все разговоры о пытках и наркотических препаратах, якобы применяемых в отношении к подсудимым, лишены всяких оснований. Он высокого мнения о советском руководстве во многих отношениях.

Беседа с послом, проведшим в России 6 лет. Его мнение: заговор существовал и подсудимые виновны. Они с юных лет вели подпольную борьбу, многие годы провели за границей и психологически предрасположены к заговорщической деятельности. (19 февраля 1937 г.)».

Конечно, посол США — он и есть посол США. Не за что ему любить Советский Союз и тем более социалистическую систему. Но как человек знающий — Д.У. Дэвис был ближайшим другом и однокурсником президента США Ф.Д. Рузвельта, — а также привыкший безоговорочно считаться с подлинными фактами, он направлял в Вашингтон уникальные по своему содержанию шифротелеграммы, которые практически тут же ложились на стол Сталина. В одной из них, **№ 457 от *П* июня 1937** г., Дэвис, опровергая нелепые слухи о массовом недовольстве и неминуемом крушении советской власти, пи-

сал Рузвельту о процессе над Тухачевским следующее: «В то время как внешний мир благодаря печати верит» что процесс — это фабрикация... — мы знаем, что это не так, и, быть может, хорошо, что внешний мир думает так. Что касается дела Тухачевского — то корсиканская опасность пока что ликвидирована».

Употребив выражение «корсиканская опасность», Дэвис откровенно подразумевал аналогию с возвышением Наполеона Бонапарта. Собственно говоря, это определение для того и используется в исторических и политологических исследованиях. Однако куда больший интерес представляют другие пассажи из этой его телеграммы. Обратите внимание на то, что Дэвис фактически обвиняет мировую прессу в том, что это именно она создала впечатление во всем мире, что процесс над Тухачевским и К° — фабрикация. Дэвис был очень не простым человеком в окружении Рузвельта. Помимо того, что он являлся его ближайшим другом и однокурсником, одновременно он, а также Рузвельт были однокурсниками того самого лица, через которое Тухачевский и К° передали германскому генералитету «План поражения СССР в войне с Германией». Речь идет об Эрнсте Ханфштенгле по кличке «Путци» («Малыш») — пресс-секретаре Национал-социалистической партии Германии (НСДАП), с которым они учились в Гарвардском университете. Образно говоря, «Путци»был «засланным казачком» в рядах нацистов, куда его еще в самом начале 20-х гг. направили даже и не спецслужбы США, а секретные структуры наиболее могущественных финансовых сил США. И как только провал заговора Тухачевского оказался предрешен, а Рузвельт знал об этом в самом конце января 1937 г., то Э. Ханфштенгль в срочном порядке был отозван из Германии. Оправдывая впоследствии факт своего внезапного бегства из Германии, «Путци» в мемуарах изложил целую комедию. Более подробно на эту тему см.: А. Мартиросян. **«Кто привел войну в СССР? Почему Интеллидженс сервис завалила заговор Тухачевского». М., 2007.**

Но еще важней то, что, как и полагается человеку Запада, Дэвис откровенно обрадовался тому, что мировая пресса создала во всем мире впечатление о том, что-де этот процесс —

фабрикация. Главные персонажи мировой политики того времени прекрасно знали, что предъявленные Тухачевскому и К° обвинения не являются ни ошибочными, ни тем более сфабрикованными. Однако делать из другого, особенно из своего геополитического конкурента, чудовище и представлять его действия как проявление варварства — крайне выгодно, поэтому естественно, они и не мешали мировой прессе раздувать миф о якобы сфабрикованном процессе. Авось, пригодится. Пригодилось, после смерти Сталина...

Но для себя, родимого, Дэвис не считал нужным лгать и 7 июля 1941 года записал в своем дневнике следующее: «...Сегодня мы знаем, благодаря усилиям ФБР, что гитлеровские агенты повсюду, даже в Соединенных Штатах и Южной Америке. Немецкое вступление в Прагу сопровождалось активной поддержкой военных организаций Генлейна. То же самое происходило в Норвегии (Квислинг), Словакии (Тисо), Бельгии (Дегрель)... Однако ничего подобного в России мы не видим. "Где же русские пособники Гитлера?" — спрашивают меня часто. "Их расстреляли", — отвечаю я. Только сейчас начинаешь сознавать, насколько дальновидно поступило советское правительство в годы чисток. Тогда меня шокировала та бесцеремонность, и даже грубость, с какой советские власти закрывали по всей стране консульства Италии и Германии, невзирая ни на какие дипломатические осложнения. Трудно было поверить в официальные объяснения, что сотрудники миссий участвовали в подрывной деятельности. Мы в то время много спорили в своем кругу о борьбе за власть в кремлевском руководстве, но, как показала жизнь, мы сидели "не в той лодке". (7 июля 1941 г.)». А в одном из ноябрьских номеров британской газеты «Санди Экспресс» за 1941 г. было опубликовано интервью с ним, которое в кратком изложении газеты выглядело следующим образом: «Дэвис заявляет, что через несколько дней после нападения Гитлера на Советскую Россию его спросили: А что Вы скажете относительно членов пятой колонны в России? Он ответил: "У них таких нет, они их расстреляли"». Дэвис указывает далее, что «значительная часть всего мира считала тогда, что знаменитые процессы изменников и чистки 1935—1938 гг. являются возмутительными при-

мерами варварства, неблагодарности и проявлением истерии. Однако в настоящее время стало очевидным, что они свидетельствовали о поразительной дальновидности Сталина и его близких соратников». После подробного изложения планов Бухарина и его сподвижников, Дэвис отмечает: «Короче говоря, план этот имел в виду полное сотрудничество с Германией. В качестве вознаграждения участникам заговора должны были разрешить остаться на территории небольшого, технически независимого советского государства, которое должно было передать Германии Белоруссию и Украину, а Японии — приморские области и сахалинские нефтяные промыслы». Заявляя, что советское сопротивление, «свидетелями которого мы в настоящее время являемся», было бы «сведено к нулю, если бы Сталин и его соратники не убрали предательские элементы», Дэвис в заключение подчеркивает, что «это является таким уроком, над которым следует призадуматься другим свободолюбивым народам».

Вот мнение такого же очевидца этого процесса — всемирно известного писателя Лиона Фейхтвангера. Из его книги «Москва. 1937» (цит. по изданию 1937 г.): «Людей, стоявших перед судом, никоим образом нельзя назвать замученными, отчаявшимися существами, представшими перед своим палачом... Сами обвиняемые представляли собой холеных, хорошо одетых мужчин с медленными непринужденными манерами. Они пили чай, из карманов у них торчали газеты, и они часто посматривали в публику. По общему виду это походило больше на дискуссию, чем на уголовный процесс, дискуссию, которую ведут в тоне беседы образованные люди, старающиеся выяснить правду и установить, что именно произошло и почему это произошло... Если бы этот суд поручили инсценировать режиссеру, то ему, вероятно, понадобилось бы немало лет и немало репетиций, чтобы добиться от обвиняемых такой сыгранности: так добросрвестно и старательно не пропускали они ни малейшей неточности друг у друга, и их взволнованность проявлялась с такой сдержанностью».

Ну, и где тут «царица доказательств»? Где тут вынужденные признания?

Миф № 73. Заговора военных вообще не было. Все это выдумки Сталина и НКВД. Современный вариант.

Утверждения подобного типа — любимейшее занятие тех, кто со времен Хрущева не желает ни думать, ни анализировать, но опираться на мнение Генеральной прокуратуры и особенно Главной военной прокуратуры. А ведь эта контора ныне постоянно покрывает генеральские преступления, в том числе и откровенные измены, и потому веры ей нет ни на грош.

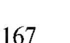
В последние годы огульный «реабилитанс» якобы незаконно репрессированных «гениальных полководцев» проповедует военный историк Н.С. Черушев. Вся логика его аргументации по реабилитации «невинных жертв >> сталинизма состоит в следующем. Мол, у военных не было достаточно четко выраженной организационной структуры заговора, никаких программных документов, ни одного письменного списка членов заговорщической деятельности. И далее столь же серьезно: не было ни одного перехваченного курьера или связного с секретной запиской, прокламаций, обращений к народу, ни одной подпольной типографии или радиопередатчика, писем и телеграмм, дневниковых записей, образцов холодного и огнестрельного оружия, жалоб и заявлений соседей, сослуживцев, подчиненных! И все это сдобрено крайне неуместными сравнениями с заговором декабристов 1825 года. А поверх всего утверждения, что-де в 1930-х гг. на СССР не могла напасть коалиция стран в составе Германии, Японии и Польши!

По Черушеву, его главная «**задача состояла в том, чтобы показать динамику репрессий против высшего командно-начальствующего состава Красной Армии и подвести к выводу — они (репрессии) в предвоенный период были всегда, то несколько затухая, то снова разгораясь». То есть не разобраться в том, что на самом деле произошло, а показать всего лишь «динамику репрессий» и «подвести к выводу»!** Стоило ли огород-то городить, товарищ «реабилитатор»? Ведь читателям важна прежде всего суть дела, а не «динамика репрессий». И так уже заморочили всем головы

лживыми цифрами насчет репрессированных командиров. Да и не отчет по «динамике репрессий» надо было писать. И уж тем более не пытаться подводить современных, широко образованных читателей к каким-то выводам. Они и сами не хуже авторов, если не лучше их разберутся, что к чему.

Объяснил бы Н.С. Черушев, а зачем заговорщикам нужны были «четко выраженная организационная структура и программные документы» и при чем тут сравнение с декабристами? С какой стати им нужна была бюрократическая машина заговора? Чай, не идиоты же они, в конце-то концов!? Ведь знали же, что с бюрократией они попадутся куда быстрей. Они и без списков и программных документов еще до 1937 г. уже неоднократно попадали в поле зрения органов госбезопасности. С 1923 г. попадали. А Тухачевский еще во время Гражданской войны привлек внимание к своей персоне из-за склонности к бонапартизму. Уже в 1930 г. их подпольная возня вылезла на уровень Политбюро, но тогда им удалось уйти от ответственности. Не столько потому, что на Лубянке их покрывал поддерживавший заговор Ягода, или потому, что военная контрразведка в то время находилась в подчинении самого высшего военного руководства, и даже не столько потому, что вызванные для очных ставок подельники, например, того же Тухачевского, дружно «отмазывали» своего главаря перед Сталиным. Это произошло всего лишь потому, что в тот момент силовые разборки с генералитетом были не нужны — шла тяжелая, напряженная работа по осуществлению грандиозного плана первой пятилетки, были колоссальные трудности с коллективизацией в деревне. В этот момент только выступления генералов и не хватало. Потому Сталин и спустил дело на тормозах, так как надеялся, что такого урока им будет достаточно. Оказалось, что нет. Потому-то и грянул 1937 год.

В то же время не имею права не огорчить «реабилитатора» и иже с ним тем, что все-таки программные положения, обозначавшие цели заговора, существовали — их умыкнула советская разведка прямо из штаб-квартиры французской военнрй разведки.

В декабре 1935 г. на стол Сталина лег объемистый доклад ГРУ под названием «Коалиция против СССР»[1]. Доклад был подготовлен на основе добытых военной разведкой преимущественно агентурным путем различных разведывательных данных, в том числе и документальных. Стержневой основой доклада являлся составленный по заказу Генерального штаба Франции меморандум, автором которого был один из бывших белогвардейских офицеров. 2-е Бюро Генерального штаба Франции направило копию этого меморандума руководству чехословацкой военной разведки как союзной спецслужбе. А та, в свою очередь, в рамках уже действовавшего тогда соглашения о сотрудничестве с военной разведкой СССР — оно было подписано как секретное приложение к договору о взаимопомощи в отражении агрессии, — ознакомила с его содержанием советских коллег. Хотя к тому времени советские коллеги уже располагали копией оригинала и даже подробно с ней ознакомились.

Цитируя различные, в том числе и польские, источники, свидетельствовавшие о попытках создания антисоветского блока в лице Германии, Польши, Японии и Финляндии, автор меморандума указывал, что Германией вынашиваются планы колонизации русской территории ради овладения ее природными ресурсами. Вот и прямой ответ «реабилитатору» в связи с его безграмотными утверждениями о том, что-де нападения такой коалиции на СССР не предполагалось. Об этом говорит даже название доклада ГРУ. Более того. Столь безграмотных утверждений не позволял себе даже Геббельс ЦК КПСС А.Н. Яковлев, а ведь вражина-то была еще та.

Кроме того, в меморандуме подчеркивалось, что у германских и польских военных аналитиков сложилось очень невысокое мнение о советской оборонной промышленности и же-

[1] Коалиция против СССР. Доклад начальника Разведуправления РККА С. Урицкого наркому обороны СССР К. Ворошилову, 6—7 декабря 1935 Г.//РГВА. Ф. 3398., Оп. 3. Д.740. Л. 170—180. Первый экземпляр был направлен Сталину.

лезнодорожном транспорте[1]. В принципе эта часть меморандума, особенно в части, касавшейся агрессивных планов нацистской Германии, не являлась новостью для советского руководства. Куда более важным было иное.

Автор меморандума предрекал, что в грядущей войне коалиции в составе Германии, Японии, Польши и Финляндии против СССР — планы вооруженного нападения на Советский Союз действительно разрабатывались тогда на базе такого варианта, — первое в мире государство рабочих и крестьян непременно потерпит военное поражение, в результате чего в стране произойдет государственный переворот. Поражение предрекалось сразу же после начала войны — **«с открытием военных действий — на первых же порах Красная Армия потерпит серьезные неудачи, которые скоро приведут к полному военному разгрому и развалу армии», —** говорилось и в меморандуме, и в докладе **ГРУ.** Особо подчеркивалось, что это **приведет** к **военному бунту и «дворцовому перевороту» силами военных. В отношении целей последнего указывался захват власти в стране в результате военного переворота («дворцового типа»), установление военной диктатуры и расчленение страны в пользу Германии и Японии в порядке компенсации за оказанное содействие.** Были упомянуты также и **«тайные связи»,** которые, несмотря на резкое охлаждение советско-германских отношений после привода Гитлера к власти, **продолжали существовать между военными кругами нацистской Германии и Советского Союза.** Назвал автор меморандума и главного закулисного «режиссера» грядущего переворота — Верховное командование Германии.

[1] В середине 1930-х гг. обе советские разведслужбы неоднократно устанавливали факты серьезных утечек секретной и совершенно секретной оборонной информации за рубеж, прежде всего в Германию (в том числе и опосредствованно - через Латвию, Литву, Эстонию и Финляндию), Японию и Англию (через Польшу). Как правило, факты таких утечек (с 1935 по 1938 г. большую помощь в этом оказывала и чехословацкая военная разведка) были подтверждены документально. Естественно, что при получении таких данных контрразведывательные подразделения НКВД начинали искать каналы утечки, прежде всего «кротов». В настоящее время только в открытой литературе описано не менее 20 таких случаев.

И далее подчеркнул следующее. Благодаря «глубоко запрятанным нитям», связывавшим верхушку рейхсвера с политическими и военными кругами СССР, она, «дергая за нужные из них в нужное же время, вызовет внутренний взрыв в стране, который сметет существующий в Советском Союзе режим, в результате чего к власти должны прийти политические и военные деятели, с которыми антисоветская коалиция, и в особенности Германия, смогут легко прийти к соглашению».

Ну, и как г-н (или товарищ) «реабилитатор», это тоже все выдумки Сталина?! А ведь это еще только 1935 год! Более того. Это всего лишь один из многих десятков очень ярких и убедительных примеров на эту тему. Жаль, что нет технической возможности привести их все.

Не имею права не огорчить «реабилитатора» и иже с ним также и тем, что и организационные структуры для захвата власти в условиях войны заговорщики все-таки тоже создали. С подачи подельника Тухачевского — командующего Белорусским военным округом Уборевича — весной 1936 г. в этом округе была создана небольшая и совершенно засекреченная штабная организация, прозванная почему-то инспекцией. Дело считалось настолько особо секретным, что инспекция не имела права писать кому-либо в войска или получать оттуда корреспонденцию. В случае войны эта структура должна была развернуться в штаб конно-механизированной армии. Но кто бы вразумительно объяснил следующее: кто дал право командующему всего лишь округом создавать особо секретную штабную структуру армейского уровня, если испокон веку абсолютная прерогатива в таких вопросах только у министра (тогда наркома) обороны и Генерального штаба?! К тому же, только по решению правительства страны, так как за этим стоят вопросы материально-технического обеспечения, а они без него не решаются.

Так вот и спрашивается, что за структуру создал Уборевич, если, обозвав ее инспекцией, запретил ей всякие сношения с внешним миром, но при этом поставил задачу в случае войны преобразоваться в штаб конно-механизированной армии?! «Военное дело просто и вполне доступно здравому уму человека», — говорило всемирно известное светило военной

науки К. Клаузевиц. Однако же попробуйте здравым умом понять, что за хреновину «изобрел» Уборевич?! Но если действительно здравым умом попытаться постичь смысл этого «изобретения», то никуда не деться от единственно возможного вывода: это была заблаговременно созданная заговорщиками подпольная структура управления войсками для мгновенного перехватывания командования ими в ситуации военного поражения! Потому что в ситуации ими же организовывавшегося военного поражения СССР в войне с Германией прежние структуры управления войсками стали бы непригодными! Кстати говоря, нечто аналогичное в своем Киевском округе сделал и Якир. И не случайно, что в 1936 г. оба главных подельника Тухачевского, командующие важнейшими приграничными военными округами, Белорусским и Украинским — соответственно Уборевич и Якир, наотрез отказывались от, казалось бы, очень лестных предложений о переводе в Москву с повышением до уровня заместителя наркома обороны СССР! **Они** полагались на успех заговора — потому и отказывались!

То, что эта структура была создана именно весной 1936 г., говорит об очень многом. Это не только время начала последней активизации заговора военных, но и то самое время, когда на весенних 1936 г. стратегических командно-штабных играх на картах в Генеральном штабе заговорщики за народные деньги проверяли «эффективность» плана поражения, разработанного ими с учетом привезенных Тухачевским из-за границы «рекомендаций» тевтонов. Последние же прекрасно знали как о «новой концепции пограничных сражений» Тухачевского, так и о разработанном им совместно с подельниками по заговору плане поражения. Чуть ниже мы об этом скажем.

Что же до так называемого «документооборота» заговорщиков, так ведь, если уж сравнивать с заговором декабристов, то не грех бы и знать, что, в частности, списков членов заговорщической организации у них не было! Что же это вы так, «реабилитатор»?! Ведь вы же считаетесь историком по образованию. Да и вообще сравнивать заговор начала XIX в. и почти середины XX столетия по меньшей мере неуместно. Это просто нелепо. Но если уж и хотелось сравнить, так вот же

оно, главное-то — заговор по свержению царя вызрел в направлявшихся из-за рубежа по масонским каналам масонских же ложах, среди влиятельных представителей офицерского корпуса России! Что же выходит, что вы, «реабилитатор» и историк по образованию, даже столь элементарных вещей не знаете?! Нашли с чем сравнивать, да еще и в пользу «реабилитанса»!? Ведь вы же, напротив, таким сравнением только смертный приговор вынесли заговорщикам 1937 года!

А что уж говорить о письмах, дневниковых записях, телеграммах, прокламациях, обращениях к народу, жалобах и заявлениях соседей, сослуживцев, подчиненных. Справедливо приговоренные к высшей мере наказания генералы не были «гениальными полководцами», как гласит молва, но не были они и клиническими идиотами, чтобы оставлять письменные следы своего заговора. Неужели это тоже непонятно?! Как, впрочем, неужели непонятно, что обращения к народу заговорщики всех времен и народов делают только в тот момент, когда заговор или переворот осуществлен и власть, хотя бы в центре, захвачена. Оглянулись хотя бы на историю октябрьского переворота. Как только переворот был осуществлен, то Ленин и выступил со своими воззваниями. Но не раньше. Или что, Тухачевский должен был подать телеграмму Якиру в Киев: «Киевтчк Якиру тчк Завтра свергаем усатого Хозяина тчк Не проспите и присоединяйтесь тчк С коммприветом заговорщик Миша Тухачевский тчк»?! Так, что ли?! Ведь декабристы оттого-то и провалились, что накатали и конституцию, и пухлые меморандумы, в том числе и о полицейском устройстве их «демократии», — кстати, куда более жестком, чем при проклятом царизме, который они собирались свергнуть. Более того, сочинили планы расчленения вскормившей их Родины. Кстати, заговорщики 1937 г. сделали то же самое. Декабристы понаделали всяких «обращений к народу» раньше времени, и курьеров гоняли между Петербургом и Москвой по любому пустяшному поводу, а уж планы по свержению монархии и убийства царя обсуждали столь долго и столь шумно да в присутствии столь громадного количества людей, что об этом знал едва ли не каждый дворник. Оттого-то правительство и знало о них едва ли не все еще до 14 декабря

1825 г., в том числе и о семи планах цареубийства. До сих пор, например, на Комсомольском проспекте в Москве стоит особняк, в котором они проводили эти свои шумные собрания. А на особняке красуется мемориальная доска, удостоверяющая, что именно тут-то декабристы и плели свои заговоры. Вы бы, «реабилитатор», сначала изучили бы историю, а уж потом пытались бы сравнивать заговор Тухачевского с декабристами. Глядишь, и дурости-то поменьше было бы.

А то, видите ли, жалоб и заявлений от соседей не было?! В своем ли вы уме, выставляя это в качестве аргумента?! На что должны были жаловаться соседи? На то, что к Тухачевскому в гости зашел Уборевич?! Так мало ли кто к кому в гости ходит. А эти еще с Гражданской войны были знакомы. Тем более что в руководстве одной системы служили. Что же, им и встретиться нельзя?! Неужели непонятно, что ни один сосед в их планы посвящен быть не мог. Вопрос-то не в том, что от соседей заявлений не было,—видите ли, тут вашей прокурорской логике места быть не может, потому как никто заговоры в присутствии соседей не обсуждает. Хотя заговорщиков и расстреляли, но ведь не за идиотизм же! Весь вопрос в том, что они обсуждали под видом дружеских встреч тет-а-тет. И чем это обернулось. Мы и об этом скажем чуть ниже.

Ну, а что означает такой, с позволения сказать, «аргумент» — «не было образцов холодного и огнестрельного оружия». Я не шучу, именно так и было написано у «реабилитатора». Не являясь хотя бы просто нормальным исследователем, но, будучи всего лишь зоологическим антисталинистом, «реабилитатор» просто не в состоянии — очевидно, из-за особого пиетета к военной прокуратуре — взять в толк элементарную истину. А на кой же хрен генералам должны были быть нужны «образцы холодного и огнестрельного оружия» как таковые для реализации заговора, если в их распоряжении имелись ломившиеся от всевозможного оружия целые арсеналы оного, не говоря уже об укомплектованных соответствующей военной техникой и оружием воинских частях, которыми командовали их единомышленники?! Да и, кстати говоря, «образцы»-то у них все-таки были — в виде личного холодного и огнестрельного оружия. Но разве все это можно

объяснить и тем более втолковать «реабилитатору», чья главная задача состоит лишь в том, чтобы показать «динамику репрессий» и «подвести к выводам»?!

Что же до жалоб и заявлений от сослуживцев и подчиненных, то, смею уверить любого, их было в таком количестве, что еще с 1926 года на Лубянке выделили в отдельное производство агентурно-наблюдательное дело на Тухачевского и К°. Жаль, в книге нет столько места, чтобы хотя бы выборочно показать, какие материалы там скапливались. Волосы дыбом встанут. Но разве это может послужить аргументом для таких «реабилитаторов»?! Даже если и показать суть заявлений от сослуживцев и подчиненных. Для «реабилитаторов» важнее, заявлять к примеру, следующее: «Не было системы связи, явок, паролей, кодов, системы собственной безопасности и прочих атрибутов подпольной заговорщической деятельности». Ну, объясните же, наконец-то, зачем им была нужна система связи, явок, паролей, кодов?! Ведь высший генералитет — это узкая каста, члены которой и так прекрасно знают друг друга?! И что именно поэтому-то им не нужны были какие-либо явки, пароли, коды. Все они являлись официальными должностными лицами. Они и так постоянно встречались между собой в официальной и неофициальной обстановке, спокойно обсуждая все, что им было нужно. Или, например, вы не знаете, что и тогда существовала система закрытой военной связи, по которой можно было связываться с любым из подельников, не слишком опасаясь прослушки?! Более того. Они даже сугубо в официальной обстановке Генштаба осуществляли свои изменнические, заговорщические планы — проводили, например, стратегические командно-штабные игры, на которых апробировали различные варианты «Плана поражения СССР в войне с Германией».

Эти игры прошли в нашем Генеральном штабе 19—25 апреля 1936 г. На них якобы отрабатывался вариант отражения совместной германо-польской агрессии против Советского Союза. Кстати говоря, попутно это еще один ответ крайне неуместному удивлению «реабилитатора», что-де такие планы разрабатывались на Западе. Чуть ниже будет приведен и вовсе убойный факт.

«Германской стороной» на этих играх командовал Тухачевский, «армией буржуазной Польши» — Якир, а Уборевич — советским Западным фронтом. Как сами игры, так и поведение сторон — по меньшей мере крайне странные, если не сказать, что вообще очень подозрительные. Почему-то Генеральный штаб исходил из того, что в тот момент Германия могла отмобилизовать до 100 дивизий!? В то время в вермахте не было еще даже 36 дивизий, а достоверная информация о колоссальных трудностях в германском военном строительстве потоком шла от обеих советских разведок! С какой стати имели место столь беспрецедентно завышенные оценки противника на текущий тогда момент?! Хорошо, допустим, что они имели право на жизнь. В конце концов игры для того и проводятся, чтобы рассмотреть даже и виртуальные варианты.

Однако еще перед началом игр Тухачевский непонятно почему «выразил пожелание, чтобы еще до начала оперативного времени по игре он мог эти силы (германские) развернуть соответственно принятому им оперативному плану, дабы опередить «красную сторону» в сосредоточении и первым открыть военные действия. Он добивался, следовательно, такой обстановки, которая обеспечила бы противной стороне внезапность наступления»!? Непонятно вот чем. Ему же хорошо было известно, что германскому вермахту попросту негде было разворачиваться в тот момент, не говоря уже о том, что нечего было разворачивать. Вермахта как такового, как армии, способной осуществить победоносное нападение, еще не было в наличии. Сама гитлеровская Германия территориально была отделена от Советского Союза буферами. Главный из них — Польша. Она и мысли-то о вхождении на свою территорию германских войск не допускала. Даже ради совместного нападения на Советский Союз. Но тогда спрашивается, какого же, миль пардон... Тухачевский требовал себе таких приоритетных условий перед началом игры?! Чтобы проверить, что произойдет, если Германия внезапно нападет уже развернутыми силами именно с польского плацдарма, не задаваясь при этом вопросом, как она овладеет этим плацдармом?! Так, что ли?! Да, именно так!

Хуже того. Перед этими играми Тухачевский почему-то упорно настаивал на том, что наиболее предпочтительное для германского военного командования направление главного удара — Украинское, начисто отрицая исторически сложившийся «основной маршрут» всех агрессоров с Запада — Белорусское. Вплоть до того, что впоследствии, в собственноручно написанном для следствия «Плане поражения СССР в войне с Германией» указал, **что Белорусское направление как направление главного удара — вообще фантастика для Гитлера, ибо такое возможно лишь в том случае, если он «поставит перед собой задачу полного разгрома СССР с походом на Москву»!** То есть даже сидя на лубянских нарах, он по-прежнему старался навредить Советскому Союзу — как будто никогда не слышал и не читал о том, что Гитлер спит и видит, когда он, наконец, сможет уничтожить СССР. Почему это его упорство в выборе перед играми именно Украинского направления как якобы наиболее предпочтительного для вермахта, ровно через год абсолютно точно совпало с его же собственноручными показаниями? Ведь он же сам прямо так и указал, что во время встречи в начале 1936 г. в Лондоне на похоронах английского короля с германским генералом Рундштедтом (входил в состав германской делегации), последний прямо сказал ему, что **«главным театром военных действий, где надлежит готовить поражение красных армий, является Украина»?! Почему именно такая переакцентировка в вопросе об определении направления главного удара вермахта?** То есть апрельские стратегические игры на картах он проводил, уже зная требования германских генералов по организации поражения! В частности, что необходимо сконцентрировать советские войска на Украинском направлении в ущерб обороне Белорусского. Собственно говоря, именно поэтому-то во время игр Уборевич и получил мощный удар главными силами противника в свой левый фланг — аккурат на минском (Белорусском) направлении. То же самое произойдет и летом 1941 года. А ведь за «германскую сторону» во время этих игр командовал именно Тухачевский. Кстати говоря, явно именно отсюда родом идея гитлеровских генштабистов раздвоить силы группы армий «Центр» — ведь в июне 1941 г. ГА «Центр» наступала по

двум направлениям: севернее и южнее Бреста. Причем войскам ее левого фланга помогали соединения правого фланга ГА «Север», а частям правого — левофланговые подразделения ГА «Юг». Именно такой вариант и привел к тому, что Западный фронт СССР в июне 1941 года рухнул уже на четвертые сутки, а Минск был взят к исходу пятых — началу шестых суток агрессии. А пограничное сражение в принципе было проиграно Красной Армией в течение первых нескольких дней войны.

Между тем после апрельских игр в нашем Генштабе, в сентябре 1936 г., в Германию для участия в осенних маневрах вермахта в Бад-Киссингене выехал подельник Тухачевского — И.П. Уборевич. А глубокой осенью того же 1936 г. уже германский генеральный штаб провел свои стратегические командно-штабные учения на картах, во время которых «обкатывался » прототип будущего **«Плана Барбаросса».** Тогда он назывался весьма просто — **«Восточная кампания».** Причем прототип **«Плана Барбаросса»** «обкатывался » в режиме именно **блицкрига,** что автоматически подразумевает массированное использование авиации, танковых и механизированных войск при нанесении первого удара. В процессе этих игр на **картах герры** генералы умудрились взять столицу Советской Белоруссии — Минск — на 5-й день пока еще картографической агрессии!? Да еще и при полном отсутствии какого-либо территориального соприкосновения **с СССР!?** Советская внешняя разведка располагала подробной информацией об этих играх. Они были добыты одним из руководителей советской разведки (НКВД) — Сергеем Михайловичем Шпигельглассом. Судя по всему, аналогичной информацией располагала и советская военная разведка. И вот что характерно. Добытые Шпигельглассом данные поступили в Москву в начале 1937 г. И едва только они поступили в Москву, как на февральско-мартовском 1937 г. Пленуме ЦК ВКП(б) открыто зашла речь о врагах народа непосредственно в армии.

При ознакомлении с такими данными и далекому-то от военных дел человеку было понятно, что столь невероятная, хотя бы и на картах, прыть герров генералов была неспроста. За этим однозначно просматривались очень серьезные тайные договоренности между геррами и товарищами генералами.

В духе прежде всего той информации, что содержалась в докладе ГРУ **«Коалиция против СССР»** от декабря 1935 г. То есть об организации военного поражения СССР в войне с Германией с последующим военным переворотом в Советском Союзе, захватом власти в гигантской стране прогермански ориентированной частью советского генералитета и установление военной диктатуры. Все это требует, конечно, более детального анализа, но пласт информации по этому вопросу столь огромен, что автор вынужден ограничиться только беглым перечислением наиболее важных деталей.

1. Обстоятельства посещения командующим Белорусским военным округом, командармом 1-го ранга (генерал армии, если по-современному) Иеронимом Петровичем Уборевичем сентябрьских (1936 г.) маневров вермахта в Бад-Киссингене. Их необходимо разложить на три составные части — предшествовавшие, сопутствовавшие и последовавшие обстоятельства и события.

1.1. Предшествовавшие обстоятельства и события. В январе 1936 г. Уборевич был направлен в служебную командировку в Прагу и Париж. При выезде за рубеж, во время кратковременной остановки в Варшаве, вопреки правилам военно-дипломатического этикета почему-то встретился с помощником военного атташе, майором Эберхардом Кинцелем и в беседе с ним выразил настойчивое желание встретиться с кем-нибудь из высшего германского генералитета, в частности с военным министром Вернером фон Бломбергом. Тут же упираемся в ряд весьма неприятных вопросов.

— С какой стати командующий одним из важнейших в западной части тогдашнего СССР военных округов выбрал столь странный маршрут — в Прагу через Варшаву?! И в те времена можно было спокойно доехать до Праги прямо из Москвы.

— Почему на варшавском вокзале его встречал помощник германского военного атташе?! Если не принимать в расчет ничего другого, то естественными для такого случая могли быть только встречи с польскими официальными военными представителями. Чай, не официальный же визит был, а всего лишь проездом. По протоколу только представители польского военного ведомства, да и то не очень высокого ранга должны

были присутствовать на вокзале. С какой стати в нарушение военно-дипломатического протокола там оказался помощник германского военного атташе?!

— Почему в нарушение всех правил военно-дипломатического протокола командующий одним из важнейших в западной части тогдашнего СССР военных округов стал напрашиваться на встречу с генералами государства, где уже три года господствует крайне недружественный СССР нацистский режим, да еще и для того, чтобы обсудить некие важные политические и военные вопросы?! Его ли это уровень — лезть с такими инициативами?![1] Испокон веку в любом государстве это прерогатива только высшего военного руководства, но никак не командующих округами.

— Наконец, почему Уборевич был столь уверен в том, что Кинцель обязательно доведет до сведения соответствующих военных инстанций Германии его настойчивую просьбу?!

В результате столь странным и подозрительным образом проявленной Уборевичем инициативы он был приглашен главнокомандующим сухопутными войсками вермахта генералом Вернером Фричем на осенние (1936 г.) маневры в Бад-Киссингене. И опять упираемся в неприятные вопросы. Получается-то, что он напрашивался, к тому же неофициально?! Ведь так же!? А пригласили-то его официально. Если же учесть, что начальник Управления внешних связей наркомата обороны Анатолий Ильич Геккер (немец по национальности) «загремел» по одному с Тухачевским и Уборевичем делу, то выходит, что это была заранее просчитанная операция. То есть в ответ на неофициальную просьбу Уборевича о встрече с кем-нибудь из высшего военного руководства Германии немцы направили официальное приглашение советским военным посетить осенние маневры вермахта, а Управление внешних связей НКО уже своей властью определило заранее запланированную кандидатуру — Уборевича. На маневрах-то в полуофициальной и даже неофициальной обстановке, в том числе и за «рюмкой чая», а именно этим-то сопровождаются и кончаются все маневры, переговорить легче всего.

[1] Roberts G. The Unholy alliance. London, 1989. P. 97.

Если все это суммировать, то выходит, что Э. Кинцель являлся своего рода «хотлайном» для экстренных случаев в целях передачи срочной информации и связи. Небеспочвенность такого предположения еще и удивительно пикантна. Дело в том, что посольство гитлеровской Германии в Польше находилось фактически «под колпаком >> ГРУ. Там действовали ценные агенты советской военной разведки — **Рудольф фон Шелия («Ариец»), Ильзе Штёбе («Альта»), Рудольф Гернштадт («Арбин»), Герхард Кегель (тогда «Курт», впоследствии «ХВЦ»; с начала 1935 года работал непосредственно в посольстве), «капитан «К» (в ГРУ числился под цифровым псевдонимом «18»; сотрудник германской военной разведки** в **Польше).** И при наличии такой агентуры — никаких данных о подозрительной встрече Уборевича с помощником военного атташе Германии! Уж больно это смахивает на то, как в свое время Артузов и Ягода «утопили» в недрах лубянского ведомства сигналы о заговорщической деятельности Тухачевского. Между прочим в указанное время Артузов уже являлся первым заместителем начальника военной разведки. И опять никаких данных. И опять же при нем. Более того. Никаких данных не поступило и по линии контрразведки. А ведь по правилам тех времен Уборевич выехал за рубеж в сопровождении «соответствующих лиц в штатском», представлявших Лубянку, где еще командовал Ягода. То есть Ягода и в этом случае «утопил » сигналы своих же людей.

1.2. Сопутствовавшие события. Именно из-за присутствия Уборевича на этих маневрах Гитлер до такого остервенения разорался на своих генералов на сентябрьском 1936 г. съезде нацистской партии в Нюрнберге, что прилюдно обвинил их в том, что они за его спиной якшаются с красными и пьянствуют с ними. Более того, закатил истерику с крайне резкими антисоветскими заявлениями, которые повергли в шок германских генералов и офицеров, особенно тех, что вышли из рейхсвера и с симпатией помнили о годах сотрудничества с РККА.

Сразу же заметим, что упомянутая истерика Гитлера — одно из красноречиво убойных свидетельств того, что в реальности-то фюрер не был в курсе того, какие шашни с

«товарищами генералами» за его спиной крутят его же «герры генералы». Тем более что они всегда с презрением относились к выскочке-ефрейтору и давно «точили зубы» на него.

10 октября 1936 г. британская разведка, получила от своего агента **«Фила»** подробный доклад, в котором описывались эти события. В том числе и визит Уборевича, шок германского генералитета по поводу резких антисоветских заявлений Гитлера и, что, очевидно, особенно интересно, — заметный всплеск открытых симпатий к РККА в вермахте. **«Фил»** также сообщил, что между главнокомандующим сухопутными войсками вермахта генерал-полковником, бароном Вернером фон Фричем и советским военным атташе, комдивом Орловым А.Г. во время официального приема в Берлине состоялся обмен тостами. И во время этого пьяного обмена тостами последний заявил, что **«армия СССР готова хоть завтра сотрудничать с Гитлером, пусть лишь Гитлер, партия и германская внешняя политика совершат поворот на 180°**, а **союз с Францией отпадет. Это могло бы случиться, если бы, например, Сталин умер, а... Тухачевский и армия установили военную диктатуру»**[1].

1.3. Последовавшие события. По всем параметрам выходит, что «герры генералы» в своей невероятной прыти во время картографической агрессии против СССР опирались на прямую подставу советских войск под разгром. Ту, что Тухачевский и описал в своем «Плане поражения СССР в войне с Германией». Иначе этот невероятный картографический успех тевтонов объяснить невозможно. Потому, что в сравнении с РККА именно в то время вермахт вообще был ничто. Как раз в августе 1936 г. главнокомандующий сухопутными силами вермахта генерал-полковник Вернер фон Фрич распорядился о

[1] В донесении от 11 ноября «Фил» сообщал о том, что рейхсвер считает Россию лучшим союзником Германии, но препятствием к этому союзу являются Гитлер и Сталин. Обратите внимание на то, что агент британской разведки «Фил» оперирует термином «рейхсвер», хотя к моменту этого сообщения он уже полтора года как был переименован в вермахт. То есть агент открыто давал понять, что германские заговорщики принадлежат к касте рейхсверовских офицеров.

начале осуществления нового плана строительства германских вооруженных сил, подготовленного Генеральным штабом. Согласно этому плану, армия должна была составить всего 36 дивизий, в том числе 4 моторизованных, 3 танковых, 3 легких дивизий (уменьшенного состава), одной горнострелковой дивизии и одной кавалерийской бригады. Общая численность сухопутных войск согласно этому плану, включая и невооруженный персонал, должна была составить всего 793 410 человек, в том числе и 33 943 офицера. И вот чтобы этими-то, всего лишь только запланированными к формированию, вооруженными силами[1] в мгновение ока, преодолев столь трудный для него по тем временам польский буфер, немощный тогда германский вермахт нанес бы сокрушительное поражение уже в то время могучей и солидно для того времени оснащенной практически полуторамиллионной РККА?!

И непосвященному было понятно, что таких успехов можно было достичь только в результате прямой подставы советских войск под разгром слабым вермахтом! Это высчитывалось как дважды два четыре. Ведь незадолго до этих игр в гостях у герров генералов побывал командующий Белорусским военным округом Советского Союза И.П. Уборевич, все обстоятельства визита которого в Германию и так были на редкость подозрительны. Так оно и было — именно Уборевич-то и привез для согласования план поражения СССР в возможной войне с Германией. А то, что из-за его присутствия на этих маневрах Гитлер разорался как сумасшедший, только укрепляет во мнении, что герры генералы за спиной фюрера действительно водили свои шашни с красными генералами. Тем более что в это же время был зафиксирован еще и сильный всплеск просоветских симпатий в вермахте, особенно в офицерском корпусе,

[1] По этому плану только в мобилизационный период 1940/41 г. должно было завершиться формирование полевой армии в составе 72 пехотных, 3 танковых, 3 легких дивизий, 21 дивизии ландвера (ополчения), а также 7 танковых, одной кавалерийской и 2 горнострелковых бригад ландвера. Что же касается армии военного времени, то на этот же период планировалось создать необходимые условия для того, чтобы Германия смогла бы выставить 102 дивизии (то есть поставить под ружье более 2,6 млн человек).

прежде всего в той его части, которая помнила о нем еще со времен рейхсвера. Причем эта информация прошла в сопровождении данных о том, что ряд германских генералов — Гаммерштейн-Экворд, Фрич, Рейхенау, Бек, Бломберг и другие — принадлежат к той группе высокопоставленных германских военных, которые хотели бы «по-хорошему договориться с Красной Армией»[1]. «Договориться по-хорошему» означало, что красные генералы должны были подставить свои войска под разгром немощному в то время вермахту!

Маневры, на которых побывал Уборевич, имели весьма подходящее для такого случая название: «маневры Гинденбурга». Обращаю на это внимание, поскольку с рубежа 1917—1918 гг. за германским фельдмаршалом П. фон Гинденбургом числилась одна идея, которая, судя по всему, явно не без содействия Тухачевского не только была выведена на орбиту стратегического планирования военного командования СССР тех времен, но и стала активно витать там. Более того, она пронизала весь «фланговый синдром» Тухачевского, затем легла в его план поражения, который он собственноручно изложил на Лубянке. Дело в следующем. В самом конце 1917 г., когда начались обещанные Лениным Брест-литовские переговоры с кайзеровской Германией, возглавлявший германскую делегацию генерал-фельдмаршал П. фон Гинденбург разработал и представил довольно широкую, по словам статс-секретаря иностранных дел империи Рихарда Кюльмана, программу территориальных аннексий у России, значительная часть которых приходилась на Северо-Запад бывшей Российской империи. На естественный вопрос Р. Кюльмана — все-таки дипломат-то он был профессиональный и потому прекрасно понимал, что если много потребовать, то ведь и подавиться недолго... — зачем это ему нужно, будущий президент вскоре поверженной Германии за одиннадцать месяцев до неминуемого краха еще в Первой мировой войне, с фельдмаршальской прямотой рубанул реваншистскую правду-матку: **«Я хочу обеспечить пространство для передвижения германского левого крыла в следующей войне с Россией»!**

[1] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1036. Л. 235-236.

Не обращая внимания на то, что на пороге неминуемой катастрофы в одной войне Гинденбург заговорил о предпосылках для успеха в следующей, и даже на то, что с солдафонской прямотой он ляпнул именно **о следующей,** а не просто о будущей войне, отметим вот что. **Вся суть того, что он ляпнул тогда, состояла в том, что операционно-то левое крыло германской армии при любом нападении на Россию по определению могло находиться только на прибалтийском, сиречь на северо-западном направлении с охватом значительной части (прежде всего севернее Бреста, а в целом севернее Припятских болот, разделяющих западный ТВД) белорусского, то есть западного, направления! «Обеспечить пространство для левого крыла германской армии в следующей войне с Россией» означало заблаговременный захват вышеуказанного плацдарма, с которого и должно было, по тогдашним представлениям германского генштаба, развернуться стремительное наступление вглубь России по указанным выше направлениям.**

Напрашивался вывод — германские генералы не случайно именно так назвали свои маневры в сентябре 1936 г. И как бы в подтверждение этой неслучайности начинают поступать агентурные и иные данные о невероятном, пока еще картографическом успехе германских генералов во время стратегических командно-штабных игр на картах. И ведь невероятная прыть-то ими была продемонстрирована именно на Белорусском ив целом на Северо-Западном направлении! Вывод мог быть только один — это заранее согласованная подстава! Напоминаю, что в «Плане поражения» Тухачевский назвал Белорусское направление главного удара вермахта фантастическим для «миролюбивых» по отношению к СССР планов Гитлера, а Прибалтийское — максимум второстепенным по значению для тех же «миролюбивых» планов фюрера!

Таким образом, если сопоставить все вышесказанное с требованиями Тухачевского во время апрельских игр, то выходит, что он просто-напросто сознательно предрешил главный вывод герров генералов по итогам их игр. О том, что «никакого точного решения относительно восточной кампании не будет найдено, пока не будет разрешен вопрос о создании базы для операций в самой Восточной Польше»!

То есть, еще раз обращаю на это внимание, апрельские стратегические игры на картах Тухачевский и К° проводили, уже зная требования германских генералов по организации поражения. В частности, что необходимо сконцентрировать советские войска на Украинском направлении в ущерб обороне Белорусского. И именно такой вариант и привел к тому, что Западный фронт СССР в июне 1941 года рухнул уже на четвертые сутки, а Минск действительно был взят к исходу пятых — началу шестых суток агрессии. А пограничное сражение в принципе было проиграно Красной Армией в течение первых нескольких дней войны.

Если вкратце подвести итог тому, что они на самом-то деле осуществляли во время этих игр, то вывод будет такой. Призванные и поклявшиеся защищать свою Родину — Советский Союз — они, высшие советские военачальники того времени, в действительности проверяли во время этих игр, как лучше подставить советские войска под скорый разгром германским вермахтом! Для чего четко определили и формулу поражения —чем круче переакцентировка усилий по направлениям (в смысле — кривозеркальном по отношению к истинным направлениям грядущего удара гитлеровцев, особенно главному направлению), чем выше уровень задач и исполнителей безумно преступной идеи немедленного встречно-лобового вторжения/контрблицкрига, тем выше, шире и катастрофичней масштабы поражения и разгрома войск Первого стратегического эшелона именно в начальный период войны! Потому что в ходе различных игр они неоднократно убеждались в том, что в любом варианте исполнения «группы вторжения не в состоянии выполнить тех задач, которые на них возлагались на первом стратегическом этапе борьбы»!

И вот еще о чем. «Телячий восторг» у всех «адвокатов» Тухачевского вызывает якобы проявленная им гениальность в подсчете необходимого гитлеровцам количества дивизий для успешного нападения на Советский Союз. Что-де он, оказывается, предвидел, какими силами Гитлер нападет на СССР в 1941 г.! В 1936 г. Тухачевский действительно выдвинул идею о том, что-де немцы смогут выставить до 200 дивизий. И это в то время, когда даже по скорректированным планам герман-

ского командования армия военного времени должна была насчитывать примерно **102** дивизии!? Да и то не ранее начала 1940-х годов. С какого потолка он взял цифру до **200** дивизий — вроде бы трудно понять. Но Тухачевский эту задачку умудрился решить так, что во время апрельских игр рассматривался вариант нападения объединенными германо-польскими силами — примерно **160** германских дивизий, 30 — польских. Откровенно говоря, автору неведомо, кто и как в германском генералитете воспринял эту подсказку Тухачевского. Однако в 1941 г. в ход была пущена принципиальная схема именно этого варианта, правда, без польских дивизий, которые вермахт вдребезги разнес еще в первой половине сентября 1939 г. Были использованы дивизии других фашиствовавших холуев-союзничков Германии. Но в 1936 г. до 1941 г. было еще далеко — целых пять лет. А вот необходимые для командования вермахта выкладки наши генералы-предатели уже выдали на-гора...

Ну и, наконец, о самом смешном в «реабилитансе» Н. Черушева. «Ни одна из жен арестованных командиров не показала против мужа. А это значит, что они ничего не знали о "преступной деятельности" своих мужей». Понимая исключительную двусмысленность последней фразы, «реабилитатор» добавил, очевидно, на всякий случай, что «не знали потому, что такой деятельности просто не было»!? Если уж Н. Черушев получил доступ в архивы ГВП, то хотя бы разок почитал показания этих жен, ну, к примеру, жены маршала Егорова — очень интересные показания. Вполне возможно, что половина бодрого оптимизма насчет жен улетучилась бы. А вторую половину такого неуместно бодрого оптимизма «улетучит» вдова «невинной жертвы» сталинизма —Галина Блюхер. В период горбачевской гласности она ляпнула такое, что, по сути дела, полностью подтвердила, что ее муж был участвовавшим в заговоре Тухачевского предателем и шпионом, вынашивавшим изменнические, в том числе и сепаратистские, настроения. К слову сказать, со ссылкой на японские источники в сообщении от 14 декабря 1937 г. о них информировал Центр даже Р. Зорге — «перестроечники» опубликовали выдержки из этой телеграммы «Рамзая» в журнале «Известия

ЦК КПСС». Вот что она рассказала. Говоря об имевшей место в 1936 г. встрече своего мужа В. Блюхера с начальником ГЛАВПУРа Я. Гамарником, вдова заявила, что после муженек ей «рассказал, что с Гамарником (встреча состоялась на ст. Бочкарево — Чита) был продолжительный разговор, в котором Я.Б. Гамарник предложил Василию Константиновичу убрать меня как лицо подставное. "Объявим ее замешанной в шпионаже, тем самым обелим вас... молодая жена..." На что Василий Константинович ответил (привожу его слова дословно): "Она не только моя жена, но и мать моего ребенка, и пока я жив, ни один волос не упадет с ее головы"».

Ну, и как теперь должен поживать неуместно бодрый оптимизм и уверенность в женах красных командиров?! Кстати говоря, что касается жен руководителей заговора, то их показания в принципе-то и не были нужны, хотя их для порядка и спрашивали об этом во время допросов. Дело в том, что в самом центре заговора был хорошо информированный агент НКВД — переспавшая едва ли не со всем высшим генералитетом знаменитая Лиля Брик (Коган), жена комкора В. Примакова — командующего Ленинградским военным округом.

В книге «Ненаписанные романы» известный советский писатель, ныне покойный Юлиан Семенов рассказывал о своем разговоре с Л. **Брик,** которая вспоминала о том времени следующими словами: **«Весь тридцать шестой год я прожила** в **Ленинграде... И все это время я — чем дальше, тем больше — замечала, что по вечерам к Примакову приходили военные, запирались** в **его кабинете и сидели там допоздна. Может быть, они действительно хотели свалить тирана».** Конечно, **Л. Брик** не рассказала охочему до сенсаций Ю. Семенову, что обо всем, что происходило в доме Примакова, она исправно докладывала органам госбезопасности. Она не могла это сделать в то время. Но она не рассказала и куда более важное и интересное. Что летом 1936 г. под предлогом навестить умиравшего в то время М. Горького к ней приехали ее родная сестра — Эльза Триоле (урожденная Коган) и ее муж — известный французский писатель Луи Арагон. Несмотря на серьезный официальный предлог визита в СССР — кстати, его попросили приехать по личной просьбе самого Горького, — Луи Арагон

вовсе и не стремился поскорее попасть к умиравшему «буревестнику революции». Вместо этого он практически десять дней провел в политических беседах с каждый день собиравшимися в доме у Примакова вояками. По **«странному»** стечению обстоятельств именно в это время туда прибыл и Тухачевский. И Л. Арагон имел длительные беседы с ним, о чем потом написал в своих мемуарах.

Но и это еще не главное. Главное состоит в том, что Л. Арагон прибыл в Советский Союз с серьезной разведывательной миссией, целью которой было дотошное выяснение истинного положения дел в высшей советской военной иерархии, особенно, в части, касавшейся подготавливавшегося ею в координации с германскими генералами заговора с целью переворота в СССР и захвата власти в стране. Это особенно интересовало в то время высшее французское военное руководство. Это тем более не удивительно, если учесть, что после подписания франко-советского договора о взаимопомощи в отражении агрессии от 2 мая 1935 г. у 2-го Бюро ГШ Франции появился упоминавшийся выше меморандум со сведениями о готовящемся советскими генералами в координации с германскими «коллегами» заговоре против центральной власти. И вся суть его сводилась к тому, что именно в координации с германскими «коллегами»-заговорщиками советские генералы-заговорщики организуют военное поражение своей армии в войне с Германией, а затем на пораженческой волне устроят государственный переворот, захватят власть и заключат соглашение с Германией.

Заполучив такие данные в ситуации, когда уже подписан договор о взаимопомощи в отражении агрессии с государством, высшие представители военной иерархии которого замышляют подобное против своей центральной власти, руководство любого государства и тем более руководство любой разведслужбу, исходя из соображений собственной безопасности, увы, априори обязаны досконально проверить такую информацию. Собственно говоря, именно этим-то, очевидно, и была вызвана почти годовая затяжка с ратификацией этого договора Францией, а также устроенная французскими военными руководителями волынка с переговорами на уровне генеральных штабов, которые были предусмотрены еще в мо-

мент подписания договора. Но ведь надо было знать еще глубже, еще точнее — ведь речь-то шла о безопасности государства, в данном случае Франции.

И вот Луи Арагона приглашают к предсмертному ложу Горького. Ну, куда более чем удобный случай в деталях все разведать. Луи Арагон хорошо был известен в СССР как якобы прогрессивный писатель и «друг» Советского Союза — кто его заподозрит. Предлог побывать в Ленинграде — вообще отменный: родная сестра жены там проживает со своим мужем, командующим Ленинградским военным округом. Просто идеальнейшая для любой разведки ситуация (советская, к слову сказать, поступила бы точно так же). И Луи Арагон оправдал возлагавшиеся на его разведывательную миссию надежды. Потому что именно после его визита в СССР французский генералитет стал демонстративно воротить нос при одном только упоминании идеи о франко-советских переговорах на уровне генеральных штабов, а далее и **вовсе о** военном сотрудничестве **с РККА!** Потому и стал брехать **о «кажущейся сильной, но недостаточно подготовленной к войне с крупной европейской державой» РККА. Причем с акцентом на то, что-де РККА не под силу осуществить длительное наступление. Потому как оказание помощи Франции (и Чехословакии) в отражении агрессии Германии явилось бы для Красной Армии длительной наступательной операцией!** Попутно генералы еще и попугали высшее руководство Франции тем, что-де СССР якобы делает ставку на войну между Францией и Германией, предпочитая, чтобы «гроза разразилась над Францией».

А чуть позже, уже в начале 1937 г., французский генералитет вообще отбросил всякие стратегические выверты и открытым текстом заговорил о том, что политически не доверяет советскому генералитету! Вот так была разрушена едва только начавшая складываться европейская система безопасности и взаимопомощи в отражении гитлеровской агрессии. Вслед за Францией от мысли о военном сотрудничестве с Советским Союзом отказалась и Великобритания, а затем и Чехословакия. И уже в 1938 г. из-за сговора Запада с Гитлером СССР оказался в тупике Мюнхенской изоляции. Противопоставить гитлеровской экспансии на Восток коллективный отпор стало невозможно.

Вот во что обходятся безумные интриги заговорщиков! Они и без всяких "паролей и явок" так приблизили гитлеровскую агрессию как по времени, так и территориально, что им и ста смертных приговоров было бы мало!

Миф № 74. Заговор военных был, но сложился спонтанно. Военные случайно узнали «факт о сотрудничестве Сталина» с царской охранкой и потому решили свергнуть его, но он их опередил.

Этот миф (повторно) был запущен в пропагандистский оборот в апреле 1956 г. со страниц известного в те времена американского журнала «Лайф». «Запуск» происходил в обстановке дикого приступа зоологического антисталинизма на Западе. Инициатором этой глупой подлости явился — причем именно же «в том числе», — длительное время скрывавшийся на нелегальном положении в США бывший резидент разведки НКВД в Испании, беглый предатель Александр Михайлович Орлов — он же Лейба Лазаревич Фельдбин. Согласно его идиотским утверждениям выходило, что-де один его знакомый по НКВД, некто Штейн, обнаружил в бывшем кабинете В.Р. Менжинского папку агентурных донесений И.В. Сталина, адресованных вице-директору Департамента полиции С.Е. Виссарионову. Якобы Штейн ознакомил с этим «открытием» своего бывшего начальника В. А. Балицкого, являвшегося в то время наркомом внутренних дел Украины, тот — командующего Киевским военным округом И.Э. Якира, последний — первого заместителя наркома обороны М.Н. Тухачевского и начальника Главного Политического управления РККА Я.Б. Гамарника. И потому военная верхушка и начала готовить заговор по свержению Сталина, который был раскрыт, что-де и явилось причиной возникновения «дела Тухачевского».

Сразу же отметим, что даже тогда, в 1956 г., версия этого предателя зарубежной прессой и исследователями даже и не рассматривалась... ввиду очевидности ее абсолютной глупости и лживости! Но нам-то от этого не легче. Все равно ведь эту

абсолютную глупость используют в антисталинской пропаганде. Ввиду того, что этот миф напрямую связан с мифом, утверждающим, что Сталин якобы был агентом царской охранки, придется поднимать всю эту историю, а параллельно разоблачать миф Орлова-Фельдбина. Слишком громадное количество всевозможных, тесно взаимосвязанных и намертво переплетенных между собой нюансов не дает возможности рассмотреть эти мифы по отдельности. Однако в любом случае не пожалеете — чтение будет весьма захватывающим.

Миф о якобы принадлежности Сталина к агентуре царской охранки был рожден в острой политической борьбе оппозиции против Сталина еще на рубеже 1920-х—1930-х гг. В его основе абсолютно беспочвенные слухи, ходившие среди некоторых членов партии еще с дооктябрьских времен. Под конец 20-х гг. слух было решено реанимировать и использовать для полномасштабной компрометации Сталина в целях его свержения и сворачивания его курса на строительство социализма в Советском Союзе. Все предпринимавшиеся с конца 20-х гг., а также в 30-х гг. XX века попытки оппозиции на эту тему потерпели полный крах.

Повторно этот миф был вытащен из нафталина весной 1956 г. Главная его цель вновь заключалась в том, чтобы опорочить имя Сталина. Попытка была четко приурочена к XX съезду КПСС, на котором недобитый подонок-троцкист Хрущев выступил со своим пресловутым докладом о разоблачении культа личности Сталина. С тех пор, несмотря на многократные разоблачения, в том числе и документальные, миф попрежнему используется для компрометации Сталина. В данном *случае* для разоблачения мифа использованы как все предыдущие, так и новейшие, уточненные, в том числе и по архивам, сведения.

В довоенный период действиями оппозиции из-за кулис руководила британская разведка, в послевоенный период «эксплуатацией» мифа занимался уже тандем — американская и британская разведки. Что касается подробностей, то они таковы.

При запуске на орбиту пропагандистской войны против Советского Союза интересующий нас миф имел следующий «документальный» вид:

«М.ВД.

Заведывающий особым отделом Департамента полиции.

12 июля 1913 года

№ 2898 Совершенно секретно

Лично

Начальнику Енисейского охранного отделения А.Ф. Железнякову. (Штамп: «Енисейское охранное отделение».)

(Входящий штамп Енисейского охранного отделения): Вх.№152

23 июля 1913 года

Милостивый государь

Алексей Федорович!

Административно-высланный в Туруханский край Иосиф Виссарионович Джугашвили-Сталин, будучи арестован в 1906 г., дал начальнику Тифлисского губернского жандармского управления ценные агентурные сведения. В 1908 г. начальник Бакинского охранного отделения получает от Сталина ряд сведений, а затем, по прибытии Сталина в Петербург, Сталин становится агентом Петербургского охранного отделения.

Работа Сталина отличалась точностью, но была отрывочной. После избрания Сталина в Центральный Комитет партии в г. Праге Сталин, по возвращении в Петербург, стал в явную оппозицию правительству и совершенно прекратил связь с Охраной.

Сообщаю, Милостивый Государь, об изложенном на предмет личных соображений при ведении Вами розыскной работы.

Примите уверения в совершеннейшем к Вам почтении.

Еремин».

Трудно сказать, кто и чем думал, запуская такую дохлую «утку», и думал ли вообще, но эффект получился очень уж оглушительный. **Для запускавших эту «утку», естественно.** Даже самые ярые противники Сталина, не говоря уже о просто знающих и трезвомыслящих людях в различных кругах русской эмиграции на Западе, встретили эту фальшивку не просто в штыки, а с откровенной враждебностью. Известный русский эмигрант, экономист и историк Николай Владисла-

вович Вольский 25 апреля 1956 г. писал своему другу и не менее известному русскому эмигранту-историку Борису Ивановичу Николаевскому: «От документа, пущенного в обращение Дон-Левиным, за десять километров несет такой фальшью, что нужно быть просто слепым или дураком, чтобы ее не заметить. Неужели департамент полиции не знал, что нет «Енисейского охранного отделения», а есть «Енисейское губернское жандармское управление»? Ротмистр Железняков действительно существовал, но не был начальником несуществующего Енисейского охранного отделения.

В книжечке Москолева «Русское бюро большевистской партии» (изд. 1947 г.) на стр. 149—165 довольно подробно рассказывается, как и кто следил за Сталиным в Туруханском крае. Упоминается и ротмистр Железняков, но не в качестве начальника «Охранки». В донесении полиции говорится побочно о Джугашвили (о Сталине тогда никто не слышал[1]) и, конечно, не в том придуманном (глупо!) стиле, в каком составлен документик» (то есть в виде фальшивого документа царской охранки. — *АМ,).* В письме Николаевского тому же Вольскому[2] можно встретить следующие строки: «Сейчас здесь все только и говорят о провокаторстве Сталина. Документ этот у меня был едва ли не с 1945 г., а знал я о нем еще со времен парижских. Меня просили напечатать его с комментариями, я отказался, заявив, что "...документ поддельный и только скомпрометирует..." Это же думаю и теперь».

Вы только вдумайтесь, но не в то, что написано — это само собой и об этом речь еще впереди, — а кто же это написал!? Это же из переписки своего рода «властителей дум» русской

[1] Вольский был прав. Дело в том, что эта фальшивка датирована 12 июля 1913 г., а на псевдониме «Сталин» Иосиф Виссарионович окончательно остановился только в январе 1913 г., однако, не успев им попользоваться, уже в феврале 1913 г. он загремел в Туруханский край. Загремел как Джугашвили. Царская жандармерия в тот период еще не знала, что Джугашвили и Сталин - это одно и то же лицо. Что, кстати говоря, видно и по приводимым здесь документам.

[2] У него был псевдоним Валентинов, из-за чего его фамилия часто указывается как Валентинов-Вольский, и письмо, о котором идет речь, было адресовано Валентинову.

эмиграции на Западе! Из переписки ярых, принципиальных противников Сталина, советской власти и СССР в целом. Из переписки людей, которые всю жизнь считали, что Сталин все сделал не по законам «марксистской науки», не «по Ленину». Кому-кому, но уж им-то, ярым противникам Сталина, что называется, и карты вроде бы шли в руки — ну как же, «стучал» Сталин охранке, потому и сделал все не «по Ленину», не по «марксистской науке». Прекрасный повод для разворачивания злобной критики Сталина. Будучи принципиальными противниками Сталина, они тем не менее, никогда в своей жизни и научной деятельности не опускались до унизительного с точки зрения элементарной морали просто порядочного человека использования фальшивок в идейной борьбе с противниками. Бывало и нередко, что они впадали в заблуждения, в том числе, и на грани добросовестного. Особенно тогда, когда весьма авторитетные люди сообщали им не совсем достоверную информацию. Бывало также и, опять-таки, нередко, что, блуждая в сумрачных лабиринтах своих же заблуждений, они не в состоянии были нащупать точные и правильные выводы даже из достоверной, а зачастую и уникальной информации. Все это, особо подчеркиваю, действительно имело место в их жизни, но никогда ни при каких обстоятельствах ни свою честь, ни свои руки, ни свои перья они не марали грязью фальшивок. И это самое главное, что имеет особое значение, ибо из этой переписки с полным на то основанием можно сделать следующие выводы.

Во-первых, «документик» мгновенно и безоговорочно был расценен ими как абсолютная фальшивка. Во-вторых, слухи об этом «документике» и его «содержании» ходили еще во второй половине 30-х годов прошлого века — как указано в письме, «еще со времен парижских», ибо в то время Б.И. Николаевский как раз и жил в Париже. Жаль, конечно, что по этим письмам, точнее, из-за того вида, в каком они были опубликованы в России, невозможно с абсолютной точностью установить, когда же и кто конкретно обращался к Николаевскому с предложением опубликовать этот «документик» с его комментариями профессионального и очень авторитетного историка. Однако не беда.

Как уже отмечалось выше, опытнейшие ученые-историки Б.И. Николаевский и Н.В. Валентинов-Вольский моментально определили, что **«от документа, пущенного в обращение Дон-Левиным, за десять километров несет такой фальшью, что нужно быть просто слепым или дураком, чтобы ее не заметить».** Чтобы и нам не быть ни слепыми, ни тем более дураками, сразу же укажем, почему они сделали столь безапелляционное заявление. Дело в том, что, как исключительно дотошные ученые-историки и тем более непосредственные свидетели и участники революционного движения в России, они прекрасно знали о том, что **скандально известный в журналистских кругах русской эмиграции литературно-публицистический «папарацци» Исаак (Айзек) Дон-Левин — тот самый, что за Кривицкого-Гинзбурга написал его «мемуары», —является старым агентом британской разведки! Более того, они прекрасно знали следующие моменты.**

1. Псевдоним **«Сталин» Иосиф** Виссарионович Джугашвили стал использовать лишь с января 1913 г. Впервые этим псевдонимом была подписана известная работа Сталина **«Марксизм и национальный вопрос».** Одновременно этот же псевдоним, но в сочетании с инициалом «К.» (то есть **«Коба» — прежний псевдоним Иосифа Виссарионовича)** стал появляться и в публикациях партийной газеты «Правда» также с января 1913 г. До этого, да и то с октября 1912 г., Сталин, будучи всего лишь Джугашвили, изредка применял сокращенный вариант— «К. Ст.».

Соответственно по состоянию на 1906 г. упоминать его как Джугашвили-Сталин —- **100%-ный подлог!** Такой же **100%-ный подлог** есть упоминание его как Сталина по состоянию на 1908 год. Тем более **100%-ным** подлогом является упоминание его как Сталина по состоянию на середину 1913 г. Ведь псевдоним-то этот он стал использовать лишь с января 1913 г., а уже 23 февраля 1913 года Иосиф Виссарионович вновь был арестован и выслан в Туруханский край. В тот период охранка не могла с полной уверенностью идентифицировать Джугашвили как Сталина. **Для настоящих историков это было очевидно.** Как, впрочем, и то, что в царской России полиция не оперировала ныне общепринятой формой написания отчества — в дорево-

люционном правописании вместо **Виссарионович** писали **Виссарионов,** что и означало, что речь идет о сыне Виссариона. Так, в январе 1914 года царской охранкой были перехвачены письма Сталина из ссылки, в которых он жаловался на тяжелое материальное положение и просил прислать ему немного денег. Так вот, в документе охранки № 578 он назван следующим образом: **«гласно-поднадзорный Туруханского края Иосиф Виссарионов Джугашвили».** Попутно обратите внимание и на то, что прошел уже год, как Сталин стал использовать псевдоним **«Сталин»,** но охранка-то его называет настоящими метрическими данными — следовательно, даже год спустя его псевдоним еще не был известен полиции. Точнее, охранка попросту еще не знала, что И.В. Сталин, как автор статьи по национальному вопросу, и И.В. Джугашвили — одно и то же лицо. А что уж говорить о более ранних годах, когда он еще сам не нашел себе такого псевдонима.

2. Упоминание ареста Сталина в 1906 году не стоит и выеденного яйца. Потому как оно в корне ложно. За этим кроется намек на якобы имевшую место «роль» Сталина в разгроме 15 апреля 1906 года Авлабарской типографии в Тифлисе (Тбилиси). Но никакой «роли» не было и быть не могло по определению. Все дело в том, что в списке арестованных по этому делу подпольщиков имени Сталина нет, а ведь аресты происходили с 15 апреля по 21 мая, и в списке фигурируют 17 человек. Полиция же для зашифровки своей агентуры часто ее арестовывала вместе с другими подпольщиками. Тут она не стеснялась. Кстати говоря, и Сталин тоже никогда не стеснялся указывать даты своих арестов царской полицией, но нигде нет ни малейшего намека на арест в апреле 1906 года. И всего лишь по одной простой причине. Именно в этот период времени он как Джугашвили находился в Стокгольме на IV съезде РСДРП, который начал свою работу 10 апреля по старому стилю (23 апреля по новому стилю) 1906 г.! Забегая вперед, отметим, что в этом пункте появляется **«нить Ариадны»,** позволяющая выйти непосредственно на заказчика этой фальшивки.

Авлабарская типография «погорела» по нелепой случайности. У жандармов никакой информации не было. Шли просто повальные обыски в различных частях Тифлиса, в том

числе и на территории его седьмого полицейского участка, то есть в Авлабаре. В одном месте были обнаружены запалы для взрывателей, завернутые в бумагу с типографскими оттисками. Потому и начались поиски типографии. Непосредственное же обнаружение самой типографии тоже случайность, хотя и порожденная смекалкой одного из сотрудников полиции. Дело в том, что, обыскивая двор, где были обнаружены запалы, одному из полицейских пришло в голову бросить зажженный кусок бумаги в колодец. Наблюдая за его полетом, полицейский обнаружил, что, не долетев до воды, бумага была втянута потоком воздуха в сторону. Как тут же и выяснилось, в стенке колодца имелся первый вход в типографию. Такова эта история согласно полицейскому протоколу. Как видите, Сталин не имел к этому провалу ни малейшего отношения.

События же, которые изложены во втором предложении приведенной выше фальшивки — которое начинается с **«В 1908 г...», —** также **100%-ный подлог.** Ни о каком прибытии в Петербург как прибытии и речи-то не могло быть. Дело в том, что **25 марта 1908** г. он был арестован в Баку, восемь месяцев сидел в бакинской тюрьме и в ноябре был выслан в Вологодскую губернию, в Сольвычегодск. **24 июня 1909** г. бежал из ссылки и возвратился в Баку на нелегальную работу. Охранка не знала о его пребывании в Баку на нелегальном положении. Лишь **23 марта 1910** г. узнала об этом и вновь арестовала Сталина, так как в Баку было кому «заложить» Сталина. В социал-демократической среде бакинская охранка имела 14 агентов:

— известный рабочий, партийный активист Г.В. Сергеев — псевдоним «Слесарь»,

— И.М. Дорофеев — псевдоним «Октябрьский»,

— В.М. Семенютенко — работал под двумя псевдонимами «Никитин»и «Доброволец»,

— П.И. Мачарадзе — также работал под двумя псевдонимами «Ловкий» и «Адамович»,

— А.К. Москаленко —псевдонимы «Фабрикант» и «Быстрый»,

— И.М. Саркисянц — щедро оплачивавшийся охранкой «Дорогой» (его «услуги» оплачивались по ставке 120 рублей

в месяц — громадные деньги в царской России, особенно если учесть, что на пятиалтынный, то есть на 15 копеек, можно было очень сытно пообедать со стопкой водки),

— Николай Степанович Еринов — особо активный «Фикус» и т.д.

Да, вот еще что. Бакинское главное жандармское управление все время сетовало, что контролируемый им некто **«Молочный»** (он же **«Кавказец»),** а это и был Сталин, всегда обнаруживает наружное наблюдение и ловко уходит от него, знает в лицо не только практически всех местных филеров, но и даже вызывавшихся из Тифлиса и всегда указывает их своим товарищам. Именно поэтому Бакинское ГЖУ и настаивало на его аресте, так сказать, в виду особой, по мнению жандармов, зловредности Иосифа Виссарионова Джугашвили. О какой же работе на охранку можно говорить в таком случае?!

После ареста его опять водворили в Сольвычегодск. **6 сентября 1911** г. он нелегально выехал из Вологды в Петербург, где уже **9 сентября 1911** г. вновь был арестован и опять сослан в Вологодскую губернию «досиживать» срок ссылки.

Для сведения: в те времена от Вологды до Петербурга поезд шел чуть ли не сутки. Значит, 7 сентября он только прибыл, а уже 9 сентября был арестован. Ну и как он мог стать агентом Петербургского охранного отделения?! Уж там-то явно не идиоты сидели — коли такой, с позволения сказать, «агент» прибыл, так уж пусть побегает на воле да снабдит охранку нужной информацией. Разве не так?! Ан — нет, его сцапали практически мгновенно, что свидетельствует о том, что царская полиция мух на потолке не считала — шевелилась, как и полагается охранке. Кто-то другой «настучал» на Сталина — потому его и сцапали.

Кстати говоря, при планировании арестов Сталина, полицейские извещали друг друга о том, как лучше осуществить его, чтобы избежать расшифровки наступавшего на него реального агента полиции. Так, когда известный провокатор и любимец Ленина Роман Малиновский (он же «Портной») «заложил» Сталина, то сотрудник полиции высказал рекомендацию — «задержать не сразу, лучше перед отъездом за границу». Тем самым отводилось подозрение от Малиновского.

И вот еще что. Использованный во второй фразе фальшивки оборот — **«становится агентом Петербургского охранного отделения»** — не из лексикона спецслужб. Это чисто журналистский, публицистический оборот. Если такое письмо писал бы настоящий сотрудник охранки, то он прямо указал бы, что **«по прибытию в Петербург агент был передан на связь Петербургскому охранному отделению».** Лексика спецслужб такова, тем более в отношении агентуры, что она при любых обстоятельствах одинакова. А тут форменный бред — **«по прибытии становится агентом...»!** На два дня?! Так, что ли?! Ну не надо держать за идиотов работавших с агентурой сотрудников царской полиции! Это были асы, волчары агентурно-оперативной работы и до идиотизма всевозможных прощелыг-борзописцев не опускались. Они преспокойно шли на коррупцию, на предательство царя и Отечества, на всякие иные подлости и неисполнения служебного долга, но идиотами в своей работе не были.

3. Не менее очевидным подлогом для историков было и содержание последующих фраз в этом «документике». Дело в том, что Сталин в очередной раз сбежал из ссылки **29 февраля 1912** г. Пражская конференция РСДРП состоялась **в январе 1912** г. В члены ЦК РСДРП Сталина тогда избрали заочно. Однако, исходя из структуры фразы в фальшивке, получается, что Сталин был в Праге и оттуда возвратился в Петербург!? Тем более по-журналистски идиотское выражение — **«...стал в явную оппозицию правительству...».** А до этого, выходит, он был в не явной оппозиции?! Если уж кому-то и хотелось быть идиотом — так и на здоровье, воля вольная. Но мы-то тут причем?! А кому хотелось быть идиотом — чуть ниже этих тварей мы назовем персонально!

4. Не менее очевидной для ученых была и явная глупость, содержавшаяся в выражении «... **совершенно прекратил связь с Охраной».** Дело в том, что **22 апреля 1912** г. Сталин был вновь арестован, причем в Петербурге. Даже если и «хотел **«прекратить связь с Охраной»,** то, сами понимаете, после очередного ареста избежать таковой было бы невозможно — находясь в тюрьме, волей-неволей будешь общаться с охранкой. Но это так, лирика, потому что никакого отношения, тем более как

агент, Сталин к охранке не имел. Нет ни малейшего признака, ни малейшей тени на призрак признака, не то чтобы хоть какого- то прямого свидетельства на сей счет, но и даже косвенного. Так что как якобы агент/секретный сотрудник Сталин никакого отношения к царской охранке не имел. **Зато имел прямое отношение к охранке как руководитель партийной разведки и контрразведки на территории Закавказья. У него была своя агентура в охранке. И вот это факт непреложный.** Да и вообще, в делопроизводстве царской полиции и жандармерии агенты назывались не **«агентами»**, а **«секретными сотрудниками».** На лирику же пришлось пойти лишь по той простой причине, что стряпавшие эту фальшивку идиоты не знали даже элементарной биографии Сталина, которую он никогда не скрывал. Кстати говоря, если бы заглянули туда, то увидели, что он сам использовал слово **«агент»** — до избрания членом ЦК РСДРП он действительно был **«агентом», но «агентом ЦК»,** ибо именно так называли тогда уполномоченных ЦК по какому-либо крупному региону царской России.

5. После ареста в Петербурге в течение нескольких месяцев Сталин сидел в тюрьме, после чего его выслали в Нарымский край на три года. Но он и оттуда сбежал уже **1** сентября **1912** г. На свободе пребывал до **23 февраля 1913** г., когда вновь был арестован в Петербурге и на этот раз сослан в Туруханский край на четыре года. Какой дурак будет ссылать своего секретного сотрудника к черту на рога, да еще и на четыре года?! Кому нужен такой секретный сотрудник?!

6. Не могли дотошнейшие ученые-историки не обратить внимания и на такой идиотизм в фальшивке. Дело в том, что в этой грязной писульке Сталин назван членом ЦК партии — без уточнения, какой!? А вот это-то не просто подлог и фальсификация — это кретинизм в квадрате, умноженный на идиотизм в кубе. Потому что еще в **1910** г. в штабе Отдельного корпуса жандармов было составлено учебное пособие по истории революционного движения в России — **«Вопросник** по **истории революционного движения в России».** К нему была приложена Инструкция о порядке ведения занятий на офицерских курсах при штабе ОКЖ. «Вопросник» состоял из 180 вопросов и ответов них. Кстати говоря, блестящее посо-

бие для изучения революционного движения в России — краткое, сжатое, чрезвычайно информативное. Более того, там же есть и отдельный раздел — **«Различие между партиями социал-демократов и социалистов-революционеров»,** в котором указаны эти различия как в идеологии, так и в программах и в уставах. Так что офицерский корпус Отдельного корпуса жандармерии был прекрасно осведомлен обо всем, что касалось истории и современности (на тот момент) революционного движения в России, вплоть до мельчайших нюансов различий их идеологий, программ и уставов. И чтобы офицер жандармерии, тем более якобы работающий с данным якобы агентом, не знал, членом ЦК какой партии он избран, — это **100%-ный** нонсенс! Не знать таких деталей информированности жандармских офицеров мог только тот самый «козел», точнее, «козлы», которые сварганили и запустили эту фальшивку.

7. Знали ученые и о том, что по состоянию **на 12 июля 1913** г. упомянутый «подписант» фальшивки — **полковник Отдельного корпуса жандармов Александр Михайлович Еремин** — уже месяц как был переведен с поста заведующего Особым отделом Департамента полиции на должность начальника Финляндского жандармского управления! **Еремин** был **назначен в Финляндию 11 июня 1913** года. Последний документ, который он, сдавая дела преемнику, подписал на посту заведующего Особым отделом Департамента полиции, датирован **19 июня 1913 года.** Кстати говоря, 19 июня 1913 г. датирован циркуляр Департамента полиции, коим все жандармские и охранные отделения по всей России ставились в известность, что с указанного числа заведующим Особым отделом является статский советник М.Е. Броецкий. Как Еремин мог написать такое письмо спустя месяц после такого солидного повышения по службе —известно только «козлам»-фальсификаторам. Кстати говоря, впоследствии, уже в наше время, в архивах не смогли найти не то чтобы копию этого письма, что должно было бы быть по определению, но даже и тени намека на нее. А при сравнении подлинников, действительно написанных рукой Еремина, с текстом фальшивки выяснилось, что уж больно разнится написание букв «е» и «р».

Более того, строго по архивным данным было установлено, что, во-первых, 1 июля 1913 г. А.М. Еремин уже был снят с содержания по ведомостям Департамента полиции. Во-вторых, непосредственно 12 (25) июля 1913 г. он рапортом доложил о принятии на себя командование Финляндским жандармским управлением. То есть находился в Гельсингфорсе (ныне Хельсинки). Естественно, что именно в этот день он не мог написать приведенную выше фальшивку.

8. Наверное, немало посмеялись ученые и над аббревиатурой «М.В.Д.», которую до 1917 года в документах царской полиции не использовали. Как было установлено уже в наше время, в угловых штампах Особого отдела Департамента полиции букв МВД, тем более в таком написании — «М.В Д.» — не было.

9. Наверняка не меньший хохот у ученых вызвало и обращение **«милостивый государь»** в служебной переписке жандармов — до 1917 года такое обращение использовалось только в частной переписке, но никак не в служебной, тем более в полиции.

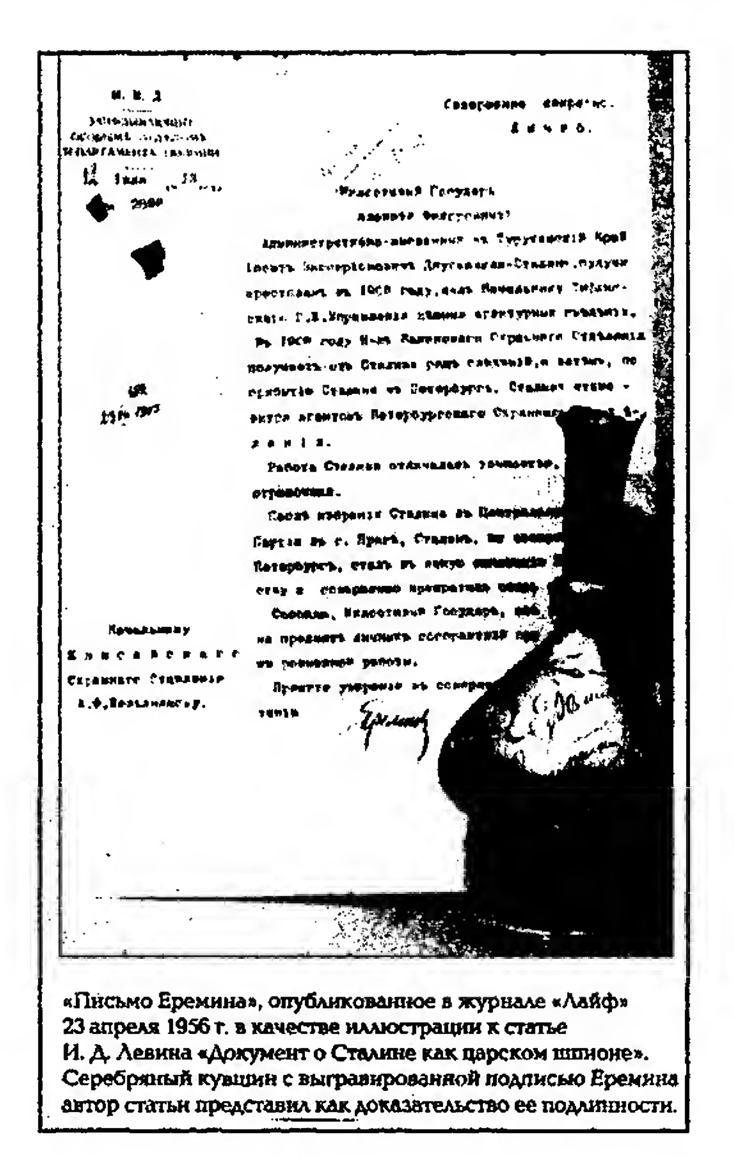
10. Вне всякого сомнения, что изрядно посмеялись они и над завершающей фразой **«примите уверения в совершеннейшем к вам почтении»** — оно было в ходу только в коммерческой переписке частных лиц. Железняков был всего лишь жандармским ротмистром и уже только в силу этого его петербургский шеф Еремин не мог обратиться к нему **«милостивый государь»** и уж тем более завершить свое письмо **«совершеннейшим почтением».** Испокон веку на Руси ни один вышестоящий начальник не прогибался перед нижестоящим, тем более своим подчиненным. Не говоря уже о том, что делопроизводство в царской полиции было поставлено отменно: в служебных письмах всегда указывались должности, чины, Ф.И.О., чего, как это со всей очевидностью вытекает из приведенной выше фальшивки, в ней нет в полном объеме. Ни должность, ни чин, ни Ф.И.О. отправителя полностью не указаны — только одна фамилия в качестве подписи. У Железнякова же не указан чин. Таких «ляпов» в царской полиции не допускали. Уже в наше время было установлено, что в июле 1913 года все номера исходящей корреспонденции из Особо-

го отдела Департамента полиции имели пяти- и шестизначные номера, но никак не четырехзначные, коим — **№ 2898** — обозначен исходящий номер фальшивки. Этого тем более не могло быть, поскольку Особый отдел Департамента полиции имел номера исходящей корреспонденции, которые начинались с **№ 93001.** Более того, такие исходящие номера — с № **93001** — были специально закреплены за Особым отделом как раз на случай подделки. К слову сказать, этот № **2898** относился к первому делопроизводству Департамента полиции и впоследствии архивисты его разыскали, только датирован он был не 12 июля, а 16 марта 1913 г. Да и адресовано было то письмо Управлению Екатеринославской губернии, а посвящено уж и вовсе другому вопросу.

Если внимательно присмотреться к двум прилагающимся фотокопиям этого самого «письма Еремина», что можно увидеть удивительнейшую вещь.

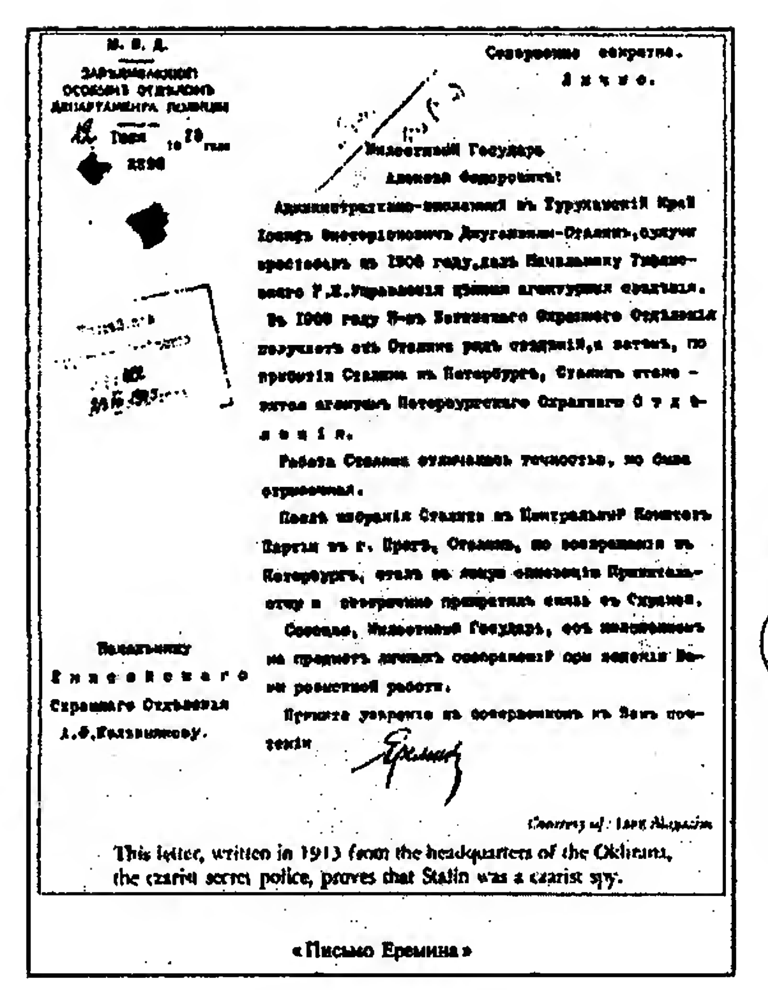
На одном из них номер № **2898** пропечатан четко, а на другом последняя цифра — то ли «3», то ли «8», причем внешний вид последней цифры вынуждает больше склоняться к мысли о том, что все-таки это «3», особенно в сравнении — при увеличении под лупой — с цифрой «3» в написании года. Кстати говоря, и цифры в написании года на одной из фотокопий тоже четкие, на другой — смазанные. Не имея права присваивать себе полномочия соответствующих экспертов, просто прошу обратить внимание на этот нюанс. Если же принять во внимание, что оба варианта были представлены одним и тем же лицом, то есть Дон-Левиным и, опубликованы в одном и том же американском журнале «Лайф», учитывая упомянутый нюанс, выходит, что фальшивка была представлена сразу в двух вариантах. А это уже не подлежащий обжалованию смертный приговор всей фальшивке даже без учета всех остальных разоблачающих ее данных. Более того, уже в наше время было установлено, что со второй половины 1910 года была произведена полная замена бланков с написанием слова «заведывающий» на бланки со словом «заведующий». В таковом виде они просуществовали вплоть 1917 года.

11. Знали опытнейшие и дотошнейшие ученые-историки и такое обстоятельство — **летом 1913** г. Енисейского охран-

«Письмо Еремина», опубликованное в журнале «Лайф» 23 апреля 1956 г. в качестве иллюстрации к статье И. Д. Левина «Документ о Сталине как царском шпионе». Серебряный кувшин с выгравированой подписью Еремина автор статьи представил как доказательство ее подлинности.

ного отделения не существовало! В наличии имелся лишь Енисейский розыскной пункт. Не могли они не знать и того, что в 1913 г. в царской России проходила реорганизация системы политического сыска, в связи с чем охранные отделения по-

М. В. Д.
Заведывающій
Особымъ Отдѣломъ
Департамента Полиціи
12 Іюля 1913 года
№ 2898

Совершенно секретно.
Лично.

Милостивый Государь
Алексѣй Федоровичъ!

Административно-высланный въ Туруханскій Край Іосифъ Виссаріоновичъ Джугашвили-Сталинъ, будучи арестованъ въ 1906 году, далъ Начальнику Тифлисскаго Г.Ж.Управленія цѣнныя агентурныя свѣдѣнія.

Въ 1908 году Н-къ Бакинскаго Охраннаго Отдѣленія получаетъ отъ Сталина рядъ свѣдѣній, а затѣмъ, по прибытіи Сталина въ Петербургъ, Сталинъ становится агентомъ Петербургскаго Охраннаго Отдѣленія.

Работа Сталина отличалась точностью, но была отрывочная.

Послѣ избранія Сталина въ Центральный Комитетъ Партіи въ г. Прагѣ, Сталинъ, по возвращеніи въ Петербургъ, сталъ въ явную оппозицію Правительству и совершенно прекратилъ связь съ Охранкой.

Сообщаю, Милостивый Государь, объ изложенномъ на предметъ личныхъ соображеній при веденіи Вами розыскной работы.

Примите увѣреніе въ совершенномъ къ Вамъ почтеніи.

Еремин

Начальнику
Енисейскаго
Охраннаго Отдѣленія
А.Ф.Железнякову.

Courtesy of: Isaac Levine

This letter, written in 1913 from the headquarters of the Okhrana, the czarist secret police, proves that Stalin was a czarist spy.

«Письмо Еремина»

степенно ликвидировались. Процесс этот начался еще до 1913 г., к началу которого было ликвидировано уже 17 охранных отделений. **Вследствие этой реформы начальник Енисейского розыскного пункта получил статус помощника начальника Енисейского главного жандармского управления.**

12. Естественно, что было им ведомо и то обстоятельство, что сим пунктом действительно заведовал некто **Железняков, только вот звали его не Алексей Федорович, а Владимир Фе-**

дорович! При проверке уже в наше время было установлено, что по документам штаба Отдельного корпуса жандармов значится только один **Железняков Владимир Федорович, 1881 года рождения, ротмистр, который был прикомандирован к Енисейскому ГЖУ в октябре 1911** года. Только одного этого, не говоря уже об ином, о чем речь еще впереди, оказалось вполне достаточно, чтобы эти дотошнейшие и опытнейшие ученые-историки смогли безапелляционно заявить, что Дон-Левин запустил фальшивку, от которой фальшью несет аж за десять километров!

Кстати говоря, небезынтересно отметить одно обстоятельство. За свою жизнь Б.И. Николаевский написал свыше 500 работ, о которых специалисты и сегодня высокого мнения. Более того, после себя он оставил громадный архив уникальных документов, ныне находящийся в ведении Гуверовского института США. Там 250 фондов. Так вот, ни в одной из работ, ни на одном из листов собранных им документов — подчеркиваю, что это 250 фондов, тысячи и тысячи страниц, — нет ни одной строчки о предательстве Сталина и его сотрудничестве с царской охранкой! Нигде ни одной строчки! Не менее богат архив Валентинова-Вольского. И там тоже ничего нет. Вывод же из этого — очевиден.

Конечно, не приходится сомневаться в том, что подонок Дон-Левин, но особенно же те твари, что ему покровительствовали и поручили исполнить эту гадость, все-таки отдавали себе отчет в том, что «утка»-то — более чем дохлая. Соответственно немедленно же и **«прокололись»... — правильно, на «почерке»!** А на чем еще может проколоться разведка при проведении такой операции?! **Только на «почерке»!** Произошло это, что называется, в рабочем порядке — выдумали характерную только для британской разведки легенду появления и якобы достоверности «документика», применив при этом характерную только для британской разведки «технологию» запуска «утки» на орбиту — запускали эту «утку» сразу с трех сторон, наверное, для вящей убедительности. Правда, получилось, как всегда...

18 апреля 1956 г. эту свару «заварила» агент рлияния (американской?!) британской разведки в русской эмиграции, дочь

известного русского писателя Льва Николаевича Толстого — Александра Львовна, проживавшая в те годы в США. Именно она устроила пресс-конференцию, на которой предала гласности этот «документик».

Отнюдь не почему-то именно в день проведения этой пресс-конференции вышел очередной номер журнала «Лайф», датированный... 23 апреля!? С его страниц с этой же глупейшей фальшивкой выступил уже Дон-Левин, издавший затем отдельную книгу под названием «Величайший секрет Сталина» объемом свыше 100 страниц, в которой ничего, кроме генетически присущей ему тупости и глупости, не было. Дон-Левин утверждал в ней, что первым делом «документик» попал к нему в руки, да к тому же еще и в 1947 г. Но тогда вопрос, а что это за идиотское «джентльменство» — поручить свихнувшейся на звериной ненависти к своей Родине дочери Л.Н. - Толстого предать гласности гнусную фальшивку?! **И в том же номере того же «Лайфа» до кучи вылез и длительное время скрывавшийся на нелегальном положении в США бывший резидент разведки НКВД в Испании, беглый предатель Александр Михайлович Орлов — он же Лейба Лазаревич Фельдбин.**

Одномоментный запуск фальшивки с помощью нескольких *лиц* — старинная черта британской разведки при работе с особо «тухлыми сенсациями». Только в этих случаях она делает ставку на множественный эффект — то есть когда об одном и том же практически одновременно начинают говорить, казалось бы, не связанные между собой разные лица. Однако всю глубину прокола британской разведки наглядно иллюстрирует достаточно банальный по своей тупости сбой.

1. Редакция журнала «Лайф» так торопилась, что на пять дней раньше выпустила свой очередной номер!? С чего бы это?! Примем во внимание все стадии подготовки журнала к изданию — сбор статей, их редактирование, макетирование, сбор рекламы, без которой западные журналы, как известно, не выходят, заказ типографии с расчетом на то, чтобы журнал вышел именно на пять дней раньше обычного срока и т.д. Но в таком случае совокупность именно этих, требующих заблаговременного планирования, обстоятельств является самым

убойным свидетельством того, что эта мощная пропагандистская акция влияния готовилась заранее! И у редакции журнала в этой операции был «номершестнадцатый». «Музыкузаказывали» британская разведка и ЦРУ. Естественно, что в таком случае не редакция журнала, а именно они торопились с созданием оглушительного эффекта! Как же, сразу три негодяя говорят об одном и том же! **Ну и провалились, как всегда...**

2. Дон-Левин и Толстая предали гласности одну и ту же фотокопию фальшивки. К чему было устраивать такое реалити-шоу на тему «вор у вора дубинку украл»?! Если «документик» впервые попал в руки пройдохи Дон-Левина, то ему и надо было начинать. А то взяли да Александру Львовну подтянули под это дело. Кто же у кого украл «документик»?! Ответ простой: кто-то в последний момент сообразил, что у пройдохи Дон-Левина столь гнусный «авторитет» в русской эмиграции, что лучше начало операции поручить формально незапятнанной А.Л. Толстой, имея в виду прежде всего ее статус дочери Л.Н. Толстого. Подлинным инициаторам этой операции показалось, что так будет авторитетней. **И опять провалились!** И все из-за того, что «Лайф» вышел на пять дней раньше положенного срока, прямо в день проведения ее пресс-конференции. А если еще и учесть те подозрения в отношения цифры «8», смахивающей на цифру «3», о чем говорилось в конце п. 10, так и вовсе не мудрено, что тупость акции мгновенно вылезла. Сговор был очевиден.

3. Одновременно в том же самом номере появляется еще и брехология беглого предателя из советской разведки Лейбы Лазаревича Фельдбина, которая, судя по замыслу инициаторов операции, должна была сыграть роль некоего «подтверждения» словесного «поноса» двух первых, потому как Орлов с апломбом ссылался на архивы Лубянки. А их брехология в свою очередь и в порядке обратной связи ввиду своей «документальности» якобы подтверждала версию Фельдбина. **И опять провалились!**

Потому как, во-первых, брехологию Фельдбина даже ярые антисоветчики и то не стали принимать даже в элементарный расчет — настолько она была глупа и лжива. Во-вто-

рых, на этом круг «основных доказательств» якобы достоверности фальшивки и замкнулся, в очередной раз подтвердив, что за всем этим стоит британская разведка (правда, действовавшая в этой операции в координации с американской разведкой). Дело в том, что при работе с особо «тухлыми сенсациями» количество основных доказательств их якобы достоверности британская разведка всегда ограничивает, причем делает это по принципу замкнутого круга. Фальшивка Дон-Левина подтверждалась фальшивкой А.Л. Толстой, та — брехологией Лейбы Фельдбина, та, в свою очередь, фальшивкой Дон-Левина, а та в свою очередь и т.д. и т.п. Короче говоря, как в известной каждому с детства шутливой песенке «У попа была собака...», каждый новый куплет которой являлся повтором предыдущего.

Более того. Подвели бриттов и такие «традиции» при работе с особо «тухлыми сенсациями». В тех случаях, когда британская разведка не имеет ни малейшего шанса доказать что-либо серьезно и солидно, она, как правило, максимальную ставку делает на общественный авторитет непосредственно запускающих фальшивку лиц. Либо же на какие-то отдельные параметры общественного авторитета этих лиц. В случае с этой фальшивкой ставка была сделана: а) на некий авторитет Александры Львовны Толстой, прежде всего как дочери известного русского писателя; б) на высокий в прошлом статус Лейбы Лазаревича Фельдбина в советской разведке. Общественный же авторитет самого Дон-Левина был ниже плинтуса. Соответственно ему вменили в обязанность использовать, с одной стороны, так называемый труположический метод, что он и сделал, —- сослался на статус какого-то полицейского чиновника, которого он, «естественно», в живых в Германии не застал, зато разыскал его могилу не там, где она на самом деле была. Имеется в виду тот самый **«Николай Золотые Очки»,** о котором говорится несколькими абзацами ниже. С другой же, этот пройдоха утверждал, что-де получил сей «документик» в 1947 г. от трех лиц, по его мнению, безупречной репутации, что в его устах уже носило отпечаток сомнительности в оной. В числе таковых он назвал следующих лиц: сына известного русского адмирала — Вадима Макарова, бывшего посла Временного пра-

вительства Керенского в США — Б. Бахметьева, «пионера» русской авиации — Бориса Сергеевского. Дон-Левин утверждал, что им, в свою очередь, документ передал проживавший в Китае русский эмигрант М.П. Головачев, а тому, также в свою очередь, некий полковник Руссиянов, вывезший из России в Китай документы сибирской охранки. Естественно, что к тому моменту, когда Дон-Левин открыл рот, все эти лица уже были в ином мире, либо в недееспособном состоянии. То есть заблаговременно был создан непреодолимый барьер для любых попыток проверки, что и есть еще одно проявление «почерка» британской разведки.

Ну и, конечно же, прокол не мог обойтись без такой «технологической составляющей», как двухэтапная брехология: сначала в виде статьи в каком-нибудь авторитетном на Западе журнальчике, затем уже и отдельной книгой. Именно так поступили Дон-Левин и Фельдбин. Почти то же самое проделала и Толстая — сначала ляпнула на пресс-конференции, затем уже в виде опубликованных интервью и статей. **При такой «приверженности» самым подлым «традициям» британской разведки не мудрено было «обо...ся», что называется, по полной программе.**

4. Не могли инициаторы это операции не «обо...ся» и на дополнительных, в том числе и косвенных, доказательствах якобы достоверности фальшивки, функции которых были возложены на трудно проверяемые или вообще не поддающиеся проверке якобы факты, которые внешне звучали весьма убедительно. Часть из них выше уже была указана в **пп.** 1—12. Ну, разве кто-либо из читающей публики Запада мог проверить дореволюционное правописание или когда происходила реорганизация системы политического сыска в царской России, или кем на самом деле был Железняков — Алексеем Федоровичем или Владимиром Федоровичем?! А что уж говорить о специфических моментах революционной биографии Сталина, к примеру, когда вообще появился псевдоним «Сталин», если даже один из самых ранних зарубежных биографов Сталина — сам же Дон-Левин — и то не понимал, что к чему в этом вопросе?! Сами понимаете, что никто и никак это проверить не мог. А тем, кто мог усомниться и тем более опроверг-

нуть фальшивку, рты тут же заткнули. Им страницы американской печати предоставлены не были. Правда, и тут произошел банальный сбой, о котором будет сказано чуть ниже. Что же касается другой части таких, с позволения сказать, «доказательств»,то, например, старый пройдоха-подонок Дон-Левин нес откровенную чернуху, что-де не имея реальных образцов подписи Еремина, он сравнил его подпись на фальшивке с ереминским (?!) же автографом... выгравированным на какой-то серебряной вазе!?

Ну, не идиот ли?! Точнее, не идиоты ли те, кто сподобил этого «козла» на такие «подтверждения»?! Еще какие идиоты! Эту вазу якобы предоставил проживавший в США бывший начальник Отдельного корпуса жандармов генерал Спиридович, к тому же якобы подтвердивший достоверность фальшивки! Но если это так — на секунду допустим такое предположение, — то как мог начальник ОКЖ не знать структуры своего ведомства и так позорно «обо...ся»?! Ведь в 1913 г. именно он же и был начальником ОКЖ! Хуже того. Они настолько были идиотами, что даже и не заметили, как сами же подвергли себя «родовому проклятью» своей же разведки — опять скатились на «трупологические» методы подтверждения. Дело в том, что, не моргнув и глазом, старый подонок-пройдоха Дон-Левин в подтверждение своей фальшивки ляпнул, что-де некто подсказал ему, что в Германии проживает бывший офицер охранного отделения по фамилии **Добролюбов,** но по прозвищу **«Николай Золотые Очки»,** который, видите ли, прекрасно знал о подлинной роли Сталина в революционном движении России!? Как и следовало ожидать, этот «козел», естественно, не застал **Добролюбова** в живых в Германии. И уж совсем «естественным» —для «козла»,разумеется, — оказалось доказательство типа «не пришей кобыле хвост». Генетический идиот Дон-Левин сообщил, что-де он, оказывается, обнаружил могилу бывшего жандарма. Во «археолог», мать его...!? Не говоря уже о других «трупологических вариациях», о которых речь еще впереди. После таких «доказательств» не может быть ничего удивительного в том, что подлинная могила подлинного человека, который при жизни действительно имел такое прозвище, находилась в Че-

хии, а не в Германии. Ну да, вполне понятно, что заокеанским «козлам» что Германия, что Чехия — один хрен. У них такие «козлы» в Белом доме по четыре года портки протирают — чего уж нам от «несчастного» генетического идиота Дон-Левина требовать!? Ну, так и в самом-то деле, ну разве можно что-то требовать от такого идиота, если настоящая фамилия этого полицейского, «знатока подлинной роли Сталина в революционном движении», была не Добролюбов, а Доброскок[1]. Прыг-скок — плохо-скок, вот и «допрыгался» Дон-Левин!

Совершенно «естественно», что по этому же пути пошел и Лейба Лазаревич Фельдбин — в качестве доказательств и этот тоже привел одни только трупы... бывших «соратничков» по невидимому фронту. Для непритязательного общественного мнения Запада любое дерьмо сойдет, даже трупы «невинных жертв» сталинизма.

И уж вконец «обговнял» всю операцию непрошеный адвокат идиотизма фальшивки — бывший посол США в СССР Дж. Кенан. Давно и прочно свихнувшийся на антисоветизме и зоологической русофобии «патриарх» американской советологии выдал такую «плюху». Оказывается, по его словам, что слово «МВД кто-то попросту приписал к документу уже после войны, да и вообще самому документу не более двадцати пяти лет, так что критики неправы, и документ подлинный...». Приведя этот убийственный факт абсолютного идиотизма, блистательный Александр Бушков язвительно добавил: «В каком состоянии Кеннан писал, неизвестно...». Уважаемый коллега А. Бушков, к сожалению, не ведал, что в еще более «неизвестном состоянии» Кеннан запросто выдавал такие «плюхи», что его в пору было сдавать в ближайший же дурдом. Частенько разглагольствуя насчет этой фальшивки, в одной из своих лекций он ляпнул, что-де «это один из тех странных исторических документов, о которых можно лишь сказать, что следы подделки в них слишком очевидны, чтобы назвать

[1] Это вполне реальная личность—И.В. Доброскок. В действительности же использовавший псевдонимы Добровольский и Федоров, имевший негласное прозвище «Николай Золотые Очки» шеф тайной агентуры царской охранки в 1912 г. Потому на него и сослались, имея в виду его статус и зная, что его уже нет в живых.

их подлинниками, а следы подлинности слишком очевидны, чтобы назвать их подделками»!

На фоне такого беспардонного идиотизма совершенно незаметными остались два факта, осознать чрезвычайно взрывоопасное значение которых «продвинутое» общественное мнение Запада было не в состоянии. Во-первых, Дж. Кеннан ляпнул насчет двадцати пяти лет. Ну-ка, отсчитайте от 1956 г. четверть века?! Ну, как, согласны с тем, что это где-то около 1931 г., а то и поближе к середине 30-х гг., если исходить из слов самого Кеннана?! Отлично. А теперь можно и во-вторых. А вот, во-вторых, ну просто прелесть — в том же 1956 году фальшивка сходу получила «нокаут» прямо в «солнечное сплетение». Извольте полюбопытствовать.

В июне 1956 г. бывший сотрудник разведки довоенной Польши Ричард (Рышард) Врага опубликовал в американском журнале «EST&QUEST» статью, в которой рассказал о подлинной истории этой фальшивки. Так вот, так же как Б Л Николаевский, он указал, что эта фальшивка была хорошо известна в мировом разведывательном сообществе. Впервые она вышла на авансцену мировой политики в 1934 году. А в ход ее пустили чуть позже. По его свидетельству, владевшая этим «документиком» кучка эмигрантов попыталась в 1937 г., выражаясь современным языком, «впарить» его одновременно германской и японской разведкам.

Мало чем отличающиеся друг от друга в дотошности японцы и немцы немедленно осуществили самую тщательную проверку, которая едва ли не мгновенно убедила их в том, что они имеют дело с фальшивкой. Японцы провели экспертизу с помощью своих спецслужб независимо от немцев и, естественно, без какого-либо труда установили, что это фальшивка. Тевтоны обратились за консультацией к лидерам Народно-Трудового Союза и независимо от японцев получили аналогичный ответ — это фальшивка. В 1938 г. фальшивку вновь попытались сбагрить, на этот раз в Вене — всемирно известной «бирже» шпионских «новостей». Затем в Париже произошла очередная попытка всучить эту «туфту» уже румынской разведке, но даже там она никого не заинтересовала. Да и как она могла заинтересовать, если трезвон об этой фаль-

шивке пошел по всем европейским разведкам. И все прекрасно знали, откуда «ветер дует». Вскоре после войны — в 1949—1950 гг. фальшивку попытались запустить в парижской печати, однако опять дело сорвалась, так как французские журналисты обратились за консультацией к своим спецслужбам и те отговорили их от публикации этой глупости.

Не доверять Р. Врага нет никаких оснований. Прежде всего потому, что ему-то, нанесшему Советскому Союзу немало вреда, генетически ярому русофобу, злобному антисоветчику, бывшему сотруднику крайне враждебно действовавшей в 1930-е гг. против СССР польской разведки совершенно не с руки было писать что-либо даже косвенно в пользу Сталина. Тем более после его смерти. Тем более в Америке, да еще и в самый разгар холодной войны и той бесовской вакханалии, что разыгралась вокруг этой фальшивки. Однако он пошел на такой шаг явно только потому, что привык в разведке исходить из объективных, проверенных данных, а не из слухов. Даже если речь идет о противнике.

Как видите, данные Николаевского, Валентинова-Вольского и Р. Врага, не говоря уже о проведенном выше анализе, — совпадают. Конечно, как сотрудник спецслужб, Р. Врага знал больше них. И вполне естественно, что он воспользовался своими прежними знаниями. По его свидетельству, эта кучка эмигрантов была связана с **«Братством Русской Правды»** в Прибалтике и **«Союзом Русских Фашистов»** на Дальнем Востоке. А это уже ответ на вопрос — **«откуда ветер дует»**. Дело в том, что за белоэмигрантской организацией **«Братство Русской Правды»** еще с 1920-х гг. числилось громадное количество всевозможных дезинформационных акций и антисоветских фальшивок. Это была целая «фабрика», которая целенаправленно специализировалась, образно выражаясь, на изготовлении и распространении «подметных писем». Проще говоря — фальшивок, чем в эмиграции занимались многие[1]. Практически все эти фальсификаторы состояли

[1] Таких «фабрик» в эмиграции было немало: в Берлине — Дружеловского, в Вене — Якубовича, в Лондоне — Синклтона, в Китае — Кедроливанского и т.д.

на службе у разведок стран проживания, а многие умудрялись быть «многостаночниками» — служили разведкам сразу нескольких государств. Более того, все они, как правило, были тесно связаны с влиятельными политическими кругами стран проживания, от которых получали соответствующие заказы и которым поставляли необходимые «документы». Однако наиболее заметной, активной и скандальной среди этих «фабрик» фальшивок как раз и была упомянутая выше контора под названием **«Братство Русской Правды»** во главе с Владимиром Григорьевичем Орловым.

Орлов Владимир Григорьевич, 1882—1941 гг. Действительный статский советник, следователь по особо важным делам при штабе Западного фронта в период Первой мировой войны, один из сильнейших русских контрразведчиков той поры, а впоследствии и разведчик. В царской России вел расследование таких громких дел, как дело о предательстве военного министра Сухомлинова, дело о шпионаже жандармского полковника Мясоедова, дела ряда петербургских банкиров-сахарозаводчиков, работавших в пользу Германии, и т.д. После октябрьского переворота 1917 г. по заданию генерала Алексеева некоторое время работал в комиссии по уголовным делам ВЧК, где спокойно уживался непосредственно «под крылом» самого Ф.Э.Дзержинского, дело которого весьма обходительно вел еще до 1917 года. Одновременно занимался военным и политическим шпионажем в пользу стран Антанты и кайзеровской Германии. Оказавшись вынужденным покинуть Россию, нашел свое призвание в создании уникального архива, в котором были сосредоточены досье на многих деятелей советского государства, партийных функционеров, сотрудников Коминтерна по всей Европе, Америке и Азии, дипломатов, разведчиков системы ИНО ОГПУ-НКВД и Разведывательного Управления РККА. Кроме того, в его архиве было громадное количество различных, в том числе и документальных, данных дореволюционного периода.

Обладая таким уникальным архивом, Орлов по заказам различных разведок и политических кругов зарубежных стран изготавливал всевозможные фальшивки и слыл непревзойденным мастером по этой части. Особенно по части антисо-

ветских и антикоммунистических фальшивок. ОГПУ-НКВД достоверно было известно, что Орлов тесно связан с английской, французской и германской военными разведками и выполняет их заказы. Кстати говоря, такими же данными располагала и французская разведка, материалы которой попали в руки советских разведчиков. Впоследствии стал сотрудничать также и с польской разведкой. Его основная специализация в эмиграции — изготовление фальшивок. Любопытно, что в эмиграции прекрасно понимали, почему он пошел на это. Известный в кругах русской эмиграции Берлина С. Боткин как-то написал председателю совещания бывших русских послов М. Гирсу: **«К сожалению, с Орловым случилось то, что часто бывает с тайными агентами, — не имея возможности, отчасти из-за отсутствия материальных средств, добывать верный материал, он стал доставлять сведения, основанные на непроверенных слухах, а, в конце концов, уже под влиянием денежной нужды, он ступил на скользкий путь... фабрикации фальшивых документов».** Орлов слыл очень умным, изворотливым, ловким и бывалым человеком, прошедшим огонь, воду и медные трубы, беззастенчивым в способах и приемах разведки, чрезвычайно осторожным и недоверчивым. Тем не менее советской разведке удалось внедрить в его ближайшее окружение свою агентуру и разведчиков и точно знать, что творится на его «фабрике» фальшивок, а кое-что — в виде нескольких громадных чемоданов, набитых всевозможными документами, даже сфотографировать.

Ну, а теперь самое главное. В том виде, в каком она появилась в Европе 1930-х гг., фальшивка была изготовлена на «фабрике» Орлова. Заказчиком был непосредственно Троцкий, хотя он действовал не только через подставных лиц, но и при содействии западных спецслужб, главным образом британской разведки. Однако «бес», как всегда, не учел, что следы всех его преступлений остаются, даже если он считает, что никаких следов нет. Помните, чуть выше, когда речь зашла о якобы имевшем место аресте Сталина в апреле 1906 г., было указано, что именно в этом пункте появляется конец **«нити Ариадны»,** позволяющей выйти на непосредственного заказчика этой фальшивки. Дело в том, что Троцкий был единствен-

ным за рубежом злобным антисоветчиком и антисталинистом, кто пустил в ход ложный слух о якобы имевшем место аресте Сталина в апреле 1906 года. Соответственно Орлов изготовлял фальшивку «по сюжету» заказчика. И если продолжить наш анализ, то мы увидим, что в конце 1920-х — в начале 1930-х гг. дела Орлова сильно пошатнулись —• советская разведка нанесла ему тогда очень сильный удар, после которого его попросту выперли из Германии. Естественно, что он был рад любому заказу, с любым «сюжетом».

Но почему именно Троцкий заказчик? Дело в том, что в этой истории фигурирует диапазон времени ее появления на информационном рынке грязных слухов и сплетен от 1931 до 1934 г. А это, в свою очередь, точно совпадает с периодом резкой активизации Троцкого в попытках консолидации рядов всей антисталинской оппозиции[1]. В тот период он вожделенно ожидал очередной войны против России (СССР), в ходе которой, как ему грезилось, он сможет «почерпнуть смелости из слабости правительства». Более того, в 1934 г. Троцкий передал своим «соратникам» в СССР директиву о подготовке поражения Советского Союза в войне и государственного переворота, в ходе которого Сталин должен был быть физически ликвидирован. А для этого, как это и так понятно, необходимо хоть какое-то обоснование, как, впрочем, и для свержения. Кстати, именно из-за этого в это же самое время как за границей, так и в СССР с особой силой параллельно стал муссироваться слух о некой тяжелой болезни Сталина. «Бес» считал себя предусмотрительным подпольщиком — один вариант не пройдет, используем второй, второй не пройдет — шандарахнем третьим, который также имелся.

Однако «бес» считал, а Господь Бог располагал. Потому, естественно, «бес» и «обос.ся». Потому как фальшивку-то запустили в дело в 1937 г., когда и должен был состояться государственный переворот силами военных во главе с Тухачевским. Это **во-первых. Во-вторых,** вбросили ее сразу в ка-

[1] Кстати говоря, созданная по заказу Троцкого фальшивка имеет прямое отношение к самоубийству жены Сталина Н. Аллилуевой. В следующей книге об этом будет сказано отдельно.

налы германской и японской разведок, прямо в Германии и на Дальнем Востоке. Но ведь именно на них-то и делалась ставка заговорщиков, которые с подачи Троцкого согласились на территориальные уступки Германии и Японии в обмен на их помощь в осуществлении заговора. То есть по своему обыкновению Троцкий в очередной раз абсолютно ясно подтвердил как реальность заговора, так и реальность существовавших с этими враждебными тогда СССР государствами договоренностей оппозиции о помощи в обмен на территориальные уступки. А информации об этом у Сталина было хоть отбавляй.

Хуже того. Помните, что Николаевский указывал на то обстоятельство, что к нему кто-то обращался в середине 1930-х гг. с просьбой предать огласке «документик», да еще и со своими комментариями авторитетнейшего в кругах русской эмиграции ученого-историка. Едва ли окажется столь уж затруднительным согласиться с тем утверждением, что с такой просьбой мог обратиться лишь только весьма близкий к Николаевскому человек, имя которого впоследствии он так и не назвал. Более того, поскольку речь шла о компромате на Сталина, этим человеком должен был быть только очень хорошо известный Николаевскому оппозиционер, причем из числа лидеров антисталинской оппозиции. Конечно, жаль, что Николаевский не назвал имя этого человека. Но, опять-таки, не беда. Поскольку именно так все и было, то мы можем смело и категорично утверждать, что этим самым близким к Николаевскому человеком был... **Коля Балаболкин, он же Николай Иванович Бухарин — один из лидеров антисталинской оппозиции.**

В середине 1930-х гг. из состоявших в оппозиции Сталину, но близких к Николаевскому людей в Париж приезжал только Н.И. Бухарин — в конце февраля 1936 г. Сталин отправил его туда, чтобы договориться с лидерами европейской социал-демократии о выкупе «взрывоопасных» архивов К. - Маркса и Ф. Энгельса. Бухарин, естественно, не только переговоры по этому вопросу вел, но и встречался со многими известными эмигрантами, в том числе и с Николаевским. И молол, и молол своим несносным языком без костей, ни в малейшей степени не отдавая себе отчета в том, что за ним

непрерывно ведется слежка, что русская эмиграция в Париже буквально нашпигована как агентурой Лубянки/так и многих иностранных разведок. Впрочем, Троцкий не зря обозвал его Коля Балаболкин — по способности болтать о чем угодно и сколько угодно, ни в малейшей степени не отдавая себе отчета о последствиях такой болтовни, Бухарина можно смело выдвигать на одну из страниц пресловутой Книги Гиннесса.

Именно Бухарин и обратился к Николаевскому с просьбой о предании гласности уже состряпанной фальшивки путем публикации ее в парижской, в том числе и в эмигрантской прессе со своими комментариями маститого ученого-историка. Дело втом, что Троцкий передал фотокопию фальшивки своим сторонникам в СССР. При аресте в ночь на 19 мая 1937 г. одного из подельников Тухачевского эта фотокопия была обнаружена во время обыска. Когда же после ареста Ежова был вскрыт его личный сейф, то там было обнаружено немалое количество досье с компроматом на многих членов ЦК, Политбюро и даже самого Сталина. В досье на последнего хранилась странная записка какого-то старого большевика, в которой высказывалось подозрение о якобы имевшей место в прошлом связи Сталина с царской охранкой. Там же была и фотокопия этой фальшивки. Вполне возможно, что это досье было как бы переходящее от Ягоды к Ежову «наследство». Аналогичные документы были найдены и в сейфе застрелившегося во избежание ареста Гамарника.

А то, что Бухарин обратился к Николаевскому именно в 1936 году — не случайность. Именно тогда активно завершалась работа над новой Конституцией СССР, против которой вся оппозиция резко протестовала, считая ее серьезным отступлением от «ленинизма, марксизма и коммунизма». Вся эта банда прибывших вместе с Лениным «подонков больших городов Европы и Америки» сугубо по шкурническим соображениям была настроена резко против введения в Конституцию 1936 года различных демократических, как они считали, «новшеств», прежде всего против прямых, всеобщих выборов при тайном голосовании. Потому как верно поняли, что Сталин решил мирным, подлинно демократическим путем провести крайне необходимую ротацию руководящих

кадров СССР, сплоченно-бандитское ядро которых составляли не способные на созидательный труд так называемые «ленинские гвардейцы». Потому что в случае принятия этой Конституции они лишились бы всех колоссальных привилегий, которые установили себе еще сразу после октябрьского переворота. Но самое главное, конечно же, в том, что они лишились бы власти. Вот и психовали из-за этого, обвиняя Сталина во всех смертных грехах, прежде всего в том, что-де его вариант Конституции открывает путь к постепенной реставрации буржуазного строя. А для такого случая фальшивка с обвинением в сотрудничестве с царской охранкой — в самый раз. Тут уж не просто любое лыко в строку — тут тютелька в тютельку выходило. Этой же акцией одновременно планировалось и дезавуирование советско-французского и советско-чехословацкого договоров 1935 г. о взаимопомощи в отражении агрессии, в отношении которых оппозиция была настроена решительно против еще на стадии переговоров о них.

Однако, на беду Балаболкина и Троцкого, Борис Иванович Николаевский оказался просто порядочным человеком и наотрез отказался это делать. Не в его правилах было опускаться до грязи фальшивок даже в отношении идейных противников. А он был крутым идейным противником Сталина. Правда, прежде всего он был просто порядочным человеком. Короче говоря, у оппозиции эта затея сорвалась. И вот после этого, не без содействия Троцкого, оппозиция и полезла одновременно к германской и японской разве^усам. Но и там приключился облом. Короче говоря, это продолжалось до тех пор, пока Троцкому не проломили череп альпенштоком. Только тогда возня вокруг этой фальшивки стихла. Кстати, небезынтересно отметить, что последний предвоенный всплеск этой возни был связан с советско-финляндской войной — на «беса» тогда опять «поставили », но тут ему благополучно череп-то и раскроили...

Самое интересное в грязной истории фальшивки то, что и в 1956 г. она получила немедленный и крайне жесткий отпор даже у профессиональных антисоветчиков-советологов Запада. Такие специалисты, как Дэвид Даллин, Бертрам Вольф,

Борис Суворин, М.Титтл, уже тогда, в 1956 г., то есть в прямом смысле прямо по горячим следам, в клочья разнесли глупейшую затею МИ-6 с научно-исторической точки зрения. Причем осуществили это столь квалифицированно, что и по сию-то пору невольно удивляешься. Тем не менее профессиональные советологи-антисоветчики — они и есть профессиональные советологи-антисоветчики. Тот же Д. Даллин завершил свое исследование абсолютно «естественным» для любого русофоба-антисоветчика выводом — «в отношении Сталина все сгодится и чем грязнее подозрение, тем больше оснований, что оно окажется правдивым». Печальной памяти доктор Геббельс, очевидно, возрадовался «успехам» Даллина, которые на самом-то деле были принципиальными установками Тавистокского института человеческих отношений — главного «мозгового центра» психологической войны против СССР и России.

Однако «гвоздем программы» всей вакханалии с этой фальшивкой, безусловно, стало выступление на страницах американской печати беглого предателя Орлова-Фельдбина. 23 апреля 1956 г. на страницах все того же влиятельнейшего в то время на Западе американского журнала «Лайф» была опубликована «сенсационная статья» под крикливым заголовком — «Сенсационная тайна осуждения Сталина». Ну, прямо-таки в русле Постановления XX съезда — «О культе личности Сталина и преодолении его последствий».

В статье утверждалось абсолютно то же самое, что чуть ранее в том же журнале ляпнул Дон-Левин. Разница была в выводах. Орлов-Фельдбин утверждал, что «документик» этот попал в руки заговорщиков группы Тухачевского, которые из-за этого-то и хотели свергнуть Сталина, но якобы вождь прознал об этом и упредил их, поставив заговорщиков к стенке. Воспользуюсь прекрасным приемом блистательного Александра Бушкова. Мне также неведомо, в каком состоянии беглый предатель писал эту статью, однако поскольку не просто написал, но и опубликовал, то, сами понимаете, «слово — не воробей, вылетело — не поймаешь»: ведь в итоге-то беглый предатель письменно да прилюдно подтвердил, что заговор действительно был!

EX-NKVD GENERAL IS FINALLY FREE TO DISCLOSE DEEDS SO SHOCKING REDS MUST DISOWN OLD IDOL

In the 1930s Alexander Orlov was one of the Soviet Union's highest ranking NKVD officers and with the late Andrei Vishinsky was a prosecutor at the Soviet Supreme Court. Just prior to his defection to the West in 1938, Orlov served as the Soviet's chief intelligence officer with the Loyalist forces during the Spanish civil war.

In 1953, in a series of articles in *Life*, later published in book form as *The Secret History of Stalin's Crimes*, Orlov for the first time revealed the background of the notorious purges and judicial frame-ups whereby the dictator consolidated on the country his personal rule by terror. The authenticity of Orlov's account has now been confirmed in many instances by no less an authority than Nikita Khrushchev speaking for the present leadership of the Soviet Union. But at that time Orlov did not dare—and he explains why on page 40—to disclose Stalin's greatest secret of all.

In this article Orlov discloses that secret and offers it as a cogent reason for the sensational turnabout of Russia's leaders in denouncing and downgrading Stalin.

by ALEXANDER ORLOV

IN the autumn of 1937, visiting Paris from my post in Spain, I ran into Paul Alliluyev, brother-in-law of Stalin and a friend of mine, at the Soviet pavilion of the International Exhibition. Sensing that he was deeply depressed and eager to tell someone his troubles, I arranged to meet Alliluyev the very same evening.

We walked along the Seine for a long time and ended up in an obscure little cafe. Our conversation ranged far and wide over the horrendous landscape of the blood purges then under way in the Soviet Union. At one point, quite naturally, I asked him what was behind the most spectacular single episode in the cruel events: the execution of Marshal Mikhail Tukhachevsky and other Red army marshals and generals.

Paul's eyes narrowed and he spoke slowly, evidently anxious that I take his words to heart. "Alexander," he said, "don't ever inquire about the Tukhachevsky affair. Knowing about it is like inhaling poison gas."

I wondered then—and again two years later, in New York, when I read the announcement of Paul's sudden but never explained death—how much of the poison gas [illegible]

to history as Stalin. It was a secret that obsessed Stalin's mind and spelled death for those whom he suspected of knowing it.

In my book, *The Secret History of Stalin's Crimes*, published in 1953, I declared that "when all the facts of the Tukhachevsky affair are disclosed, the world will realize that Stalin knew what he was doing. . . . I am making this assertion because I know from an absolutely unimpeachable and authoritative source that the case of Marshal Tukhachevsky was tied up with one of Stalin's most *horrible secrets* which, when disclosed, will throw light on many things that seemed so incomprehensible in Stalin's behavior."

Today the same disclosure will also throw a revealing light on the panicky behavior of Khrushchev and Co. as they hasten to disown Stalin's crimes and to demolish the myth of his greatness.

At the 20th Congress of the Soviet Communist party this February, Nikita Khrushchev astonished Russia and the world by declaring:

> Stalin had fabricated charges of treason against Marshal Mikhail Tukha-

Статья Орлова в журнале "Лайф"

Здесь важно время публикации и кто автор. Суть фактора времени в том, что она состоялась в прямом смысле по итогам постановления XX съезда КПСС и вдогонку фальшивке Дон-Левина. Вывод же специфического характера также не нов — чистейшей воды операция британской разведки: **уж слишком точно по времени рассчитаны ходы.** А вот весь смысл этого расчета заключался в фамилии и прежнем статусе автора — бежавшего в 1938 г. на Запад бывшего резидента НКВД в Испании и одновременно полномочного представителя НКВД при республиканском правительстве Испании Александра Орлова, а в действительности-то Лейбы Лазаревича Фельдбина.

Об этом уже только самим фактом своего бегства нанесшем колоссальный ущерб предателе ныне известно очень мно-

го, особенно благодаря талантливой книге **«Роковые иллюзии»** Олега Царева и Джона Костелло. Парадоксально, но факт, что именно Орлов-Фельдбин стал наиболее востребованным объектом для «героизации» всех этих предателей и изменников Родины довоенного периода. И этот тоже преподносится как «борец со сталинизмом», которого, кстати говоря, не видывал и в помине, потому как, с одной стороны, долгое время был в фаворе у самого Сталина, пребывал на больших постах, с другой же — большую часть времени до побега провел в загранкомандировках.

Но что бы ни говорили продажные СМИ, что бы ни утверждалось в различного рода писаниях в оправдание его предательства, в высшей степени справедлива и объективна лишь одна точка зрения. Она изложена в мемуарах действительно выдающегося аса советской нелегальной разведки, ныне покойного генерала П.А. Судоплатова. Ее суть очень проста, ибо это и есть Подлинная Правда: Рейсе, Кривицкий, Орлов и им подобные были, есть да так и останутся в истории только как предатели! Потому что генеральным лейтмотивом их предательства было категорически враждебное неприятие восстановления великого и могучего русского государства, пускай и носившего тогда название Советский Союз. На жаргоне этих подонков-предателей подобная «позиция» называлась «Назад, к Ленину!», в чем, кстати говоря, они были абсолютно правы — «вождю мирового пролетариата» Владимиру Ильичу Ульянову-Ленину на самом деле было наплевать на Россию, о чем он сам же не раз говорил. Еще в первом разделе было четко показано, что скрывалось за этим преступным лозунгом, который в общем-то и привел СССР к развалу уже во времена Горбачева, хотя начало было положено еще лысой тварью Хрущевым.

Именно это самое **«Назад, к Ленину!»** и привело их всех, как и самого «вождя мирового пролетариата», а также их собственного кумира — Троцкого, к безудержному воровству народного достояния, в том числе и денежных средств. За одним только Ильичом числится столько, что и сотни смертных приговоров ему было бы мало. Что же до этих предателей, то извольте: Рейсе перед побегом украл, Кривицкий — украл,

Орлов — украл, Троцкий в изгнании жил в основном на сворованные из СССР деньги. Его сообщники воровали по очень хорошо знакомой ныне схеме «отката». Обычно это делалось по линии Внешторга — при заведомо завышенных суммах различных сделок. И это называлось и до сих пор называется «борьбой со сталинизмом»!? К слову сказать, все нынешние «борцы с тоталитаризмом», не говоря уже о «демократах», — такие же, не знающие удержу банальные воры! Сталин таких расстреливал — потому и плохой для всей этой сволочи.

Дело в том, что за три года до этого — в 1953 г., то есть в самом прямом смысле сразу после смерти Сталина, Лейба Лазаревич вдруг вылез из глубокой тени нелегальщины и начал публиковать в том же «Лайфе» серию статей, из которых затем была составлена его книга **«Тайная история сталинских преступлений».** Кстати говоря, обратите внимание на «почерк» — ведь опять двадцать пять: сначала публикация серии статей, затем книга. А это «фирменный почерк» британской разведки.

Естественно, что ФБР и ЦРУ пришли в бешенство от такой 15-летней наглости, но тем не менее ничего поделать не могли. Более десяти лет они безуспешно допрашивали Орлова, но тот лихо потчевал их тщательно продуманными и гладкими историями, которые точно совпадали с тем, что он изобразил на бумаге в качестве мемуаров.

Между тем в истории появления журнального варианта по-прежнему без ответа остается главный вопрос: почему, откуда такая ювелирная приуроченность к смерти Сталина?! Несмотря на якобы видимую простоту ответа, желательно не спешить — дело в том, что и статьи, и составленная на их основе книга отличаются исключительной осторожностью и продуманностью, тонким искусством обхода наиболее острых углов.

И хотя известно, что Орлов обладал неплохими журналистскими задатками, такая исключительная продуманность и осторожность содержания статей и книги оставляют впечатление тщательной заблаговременной работы, тем более что любые очень осторожные выражения на английском языке связаны с очень тонким знанием самого языка. Орлов англий-

ский язык знал, но не настолько, чтобы густо пересыпать текст своих статей и книги слишком осторожными выражениями на английском языке, которые, подчеркиваю, требуют очень глубокого знания самого языка. И в таком случае сразу же возникает вопрос, а с какой стати Орлов заблаговременно уселся писать свои мемуары? Более того, в связи с чем он был уверен в том, что их непременно опубликуют и что такой шумный и крайне оскорбительный для американских спецслужб выход из тени 15-летней нелегальщины ни к каким серьезным последствиям не приведет?! Кто вдохновил его, очень осторожного профессионала, на такие не только вызывающие, но и, подчеркиваю это вновь, крайне оскорбительные для спецслужб США «подвиги»?! Наконец, откуда такое знание английского языка?!

Как ни парадоксально, но истинное направление поиска указывает наименее интересная и наиболее неточная глава его книги, которая была посвящена делу Тухачевского. Особенно же заключение этой главы, в котором он написал загадочную, по состоянию на 1953 г., фразу: «Когда станут известны все факты, связанные с делом Тухачевского, мир поймет: Сталин знал, что делает». И указывает вот на что. Если сопоставить с тем, что он же опубликовал 18/23 апреля **1956** г., то на естественный в таком случае вопрос о том, «кто и что предопределили, что настал тот момент, когда должны стать известными все факты, связанные с делом Тухачевского», ответ оказывается автоматически предопределенным. Такое решение приняла британская разведка, предварительно проконсультировавшись с руководством ЦРУ! Только она могла договориться с коллегами в ЦРУ и ФБР о том, что они повозмущаются наглостью Орлова-Фельдбина, но ничего сурового в его отношении не предпримут. И в таком случае он ответит на интересующие их вопросы. Что и произошло.

Остается только добавить, что и в его изложении вся эта фальшивка ясно свидетельствует о неизменном «родовом» проклятии британской разведки — ее «почерке». Опять одни «трупы» в качестве источников его информации, опять исключительная непроверяемость сообщенных им сведений, короче говоря, опять «О.Б.С.» — **«одна баба** сказала». А все

дело в том, что в качестве легенды, объясняющей, откуда у него такие сведения, Орлов всем на уши навешал следующую «лапшу»: что-де, готовясь к очередным процессам, Сталин якобы приказал НКВД «нарыть» на старых большевиков дополнительные материалы, уличающие их в сотрудничестве с царской охранкой. Однако кристально честные «интернационалисты»-костоломы с Лубянки то ли по недомыслию, то ли по недоразумению якобы наткнулись на документы, уличающие в том самого Сталина. Ну и тут же давай заговор с военными стряпать — ну не может «стукач» царской охранки возглавлять их славный Союз, который они уже наметили по кускам распродать Германии и Японии, попутно торгуясь также и с Англией и даже Францией! Ну, и вояки рады стараться — вот и конкретный повод для давно подготавливавшегося государственного переворота! Как же без повода-то?! Но Сталин, мол, оказался проворней, прознал про их темные замыслы и всех без разбору к стеночке-то и прислонил. Навсегда.

А сам «интернационалист»-костолом Испанской Республики узнал о страшенном компромате на товарища Сталина от своего родственничка — двоюродного брата, некоего Зиновия Борисовича Кацнельсона — того, что ГУЛАГом заведовал. И до того этого «интернационалиста»-костолома поразило сие известие о том, что-де Сталин «стучал» царской охранке, что с перепугу-то «добрейшей души» костолом Зиновий Кацнельсон рванул прямо в стольный град Париж, где к тому времени Лейба Лазаревич Фельдбин предусмотрительно и весь во внимании устроился на больничной койке, дабы выслушать страшную сказку и затем начать подготовку к побегу. Только вот одного понять не могу — когда Зиновий Кацнельсон умудрился смотаться в Париж и вернуться на родную Лубянку дабы буйную головушку-то сложить?! Начальником ГУЛАГа он сделался в апреле 1937 г., до этого в течение трех лет был заместителем наркома внутренних дел Украинской ССР. Там его ох как помнят...

Фельдбин впоследствии утверждал, что З. Кацнельсон приезжал в Париж, чтобы встретиться с какими-то двумя агентами. Но заместители наркома внутренних дел союзных республик по заграницам не мотались ради встреч с закордон-

ными агентами. Для этого есть разведка и ее сотрудники. А З.Б. Кацнельсон еще в октябре 1922 г. лично Лениным был расшифрован перед Западом как руководящий сотрудник советских органов безопасности — «гроза капиталистов, империалистов, нэпманов и концессионеров», потому как возглавлял Экономическое управление ГПУ. Да и как замнаркома внутренних дел Украины он широко был известен, а уж внешность его такова была, что о выезде за границу и говорить-то не приходилось, — выскобленная до зеркального блеска голова, квадратные усики «под Котовского», в общем, классический образец «интернационалиста»-костолома тех лет. Здесь фото. Нигде, ни в одной из книг, в том числе и справочного типа, нет ни малейшего намека на то, что в начале 1937 г. З.Б. - Кацнельсон выезжал в Париж. В том числе и в его личном деле. А ведь братец-то его двоюродный лежал в парижской больнице аккурат в середине февраля 1937 года. Кстати говоря, и сам факт его пребывания в парижской больнице вызывает немало вопросов.

Так, 14 февраля он из больницы написал письмо Ежову, в котором указывает, что пишет, лежа на спине! Странное дело, полномочный представитель НКВД СССР при республиканском правительстве Испании, резидент советской разведки в этой стране вдруг ломает ногу — конечно, от этого никто не застрахован, но все же не пешком же он ходил по Мадриду, чтобы шлепнуться на ровном месте, где практически не бывает гололеда, да так поломать ногу, что только в Париже ее можно было бы вылечить! Почему это произошло после того, как он сам лично отправил золотой запас Испании в СССР? Почему надо было писать наркому внутренних дел Ежову о том, что он пишет это письмо, лежа на спине? Ведь в таком случае получается, что Ежов не знал, что его полномочный представитель в Испании поломал ногу и лежит в больнице в другой стране? Иначе зачем такая специальная оговорка. А если Ежов не знал об этом, то, извините, что прикажете думать по этому поводу? Полномочный представитель НКВД СССР в Испании, резидент советской разведки ломает ногу, из Испании переезжает во Францию и только оттуда дает знать своему руководству, что изволил сломать ногу и лежит в парижс-

кой больнице! Ведь получается-то, что он выехал из Испании без ведома Центра, а это по определению грубейшее нарушение дисциплины и всех правил разведки — резидент может покинуть свой пост только при наличии прямой письменной санкции Центра!

Так вот и спрашивается, какого черта его понесло во Францию без санкции Центра? И не тогда ли он начал готовить маршрут ухода на Запад? Ведь как удобно — лежишь якобы в больнице и делай, что хочешь, тем более что во Франции он до этого работал нелегалом и страну, тем более Париж, прекрасно знал. Ирония, конечно, иронией, но ведь именно так Лейба Лазаревич Фельдбин (он же Орлов Александр Михайлович) все и представил «прогрессивному демократическому общественному мнению» Запада.

Однако как бы там ни было, для нас самое главное заключается в том, что хотя и крайне осторожно, но Орлов-Фельдбин признал, что военно-политический заговор во главе с Тухачевским действительно имел место быть! А то, что он попытался его **«облагородить»** вымышленными несусветными глупостями, так, извините, но он сам десятилетия спустя с гордостью хвастался посланнику Андропова, что **«овладел искусством ловко соединять факты с вводящим в заблуждение вымыслом».** Этот способ он усвоил еще в самом начале своей карьеры, когда узнал, что дезинформация может быть весьма эффективным оружием — как наступательным, так и оборонительным.

Казалось бы, на сем и точку можно поставить в анализе этой грязной истории, но, увы, не получится. Уж слишком много вреда принесли все эти фальшивки, чтобы обойтись с ними интеллигентно. Тут без хорошего русского **«осинового кола» — ну никак нельзя.** Тем более что подлинная история именно этой фальшивки — превосходная иллюстрация не только **«родового проклятия»** британской разведки, сиречь ее **«почерка»,** но и **«почерка»** самого Троцкого в подрывной деятельности против СССР и России.

Итак, начнем постепенно. Круг источников получения «дохлятины» пройдоха Дон-Левин почему-то «замкнул» на неких представителях русской эмиграции в Китае Головачеве

и Руссиянове. А это что за «фрукты»?! Извольте полюбопытствовать. Михаил то ли Дмитриевич, то ли Петрович — в разных трудах его по-разному величают — **Головачев,** юрист, близкий Ленину человек, агент ЧК во время Гражданской войны. Затем был назначен Лениным помощником министра иностранных дел в правительстве Дальневосточной Республики — была такая «контора» на Дальнем Востоке в период 1920—1922 гг. После установления советской власти на Дальнем Востоке бежал в Китай. Якобы сотрудничал с советской разведкой в Шанхае[1]. В 1934 г. почему-то специально переехал в японскую зону оккупации Китая. В кругах русской эмиграции в Китае Головачев считался «темной лошадкой», создавал всевозможные издательства, поддерживал связи с эмигрантскими газетами. Напоминаю, что тогда и в Китае существовала отдельная «фабрика» по изготовлению различных антисоветских фальшивок. В1948 г. получил в высшей степени приличную аттестацию от французского консула в Шанхае для переезда в США. За что и зачем — непонятно. Особенно, если учесть, что переехал он в 1946 году.

Но вот ведь какое дело-то — в правительстве этой самой Дальневосточной Республики военными делами заправляли основные в будущем персонажи военно-политического заговора: **Уборевич, Блюхер, Фельдман и другие.** Это **во-первых. Во-вторых,** в 1930-х гг. фальшивка ведь выползла одновременно и в Европе, и на Дальнем Востоке. То есть выходит, что заговорщики воспользовались старыми связями и каналами разведки для того, чтобы запустить фальшивку и на Дальнем Востоке, подсунув ее японской разведке. Едва ли будет столь уж обременительно согласиться с этим. Со слов Дон-Левина, Головачев якобы объяснил ему, что-де компрометирующий Сталина «документик» он получил от некоего жандармского офицера **Руссиянова.** А этот «фрукт» — **Виктор Николаевич Руссиянов** — в свое время в чине поручика был помощником у упоминавшегося выше ротмистра Железнякова, которого в

[1] М.Д. Головачев послужил прототипом юриста Комаровского в романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго», соблазнителя героини романа Лары.

октябре 1915 г. и в звании уже ротмистра сменил на посту начальника Енисейского розыскного пункта. Трудно понять, как у Руссиянова могли сохраниться какие-либо компрометирующие именно Сталина как Сталина документы, — то есть почему персонально на него, а не на других ссыльных тоже. Не говоря уже о том, что приписывать Руссиянову какую бы то ни было прозорливость просто смешно, потому как в первые дни после этой самой «революции» он был арестован как раз в момент сжигания документов охранки! Причем арестовывал его именно же Борис Иванович Николаевский. Он был избран тогда городским главой Енисейска от фракции меньшевиков. Судя по всему, обращавшийся впоследствии к Николаевскому Бухарин кем-то был просвещен на этот счет, ибо сам он знать этого не мог — в момент Февральской революции он был в Америке. В итоге получается, что его просьба к Николаевскому предать гласности фальшивку со своими комментариями основывалась на учете факта достоверности знания Николаевским Руссиянова, что придало бы фальшивке и его комментариям дополнительный вес. Но Николаевский наотрез отказался это делать.

Руссиянова освободили во времена Колчака, вместе с которым он воевал, дослужившись до звания полковника в его армии, а после разгрома непосредственно состоявшего на службе у британского короля марионеточного адмирала дал деру в Китай, где проживал в Шанхае и работал шофером в американской семье. Внезапно скончался в 1938 г. Впоследствии, после установления коммунистической власти в Китае, его сын смылся в Австралию. И именно из Австралии он и прислал Дон-Левину аж целый пакет с компрометирующими Сталина «документиками»! И тут же возникает ряд убийственных для фальсификаторов вопросов. Если фальшивку как якобы подлинный документ запускали в дело еще в 1930-х гг., то как у сынка бывшего жандарма мог сохраниться аж целый пакет с тем же компроматом на Сталина?! Про запас, что ли?! Ведь если, как эти негодяи утверждали, «документик» был подлинный, то откуда взялась копия-то, ведь его же пытались всучить германской, японской, французской и румынской разведкам, и что, всякий раз это был подлинник?! Да еще

и размножившийся в дополнительных «документиках»?! Откуда какой-то занюханный сынок какого-то задрипанного шофера в какой-то американской семье Шанхая мог знать о проживающем в США пройдохе Дон-Аевине, да еще, будучи в Австралии, сообразить, что сей пакет с «документиками» надо непременно послать именно ему?! И непременно же в 1947 г.?! До того ли было этим эмигрантам, едва только переселившимся в Австралию?! У них столько обыденных проблем было в тот момент, что думать о компрометации Сталина в первые послевоенные годы, мягко выражаясь, им было не с руки!

И вот теперь мы подошли к самому главному в истории этой грязной фальшивки. Но прежде всего отмечу, что мне и по сей день не ведомо, в каком состоянии многие зоологические антисталинисты пишут свои опусы, однако с ними со всеми происходит одно и то же — все без какой-либо надобности и принуждения выбалтывают такую смертельную для их лжи правду, что просто грех этим не воспользоваться. Итак* по литературе до сих пор гуляет совершенно идиотская байка о том, что-де незадолго до своей смерти основатель ВЧК Ф.Э Дзержинский заполучил аж целую папку с документами, якобы доказывающими, что Сталин был шпионом охранки!? Что он передал их одному из «ленинских гвардейцев» М.П. Томскому (упоминается также и фамилия еще одного оппозиционера — Н.А. Угланова), а тот передал их К.Е. Ворошилову.

Как известно, Дзержинский внезапно скончался в 1926 г. Но ведь это же год начала поступления первых сигналов из-за границы о начавшей формироваться в СССР какой-то военной партии во главе с Тухачевским. Это ведь год, когда ОГПУ впервые выделило в отдельное производство агентурно-наблюдательное дело на Тухачевского. Более того, это год, когда состоялся нелегальный «визит» Троцкого в Германию. Да Дзержинского на тот свет спровадили не без усилий людей Троцкого. Вы думаете, что все это случайность?! Не собираюсь навязывать свое мнение. Лучше внемлите следующим фактам.

Одни «знатоки» антисталинизма нагло, но совершенно беспочвенно увязывают воедино внезапную смерть Дзержинского и факт получения им компрометирующих Сталина дан-

ных. Другие «знатоки» с не меньшим апломбом утверждают, что Дзержинский передал эту папку Томскому (Угланову), а тот — Ворошилову. Но никто не утруждает при этом собственные мозги хотя бы попыткой объяснения того непреложного факта, что Томский выжил до 1937 г. и сам застрелился, Ворошилов — и вовсе с почетом дожил до почетных похорон в конце 60-х гг., пережив Сталина. И в то же время заклятые «конкуренты» первых утверждают, что папка с компроматом на Сталина была обнаружена заместителем начальника Секретно-политического отдела ОГПУ неким Рабиновичем, без указания имени и отчества, при разборе документов в бывшем кабинете Дзержинского. Во-первых, это просто невообразимая глупость по определению. В то время уже действовали очень строгие правила сбора и комплектования архивов, в том числе и посмертных архивных фондов старых большевиков. И едва только Дзержинский скончался, его кабинет и сейф были опечатаны, а после похорон соответствующая комиссия произвела опись и составила единый архивный фонд Дзержинского, который и поступил на хранение в государственный архив. То, что относилось сугубо к компетенции Лубянки, осталось на Лубянке ввиду режима секретности, более того, попало сразу в Особый архив. Соответственно ни один «козел» не мог разбирать документы в бывшем кабинете Дзержинского спустя три года после его смерти. Тем более что в списках заместителей СПО ОГПУ по состоянию на 1929 г. никакого Рабиновича не значится. Зато в соответствии с приказом по ОГПУ № 35 от 27 января 1930 г. на всю контору прогремел уполномоченный ОГПУ некий Борис Рабинович. Согласно этому приказу, на тот момент он уже два года как систематически сообщал подпольной троцкистской организации обо всех предстоящих операциях чекистов против нее. Проще говоря, «сливал» секретную информацию. Более того, оказалось, что этого Б. Рабиновича подпольная троцкистская организация специально внедрила в органы госбезопасности.

Как правило, неустановленного Рабиновича, который якобы копался в бывшем кабинете Дзержинского, увязывают с делом Якова Блюмкина, которого расстреляли 3 ноября 1929 г. якобы из-за того, что-де он должен был вывезти эту

самую папку за рубеж. По времени расстрела Я. Блюмкина и Б. Рабиновича волей-неволей приходится их увязывать. И вот тут приходится говорить уже о самом деле Блюмкина. Находясь за границей как разведчик-нелегал, вопреки всем правилам конспирации и даже элементарной осторожности, этот известный авантюрист встретился в Турции с недавно высланными из СССР Троцким и его сыном. В СССР возвратился то ли с письмом от Троцкого, что мало чего объясняет, то ли с каким-то серьезным поручением от «беса». Учитывая же, что он, Блюмкин, мужик бывалый и далеко не трус, откровенно запаниковал, лишь вернувшись в Союз, выходит, что сути этого поручения он не знал или как минимум не полностью знал. Но когда узнал, то действительно откровенно струсил и запаниковал. А что могло послужить причиной для такой паники?! И что могло послужить причиной для беспрецедентно скорой расправы над Блюмкиным — ордер на его арест был выписан лично Ягодой 31 октября, а к стенке его поставили уже 3 ноября 1929 г., да к тому же по решению Коллегии ОГПУ?! Более того, протоколы его допросов были посвящены такой ерунде, что даже стыдно об этом писать. Разведчик-нелегал встретился с высланным из страны ярым врагом советской власти, а руководство ОГПУ устраивает профанацию допросов и тут же расстреливает человека, которого надо было допрашивать денно и нощно. Так что же произошло?!

Как это ни парадоксально, ответ дал Александр Федорович Керенский. Именно в октябре 1929 г. редактируемая им парижская эмигрантская газета «Дни» опубликовала сообщение, что будто бы лидеры «правой оппозиции» М.П. Томский и Н.А. Угланов располагали документами, компрометирующими революционную карьеру И.В. Сталина! То есть выходит, что уже тогда началась подготовительная фаза операции по массированной компрометации Сталина в целях его свержения. Ведь это время первой пятилетки, коллективизации и особых трудностей, стоявших на пути социалистических преобразований СССР, против которых «бес» выступал со всей присущей ему яростью. Не хватало лишь самого компромата. А для его изготовления не хватало образцов. И, судя по всему, Блюмкин и должен был вывезти образцы, которые

подобрал ему Б. Рабинович, роясь в архивах. От этого точно запаникуешь. Блюмкин и запаниковал, едва только узнал, что конкретно он должен был вывезти при очередном выезде за границу. В таком случае понятна и чрезмерная торопливость Ягоды с расстрелом Блюмкина, и бессмысленная болтология в официальных протоколах допросов Якова. От такого подследственного Ягода избавился самым коротким способом — расстрелял. Обычно расстрелы Б. Рабиновича и Я. Блюмкина списывают на произвол Сталина. Но, прежде всего, нет никаких свидетельств, что Сталин знал, например, о деле Б. Рабиновича. О деле Блюмкина знал. Более того, в то время Иосиф Виссарионович еще не был для Лубянки абсолютно непререкаемым авторитетом и полновластным хозяином. И, наконец, едва только он узнал о столь скором расстреле Блюмкина, то был до крайности поражен и изумлен. Потому как такого поворота он не ожидал, а рассчитывал на серьезное расследование. Кстати говоря, не случайно, что именно с того времени у него стали подспудно формироваться подозрения в отношении честности Ягоды.

Лейба Лазаревич Фельдбин использовал тот же штамп. По его версии, выходило, что тот самый некий Штейн в 1936 году рылся в бывшем кабинете В.Р. Менжинского и там, видите ли, повторно обнаружил якобы ту же самую папку с якобы компрометирующими Сталина документами!? Естественно, что и его версия тупа до последней тени последней запятой. Почему — выше уже было разъяснено. Кабинет и сейф, а также все личные и служебные бумаги Менжинского после его смерти были сразу же опечатаны, а после похорон разобраны и определены на хранение. Что-то осталось на Лубянке, что-то было передано в центральный архив, что-то в архив Октябрьской революции и т.д. Никакого запертого кабинета Менжинского с неразобранными документами на Лубянке не было и в помине. Это не могло быть по определению. Тем не менее этой совершенно идиотской версией пользуются до сих пор, в том числе, естественно, и за рубежом. Ну хоть бы немного подумали насчет следующего. Как мог Сталин оставить эту папку в живых, если она, как эти идиоты утверждают, была обнаружена еще в 1929 г., за что несчастного, но

неизвестного Рабиновича к стенке поставили?! Что, специально ее засунул в закрытый кабинет Менжинского после его смерти, чтобы какой-нибудь «козел» спустя два года ее вновь обнаружил?!

Однако вернемся к удивительному совпадению по времени между публикацией Керенского и арестами Блюмкина и Рабиновича и их последующими расстрелами. В 1929 году Лубянка нанесла чрезвычайно сильный удар по упоминавшемуся выше «королю фальшивок» Орлову. На время он оказался парализован в своей деятельности по изготовлению фальшивок. Более того, судя по всему, у него и не было образцов документов и подписей тех подразделений охранки и ее офицеров, которые действовали за Уралом, в Сибири. Ведь сам Орлов все время вертелся на европейской части России. А фальшивку почему-то хотели привязать к дальневосточному контингенту русской эмиграции. Почему? Ответ достаточно прост. **Во-первых,** потому, что к концу 1920-х гг. уже было известно, что в архивах Лубянки нет архива ни Енисейского охранного отделения, ни тем более Енисейского розыскного пункта. При изготовлении фальшивок все исходят из одного и того же правила — насколько возможно максимально не дать проявиться даже тени намека на возможность проверки. Ссылка же на какой-то задрипанный розыскной пункт — в самый раз. **Во-вторых,** подавляющая часть жандармских и полицейских чинов, что накануне революции служили в различных подразделениях охранки за Уралом и в Сибири, смылись как раз в Китай, где и проживал ничего не ведавший В.Н. Руссиянов, бывший начальник Енисейского розыскного пункта.

В-третьих, именно там, **в** Китае, британская разведка располагала одним из искуснейших в среде русской эмиграции фальсификаторов, бывшим генералом Кедроливанским. «Фрукт», надо сказать, еще тот. Формально В.М. Кедроливанский являлся детективом шанхайской полиции и, к слову сказать, по отзывам знавших его лиц, был очень даже неплохим сыщиком. Однако более всего он служил британской разведке в Шанхае по части изготовления провокационных фальшивок против советских учреждений, которые затем запус-

кались в дело. Ни одна провокация против советских учреждений в Китае в 1920-х — 1930-х гг. не обходилась без его участия. Более всего он специализировался на подделках документов. Особо он развернулся в то самое время, когда в Китай прибыл новый британский посол в ранге заместителя министра иностранных дел по разведке, непосредственный организатор англо-германской секретной конференции в июле 1926 г., на которой было выработано решение о нападении на СССР консолидированными силами Запада при участии Германии, Майлз Локкер-Лэмпсон. Но вот ведь какое странное совпадение. Одновременно с М. Локкер-Лэмпсоном в Китай в качестве резидента ИНО ОГПУ прибыл и нелегально выезжавший вместе с Троцким в Германию в 1926 г. высокопоставленный сотрудник советской разведки Исидор Вольфович Мильграм. Далее странностей еще больше. Именно на период их пребывания в Китае приходится серия крупных антисоветских акций британской разведки, осуществлявшаяся руками китайской полиции. На этот же период приходится и кровавая резня китайских коммунистов, устроенная Чан Кайши в упреждение китайской революции. И с этого же периода времени в кругах русской эмиграции по всему миру начинается пока еще глухая болтовня о том, что будто бы в революционном прошлом Сталина имеются какие-то «темные страницы». Почему такое уникальное совпадение должно было приключиться?! Тем более, как оно и выходит в реальности, в развитие уже упомянутых выше совпадений.

Конечно, возможно, и не было бы никакой нужды заострять на этом внимание, если бы не следующие обстоятельства. Как уже отмечалось выше, **Р.Врага** указал на то, что в 30-х гг. фальшивкой оперировали эмигранты, связанные с **«Союзом Русских Фашистов» на Дальнем Востоке. Но вот ведь какая штука — В.М.Кедроливанский являлся членом этого союза.** Более того. Р. Врага указал, что в 1937 г. фальшивку пытались «впарить» японской разведке. **Но и тут удивительное совпадение.** В.М. Кедроливанский одновременно был очень тесно связан с японским генеральным консульством в Шанхае и выполнял различные политические поручения японской разведки, действовавшей под дипломатическим прикры-

тием. Канал для продвижения фальшивки — что надо. Кроме того, у него были не менее тесные связи и с американскими спецслужбами на Дальнем Востоке[1]. Но ведь и упоминавшийся выше Руссиянов имел связи с американцами — работал шофером у какого-то американца.

Как уже отмечалось выше, получив фальшивку, дотошные японцы немедленно потребовали тщательной экспертизы. Разведывательные службы Японии провели ее и без труда установили не только сам факт фальшивки, но и ее источник. А тут опять странные совпадения. Едва только это было установлено, как В.М. Кедроливанский внезапно смылся из Шанхая, сказав, что уезжает в Лондон, хотя укрылся в Маниле (Филиппины). А чуть позже загадочным образом «откинул ласты» и В.Н. Руссиянов. После войны В.М. Кедроливанский почему-то вернулся в Шанхай, где при загадочных обстоятельствах покончил с собой. После чего и началась послевоенная фаза в операции с этой фальшивкой — ведь Дон-Левин утверждал, что получил данные о «документике» уже в 1947 г.

Что же в итоге получается?! А ничего, кроме обычной практики британской разведки — «все концы в воду»! Трупы-то, как известно, говорить не могут. Да и сраму-то не имут. Подумаешь, что их фальшивку один раз уже разоблачили! Но ведь Япония-то была побеждена. Кто и что там вякать-то будет?! Японцам было не до этого. Да и тевтонам тоже. А поскольку все концы были надежно обрублены, то можно было запускать фальшивку по второму кругу. Тем более что в СССР был расстрелян и лидер «Союза Русских Фашистов», очень много знавший Вонсянский.

Надеюсь, теперь понятно, как у сынка Руссиянова «зародилась» мысль о том, что-де надо отправить аж целый пакет с якобы компрометирующими Сталина данными лично пройдохе Дон-Левину! Да и как может быть не понятно, что в роли

[1] Он вообще был «многостаночником»: одновременно служил как британской, так и японской разведкам, китайской полиции, а заодно еще и американскому ФБР, с представителем которого в американском консульстве в Шанхае был также тесно связан, помогая янки в разработке наркоторговцев из числа американских граждан на Дальнем Востоке.

некоего «озарения», посетившего его эмигрантскую голову, выступили представители британской разведки — в Австралии им это было пару раз плюнуть.

Надеюсь, теперь понятно, что британская разведка изначально была причастна ко всей этой возне с фальшивкой. Вначале, во второй половине 1920-х гг., она смотрела на это весьма благосклонно. Однако убедившись, что Сталина не свалить традиционными методами, отказалась от этой затеи. Троцкий же не отказался. По упертости в своей зоологической ненависти к Сталину ему не было и нет равных. Он и пошел до конца. Фальшивка была состряпана. И ее попытались запустить в дело. Но тут вмешались высшие интересы имперской безопасности Великобритании. Что ей антисталинская возня взбесившихся неудачников, если эти «козлы» в своем практическом антисталинизме вышли на глобальный уровень и откровенно угрожали ее высшим интересам?! Вот тут-то «старая, добрая» и повернулась своим традиционным рылом —**рылом PERFIDIOUS ALBION!**

Кто-то очень здорово помог тевтонам и японцам быстро определить не столько сам факт фальшивки — это они и сами преспокойно сделали, — сколько выявить источник происхождения этой фальшивки. На Троцкого, сами понимаете, в данном случае оснований грешить нет. Это могла быть только британская разведка, которая имела соответствующую агентуру в различных кругах русской эмиграции и, естественно, соответствующим образом подсказала, как необходимо полностью дезавуировать эту фальшивку. Ей вовсе не нужен был просто переворот в СССР и свержение Сталина ради того, чтобы его место заняли те, кто планировал вступить в военно-геополитический альянс с Германией и Японией и далее организовать ожесточенную борьбу против англосаксонского Запада. Ей необходимо было организовать нападение Германии и Японии на СССР, чтобы он был уничтожен. Высшему руководству Великобритании, по чьим указаниям действовала британская разведка, была нужна война. Вот что являлось главной задачей в то время. Ну а то, что получится некое содействие Сталину, — ну так и черт с ним, полагали в Лондоне, Гитлер должен управиться, а тогда и концы опять в воду окончательно. Особенно если еще и японцы подмогут.

Вот почему не менее если не более дотошные тевтоны в том же 1937 году также установили не только сам факт фальшивки, но и ее источник. В чем им помог секретарь Народно-Трудового Союза М.А. Георгиевский. И указал он как на Орлова, так и на Кедроливанского. А знать это он мог только от британской разведки. А ведь как здорово было задумано — одновременно «впарить» фальшивку и тевтонам, и японцам. Первым — аж через само представительство бюро Розенберга в Болгарии! И хотя при определенном содействии бриттов, но даже у этого зоологического русофоба, антисоветчика, антикоммуниста и одного из главных нацистских преступников хватило ума не поверить этой фальшивке! Чего, правда, не скажешь о многих современных записных «адвокатах» дерьмократии.

А что уж говорить об Александре Орлове-Фельдбине?! Предатель — он и есть предатель. По приказу своих закулисных хозяев он в очередной раз озвучил подлую глупость о Сталине. Ему казалось, что он **«овладел искусством ловко соединять факты с вводящим в заблуждение вымыслом» и что никто не сможет разобраться в том, что он так подло, но с «искусством» ловко состряпал.**

Как видите, смогли и, как представляется, не столь уж и плохо.

Миф № 75. Тухачевский не осуществлял никакой вредительской деятельности.

Миф № 76. Тухачевский не разрабатывал плана поражения СССР в войне с Германией.

Мифы возникли на волне антисталинской истерии Хрущева — тогда было модно «героизировать» этого якобы невинно убиенного «стратега». Они долго обрастали деталями, сотканными в основном из эмоций и всхлипываний. Долгое время невозможно было их разоблачить, потому что были закрыты архивы. Но, как говорили еще древние, «все течет, все изменяется». Теперь есть возможность покончить с этими мифами. Вот краткий перечень его наиболее крупных вредительских акций.

1. По сию пору бродят легенды об отвергнутых Сталиным «гениальных» предложениях «стратега». Например, о производстве фантастически безумного количества танков и самолетов для РККА. Именно фантастически безумных, потому как предложения о производстве в год 122 500 самолетов и 100 000 танков иначе не назовешь[1]. Тем более в период первой пятилетки, в 1930 году. Особенно если учесть, что при таких масштабах военного производства Тухачевский предлагал иметь в строю в округленных цифрах всего от 35 до 40 тысяч самолетов и 50 000 танков! А зачем тогда столь безумные цифры производства?! Хуже того. Зачем в таком случае предлагать правительству переоборудовать десятки тысяч тракторов, которые только-только начали выпускать в стране, в некое подобие танков, для чего Тухачевский предлагал обшивать их броней?!

Что это предложение «стратега», что другое — о создании в мирное время армии из 260 стрелковых и кавалерийских дивизий, 50 артиллерийских дивизий, 225 пулеметных батальонов, — чистейшей воды провокация прежде всего в отношении внутренних проблем СССР. В стране самый разгар коллективизации, идет ожесточенная, инспирируемая троцкистским подпольем борьба на селе, и в этот момент «стратег» предлагает высшему руководству СССР программу сверхмилитаризации, согласно которой в армию следовало призвать несколько миллионов до крайности озлобленных пропагандой троцкистов и прочей оппозиции крестьян?! Зачем?! А затем, что «стратегу» нужно было «пушечное мясо» для организации военного переворота в стране! И ни о чем другом эти его предложения не свидетельствуют! Как и его «патрон» — «бес мировой революции», — Тухачевский прекрасно понимал, что в армии не хватает «горючего материала», чтобы она «сдетонировала» как бы естественным образом. Вот и решил под предлогом заботы о развитии вооруженных сил и укреплении обо-

[1] Доклад Тухачевского Ворошилову, 11 января 1930 г. РГВА. Ф. 7. Оп. 10. Д. 170. Л. 15; Записка Тухачевского, без даты. РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д.155. Л.13; РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 27. Д. 65. Л. 1.

роноспособности страны добавить «взрывчатки» в армии. Да и не только в армии. А ведь на 1930 г., как уже указывалось выше, планировалась вооруженная интервенция консолидированных сил Запада, и внутренняя оппозиция своими подрывными действиями должна была оказать содействие интервентам.

Однако фантастическое безумие этих предложений — лишь малая часть верхушки айсберга. Чтобы понять основную, подводную часть этого айсберга, необходимо принять во внимание следующие обстоятельства. Дело в том, что еще в тексте Версальского «мирного» договора 1919 г. «версальские мудрецы» тиснули такую идейку, что-де разоружение Германии должно явиться предпосылкой для общего ограничения вооружений всеми странами. Вплоть до конца 1925 г. Запад делал вид, что у него память отшибло и он, видите ли, не помнит, что было прописано в договоре. Однако сразу после подписания в октябре 1925 г. Локарнских соглашений, уже в декабре 1925 г., к Западу вдруг вернулась память.

В результате была создана уникальная контора Подготовительная комиссия Лиги Наций по подготовке и проведению международной конференции по разоружению. На протяжении шести лет эта «контора» занималась неизвестно чем. Впрочем, будем объективны — комиссия откровенно прожирала громадные финансовые средства, отпускавшиеся Лигой Наций на ее существование. Она с порога и начисто отметала любые предложения Советского Союза по разоружению и ограничению вооружений. Это и было ее основное занятие на протяжении указанных шести лет. Но это так, для внешнего мира. На самом же деле эта контора занималась тем, чтобы изыскать хоть какой-нибудь более или менее приемлемый и внешне приличный вариант для предоставления Германии «равенства прав в сфере вооружений». Ведь по плану интервенции консолидированными силами Запада, который был принят еще в 1926 г., на германские вооруженные силы возлагалась ударная роль. А выполнить ее рейхсвер не мог — не было допуска к вооружениям. Необходим был «объективный шанс» для предоставления Германии «равенства прав в воо-

ружениях». Грубо говоря, повод для отказа от Версальского «мирного» договора, в котором были прописаны все ограничения для Германии.

Так вот, подлинный смысл фантастического безумия выдвинутых Тухачевским предложений заключался в следующем. Единственный шанс предоставить Германии «равенство прав » в сфере вооружений в то время — сделать так, чтобы СССР, против которого Запад и выпустил в Локарно «дух войны», приступил бы к реализации какой-нибудь крупномасштабной программы милитаризации. Но СССР вовсе и не собирался этого делать, тем более в первой пятилетке. На тот период основная ставка в борьбе за безопасность Советского Союза была сделана не на военную силу, хотя армию, несмотря на ее 10-кратное сокращение, никто и не распускал, а на силы Коминтерна — за счет создания видимой угрозы тылу Западу, дабы отбить у него охоту к нападению на Страну Советов. Отвечать же на коминтерновские угрозы предоставлением Германии «равенства прав в вооружениях» — было бы нонсенс в абсолюте. Потому как во многих странах коммунистические партии действовали не только легально, но и внешне никак не были связаны с Коминтерном (все проявления этой связи старательно скрывали по соображениям безопасности, хотя и далеко не всегда удачно). Так что у Запада не было более или менее законных оснований предоставить Германии «равенство прав» в сфере вооружений.

Вот тут-то и понадобился Тухачевский со своими лишь только внешне фантастически безумными предложениями, выдвинутыми прямо в начале 1930 г. В ситуации очередного серьезного обострения международной обстановки вокруг СССР его предложения о производстве 122 500 самолетов и 100 000 танков в год откровенно провоцировало правительство страны на принятие крупномасштабной военной программы. И, не дай-то Бог, прими его предложения правительство СССР, у Запада мгновенно появился бы уникальный по своей пробивной силе аргумент на законных основаниях предоставить Германии «равенство прав » в вооружениях. Не говоря уже о том, что и сами ведущие страны Запада с превеликим удовольствием и на аналогичных законных основаниях — как

же, резко обострилась «русская (советская) угроза» — влезли бы в гонку вооружений. Задачи такого уровня поручаются, как правило, агентам стратегического военно-политического влияния, кем, собственно говоря, и был Тухачевский.

В этой связи очень характерно одно положение из опубликованного в газете «Правда» от 11 июня 1937 г. обвинительного заключения по делу о военно-троцкистском заговоре с целью свержения советского правительства и захвата власти, восстановления в СССР власти помещиков и капиталистов и отрыва от СССР части территории в пользу Германии и Японии. Там, в частности, было указано, что **«следствием установлено, что обвиняемый Тухачевский передал во время германских маневров 1932 г. немецкому генералу… секретные сведения о <u>размерах</u> вооружения Красной Армии»**[1]. Здесь самым важным является не фактор секретности переданных сведений, тем более о вооружении — это и так понятно и квалифицируется Уголовным кодексом только как шпионаж, — а фактор передачи секретных сведений именно же о **<u>размерах</u>** вооружений РККА. Именно осенью 1932 г. эти сведения и были крайне нужны Германии. Ведь после того как он побывал на военных маневрах в Германии, осенью все того же 1932 г. резко активизировались попытки Германии и Запада достичь желанного «равенства прав» в вооружениях! И что могло быть лучше, нежели сведения об истинных размерах вооружений РККА?! Ведь испокон веку любую свою подлость, любое свое преступление против мира и человечества эта старинная скотина по имени Запад мотивирует так называемой «русской угрозой»! Как же, у Советов столько-то пушек, пулеметов, самолетов и т.д. и т.п. — надо срочно Германию уравнять в правах на вооружение!

Тухачевский тут как тут! Едва ли не в унисон с Троцким, который именно в 1930 году завопил о том, что СССР, видите ли, просто-таки обязан напасть на Германию, дабы не допустить прихода Гитлера к власти!? И не приведи Господь Бог, малейшее движение СССР в этом направлении автоматически

[1] ЦА ФСБ РФ, АСД № Р-9000 на Тухачевского М.Н. и других. Том «Судебное производство. Обвинительное заключение от 9 июня 1937 года», л. 12.

превратилось бы в реальный шанс для предоставления Германии «равенства прав» в сфере вооружений. Как же, Советы планируют нападение на такую демократическую Германию, где так мило, пышно махровым цветом расцветает злобствующий нацизм! Троцкий с одной стороны, Тухачевский с другой. Так и пытались создать шанс для Германии. **А все дело-то заключалось в том, что к началу 1930 года упомянутая выше комиссия по подготовке конференции по разоружению уже выработала «формулу разоружения» — сначала всем надо пропорционально вооружиться, а затем заниматься разработкой мер по разоружению! А что значит «пропорционально»?! Откуда взять эту самую «пропорцию»?! Правильно, за исходную печку взяли бы программу сверхмилитаризации СССР, если она была бы принята!**

То же самое этот же дуэт вытворил в 1932 году. К тому времени указанная выше «формула» уже была пущена в ход. Накануне конференции по разоружению, на которой самым главным вопросом должен был стать вопрос о предоставлении Германии «равенства прав» в сфере вооружений, Троцкий опять завыл свою старую песню «о главном» — начал вопить, что СССР должен объявить мобилизацию, чтобы предотвратить приход Гитлера к власти!? Однако по тогдашним понятиям мобилизация автоматически означала войну! То есть, не приведи, конечно, Господь Бог, если Москва пошла бы на такой шаг, то опять получилось бы, что Советы угрожают миру и безопасности в Европе! Следовательно, надо вооружить Германию для отпора Советам. Соответственно и Тухачевский практически в унисон завываниям Троцкого реанимировал свои безумные прожекты и опять полез в правительство со своими фантазиями о безумных количествах оружия и дивизий, хотя один раз ему уже дали по мозгам. Но куда там, разве такие «стратеги» угомонятся?!

В конце концов Запад понял, что единственный шанс — это привести к власти Гитлера, который наплевал бы на все международные договора и самостоятельно начал бы гонку вооружений в порядке подготовки к войне.

2. В конце ноября 1931 г. советская военная разведка зафиксировала удивительное пожелание командования рейхсвера: **«При нападении Польши на Восточную Пруссию мы**

заинтересованы, чтобы русские смогли быстро перебросить свои войска на западную границу, с тем чтобы отвлечь от Германии польские военные силы».

Тухачевский тут как тут. Уже в начале 1932 г. инициативно разработал детальный план операции по разгрому Польши через западные границы СССР. План был составлен от руки. Специальная экспертиза подтвердила, что он написан почерком Тухачевского. Спрашивается, что это за самодеятельность такая?! Советское правительство бьется в попытках подписать с Польшей договор о ненападении и нейтралитете (еле-еле он был подписан в 1932 г.). В Женеве открывается международная конференция по разоружению. У Советского Союза обязательства по Парижскому договору о воспрещении войны в качестве орудия национальной политики и средства урегулирования международных споров от *11* августа 1928 года (более известен как пакт Келлога—Бриана). А Тухачевский разрабатывает план нападения на Польшу -— пускай и крайне недружественное, злобно русофобствующее, но ведь суверенное **же** и независимое государство, с которым у Советского Союза официальные дипломатические отношения.

Знаете, чем кончилась эта его самодеятельность?! **А тем, что в 1933 году уже в Польше была проведена крупная военная игра, в ходе которой отрабатывалось вторжение на территорию СССР!**

Кстати говоря, аналогичные фокусы Тухачевский выделывал еще в середине 20-х гг., дважды едва не спровоцировав тогда вооруженное столкновение СССР с Польшей.

3. Став **с** 19 июня **1931** г. заместителем председателя Реввоенсовета Республики **и** начальником вооружений РККА Тухачевский сознательно стал проводить губительную для РККА политику в отношении вооружений. **Именно в это время он откровенно «зарубил» постановку на вооружение ручного пистолета-пулемета В.А. Дегтярева, признанного на полигонных испытаниях того времени самым лучшим! Всего-то 300 шт. заказал, и то для начальствующего состава (к слову сказать, а для чего?)! Между тем еще в начале 1930-х годов в принципе уже было ясно, что наступает эпоха автоматического стрелкового оружия, что и доказала Вторая мировая война.**

В это же время стала вырисовываться провокационная сущность другой «затеи» Тухачевского. Именно с начала 1930-х годов Тухачевский резко активизировал свои авантюры в артиллерии, в чем ему помогал ведавший закупками вооружений для РККА заместитель наркома тяжелой промышленности С. Орджоникидзе — Иван Петрович Павлуновский (в прошлом очень близкий к Троцкому человек — одно время возглавлял его охрану).

То они дуэтом развернули кампанию по созданию универсальных полевых орудий — гибрида 76-мм дивизионной пушки и зенитки. То решили перевооружить артиллерию РККА и ВМС с обычных орудий на динамореактивные пушки системы Курчевского. То собирались заменить орудия с обычными поясковыми снарядами на орудия, стреляющие полигональными или нарезными снарядами, и т.д. и т.п. Ни одна из этих авантюр не удалась. **И тем не менее Тухачевский пытался протащить преступную идею о необходимости сокращения артиллерии РККА в два раза!**

В результате, по оценке известного историка вооружений РККА А.Б. Широкорада, дело с вооружением обстояло так:

— **«Универсальную пушку создать не получилось, кстати, таких пушек не было на вооружении ни одной страны мира».**

— **Потому что «опыты по созданию орудий, стрелявших полигональными и нарезными снарядами, выявили точно те же недостатки, которые были получены при испытании таких орудий в 1860—1871 гг. в царской России».**

— **Безумная попытка Тухачевского —Павлуновского вооружить всю РККА безоткатными орудиями привела фактически к трагедии в области артиллерии: «все авиационные, корабельные, танковые, горные, зенитные и др. пушки Курчевского оказались полностью небоеспособными»!**

— **В итоге 5000 орудий Курчевского пошли на металлолом! Сколько дивизий остались без артиллерии — до сих пор неизвестно. А ведь с 1931 по 1935 г., а по сути-то вплоть до разгрома заговора Тухачевского, то есть до середины лета 1937 г., почти все артиллерийские заводы СССР работали над производством пушек Курчевского! При этом Тухачевский**

умудрился еще и «поставить вопрос о совмещении зенитной пушки с противотанковой».

— В результате «...к началу Второй мировой войны Красная **Армия** осталась без зенитных автоматов, без тяжелых зенитных пушек, без артиллерии особой мощности и т.д.»! За одни только «фокусы» в области артиллерии его уже следовало расстрелять!

Честно говоря, трудно даже представить, что произошло бы с нашей армией, и со страной тем более, не спохватись Сталин уже после разгрома заговора Тухачевского. В результате активно поддержанного им небывалого по своей интенсивности научного штурма двух гениев отечественного конструирования артсистем **— В.Г. Грабина и Б.И. Шавырина —** были созданы соответствующие пушки и минометы:

— **Грабиным** — пушки, об одной из которых — калибра 76 мм, — Сталин уже во время войны прямо сказал, что она спасла Россию. Тухачевский не докладывал Сталину и Ворошилову о разработках Грабина, мешал ему, всячески третировал, прятал его ставшую впоследствии легендарной пушку от правительственной комиссии во главе со Сталиным.

— Шавыриным —- знаменитые 50-, 82-, 107-, 120-мм минометы!Минометы,которые «гениальный стратег»Тухачевский с достойным лучшего применения маниакальным упорством не только называл «суррогатом» артиллерийского орудия, но даже не допускал мысли об их разработке и производстве в рамках общегосударственного пятилетнего плана! Вторая мировая и Великая Отечественная войны убедительно доказали колоссальнейшую эффективность минометов.

4. Именно Тухачевский в буквальном смысле слова насильно «привил » в практике советского военного планирования очень опасную концепцию «пограничных сражений», история возникновения которой такова. Еще в начале 1934 г. Троцкий дал указание своим сторонникам готовить военное поражение Советского Союза в предстоящей войне с Германией. Как лидер военного крыла антисталинской оппозиции, Тухачевский с той поры стал разрабатывать и усиленно навязывать РККА так называемую концепцию «пограничных сра-

жений», на которой впоследствии и был построен его **«План поражения СССР в войне с Германией»**. Ее суть в следующем. В изложении автора книги «Маршал М.Н.Тухачевский» В.М.Иванова выдвинутая М.Н. Тухачевским **«новая концепция приграничного сражения исходила из идеи подготовленного ответного удара»**. Однако Тухачевский не выдвигал **«новую концепцию приграничных сражений»** — он выдвинул **«новую концепцию пограничных сражений в начальный период войны»**, к тому же исходившую не просто из идеи подготовленного ответного удара, а заблаговременно подготовленного немедленного встречно-лобового ответного удара. В опубликованных им трудах использован термин **«пограничное сражение»**, в том числе и в структуре названий отдельных статей. **«М.Н. Тухачевский,** — как отмечает В.М. Иванов, — **предлагал развертывать основные группировки армий прикрытия, с учетом расположения приграничных укрепленных районов, так, чтобы они занимали фланговое положение по отношению к тем направлениям, где наиболее вероятны удары противника. Конечной целью армий прикрытия он считал овладение выгодным стратегическим рубежом для развертывания главных сил и ведения дальнейших операций. По его предположению приграничное** (правильно: пограничное. — *А. М.*) **сражение в отличие от Первой мировой войны, должно принять затяжной характер и продолжаться несколько недель»**[1].

Суть вредоносности этой концепции состояла в следующем. **Прикрытие методом немедленного встречно-лобового вторжения/контрблицкрига должно было реализовываться не только заранее созданными фланговыми группировками, но и прежде всего при ставке на статический фронт узкой лентой при сверхнизкой оперативной и линейной плотности сухопутных войск на остальной части границы. В таком случае войска находятся в состоянии крайней неустойчивости именно с точки зрения обороны и прикрытия границ. И малейший внезапный удар, тем более нанесенный концентрированными силами, автоматически приводит к невообразимо кровавой трагедии. Именно это-то и произошло 22 июня 1941 г.**

[1] **Иванов В.М. Маршал Тухачевский М.Н. М., 1986. С. 309.**

Почему «стратегу» взбрело в голову выдумать такое именно тогда?! В тот самый момент, когда верховное командование наиболее вероятного тогда главного противника полностью перешло к тотальному исповедованию стратегии блицкрига?![1] О каком затяжном характере пограничных сражений было уместно, если вообще уместно, говорить в этом случае? Тем более «в отличие от Первой мировой войны»? Тем более ему, всю ту войну просидевшему в германском плену? Тем более что и на фронт-то он попал только в 1915 г., когда война была уже в разгаре — что он мог видеть-то?

Гитлеровцы именно потому и взяли на вооружение стратегию блицкрига, что, **во-первых,** это молниеносный прорыв обороны противника на всю ее глубину в целях скорейшего захвата и оккупации территории намеченной жертвы всеми заранее отмобилизованными, сосредоточенными и развернутыми к нападению силами. **Во-вторых,** потому, что по тогдашним представлениям гитлеровских стратегов это был единственный шанс для сильно ограниченной ресурсами Германии избежать крайне опасной для нее войны на истощение. Мрачные воспоминания о Первой мировой войне весьма подстегивали такие настроения.

Сам постулат о «молниеносности войны» бродит в военных умах еще со времен Шлиффена, если не того ранее. А начиная с 1920-х гг. он обрел как бы «второе дыхание». Тезис о «молниеносности» был всерьез подкреплен результатами бурного научно-технического прогресса, вызвавшего к активной военной жизни не столько даже собственно новые, более мощные виды оружия и боевой техники — это и так понятно, — сколько прежде всего фактор их исключительной для того времени мобильности. Военные получили уникальный сплав мобильности и мощи оружия. Еще в протоэмбриональном состоянии будущая Вторая мировая война даже в теории становилась особо маневренной, мобильной и особо разрушитель-

[1] Термин «блицкриг» появился только в сентябре 1939 г., причем не в военных документах, а в открытой печати. До этого повсеместно использовался легендарный со времен Шлиффена термин «молниеносная война».

ной. К этим вопросам непрерывно обращались лучшие военные умы ведущих стран мира, а полемика между ними не сходила со страниц как специализированных журналов, так и книг по военной тематике, о чем он прекрасно знал непосредственно с января 1926 г., что подтверждается 735 страницами документальных тому доказательств![1]

Так что Тухачевский знал об этом. Когда в последний раз в рамках негласного сотрудничества между РККА и рейхсвером под псевдонимом «генерал Тургуев » и во главе советской военной делегации он побывал в Германии на осенних 1932 г. маневрах во Франкфурте-на-Одере, то встречался там со многими представителями германского генералитета. А те еще с весны того же года восторженно обсуждали между собой блестящие, как им тогда казалось, перспективы стратегии блицкрига, якобы способной вернуть Германии былую славу мировой державы. Разговор между ними на эту тему даже физически не мог не состояться, к примеру, по такой простой причине. Еще 20 июня 1932 г. Тухачевский опубликовал в «Красной Звезде » статью о стратегии и тактике молниеносной войны при комплексном использовании ВВС и ВДВ совместно с бронетанковыми войсками в операциях быстротечной войны.

За год до этого германский военный атташе в СССР Кёстринг указывал, что взгляды и методы германского генералитета проходят красной нитью через все военные положения РККА. Соответственно выходит, что обе стороны прекрасно знали направленность и ход мыслей друг друга. И при встречах у них было что обсуждать между собой, тем более что у Тухачевского, в отличие от еще страдавших от версальских ограничений германских генералов, было куда больше возможностей проверять «свои идеи» на маневрах. Но из Германии **«генерал Тургуев», он же Тухачевский,** возвратился с высокомерным мнением о том, что-де командованию рейхсвера не хватает, видите ли, понимания особенностей совре-

[1] Речь идет о книге «Будущая война»// РГВА. Ф. 33988. Оп.2. Д. 682—688. Как начальник Штаба РККА, Тухачевский принял самое активное участие в ее подготовке. В1996 г. она была переиздана Военной Академией Генерального штаба Вооруженных сил РФ.

менной войны!? Герры генералы ладошки уже поотбивали в восторженных аплодисментах стратегии блицкрига, ничем, к слову сказать, не отличавшейся от взглядов и концепций Тухачевского и **К°**, а **«генерал Тургуев»** после столь сердечных приемов и банкетов, миль пардон, их мордой об стол!? Не хватает, видите ли, понимания современной войны!? Такое мнение Тухачевский письменно высказал в докладной на имя наркома обороны Ворошилова в октябре 1932 года.

Кстати, после этой поездки в Германию буквально горохом посыпались сведения о подготавливаемом некоторыми советскими генералами военном заговоре против центральной власти, во главе которого стоит тот самый **«генерал Тургуев»**, мгновенно идентифицированный на Лубянке как Тухачевский. Почему все это должно было совпасть именно так, что практически не остается сомнений насчет того, что же на самом деле стояло за этим? К сожалению, ни Артузов, ни тем более Ягода — тогдашние руководители Лубянки, — не сочли нужным выяснить это и «утопили» многочисленные сигналы о заговоре в недрах своего ведомства, хотя информация о формирующейся в СССР так называемой оппозиционно настроенной к центральной власти военной партии поступали с 1926 г.

10 февраля 1934 г. Тухачевский совместно с Уборевичем подал докладную записку наркому обороны Ворошилову, в которой говорилось: **«Опыт показывает, что та сторона, которая не будет готова к разгрому авиационных баз противника, к дезорганизации систематическими воздушными нападениями его железнодорожного транспорта, к нарушению его мобилизации и сосредоточения многочисленными авиадесантами, к уничтожению его складов горючего и боеприпасов, к разгрому неприятельских гарнизонов и эшелонов быстрыми действиями мехсоединений, сама рискует подвергнуться поражению»!**

О каком опыте могла идти речь?! О чьем опыте он глаголил?! Ведь никаких войн в тот момент, слава Богу, еще не было! Налицо был только опыт тех самых учений и игр, в ходе которых раз за разом выяснялась бессмыслица его планов и концепций, способная привести к реальному поражению!

Вот это и есть суть подставы войск под неминуемый разгром: заложенной в концепции пограничных сражений идеей ответить на блицкриг немедленным встречно-лобовым контрблицкригом! Потому что в таком случае войска опаздывают как минимум на те самые пять мгновений, которые уже требуются для произнесения самой этой приставки «контр»! Не говоря уже о названных особенностях, связанных с ярко выраженным фланговым характером группировок для немедленного встречно-лобового контрблицкрига! А ведь в упомянутой записке Тухачевский и Уборевич вообще ставили вопрос о превентивном нанесении такого удара. В варианте же превентивного удара идея контрблицкрига с фланговых позиций тем более была неприемлема, и в первую очередь по сугубо политическим соображениям, так как откровенно выставляла СССР в качестве агрессора! Не говоря уже о военных последствиях негативного характера.

И года не прошло, как уже в 1935 г. из-за границы стали поступать очень серьезные сообщения о готовящемся военном поражении СССР в войне с Германией и ее союзниками, в условиях которого будет осуществлен государственный переворот силами военных!

А то, что без заговора военное поражение точно не обошлось бы, свидетельствует уже упоминавшийся выше факт. С подачи подельника Тухачевского — командующего Белорусским военным округом Уборевича — весной 1936 г. в этом округе была создана небольшая и совершенно засекреченная штабная организация, прозванная почему-то инспекцией. Дело считалось настолько особо секретным, что инспекция не имела права писать кому-либо в войска или получать оттуда корреспонденцию. В случае войны эта структура должна была развернуться в штаб конно-механизированной армии. Это была заблаговременно созданная заговорщиками подпольная структура управления войсками для мгновенного перехватывания командования ими в ситуации военного поражения! Потому что в ситуации ими же организовывавшегося военного поражения СССР в войне с Германией прежние структуры управления войсками стали бы непригодными! И не случайно, что в 1936 г. оба главных подельника Тухачевского, ко-

мандующие важнейшими приграничными военными округами — Белорусским и Украинским, —соответственно Уборевич и Якир наотрез отказывались от, казалось бы, лестных предложений о переводе в Москву с повышением до уровня заместителя наркома обороны СССР! Они полагались на успех заговора — потому и отказывались!

Знал ли Тухачевский, что активно протаскивает идею погибели РККА?! Прекрасно знал! Потому что многократные игры и учения уже тогда ясно показывали, **«что группы вторжения не в состоянии выполнить тех задач, которые на них возлагались на первом стратегическом этапе борьбы. Они слишком слабы по своему составу и нацеливались на действия по изолированным направлениям, что могло привести к их последовательному разгрому». В связи с этим вместо групп стали намечать создание армий вторжения или ударных армий. Однако и в этом случае итог был тот же. В конце концов додумались до того, что выполнение задач армий вторжения признано было необходимым возложить на весь Первый стратегический эшелон Вооруженных сил. Однако игры и учения по прежнему показывали, что итог будет тем же самым, только в масштабах всего Первого стратегического эшелона. Тем не менее Тухачевский и К° все-таки «осчастливили» РККА «Наставлением по операции вторжения», а затем еще раз проверили негодность своей концепции на майских 1935 г. учениях в Белорусском военном округе, а затем и в Приволжском военном округе. А убедившись, разработали «План поражения СССР в войне с Германией».**

5. Вот как **сам** Сталин квалифицировал одно из характерных «усилий» Тухачевского по ослаблению войск Первого стратегического эшелона (из выступления Сталина на расширенном заседании Военного совета при наркоме обороны 2 июня 1937 г., т.е. по итогам разоблачения заговора Тухачевского): «Тухачевский особенно играл благородного человека, на мелкие пакости неспособного, воспитанного человека. Мы его считали неплохим военным, я его считал неплохим военным. Я его спрашивал: как вы могли в течение 3 месяцев довести численность дивизии до 7 тыс. человек. Что это? Профан, не военный человек. Что за дивизия в 7 тыс. человек. Это либо

дивизия без артиллерии, либо это дивизия с артиллерией без прикрытия. Вообще это не дивизия, это срам. Как может быть такая дивизия. Я у Тухачевского спрашивал, как вы, человек, называющий себя знатоком этого дела, как вы можете настаивать, чтобы численность дивизии довести до 7 тыс. человек и вместе с тем требовать, чтобы у нас дивизия была 60—40 гаубиц и 20 пушек, чтобы мы имели столько-то танкового вооружения, такую-то артиллерию, столько-то минометов. Здесь одно из двух, либо вы должны всю эту технику к черту убрать и одних стрелков поставить, либо вы должны эту технику поставить. Он мне говорит: "Тов. Сталин, это увлечение". Это не увлечение, это вредительство, проводимое по заказам германского рейхсвера ».

Поясню, в чем тут дело, чем возмущался Сталин. Во-первых, сама численность дивизии в 7 тыс. человек — бессмысленна, ибо такая дивизия не может успешно решать задачи ни наступления, ни обороны. Просто чисто физически у нее мало сил. Во-вторых, по количеству и особенно характеру артвооружения видно, что Тухачевский ориентировался только на наступательные задачи, как минимум в формате немедленного встречно-лобового контрблицкрига. Дело в том, что стреляющие по крутой навесной траектории (до 63°) гаубицы хороши в прорыве, особенно укрепленных районов противника, уничтожения его живой силы в окопах и траншеях. Из-за преобладающего количества гаубиц в дивизии получалось, что это дивизии преимущественно прорыва, в то время как пехота в целом, т.е. стрелковые дивизии, — испокон веку части двоякого назначения: и для обороны, и для наступления. И не случайно, что всего через полгода после разгрома заговора Тухачевского **Сталин открыто и прямо заговорил о том, что армия, которая не умеет обороняться и тем более отступать, подвергнется разгрому.**

Между тем в описанном выше варианте Тухачевского примерно полдивизии было бы занято всеми видами обслуживания гаубичной артиллерии (от транспортировки до заряжания и ремонта), а полдивизии, т.е. 3,5 тыс. человек, в таком случае попросту не способны решать ни наступательных, ни оборонительных задач. Не говоря уж о том, что при

внезапном блицкриге изготовившиеся к немедленному встречно-лобовому контрблицкригу войска Первого стратегического эшелона представляют собой отличную мишень. Вот потому-то Сталин и назвал это вредительством по заказу рейхсвера.

6. Выше уже говорилось о невероятном успехе германских генералов во время картографической агрессии против СССР во время стратегических командно-штабных учений в вермахте осенью 1936 г. Как, впрочем, говорилось и о причинах такого их успеха — о том, что Уборевич привез им модифицированный «План поражения». Иначе герры генералы не смогли бы добиться столь уникального успеха не только при полном отсутствии территориального соприкосновения с Советским Союзом, но и при наличии огромного территориального буфера в лице панской Польши.

7. Наконец, об удивительно провокационном отрицании уникального стратегического значения Белорусского направления любой агрессии с Запада. Об этом уже говорилось выше.

Конечно, перечисленное — лишь малая толика того, что он натворил. Но и этого вполне достаточно, чтобы понять, каким врагом он был и насколько справедливо его ликвидировали!

Миф № 77. Тухачевский не предпринимал никаких попыток государственного переворота. Это все выдумки Сталина и НКВД.

До недавнего времени чрезвычайно трудно было доказать, что это мистифицированная ложь. Дело в том, что при Н.С. Хрущеве громадное количество неудобных для антисталинской клеветы документов было уничтожено. Случайно оставшиеся уничтожали уже в наше время — этим занималась комиссия Геббельса ЦК КПСС во главе А.Н. Яковлевым. Якобы она занималась только реабилитацией невинно репрессированных. Правда, почему-то одновременно исчезали и серьезные документы. Однако воистину правильно говорят, что рукописи не

горят. Правду скрыть невозможно, сколько ни старайся. Не прямо, так косвенно, но она обязательно выйдет на свет Божий. Так произошло и с этим мифом.

Во-первых, государственный переворот силами военных действительно планировался — первоначально на 1 мая 1937 года. Известный немецкий историк Пауль Карелл, он же Пауль Шмидт, описал это следующим образом: «В марте **1937** г. схватка между тайными агентами Тухачевского и Сталина приобрела особенно драматичный характер. **На 1** мая **1937** г. был назначен переворот против Сталина, главным образом потому, что первомайские парады позволяли передвигать существенные контингенты войск в Москву, не вызвав подозрений. То ли по воле случая, то ли вследствие коварства Сталина, но произошла отсрочка планов. В Кремле было объявлено, что маршал Тухачевский возглавит советскую делегацию, отправляющуюся в Лондон для участия в церемонии коронации короля Георга VI 12 мая **1937** г. Тухачевский успокоился. Он отложил переворот на три недели. Это было его роковой ошибкой».

Конечно, как истинно западный человек, П. Шмидт не смог удержаться от того, чтобы не бросить булыжник в адрес Сталина, — переворот сорвался, видите ли, «вследствие коварства » Сталина!? А при чем тут коварство?! Уж если кто и был преисполнен коварства, а заодно и подлости, так это Тухачевский и К\ Потому что как иначе называть заговор и подготовку к государственному перевороту со стороны лиц, которых советское государство обласкало, сделало видными людьми, материально обеспечило буквально всем — ведь жили-то эти заговорщики столь припеваючи, что никаким миллиардерам не снилось! Тем не менее спасибо П. Шмидту. Традиционно подло обвинив Сталина в коварстве, но завершив свое описание выражением «это было роковой ошибкой» Тухачевского, П. Шмидт показал, что заговор и непосредственно подготовка к перевороту действительно имели место и что он, как истинно западный человек, искренне сожалеет о том, что такое «славное дельце» сорвалось. Так оно и не могло не сорваться. Сталин обладал таким опытом политической борьбы, что против него мало кто мог устоять,

если вообще мог. «Спектакль» с якобы направлением Тухачевского на церемонию коронации был разыгран сознательно, потому что еще в марте — апреле Сталин прекрасно знал, что переворот назначен на 1 мая 1937 г. Но посмотрите, что произошло дальше. Объявив на весь мир о предстоящей миссии Тухачевского, запрос в МИД Великобритании о выдаче Тухачевскому въездной визы был представлен советской стороной через британское посольство в Москве только 3 мая 1937 года. А уже на следующий день — 4 мая — в срочном порядке и внезапно запрос о выдаче визы Тухачевскому был аннулирован советской стороной. Только после этого Тухачевский сообразил, что Сталин обвел его вокруг пальца. Потому что в тот же день на квартире активного троцкиста и не менее активного заговорщика — наркома внешней торговли А. Розенгольца — уже уяснивший себе, что Сталин с Ежовым обставили его как котенка, Тухачевский, стуча кулаком по столу, орал: **«Вы, что, ждете, когда нас к стенке поставят, как Зиновьева?! Я пятого начинаю переворот!»** Естественно, что запись этого разговора немедленно попала на стол Сталина. И надо отдать должное его потрясающей выдержке в условиях смертельной опасности — никаких репрессивных мер в отношении Тухачевского он тогда не предпринял, отлично понимая разницу между словами и конкретными преступными действиями. 8 мая пришло досье от Бенеша. И опять ничего в отношении Тухачевского не было предпринято. Судя по всему, Сталин до последней секунды тянул с его арестом, старательно проверяя всю информацию.

Но тут и, во-вторых, Тухачевским все-таки была предпринята вторая реальная попытка государственного переворота силами военных. Выглядело это так. 10 мая 1937 г. он обратился к начальнику военной разведки комдиву А.Г. Орлову[1] и приказал ему срочно прислать к нему ответственного работника, занимающегося германским направлением. К маршалу немедленно был направлен сотрудник центрального аппарата Разведупра РККА капитан Николай Григо-

[1] Участник заговора военных.

рьевич Ляхтерев[1], которому Тухачевский заявил, что готовится большая стратегическая игра и потому к **11.00.11 мая** ему нужны последние данные о состоянии вооруженных сил Германии. По плану игры, со слов Тухачевского, предусматривалось, что немцы могут включить в свою группировку до 16 танковых и моторизированных дивизий СС!?

И не посвященному в тайны военных игр человеку ясно, что за один день игры с участием высшего военного руководства не готовятся. Тем более они не готовятся по указанию заместителя наркома (министра) обороны. Испокон веку прерогатива в этом у министра (тогда наркома) обороны либо у начальника Генерального штаба, но, как правило, они совместно принимают такое решение. Тем не менее ровно в 11.00 11 мая 1937 г. капитан Ляхтерев прибыл в приемную Тухачевского со всеми материалами на руках. И там, в приемной, узнал, что маршал только что получил назначение на пост командующего Приволжским военным округом и немедленно отбыл к месту новой службы в Горький (на самом деле это не совсем так, ибо 13 **мая** Сталин принял Тухачевского в Кремле)!

Что следует сказать по поводу этих фактов? **Во-первых,** различные источники, в том числе и данные судебных процессов 1937—1938 гг. прямо сходятся именно на этой дате (иногда упоминается еще и 15 мая, но, как правило, в таком сочетании — **«переворот должен был состояться до 15 мая»).** Это уже очень серьезно.

И как только стало известно, что Тухачевский в срочном порядке объявил военные маневры на 12 мая 1937 года, то Сталину ничего не оставалось, как окончательно убедиться в том, что угроза переворота нешуточная, что Тухачевский не отказался от своих антигосударственных планов. Более медлить было нельзя. 11 мая Тухачевский был снят с поста замнаркома обороны и назначен командующим Приволжским

[1] Ляхтерев Николай Григорьевич, 1905—1998 гг., генерал-майор, видный советский военный разведчик, перед войной резидент советской военной разведки (псевдоним «Марс») в фашистской Венгрии. Впоследствии работал как резидентом ГРУ в различных странах, так и на различных должностях в центральном аппарате ГРУ.

военным округом с приказом немедленно отбыть к месту новой службы. И опять Сталин пошел на смертельный для себя риск —13 мая он дал-таки аудиенцию Тухачевскому. А ведь кандидат в «бонапарты» запросто мог пронести маленький пистолет, ибо его, как маршала, даже охрана Сталина не могла обыскать. До 24 мая шла еще одна проверка — на этот раз материалов досье Бенеша. Лишь после того как все точки над «i» были расставлены, когда наступила абсолютная ясность, только тогда из Кремля последовал приказ об аресте Тухачевского. 25 мая он был арестован.

Во-вторых, упомянутый выше комдив Орлов А.Г. был одним из активных участников заговора. Он и в Германии уже успел засветиться своим восторженным отношением к замыслу свержения Сталина. По сути дела, находясь в Германии, Орлов выполнял функции связного между германскими и советскими заговорщиками. Да так, что привлек внимание британской разведки.

В-третьих, особое недоумение вызывает формулировка сил противника в задаче стратегической игры, изложенной Тухачевским. Речь идет об SS Verfugungstruppe — эсэсовских формированиях особого назначения. Однако по состоянию на май 1937 г. они не располагали такими силами, чтобы выводить в авангард наступления до 16 танковых и моторизованных дивизий. В 1937 г. в составе **SS Verfugungstruppe** насчитывалось всего три штандарта (полка), саперный штурмбанн и штурмбанн связи. Моторизированные дивизии появились в СС только перед нападением на СССР, и то их было всего четыре. Говорить же о предвидении Тухачевского не приходится. Ему хорошо было известно, что, как главнокомандующий сухопутным войсками вермахта, генерал-полковник Фрич был категорическим противником этих подразделений **SS Verfugungstruppe** и не считал нужным даже планировать их участие в боевых действиях вермахта, тем более в авангарде наступления.

Так что с какой такой стати Тухачевский выдумал подобную формулировку для определения характера сил противника в стратегической игре — с военной точки зрения по состоянию на то время это трудно понять. А вот с полити-

ческой, заговорщической — более чем объяснимо. Раз такие отборные войска, да еще и танковые и механизированные дивизии СС, то, естественно, и противопоставить им надо равнозначные войска. То есть такие же отборные танковые и механизированные соединения РККА, причем как минимум в том же количестве. А вот это-то и есть самое, что надо для успешного переворота, — с **16-ю** как минимум, если по «логике задачи игры», танковыми и механизированными дивизиями власть точно можно захватить, тем более что их командиры — все его ставленники. Ленин и вовсе с одной дивизией латышских бандитов удержался у власти, а тут — целых **16.**

Кроме того, в силу своей незаурядной подлости заговорщики надеялись воспользоваться также и семейными обстоятельствами Сталина. Было известно, что его мать находится в очень тяжелом состоянии, и заговорщики рассчитывали, что он поедет в Тбилиси, чтобы с ней повидаться. А они тем временем осуществят в Москве переворот. Вот почему Тухачевский, как с печи свалившись, «решил провести танковые учения» в Москве.

О том, что переворот готовился именно по танковому сценарию, свидетельствует такой любопытный факт. Во время суда над Тухачевским и К°, председатель Верховного Суда СССР В. Ульрих задал одному из подсудимых по этому делу — В. Примакову —- следующий вопрос: «На какие силы вы рассчитывали? **Ведь за вами танковая бригада не пошла.** Вы завербовали только командира бригады?» Вы поняли, в чем дело-то?! Правильно, суд располагал неопровержимыми данными о том, что переворот готовился по танковому сценарию. Более того. Суд располагал точными данными и о том, какую конкретно танковую бригаду и какого конкретно командира заговорщики пытались использовать в осуществлении своего преступного замысла.

Танковый сценарий государственного переворота почему-то прижился и впоследствии неоднократно применялся. В 1953 г. маршалом Жуковым и Хрущевым. В 1991 г. печальной памяти ГКЧП. В октябре 1993 г. ярым врагом России Ельциным.

Миф № 78. Сталин доверял компромату на Тухачевского, который поступал от зарубежной прессы.

Миф сам по себе достаточно странный. Да, за средствами массовой информации водится немало грехов. Но с какой стати Сталин должен был верить каждому чиху иностранной прессы?! Странен этот миф еще и тем, что в его укоренении колоссальную роль сыграли мемуары выдающегося аса советской разведки П.А. Судоплатова, который утверждал, что-де весь компромат на Тухачевского — сообщения иностранной прессы. С глубоким сожалением вынужден вступить в принципиальный спор с ныне покойным легендарным разведчиком ради опровержения его утверждений.

Сталин действительно внимательно изучал сводки ТАСС по иностранной прессе и был в курсе практически всей болтовни и брехологии, которую печатали и сообщали западные СМИ. Но вот относился он к ним очень даже критически. Известен очень любопытный случай. В самом начале 1935 года во Франции британская разведка запустила в военных, католических и иных кругах этой страны в пропагандистский оборот слух о том, что-де Тухачевский якобы в январе того же года встречался в Берлине с Герингом и обсуждал с ним план возможного совместного нападения на Францию. В тот период шли очень напряженные франко-советские переговоры по поводу заключения договора о взаимной помощи в отражении агрессии. И хотя в связи с этими переговорами Германия открыто не упоминалась, тем не менее ни для кого в Европе не было секретом, что в случае подписания договор будет иметь антигерманскую направленность. В Берлине из-за этого чрезвычайно психовали, так как прекрасно понимали, что это политика окружения Германии в духе Антанты времен Первой мировой войны, что автоматически приведет, посмей Берлин развязать войну, к губительной для Германии войне на два фронта. А этого там опасались больше всего. В начале того же 1935 г. Геринг втолковывал Муссолини, что «если бы германской политике удалось разрубить узел, связывающий Париж и Москву, то это было бы, несомненно, большим успехом».

Однако не меньше если не больше нацистов в разрубании связывавшего Москву и Париж узла была заинтересована Великобритании. Потому как Гитлера она привела к власти только ради того, чтобы он напал на Советский Союз, но не втягивая в войну западные страны. Особенно Францию, которая являлась союзной Великобритании державой, и нападение Гитлера на Францию автоматически повлекло втягивание в войну и Великобритании тоже. Это было прямо предусмотрено Локарнскими соглашениями от 16 октября 1925 года. Великобритания бесилась из-за франко-советских переговоров не меньше Берлина. Вплоть до того, что стала угрожать официальному Парижу... войной, причем со ссылкой на те же Локарнские соглашения. Мотивировка была просто «прелестной». **Англия «будет обязана, согласно Локарнскому соглашению, прийти на помощь Германии, если бы Франция совершила на нее нападение»**[1]. То есть самой такой угрозой Великобритания открыто показала, что расценивает франко-советские переговоры по вопросу о заключении договора о взаимопомощи в отражении агрессии как фактически переговоры о заключении франко-советского договора о совместном нападении на Германию!? Чего не было в помине, даже гипотетически. И в Лондоне это прекрасно знали. Тем не менее со спокойной совестью, если конечно, она есть у нее, Англия «отморозила » эту несусветную глупость.

А вот в основе этой несусветной глупости лежала разработанная начальником отделения по борьбе с враждебной пропагандой отдела военной и колониальной политики нацистской партии доктором Дрегером фальшивка. В виде апокрифа тевтоны довели ее до сведения британской разведки и дипломатии.

[1] АВП СССР, Ф.05. Оп. 15. Д. 3. П. 88. Л. 352.16 октября 1925 г. в Локарно был подписан ряд взаимосвязанных договоров, главным из которых являлся Рейнский гарантийный пакт. Согласно этому договору, Германия, Франция и Бельгия обязались сохранять неприкосновенность границ между Германией и Францией и Германией и Бельгией, а также соблюдать постановления Версальского договора относительно Рейнской демилитаризованной зоны. В качестве гарантов выступали Англия и Италия. В случае нарушения статус-кво они должны были оказать в том числе и военную поддержку пострадавшей стороне.

Ну, а те, прекрасно зная, что это фальшивка, стали ее использовать как серьезный, якобы что-то доказывающий аргумент. Более того, бритты прекрасно знали, что тевтоны специально распускают такие слухи, дабы напугать французов намеком на некий тайный сговор между германскими и советскими военными против Франции, посеять недоверие к советской политике и тем самым отбить у официального Парижа всякое желание вести переговоры с Советами о заключении договора о ненападении.

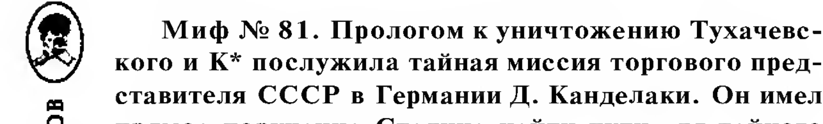
Так вот, по донесениям разведки, Сталин прекрасно знал об этой выходке британской разведки и дипломатии. И когда в самом конце марта 1935 года в Москву прямо с англо-германских переговоров пожаловал лорд-хранитель печати А. Иден, то, принимая его, Сталин умышленно упомянул во время встречи с ним о распускаемых за рубежом слухах о якобы имевшей место встрече Тухачевского с Герингом. Причем столь же умышленно Сталин сделал вид, что верует в то, что в распускании таких слухов повинны только немцы, которых в присутствии Идена обвинил в проведении мелкотравчатой политики. Хотя докладывавшиеся ему данные разведки четко свидетельствовали о том, что главными инициаторами широкого распространения слухов на эту тему являются именно англичане, а немцы всего лишь составили фальшивый апокриф[1]. Иден прекрасно понял, кому предназначались это и другие обвинения Сталина.

Обращаю особое внимание на этот факт, потому как он свидетельствует о том, что Сталин не только был прекрасно осведомлен обо всех или, по крайней мере, о многих порочивших СССР и его видных деятелей слухах, что циркулировали по Европе, но и относился к ним как к слухам. Тем более что в ряде случаев он точно знал, «откуда дует ветер». Тем не менее в отечественной историографии по-прежнему широко распространена беспочвенная точка зрения о том, что-де на судьбу Тухачевского в немалой степени повлияли распространявшиеся в зарубежной прессе сплетни и слухи, что-де Сталин черпал компромат на маршала именно из таких источников. Как

[1] Советская разведка установила, что эту фальшивку во Франции распространяла именно британская разведка. См. Мотов В.С. НКВД против абвера. М., 2005. С. 54.

«черпал» — выше уже показано. Кто был источником такого «компромата» — тоже. Как Сталин относился к таким компрометирующим слухам — тем более очевидно.

Миф № *79.* Заговора военных вообще не было. После расстрела военных Сталин приказал НКВД и ГРУ состряпать компромат на Тухачевского и К°, затем передал его президенту Чехословакии Бенешу. Последний на основании этих материалов успокоил Европу и уже от своего имени передал досье с компроматом Сталину. Довоенная версия.

Миф № 80. Заговора военных не было, но ликвидация «гениальных стратегов» типа Тухачевского и Кб понадобилась Сталину как первый шаг на пути подготавливавшегося им сговора с Гитлером. Довоенная версия.

Миф № 81. Прологом к уничтожению Тухачевского и К* послужила тайная миссия торгового представителя СССР в Германии Д. Канделаки. Он имел прямое поручение Сталина найти пути для тайного сговора с Гитлером.

Миф № 82. Против Тухачевского был использован подложный компромат. Довоенная версия.

Миф № 83. Сталин купился на состряпанный нацистскими спецслужбами и подкинутый через белоэмигрантские организации фальшивый компромат на Тухачевского.

Миф № 84. Тухачевский и К° не имели связи с германской разведкой и германским генеральным штабом. Довоенная версия.

Комплекс этих идиотских до последней запятой, глубоко противоречащих друг другу версий появился еще в ок-

тябре 1939 года в следующем виде: «У Эдуарда Бенеша, бывшего президента Чехословакии, тоже есть свои счеты к Сталину. Дело в том, что, когда в 1937 г. были расстреляны Тухачевский и крупные военачальники Красной Армии, Европа была настолько возмущена, что Сталину пришлось искать каналы, через которые он мог бы убедить европейские демократические правительства в том, что победитель Деникина и Колчака — нацистский шпион. **По указке Сталина в ОГПУ в сотрудничестве с Управлением разведки Красной Армии было состряпано досье, которое должно было свидетельствовать против этих высших командиров Красной Армии, для передачи его правительству Чехословакии. Эдуард Бенеш, видимо счел, что он не вправе проверять эти свидетельства, учитывая возможную помощь Сталина Чехословакии.** Пусть теперь Бенеш припомнит это дело, пересмотрит свое отношение к характеру «свидетельств», изготовленных специалистами из ОГПУ, и решит, имеет ли он право продолжать молчать ».

Вы поняли, в чем тут идиотизм?! Правильно, уж слишком «оригинально» получается. Сначала поставить военных к стенке. Потом испугаться возмущения какой-то там Европы. Затем искать каналы для убеждения оной в своей правоте. Задним числом состряпать досье, едва ли не насильно всучить его Бенешу — наверное, для того, чтобы он разболтал бы, что-де Сталин ни в чем не виноват, но прав. И одновременно надеяться на то, что он же еще и поможет Чехословакии?! Ну, что это если не форменный идиотизм?! И нас хотят убедить, что так действовал Сталин?!

Трудно сказать, кому в британской разведке пришло в голову состряпать подобный бред сивой кобылы. Зато точно известно, какой конкретно мерзавец действительно изложил эту глупость на бумаге. Более того, абсолютно точно известна фамилия, точнее, псевдоним конкретного подонка, что «украсил» этот бред сивой кобылы. Извольте полюбопытствовать — весь этот идиотизм вышел за подписью «гордости» всей «прогрессивнойобщественности»и «кумира»антисталинских «детей Арбата» — Вальтера Германовича Кривицкого. В действительности же под этим псевдонимом

скрывался беглый предатель-подонок, бывший советский разведчик, глава нелегальной резидентуры в Голландии — Самуил Гершевич Гинзбург. В 1937 году сбежал на Запад, где продался как троцкистам, так и в первую очередь, британской разведке.

В США, куда его вывезли сердобольные бритты, под крикливым названием «Я был агентом Сталина» якобы опубликовал свои «мемуары». Якобы опубликовал «свои мемуары» потому, что лично собственной рукой ничего не писал и лично не издавал никаких мемуаров! Гонорар получал, и немалый, а вот писать-то — ничего не писал! Потому как Вальтер Германович Кривицкий, он же Самуил Гершевич Гинзбург, а в действительности нанесший в канун войны колоссальный ущерб советской разведке и Советскому Союзу беглый предатель-подонок попросту не знал английского языка, на котором он якобы написал свои мемуары! За него это сделал агент британской разведки в кругах русской эмиграции в США Исаак (Айзек) Дон-Левин — прохиндей и пройдоха, каких свет не видывал. Он еще не раз встретится читателям при анализе разных мифов о Тухачевском.

Кстати говоря, разоблачила Кривицкого вдова его друга, такого же беглого предателя которого он сам и помог убрать, тоже беглая предательница Элизабет Порецки: «Кривицкий ехал (так в тексте ее мемуаров. — *А.М.) в* США и очень страдал от этого, поскольку ни язык, ни страна не были ему знакомы. Он завел в Штатах новых друзей, которые проявили заботу о нем, а после, когда Кривицкого уже не было в живых, и о его семье. Но именно среди них он познал глубину своего одиночества. Его новые друзья и посоветовали ему заняться журналистикой, а еще лучше написать воспоминания. "И тогда жизнь наполнится смыслом", — уверяли его. Он не мог писать по-английски и всю работу возложил на "негров", которым сообщил необходимую обширную информацию. "Негры" исказили ее с единственной целью — сделать книгу сенсационной. Он ничего не знал об американской прессе, потому что не читал ее. А шумиха вокруг воспоминаний "сталинского агента" поднялась изрядная. Его сотрудникам удалось добиться поставленной цели. Кривицкий не подозре-

/

вал, что "негры" присвоили ему звание и степени, которыми он никогда не обладал, а также "вручили" пост шефа советской разведки в Европе».

Кстати говоря, дубоватые бандерлоги антисталинской пропаганды по-прежнему именно так его и величают. Даже называют его генералом и шефом западноевропейской резидентуры советской разведки. Хотя в момент побега он был всего лишь капитаном госбезопасности, что соответствовало армейскому званию подполковник, а по должности был резидентом одной из нелегальных резидентур советской внешней разведки в Голландии. Бандерлоги антисталинской пропаганды именно потому дубоватые, что никак в толк не могут взять одну простую истину. Ну не было у советской разведки западноевропейской резидентуры! Никогда не было! Потому что с профессиональной точки зрения это абсолютный идиотизм, до которого, к слову сказать, советская разведка никогда не скатывалась. Резидентуры организовываются только в конкретных странах.

Вся затея британской разведки с так называемыми мемуарами Кривицкого не стоила бы и выеденного яйца, если бы не та цель, которую она преследовала. Это была демонически бешеная месть лично Сталину за то, что во имя безопасности руководимого им государства и его народов он пошел на подписание Договора о ненападении с Германией. За то, что тем самым он жестко поменял расписание Второй мировой войны, а, следовательно, и послевоенную конфигурацию мироустройства. За то, что сделал невозможным для англосаксов войти в Восточную Европу как в начале войны, ибо поставил их в ситуацию острой необходимости оборонять Западную Европу, так и после победы для ее изъятия из орбиты СССР. За то, наконец, что этот договор символизировал крупнейший провал британской стратегии за весь XX век. Провал, от которого на протяжении всех предвоенных лет Сталин всеми силами пытался удержать Великобританию. Но провал, который Великобритания сама же и допустила, — то ли в силу патологической тупости, то ли в силу зоологической русофобии, круто замешанной в те времена на таком же зоологическом антисоветизме, но скорее всего в силу комбинированного взаимодействия этих причин.

Ну, а для того, чтобы с больной да дурной британской башки свалить на здоровую, любое дерьмо сгодится, особенно такие подонки, как беглые предатели. Вот так у будущих «детей Арбата »/ «шестидерастов » и прочих «либерастов» появился «авторитетный источник правды» о сталинских репрессиях: ничего сам не написавший Самуил Гершевич Гинзбург — Вальтер Германович Кривицкий! Не только беглый предатель-подонок, выдавший британской разведке свыше 100 сотрудников и агентов советской разведки, в том числе и агентов инфраструктуры, не только банальный вор, укравший несколько десятков тысяч франков из государственной казны[1], но и активный участник двойного заговора германских и советских генералов! Благодаря своему положению резидента нелегальной резидентуры он и обеспечивал непосредственную связь между заговорщиками в генеральских погонах. **Прекрасный источник «правды» о сталинских репрессиях, однако...**

Но ладно бы, если все ограничилось бы только этим идиотизмом. Беда вся в том, что от имени этого беглого предателя-подонка сочинили еще больший идиотизм.

Далее якобы в его «мемуарах» говорится: «Когда все элементы непостижимой головоломки в Красной Армии были соединены воедино, законченная картина выявила следующие факты:

1. Сталинский план с целью опорочить Тухачевского и других генералов начал осуществляться, по крайней мере, за 6 месяцев до так называемого раскрытия "заговора".

2. Сталин расстрелял маршала Тухачевского и его соратников как немецких шпионов как раз накануне завершения сделки с Гитлером после нескольких месяцев секретных переговоров.

3. Сталин умышленно использовал фальшивые доказательства, полученные из Германии и сфабрикованные наци-

[1] Кстати говоря, практически все давшие деру на Запад так называемые борцы со сталинизмом были тривиальными ворами. А Кривицкий к тому же неплохо подзаработал еще и на махинациях с поставками оружия для республиканской армии Испании в 1936 году.

стским гестапо, в ложном обвинении самых преданных генералов Красной Армии. Это доказательство было получено ОГПУ с помощью белоэмигрантских военных организаций за рубежом.

4. По заданию Сталина 22 сентября 1937 года в Париже был тайно похищен генерал Евгений Миллер, возглавлявший Российский Общевоинский Союз.

Этот дерзкий акт, который мировая общественность не связывала с чисткой Красной Армии, был совершен с целью ликвидации единственного внешнего источника информации как канала, через который гестапо предоставило ОГПУ ложное доказательство против руководителей Красной Армии».

Хуже того. Вдогонку всей это брехологии в якобы его «мемуарах» говорится также: «Суть новостей заключалась в том, что проект соглашения между Сталиным и Гитлером заключен и доставлен в Москву Канделаки, секретным эмиссаром Сталина в Берлине. Давид Канделаки, выходец с Кавказа и земляк Сталина, официально состоял торговым представителем в Германии. В действительности он был личным посланником Сталина в нацистской Германии. Канделаки в сопровождении Рудольфа (псевдоним секретного представителя ОГПУ в Берлине) как раз вернулся из Германии, и они оба быстро были доставлены в Кремль для беседы со Сталиным. Теперь Рудольф, который подчинялся Слуцкому по заграничной разведывательной службе, достиг такого положения с помощью Канделаки, что был направлен непосредственно с докладом к Сталину через голову его руководителя. Канделаки добился успеха там, где другие советские разведчики оказались бессильны. Он вел переговоры с нацистскими лидерами и даже удостоился личной аудиенции у самого Гитлера. Истинная цель миссии Канделаки была известна пяти-шести человекам. Сталин считал это триумфом своей личной дипломатии, так как теперь в течение многих лет он один мог контролировать ход развития Советского государства. Только немногие из его ближайших помощников знали об этих переговорах. Наркомат иностранных дел, Совет Народных Комиссаров, то есть советский кабинет министров, и Центральный Исполнительный Комитет, воз-

главляемые председателем Калининым, не принимали участия в политической игре Сталина—Канделаки. В апреле 1937 г., после возвращения Канделаки в Москву, Сталин был уверен, что союз с Гитлером дело решенное. В тот момент, когда шли переговоры с Гитлером, он уничтожал своих старых товарищей, объявив их немецкими шпионами. Он узнал, что в настоящее время Германия не представляет для него реальной угрозы. Путь для чистки Красной Армии был свободен».

Бред сивой кобылы очень трудно комментировать, но обратите внимание на то, в чем вся суть-то этого бреда. Тухачевский и его подельники были расстреляны в ночь на 12 июня 1937 г. Якобы сделка же с Гитлером, под которой дубоватый «литературный негр» — Исаак (Айзек) Дон-Левин — имеет в виду Договор о ненападении от 23 августа 1939 г., состоялась через два года, два месяца к одиннадцать дней. И это называется накануне?! Ну, не идиоты ли?!

Как видите, при проведении этой акции британская разведка умышленно увязала факт ликвидации заговора Тухачевского с миссией Канделаки, о которой говорилось еще в первой книге пятитомника. В связи с этим придется вкратце напомнить, о чем речь. Направление в Берлин на важный пост торгового представителя СССР старого приятеля Сталина — Давида Владимировича Канделаки было связано с резко ухудшившейся после привода Гитлера к власти ситуацией в советско-германских торгово-экономических отношениях. Навязываемый банальной служебной командировке Канделаки таинственный смысл некой миссии в *целях* достижения некоего тайного сговора с Гитлером просто не имел места быть. Это полнейшая чушь. Смысл и цель его банальной служебной командировки в Берлин лежит на поверхности — положить-таки начало нормализации торгово-экономических отношений между двумя государствами, ранее вполне неплохо сотрудничавших на этой стезе. Потому-то Сталин и выбрал своего земляка и старого знакомого, чтобы в Берлине быстрее бы сообразили, что если торгпредом приехал человек Сталина, то, следовательно, все вопросы нормализации торгово-экономических отношений будут решаться по-сталински, в удар-

ном темпе. В таком смысле Канделаки можно считать порт-паролем Сталина, то есть его неофициальным посредником в официальном статусе.

Миф о некоей тайной миссии Канделаки был создан ровно на пустом месте как главарем англофильствовавшей мафии в наркомате иностранных дел СССР — наркомом М.М. Литвиновым (Мейер Баллах — Финкельштейн), антисталинской оппозицией, в том числе и особенно несносным проходимцем Н.И. Бухариным, распускавшим грязные слухи на этот счет, так и самими немцами, а также британской разведкой. Как указывалось еще при анализе мифа № 2 в первой книге пятитомника, в действительности речь шла о совершенно ином. **Сталин пытался через контакт Канделаки с Я. Шахтом поддержать заинтересованные в развитии торгово-экономического сотрудничества с СССР наиболее трезвомыслящие и влиятельные финансовые, деловые и военные круги Германии, чтобы положить также и начало нормализации межгосударственных отношений.** Едва ли даже вконец рехнувшийся на зоологическом антисталинизме посмеет расценить подобное намерение как стремление к сговору. При всех зигзагах контакта Канделаки с Шахтом дело действительно шло к тому, что межгосударственные отношения СССР и Германии могли быть нормализованы. В конце-то концов, весь мир тогда поддерживал с Германией нормальные дипломатические и межгосударственные отношения. И почему СССР не должен был стремиться к этому же?!

29 января 1937 г. Канделаки передал Шахту официальные предложения Советского правительства приступить к широкому обсуждению всех актуальных вопросов нормализации германо-советских межгосударственных отношений. Но где тут хотя бы попытка к тайному сговору?! Обычная дипломатическая практика. А то, что это происходило в формате его контакта с Шахтом, — тоже ничего удивительного. Значение Шахта в деловом и финансовом мире Германии было огромно. Сталин это прекрасно понимал, тем более имея в виду поддержать его и стоявшие за ним силы против Гитлера. Ибо если нормализацией межгосударственных отношений СССР и Германии займется имен-

но Шахт, то это будет означать прежде всего серьезное усиление торгово-экономического сотрудничества между двумя государствами. А политическое оформление такого сотрудничества тем более будет крепко на государственном уровне Германии, что его будут подпирать капитаны германского делового мира, мнение которых Гитлер был обязан и слушать, и слышать. В чем тут сговор, тем более тайный?! Нормальное стремление советского государства нормализовать свои отношения с крупнейшим на Западе континентальной Европы государством.

Еще раз обращаю внимание на категорическую недопустимость использования характерных для «демократии» так называемых двойных стандартов. То есть почему западным странам можно было иметь нормальные межгосударственные отношения с Германией Гитлера, а Советский Союз, видите ли, не имел на то права?! Советский Союз тем более имел на это особое право. На момент представления Канделаки официальных предложений Советского правительства оставалось чуть более года до истечения пролонгированного срока действия советско-германского договора о нейтралитете и ненападении от 24 апреля 1926 года. Он истекал в июне 1938 г. В тексте же договора, а также в ратифицированном уже при Гитлере протоколе о пролонгации срока действия договора прямо указывалось, что он может быть продлен в очередной раз, если заинтересованные стороны за год до истечения очередного срока придут к обоюдному согласию на этот счет. Вот потому Сталин и поднимал этот вопрос заблаговременно. Доверять же Литвинову эту важнейшую дипломатическую задачу он не мог — Литвинов был евреем, а зоологический антисемитизм Гитлера хорошо был известен. К тому же Литвинов постоянно делал все, чтобы как можно сильней ухудшить и без того осложненные советско-германские отношения. Так что участие Литвинова в таких переговорах могло привести к обратному результату. Вот почему именно ставленник Сталина — грузин Канделаки — вел также и политические переговоры, но через Шахта. Так в чем же тут попытка сговора, тем более тайная?! А ее просто нет, не было и быть не могло по определению. Со стороны Сталина, естественно.

Однако сговор все-таки был. Двухэтапный. Сначала практически малоизвестный, если вообще известный, первый предмюнхенский сговор между США и Великобританией, а затем и второй, также практически малоизвестный предмюнхенский сговор — между Великобританией и Германией. В процессе первого сговора лидеры англосаксонского Запада договорились между собой о том, по какой конкретно «технологии» они безальтернативно исключат Советский Союз как предотвращающий **«вступление Германии в войну» важнейший фактор не только европейского, но и мирового значения!** Причем при одновременном обеспечении нацистской Германии возможности быстрого достижения необходимого уровня военной и военно-экономической готовности, а также стратегического плацдарма для немедленного развязывания войны на восточном азимуте! Свидетельствует добытая нелегальной резидентурой советской разведки в США агентурная информация о состоявшемся 29 января 1937 г. обмене мнениями между президентом США Ф.Д. Рузвельтом и специальным представителем британского кабинета министров С. Болдуина — Рэнсименом. От имени США Рузвельт заявил на этих переговорах следующую позицию: «Если произойдет вооруженный конфликт между демократией и фашизмом, Америка выполнит свой долг. Если же вопрос будет стоять о войне, которую вызовет Германия или СССР, то она будет придерживаться другой позиции и, по настоянию Рузвельта, Америка сохранит свой нейтралитет. **Но если СССР окажется** под **угрозой германских, чисто империалистических, т.е. территориальных,** стремлений, тогда должны будут **вмешаться** европейские государства, **и Америка** станет **на их** сторону»!? В ответ на это Рузвельт услышал от Рэнсимена пассаж о том, что-де «в основе каждого нападения фашистов или их вассалов на **СССР** будут лежать империалистические мотивы»?![1]

Однако по состоянию на начало 1937 года непосредственной, прямой угрозы для СССР со стороны гитлеровской Гер-

[1] Очерки истории российской внешней разведки. В 6-ти т. Т. 3. 1933-1941. М., 1997. С. 468.

мании не было. Гитлер не только был еще весьма далек от советских границ и даже не знал, как к ним подобраться, но и слаб в военно-экономическом отношении. В то же время была очевидная серьезная общая угроза миру и безопасности в Европе в связи с воцарившимся в Германии нацистским режимом. Естественно, что такого же характера угроза существовала и для СССР. Отсюда и вопрос — а что же тогда на самом-то деле обсуждали Рузвельт и Рэнсимен?!

Под прикрытием внешне красивых рассуждений о «демократии» в тот момент обсуждалась стержневая, краеугольная часть уже существовавшего у Великобритании преступного замысла по сговору с Гитлером, который впоследствии войдет в историю как Мюнхенский! Потому что, как тогда же документально точно было установлено советской разведкой, накануне их встречи британский посол в США Линдсей через госсекретаря Хэлла официально проинформировал высшее американское руководство о том, что между Лондоном и Парижем достигнуто соглашение о **«совместном общем плане действий** (так в документе. — *А. М.)* **Англии и Франции». Первый пункт составленного, кстати говоря, А. Иденом и министром иностранных дел Франции Дельбосом плана, по словам Линдсея, гласил: «1. Будет сделана новая попытка достигнуть соглашения с Берлином»!**[1]

В беседе с госсекретарем Хэллом Линдсей затронул и вопрос о неготовности Гитлера к войне, обратив при этом особое внимание, что Гитлер испытывает более острый дефицит сырья, нежели о том известно. А Запад уже не мог в полной мере обеспечивать резко возраставшие потребности Третьего рейха в сырье, особенно стратегическом. За признанием этого факта отчетливо проглядывался подлинный страх Великобритании по поводу возможного комплексного урегулирования советско-германских отношений, стержнем чего, в силу исторически сложившейся традиции, стало бы урегулирование торгово-экономических отношений между СССР и Германией. Потому что Лондон до белого каления был взбешен:

[1] Там же. С. 470.

— официальными контактами Д. Канделаки в попытках хоть как-то нормализовать советско-германские отношения — как торгово-экономические, так и межгосударственные;

— интенсивными попытками Советского Союза предотвратить нарастание угрозы гитлеровской агрессии не только в Европе, но и прежде всего против самого себя.

Проще говоря, Рузвельт и Рэнсимен обсуждали вопрос о том, как наиболее эффективно подставить СССР под «угрозу германских, чисто империалистических, то есть территориальных, стремлений», чтобы Германия и Советский Союз сцепились в смертельной схватке не позднее 1938 года! Да так, чтобы у англосаксов появился бы законный повод вмешаться в ход событий. А затем «на плечах» реализующей якобы свои экспансионистские планы нацистской Германии ворваться в Восточную Европу и особенно на оккупированную в таком случае территорию СССР, сыграть, точнее, сымитировать роль (непрошеного!) «освободителя» и в итоге утвердить там свое господство! Вот что на самом-то деле тогда обсуждалось! А если еще проще сказать, то Великобритания попросту испрашивала у экономически более сильных Соединенных Штатов согласие на будущий (Мюнхенский) сговор с Гитлером, включая и согласие на отдельный предварительный сговор с фюрером! Вот это и была «технология» безальтернативного исключения Советского Союза как предотвращающего «вступление Германии в войну» важнейшего фактора не только европейского, но и мирового значения. При одновременном обеспечении нацистской Германии возможности быстрого достижения необходимого уровня военной и военно-экономической готовности, а также стратегического плацдарма для немедленного развязывания войны на восточном азимуте. Потому что главным камнем преткновения в устроении новой мировой войны действительно было именно это обстоятельство!

И едва только сговор между США и Великобританией произошел, как уже в начале февраля 1937 г. в Баденвейлере состоялась конфиденциальная встреча тет-а-тет между Шахтом и руководителем экономического департамента МИДа Великобритании Лейт-Россом. Именно во время их встречи и про-

изошел второй предмюнхенский сговор, раскрывший суть еще в Вашингтоне утвержденной «новой попытки достигнуть полного соглашения с Берлином», явившейся санкционированным США сознательно злоумышленным предварительным сговором Лондона с Гитлером против мира и безопасности в Европе! Потому как во время этой встречи произошло следующее:

1. От имени правительства Великобритании Лейт-Росс через Шахта ясно дал понять Гитлеру, что нет никакой необходимости требовать решения вопроса о колониальных и экономических уступках, чем в то время активно был занят фюрер. Если, конечно, он согласится с британским предложением о том, что в порядке компенсации Великобритания (при участии Франции) поможет Берлину выгодным для него образом урегулировать проблему Судет и получить прямой доступ к развитой индустриальной базе ВПК Чехословакии, ее богатейшим арсеналам вооружений, мощной военно-инженерной инфраструктуре в непосредственной близости от границ СССР. Проще говоря, Гитлеру предлагалось снять все колониальные и экономические претензии к Западу, взамен чего, через некоторое время, он обязательно получит Чехословакию со всем ее демографическим, экономическим, военно-экономическим, военно-техническим и иным «приданым» в качестве плацдарма для нападения на СССР. Поскольку торг шел между опытнейшими специалистами в области экономики и финансов, то и главный лейтмотив торга был чисто финансово-экономический, чего, как правило, при анализе предыстории Мюнхенского сговора не учитывают.

2. Аналогичным образом фюреру дали понять, что западные демократии — Лондон и Париж — ожидают от него серьезного аванса в знак согласия с «дельным» предложением. А в качестве аванса западные демократии готовы зачесть ему немедленное прекращение даже зондажных контактов:

— с СССР — в формате Шахт—Канделаки;

Лондон всерьез опасался, что в преддверии истечения срока действия советско-германского Договора о нейтралитете и ненападении от 24 апреля 1926 года зондажные контакты в формате Шахт—Канделаки к чему-нибудь крайне нежелательному для него да приведут.

— с Чехословакией — в формате А. Хаусхофер — Траутмансдорф — Э. Бенеш.

С осени 1936 г. Гитлер влез в секретные зондажные переговоры с Чехословакией, чтобы заручиться ее нейтралитетом на случай войны с Францией, так как Чехословакия была связана с Францией договором от 1924 г. об оказании взаимопомощи в отражении агрессии. Но более всего фюрера беспокоило то обстоятельство, что с мая 1935 г. между СССР и Чехословакией, а также между СССР и Францией существовали аналогичные договора, которые, в случае его нападения на Францию автоматически и в порядке цепной реакции возродили бы для Германии ситуацию войны на два фронта, чего после Первой мировой войны германские военные очень опасались.

Гитлеру также дали понять, что такой аванс не так уж и труден для него, особенно, если он:

а) примет во внимание, что по данным, которыми располагает Великобритания, в СССР вот-вот произойдет военный переворот и Сталина свергнут, а следовательно, нет никакого резона разыгрывать переговорный фарс с представителем Сталина —Канделаки;

б) учтет, во-первых, что в любом случае — удастся ли переворот или нет — у Чехословакии не останется ни малейшего шанса на получение какой-либо помощи со стороны Москвы. Во-вторых, что основной гарант безопасности Чехословакии — Франция — и вовсе не намерена затевать военное сотрудничество с большевиками в условиях надвигающейся непредсказуемой политической ситуации в СССР!

И именно после этого Гитлер:

— полностью отмел представленные Канделаки через того же Шахта предложения Советского правительства о комплексной нормализации советско-германских отношений[1];

[1] Британские историки, например, еще во время 50-летия тех событий демонстративно недоумевали: а зачем это Гитлер так поступил? Так посмотрели бы в архиве Форин оффиса да почитали бы отчет Лейт-Росса о встрече с Шахтом — к тому времени он уже был рассекречен, хотя о самом факте известно давно и он никогда не скрывался.

— стал заявлять, что-де получил из России вести о грядущем перевороте;

— внезапно прервал германо-чехословацкие зондажные переговоры и более к ним не возвращался. А они, к слову сказать, чрезвычайно раздражали Лондон — не меньше, чем контакты Канделаки.

То есть, грубо говоря, бритты сами «засветили» заговор Тухачевского перед тевтонами. А до этого Гитлер не был в курсе, что в СССР готовится заговор Тухачевского. Его генералы вовсе и не считали нужным ставить его в известность о своих шашнях с красными генералами.

Когда же Мюнхенский сговор Запада с Гитлером состоялся и тем более когда менее чем через год Сталин сполна вернул должок Западу — в виде советско-германского Договора о ненападении от 23 августа 1939 г., — то Великобритания в бешенстве попросту психанула. Прежде всего, от осознания того, что во имя безопасности руководимого им государства и его народов Сталин пошел на подписание Договора о ненападении с Германией, что означало очередную оттяжку столь желанного для Великобритании и всего Запада смертельного столкновения СССР с Германией на тропе Марса. Психанула от осознания того, что тем самым Сталин жестко поменял расписание Второй мировой войны, а следовательно, и послевоенную конфигурацию мироустройства. Психанула от осознания того, что Сталин сделал невозможным для англосаксов войти в Восточную Европу как в начале войны, ибо поставил их в ситуацию острой необходимости оборонять Западную Европу, так и после победы для ее изъятия из орбиты СССР. Наконец, психанула от осознания того, что этим договором он символически обозначил крупнейший провал британской стратегии за весь XX век. Провал, от которого на протяжении всех предвоенных лет Сталин всеми силами пытался удержать Великобританию. Но провал, который Великобритания сама же и допустила, — то ли в силу патологической тупости, то ли в силу зоологической русофобии, круто замешанной в те времена на таком же зоологическом антисоветизме, но скорее всего в силу комбинированного взаимодействия этих причин.

Естественно, что у «старой, доброй англичанки», что испокон веку гадит России, как бы она ни называлась в разные времена, тут же возникла потребность свалить все с больной британской башки на здоровую сталинскую голову. В ход пошли и «Открытое письмо Сталину» психопата Раскольникова, и особенно так называемые мемуары Кривицкого, изданием которых в США британская разведка пыталась отмазать руководство Великобритании в непричастности к столь крупнейшему провалу. Были и другие акции британской разведки. К сожалению, обо всех невозможно рассказать в одной книге.

Особо подчеркиваю, что это была демонически бешеная месть лично Сталину! Потому-то в структуре «мемуаров» Кривицкого и были допущены взаимоисключающие версии дела Тухачевского. Бритты отчаянно валили все в одну кучу, дабы очернить Советский Союз и лично Сталина, но оправдаться перед США. Тем самым они прикрывали «технологию» Мюнхенского и особенно двух упоминавшихся выше предмкшхенских сговоров.

Вот что стояло за так называемыми мемуарами Кривицкого и особенно за тем идиотизмом, который в них содержится. Кстати говоря, одновременно этим идиотизмом британская разведка прикрывала и то, как она «завалила» заговор Тухачевского, прибегнув к помощи президента Чехословакии Э. Бенеша. «Мемуарист» же ничего не знал и даже не подозревал, что от его имени написал агент британской разведки Исаак (Айзек) Дон-Левин.

Что же до брехни о некой причастности нацистских спецслужб к делу Тухачевского, то начало ей было положено все той же специальной акцией британской разведки в виде так называемых мемуаров Кривицкого-Гинзбурга. Что за ними стояло — выше уже говорилось. Однако в действительности же ни нацистская верхушка вообще, ни особенно руководство нацистских спецслужб, в частности прежде всего Р. Гейдрих, — тут ни при чем. Тогда каким же образам, спрашивается, еще Кривицкий умудрился приплести к этому делу гестапо?! В том-то все и дело, что дубоватый «литературный негр»-папарацци Айзек Дон-Левин приплел гестапо, что называется, «до кучи». На фоне краткого упоминания дела о

похищении советской разведкой генерала Миллера в Париже в одну кучу свалены и гестапо, и белоэмигрантские организации, и генерал Скоблин, и кружок А.И. Гучкова, и дочь последнего и т.д. А это, между прочим, полнейшая чушь и один из серьезнейших проколов британской разведки. Прокол, который почему-то никогда не привлекает внимания исследователей.

Начнем с генерала Скоблина — он же агент советской внешней разведки под псевдонимом **«Фермер» (ранее «ЕЖ 13»).** Николай Скоблин никогда не состоял в агентурных отношениях с нацистской разведкой и уж тем более никогда не был агентом-двойником. Это был честный и искренний патриот России, высокопрофессиональный разведчик — в Российском Общевоинском Союзе Скоблин сам возглавлял всю разведку и контрразведку. Скоблин внес громадный вклад в обеспечение государственной безопасности СССР.

Первой же о якобы имевшей место причастности нацистских спецслужб к похищению генерала Миллера из Парижа заговорила... французская пресса прямо по «горячим следам». Причем мотивировка у французских газетчиков была на редкость примитивной — мол, генерал Миллер не проявлял должного рвения и почтения к Гитлеру, что, естественно, не могло не повлиять на его судьбу. Затем масла в огонь подлил большой «охотник до журнальной драки» Владимир Бурцев — старинный разоблачитель всех и вся. В своих интеллектуальных пассажах на эту тему он ни на йоту не превзошел французских коллег по перу и тоже обвинил в похищении нацистов.

Усмотрев в этой реакции французской и эмигрантской прессы хорошую возможность вообще начисто откреститься даже от тени намека на подозрения в свой адрес, некие «светлые головы» в лубянской разведке решили обыграть ее по-своему. С санкции не шибко-то и понимавшего в стратегических акциях влияния Ежова опубликовали в «Правде» статейку, в которой и вовсе объявили Скоблина агентом гестапо!? С этого момента легенда о Скоблине как об агенте гестапо зажила автономной и, к глубокому сожалению, до сих пор продолжающейся жизнью. Глупейшая,

конечно, ситуация — честный агент, искренне и очень плодотворно сотрудничавший с советской разведкой ни за что угодил в агенты гестапо.

Однако у британской разведки был и есть свой резон педалировать тему «Скоблин — агент гестапо», потому как это фактически один из редких шансов выставлять его как «источник» подложного компромата на советских вояк. Это позволяло бриттам скрыть наличие у них солидного досье как на советских заговорщиков, так и на самого Скоблина.

Дело в том, что, как руководитель разведки и контрразведки РОВС, Скоблин действительно контактировал (в силу этого статуса) с представителями различных европейских спецслужб, в чем и была его ценность как агента. Естественно, что СИС об этом знала. Значение Скоблина в успехах советской контрразведки по выкорчевыванию заговора военных британская разведка осознала в конце лета 1936 г. 12 июля 1936 г. британская разведка зафиксировала факт конфиденциальной встречи в доме одного из членов палаты общин британского парламента советского военного атташе в Великобритании К. Путны и генерала Скоблина. Путна в то время по указанию Тухачевского продолжал налаживать контакты с наиболее влиятельными кругами белой эмиграции. А в августе 1936 г. Путна уже был арестован. А в феврале 1937 г., окружным путем — через чехословацкую военную разведку в Риге, — британская разведка получила сведения о том, что Путна признан виновным в сговоре с германскими офицерами. Элементарное сопоставление всех фактов окончательно привело британскую разведку к единственному и верному выводу о том, что Скоблин —- агент советской разведки. А когда его имя всплыло еще и в связи с похищением генерала Миллера, когда вся европейская, в том числе и белоэмигрантская, пресса буквально с ходу завыла о причастности гитлеровских спецслужб к этому делу, Скоблин бесследно исчез. [Последним его видел советский резидент в Испании и в скором будущем беглый предатель А.Орлов-Фельдбин, у которого оказалось даже золотое кольцо Скоблина! С убитого, что ли, снял?]

Не воспользоваться такой уникальной ситуацией в своих интересах было бы актом отпетой глупости, на что СИС ни-

когда не претендовала. И потому в оборот была запущена легенда о Скоблине как о двойном агенте НКВД и гестапо, ибо это позволяло ей скрыть свою причастность к провалу заговора военных.

Теперь о якобы имевшей место причастности гестапо к сотворению подложного компромата на Тухачевского и его подельников. Это очередной «шедевр» брехологии британской разведки на эту же тему. Весной 1937 г. имел место один факт, предшествовавший и особенно последовавший фон свершения которого позволил британской разведке целенаправленно привязать к этой истории еще и гестапо. И даже десятилетия спустя британская разведка по-прежнему «держала марку» по этому вопросу, вынудив, в частности, перо профессора Лондонской школы экономических и политических наук Дональда Камерона Уотта вывести следующее: **«Как бы ни развивались события на деле, чехословацкий источник свидетельствует о повторении в начале апреля (1937 г. —А. М.) сообщений о германо-советских контактах** (речь идет о якобы «тайной миссии» Канделаки. — А. М.), **что побудило посла Польши в Германии Ю. Липского обратиться за разъяснениями к К. Нейрату, а итальянского посла в Советском Союзе Россо — к Шулленбургу. Об этом же также сообщали послы разных стран. Эти донесения совпадали с действиями Геринга, который 7 апреля встретился в Берлине с Маетны. Содержание их беседы не известно, но Маетны немедленно выехал в Прагу, где 17 апреля был принят Бенешем. Президент Чехословакии направил сразу же главу чехословацкой тайной полиции К. Новака в Берлин, где он встретился с ведущей фигурой СД Мюллером. Бенеш, получив информацию от Маетны, в период с 22 апреля по 7 мая имел четыре встречи с послом СССР. В них принял участие Крофт. На первой встрече Александровский отверг сообщение чехословацкой стороны как абсурдное. Но затем показанное досье поколебало его позиции. Видимо, это сыграло какую-то роль в том, что запрос МИДу Великобритании о выдаче визы Тухачевскому для поездки на коронацию Георга VI был отменен 4 мая. В качестве причины была названа болезнь Тухачевского».**

Ничего конкретно не утверждая, к тому же то ли сознательно, то ли от незнания перепутав многое, профессор ненавязчиво выстраивает не имеющие друг к другу отношения события в один ряд и тем самым исподволь принуждает любого читающего к априорному восприятию всего этого «варева» как глубинной причинно-следственной связи между событиями. Следующий же после этого абзац из профессорской писанины начинается со следующих слов: **«Материал, которым СД и Бенеш снабдили Сталина...» Ничего перед этим не утверждая и не объясняя, профессор лихо утверждает, что-де «СД и Бенеш снабдили Сталина». С чего это так?**

Обратимся к британскому сборнику документов под названием **«Germany and Chechoslovakia 1937—1938» (London, 1939).** На стр. **40** читаем: **«Прошлой весной, когда он** (речь идет о весне 1937 г.; он — это Бенеш. — А. М.) **услышал об эмигрантском плане организации тайных убийств, он предложил чехословацкой полиции сотрудничать с немецкой полицией (гестапо)...»** Это выдержка из относящегося к **весне 1938** г. донесения германского посланника в Праге Эйзенлора. На стр. **33** того же сборника находим подтверждение, что никакой внезапности в тех контактах между чехословацкой и германской полициями не было! Тот же В. Маетны, по утверждению чиновников МИДа Германии, тогда же, в 1937 г., добросовестно настаивал перед руководством Чехословакии на удовлетворении просьбы германской полиции об установлении связи между ней и чехословацкими коллегами, вследствие чего два высших чиновника чехословацкой полиции все-таки приехали в Берлин. Причем, ссылаясь на самого Маетны, германские дипломаты подчеркивали, что чехословацкий посол добивался этого в течение нескольких месяцев. Элементарная проверка — и все эти по-профессорски ненавязчивые измышления рухнули как карточный домик! Ведь причина этих контактов была в следующем.

Во-первых, в то время Бенеш был крайне озабочен резко усилившейся активностью троцкистов в Чехословакии. И не потому, что на том настаивал Сталин, как это пытаются многие представить со ссылками на беглых предателей Рейсса и Кривицкого. А только потому, что деятельность троцкистов резко осложняла и без того до крайности сложные отноше-

ния Праги с Берлином, а также с Москвой, с которой она была связана договором об оказании взаимопомощи в отражении агрессии и соглашением о сотрудничестве разведок.

Во-вторых, по агентурным каналам своих спецслужб Бенешу стало известно, что Организация Украинских Националистов (ОУН) разработала план осуществления ряда политических убийств с тем, чтобы добиться обсуждения вопроса о создании так называемой **Закарпатской Украинской Республики.** ОУН же с приходом нацистов к власти переориентировалась на Абвер и потому наглела не по дням, а по часам. И управу на них можно было найти только в контакте с германскими властями. Для Бенеша борьба с ОУН была тем более важна, что украинские националисты откровенно посягали на суверенитет и территориальную целостность Чехословакии. Причем Бенешу хорошо было известно, что Москва не забыла о том, что эти территории принадлежали России и потому очень пристально следит за возней вокруг этого вопроса. Ведь территории, на которые зарились оуновцы, входили тогда в состав Чехословакии. Германские же власти предлагали контакт между полициями двух стран в рамках того самого зондажного политического флирта осени 1936 — начала 1937 гг. (выше о нем говорилось). Все это имело смысл для Бенеша еще и потому, что над ним как дамоклов меч висела еще и проблема населенной немцами Судетской области. А эти требовали самоопределения с Последующим присоединением к нацистской Германии. Пронацистские организации судетских немцев не отличались спокойным нравом и, подстегиваемые из Берлина, все чаще шли на острые мероприятия. Причем их сепаратизмом управляли как из Берлина, так и из Лондона. Их руководителя — Конрада Генлейна — охотно привечали в Лондоне, куда он дважды ездил в 1935 и 1937 гг. А одновременно он пользовался поддержкой как главы абвера Канариса, так и заместителя Гитлера по партии — Рудольфа Гесса. Противники же К. Генлейна в самом движении судетских немцев, особенно лидер радикального его крыла — Карл Герман Франк, — напротив, ориентировались на шефа СД Р. Гейдриха. Ситуация для Бенеша была крайне сложной. Два мощных сепаратистских движения, управляемых из-за границы, одно из которых еще и раздираемо

на фракции, одна из которых, в свою очередь, ориентируется на Лондон, да еще и резко антигерманская деятельность троцкистов для его маленького государства — это было слишком. Не говоря уже о периодически вспыхивавших шпионских скандалах между Прагой и Берлином, в том числе и при участии советской агентуры. В какой-то степени это действительно требовало официальных контактов с германской полицией.

Все это к тому, что, как и его же коллеги пять с лишним десятилетий до него, профессор Уотт попросту соврал, за уши притянув к этой истории гестапо. Но при этом четко подстроившись под точно известный и достоверный факт — между чехословацкой и советской разведками действовало соглашение о сотрудничестве, в рамках которого происходил обмен разведывательной информацией: вот откуда корни его выражения **«снабдили Сталина».** Только вот гестапо тут ни при чем. Гестапо своих грехов хватает — вовек не отмыться. Чего же лишнее-то приписывать?! Как и многие из профессоров, Уотт попросту не ведал того, о чем писал. Вполне нормальное явление для очень многих профессоров «всевозможных наук».

Что же до упомянутого в так называемых мемуарах Кривицкого «кружка Гучкова», или, как его обозвал «мемуарист», «питательной среды», в которой «до кондиции доводились родившиеся в гестапо доказательства вины» вояк, впрочем, лучше уж процитировать этот бред сивой кобылы: **«Скоблин был главным источником "доказательств", собранных Сталиным против командного состава Красной Армии. Это были "доказательства", родившиеся в гестапо и проходившие через "питательную среду" кружка Гучкова в качестве допинга для организации Миллера, откуда они попадали в сверхсекретное досье Сталина».**

Несмотря на то, что это и в самом деле бред, анализировать придется на полном серьезе, ибо «кружок Гучкова» литературный папарацци «мемуариста» зря приплел. Прежде всего потому, что Скоблин никогда не был секретарем «кружка Гучкова». Кроме того, «кружок Гучкова», как, впрочем, в первую очередь сам Александр Иванович, — это полностью подконтрольное британское разведке явление. Гучков еще до февраля 1917 г. активно контактировал с британской развед-

кой при подготовке Февральской революции и с тех пор он числился в анналах британской разведки как информирующий агент влияния. Закономерно оказавшись в эмиграции, Гучков вообще скатился до банального шпионажа в пользу тех же бриттов. «Кружок Гучкова» —наглядный пример действий британской разведки чужими руками, с чужого плацдарма и под чужим же флагом. Еще в самом начале своего эмигрантского периода по указанию британской разведки Гучков связался с германскими разведслужбами и через них пытался протолкнуть один из планов Великобритании по организации вооруженного похода против Советской России. И делал это настолько бойко, что умудрился попасть в поле зрения еще и французской контрразведки!

Еще в 1923 г. именно через «кружок Гучкова» Троцкий якобы пытался сговориться с Польшей о пропуске частей Красной Армии в помощь германской «революции». Однако, как неопровержимо установила советская военная разведка, вся информация уходила прямиком британской разведке. Отчего Верховный совет Антанты был полностью в курсе того, что в Москве замышлялось в связи с «германским октябрем». Вот в такой ипостаси А.И. Гучков и пробыл до самой своей смерти в 1936 г. И до самой смерти исправно «стучал» британской разведке, в том числе и о заговоре Тухачевского, о котором располагал немалой информацией.

Что касается утверждений о том, что внутри «кружка Гучкова» имелся агент советской разведки, — это правда. Этим агентом была родная дочь самого Гучкова — Ариадна (Вера) Гучкова, по второму мужу Трэйл. Однако именно в 1936—1937 гг. она находилась в СССР и соответственно ничего существенного непосредственно из «кружка» своего папаши добыть не могла, потому как в 1936 г. и Гучков, и сам его «кружок» приказали долго жить.

Что касается якобы отсутствия каких-либо связей Тухачевского с германским генеральным штабом и германской разведкой, то это такая же излюбленная брехология всех антисталинистов. Ну, как он мог не иметь этих связей, если, начиная с 1921 г. и до начала 1933 г. включительно между РККА и германским рейхсвером осуществлялось не афишируемое тайное со-

трудничество. Уже только в силу этого Тухачевский и К° имели официальные связи и с германской разведкой, и с германским (генеральным) штабом. Более того. Даже по официальным данным, он дважды — в 1925 г. и в 1932 г. — выезжал в Германию на стажировку и для участия в военных маневрах рейхсвера и, кроме того, официально контактировал с представителями рейхсвера в СССР?! Не говоря уже о том, что практически всю Первую мировую войну Тухачевский просидел в германском плену.

И здесь не обойтись без упоминания хорошо известного Троцкому компромата на Тухачевского. Прежде всего того, как он бежал из лагеря военнопленных в Ингольштадте — в этом вопросе Троцкого явно «просветили» тевтоны. Обычно этот побег рассматривают как доказательство того, что он нарушил честное слово офицера, на основании чего немцы выпускали пленных погулять. Однако это сущая мелочь по сравнению с главным. Ведь он-то бежал через Швейцарию, где пробыл практически месяц, —18 сентября оказался на ее территории, но только 12 октября 1917 г. предстал перед военным агентом России в Париже А.А. Игнатьевым!? Как правило, Тухачевский помалкивал о том, что он делал в Швейцарии почти целый месяц. Более того. Молчал он и о том, почему не явился к военному агенту в Швейцарии Генерального штаба генерал-майору Сергею Александровичу Головaню, что было бы проще и естественнее. И, само собой разумеется, Головань преспокойно выполнил бы свою прямую обязанность и отправил бы Тухачевского на Родину. Вместо этого он почти целый месяц болтался в Швейцарии и затем явился к Игнатьеву. Почему?! Ответ весьма прост. Германская разведка прекрасно знала, что Головань отличался весьма строгим подходом к подобным проблемам и на слово никому не верил. Напротив, он проверил бы все самым тщательным образом, тем более что под его началом находилась хотя и малочисленная, но очень эффективно работавшая агентурная сеть, наблюдавшая за всеми нелегальными связями немцев с Россией, в том числе и за эмигрантской общиной русских в Швейцарии. Агентура Голованя доставляла немало беспокойства немецкой разведке. Именно поэтому-то Тухачевского тевтоны направили в Париж, где А. Игнатьеву, при его колоссальной занятости сво-

ими функциями представителя России при штабе союзного командования Антанты, явно был недосуг заниматься тщательной проверкой очередного сбежавшего из германского плена русского офицера. Расчет оказался точен — А. Игнатьев без проверки отправил его в Россию. Был здесь и еще один важный момент: А. Игнатьев пользовался колоссальным авторитетом в русской армии и быть возвращенным на Родину при его содействии являлось не только авторитетным, но и своего рода индульгенцией. В 20-х числах октября 1917 г. Тухачевский уже был в России. К слову сказать, именно немцы сообщили Троцкому о том, что по возвращении в Россию Тухачевский неоднократно посылал в Германию письма для своих солагерников, что в практике спецслужб обычно расценивается как уведомление о благополучном положении дел. Эти письма до сих пор хранятся в германских архивах.

Другое дело, что у этих официальных связей со временем появилось и второе дно. Под прикрытием официальных связей чрезвычайно легко осуществлять и неофициальные контакты. Это было тем более легко, если учесть, что до 1931 г. военная контрразведка, то есть Особые отделы, находилась в подчинении высшего военного руководства страны — Реввоенсовета Республики. А руководство военной контрразведки того времени входило в круг основных участников военного заговора. Поэтому-то до поры до времени и Тухачевскому, и его основным подельникам удавалось оставаться не уличенными в подрывной, изменнической деятельности.

Но если военная контрразведка до поры до времени его прикрывала, то непосредственно на Лубянке-то были совершенно иного мнения. После более чем подозрительного «визита» Троцкого к тевтонам весной **1926** г., именно из Германии в Москву, уже в том же **1926** г., впервые стали поступать агентурные сведения о некоей формирующейся в СССР «военной партии» во главе с Тухачевским, которая способна на переворот в стране! Одновременно **ОГПУ** зафиксировало летом **1926** г. нелегальное фракционное собрание, на котором с докладом выступил зам. председателя Реввоенсовета, единомышленник Тухачевского Лашевич, призвавший собравшихся организоваться для борьбы с партией и ЦК партии. И имен-

но тогда-то ОГПУ и завело на Тухачевского пока еще начальника Штаба **РККА,** отдельное агентурно-наблюдательноедело!

Через пару лет, когда Троцкий «поправлял» свое здоровье в алма-атинской ссылке, в одном из посланий своим единомышленникам — «Письме к друзьям» от 21 октября 1928 г. — он уже сам признал, что «в СССР может сложиться военный заговор и армия может положить конец большевистскому режиму». Как и всегда, «бес» солгал — не «может сложиться военный заговор», а уже сложился в своей основе! Иначе уже в 1927 году он не возопил бы о том, когда надо брать власть в условиях войны, — злоумышленная организация поражения своих войск как единственный шанс для врага появиться в 80 км от столицы такого гигантского государства, как СССР, не может быть осуществлена без заговора! Попробуйте-ка хотя бы мысленно что-либо организовать на протяжении 4500 км западных границ СССР, не имея сообщников! Вот то-то и оно, что оппозиция в 1927 г. развертывалась не только методически и агрессивно, не только по определенному боевому плану, но и,прежде всего по тому плану, который уже тогда однозначно подразумевал организацию военного поражения СССР с целью перехвата в такой ситуации власти в государстве. Потому-то, надеясь на скорое нападение Запада, «бес мировой революции» именно в 1927 г. не выдержал и возопил о том, что нужно брать власть тогда, когда враг находится в 80 км от столицы! Но как враг может оказаться в 80 км от столицы такого гигантского государства, само территориальное пространство которого является естественным его защитником, в котором растворяется ударная мощь любого агрессора?! Только в результате злоумышленно организованного военного поражения советских войск! А кто может организовать поражение собственных войск?! Только собственный генералитет! Короче говоря, сдуру «бес» еще тогда полностью раскрыл ставку оппозиции на поражение в ходе войны для последующего совершения государственного переворота. Более того. Раскрыл ставку на своих сторонников в РККА, прежде всего в высшем командном звене, так как только они могли устроить быстрое военное поражение.

Любопытно, что и Тухачевский в то время — в 1927—1928 гг. —занялся разработкой вопроса о военной стороне организации городского восстания!? Ну, надо же столь «своевременно» озаботиться тем, что никак не входило в его служебные обязанности начальника Штаба РККА, а затем и командующего Ленинградским военным округом!? Тем не менее факт остается фактом, что под псевдонимом **«Neuberg A.»**, являвшимся общим псевдонимом Тухачевского, Уншлихта, Хо Ши Мина и других, по указанному вопросу в 1928 г. была опубликована статья под названием **«Der bewaffinette Aufstand»**, посвященная как раз военной организации городского восстания.

В принципе-то это не стало какой-то особенной новостью для занятого мирным созиданием советского руководства, особенно для Сталина. Он прекрасно знал политическую родословную оппозиции. И хотя в то время еще не был принят термин «генетика» —оперировали термином «наследственность», — однако чисто политически Сталин прекрасно осознавал, что **наследственность — она и в политике наследственность.** Как справедливо отмечают наиболее вдумчивые исследователи, **советская военная элита тех времен выросла «...из революционного хаоса, из "революционной смуты", сохраняя многие годы спустя генетическую связь со стихией, ее породившей. "Геном" Русской революции был заложен и в ее структуру, и в ее плоть, и в ее дух»**. А породившей ее стихией как раз и была война и умышленно организованная царским генералитетом серия беспрерывных поражений русской армии еще в Первой мировой войне. Своими показаниями Раковский однозначно это подтвердил. Но Сталин-то знал об этом задолго до показаний Раковского. Еще с середины 1920-х гг. он обратил внимание на одно явление, которое никак не привлекает к себе внимание исследователей. Уже в те годы стала вырисовываться одна «традиция», суть которой в следующем. Сопоставление времени поступления всех известных на сегодня данных советских спецслужб о заговоре антисталинской оппозиции (включая и заговор военных) с хронологией фактов обострения международной обстановки вокруг Советского Союза свидетельствует о безукоризненно

закономерном совпадении: по мере нарастания угрозы вооруженного нападения извне одновременно нарастала и угроза внутреннего переворота на основе перманентного заговора оппозиции!

В подтверждение этого вывода необходимо отметить следующее. Сразу же после возвращения Тухачевского из поездки в Германию в 1932 г. на осенние маневры рейхсвера оттуда едва ли не в буквальном смысле горохом посыпались сообщения о том, что в Советском Союзе зреет заговор военных во главе с неким генералом Тургуевым, готовых на военный переворот в условиях военного поражения. А ведь 1932 г. — год наивысшего в догитлеровский период накала угрозы вооруженного нападения на Советский Союз консолидированными силами Запада при ударной роли германского рейхсвера. Именно в 1932 г. советская внешняя разведка умыкнула такой план со стола германского рейхсканцлера фон Папена.

Несмотря на то что «некий генерал Тургуев» мгновенно был идентифицирован на Лубянке как Тухачевский, первый заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода и начальник ИНО ОГПУ А.Х. Артузов нагло утопили эти сигналы в недрах своего ведомства. Через пять лет им пришлось хорошенько напрягать память, чтобы вспомнить все, что тогда сообщали агенты и разведчики. Врать было бессмысленно — вся соответствующая документация была поднята из архивов.

Наконец, об отсутствии у Тухачевского связей с германской разведкой. Во время допросов на Лубянке Тухачевский показал, что связь с немцами у него была установлена с 1925 года. Слукавил бывший маршал. Наверное, не желал он выставлять себя дважды изменником, прежде изменившим царю и Отечеству, коим на кресте присягал. Ведь в период его пребывания в плену германская разведка все-таки установила с ним определенные отношения, имея в виду его использование в запланированных тевтонами событиях 1917 года. А затем уже и Советам — в 1925 году. Насколько позволяют судить современные данные, его агентурный псевдоним в германской разведке был **«ТАУ»**. Под этим псевдонимом 20 июня 1932 г. Тухачевский опубликовал в «Красной Звезде» статью о стратегии и тактике молниеносной войны при комплексном

использовании ВВС и ВДВ совместно с бронетанковыми войсками в операциях быстротечной войны.

Публиковаться никому не запрещено. Только вот в чем вопрос. Что могло угрожать и угрожало ли вообще ему, одному из самых высокопоставленных советских военных того времени, чтобы пойти на такой шаг — публиковать статью под псевдонимом в официальном печатном органе ГЛАВПУРа РККА? Когда он под псевдонимом опубликовал статью о военной организации городского восстания в Коминтерновском сборнике, то это хоть как-то понятно и объяснимо. Но зачем под псевдонимом печататься в официальном печатном органе ГЛАВПУРа РККА?! Так и в самом-то деле, почему ему понадобилось укрыться за псевдонимом, который легко был отождествлен, например в той же Германии, с его именем? Что он хотел сказать таким своим шагом? Особенно если учесть, что в этой статье он попросту сформулировал основополагающие постулаты концепции блицкрига. Но в таком случае вполне уместен весьма неприятный вопрос: кому была адресована статья такого содержания, подписанная псевдонимом **«ТАУ»?** В мире разведок, те*м более в первой трети XX в., были нередки случаи знаковых публикаций в печатных СМИ, причем как со стороны сотрудников разведок, так и их агентуры, в том числе и под знаковыми псевдонимами, понятными только для двух конкретных сторон. Так вот, что же должна была означать эта публикация, тем более при указанном выше ее содержании, да еще и под псевдонимом **«ТАУ»,** к тому же накануне его выезда в Германию?

Очевидно, нелишне будет указать, что, судя по всему, **«ТАУ»** вынужден был честно ответить на этот вопрос следствия. Есть все основания категорически утверждать, что этому могли способствовать два обстоятельства. Во-первых, дело в том, что еще в 1931 г. у бывшего шефа германской военной разведки Вальтера Николаи при перевозке «пропало» более **3000 агентурных досье.** История мирового шпионажа неуместно грешит из-за этого на некоего бельгийского профессора Бюллюса. А зря. Размах-то не бельгийский, а российский. Вы только представьте себе, что означает спереть три тысячи агентурных досье?! Вот то-то и оно, что... Кстати говоря, и сперли-

то их тоже не случайно — Вальтер Николаи слишком прозрачно намекнул в своих нашумевших мемуарах, опубликованных в 1923 г., что в России у него осталась очень влиятельная агентура.

Во-вторых, 8 мая 1937 г. президент Чехословакии Эдуард Бенеш передал Сталину досье с описанием если не всех, то очень многих антигосударственных «подвигов» Тухачевского в координации с германскими генералами. Как увидим при анализе других мифов, и это досье тоже было из германской разведки.

Так что, увидев на Лубянке свое же агентурное досье, которое на него завели герры генералы, «ТАУ», надо полагать, понял, что отпираться бессмысленно...

Миф № 85. Советская разведка по указанию Сталина ликвидировала Кривицкого как автора довоенной вариации мифа о незаконности ликвидации заговора Тухачевского.

Сколь это ни парадоксально, но миф был запущен самим Кривицким незадолго до его «загадочной» смерти. Вот как тогда развивались события.

В 9 часов 30 минут по вашингтонскому времени 10 февраля 1941 г. в антураже малоубедительного самоубийства в 532 вашингтонского отеля «Бельвю» был обнаружен труп «мемуариста» Кривицкого. «Самоубийца» и впрямь попался какой-то малоубедительный. В упор выстрелив себе в висок из пистолета 38-го калибра и пробив навылет собственный же череп, прежде чем окончательно испустить дух, «самоубийца» успел ликвидировать отпечатки пальцев на пистолете, попутно заляпать его рукоять отдельными пятнами крови, затем пошарить по полу, найти пулю, удалить ее из номера, затем снять туфли, спокойно улечься на незастеленную кровать и в таком виде предстать бездыханным трупом перед изумленными полицейскими. Самое любопытное в этом «самоубийстве» то, что, пребывая накануне совершенно в бодром расположении духа, будущий «самоубийца» приобрел именно такой

пистолет 38-го калибра и разрывные пули. Однако «мемуарист» почему-то решил отправиться на тот свет при помощи обыкновенной пули. Выстрели он себе в висок разрывной пулей, то ему снесло бы как минимум полчерепа, чего в протоколе осмотра места происшествия за подписью инспектора полиции Бернарда В. Томпсона нет. Ну, а раз так, то и вывод иной: **не отправился,** а **был отправлен на тот свет!** Причем не советской разведкой. Не до того ей было. Да и некому было осуществить такую операцию в Америке.

В связи с публикацией его «мемуаров» советская разведка вынуждена была срочно свернуть деятельность как «легальной», так и мощной нелегальной резидентуры во главе с прославленным асом нелегальной разведки Исхаком Абдуловичем Ахмеровым и его заместителем Норманом Бородиным. Дело в том, что в «мемуарах» на фоне обвинений в подрывной деятельности против США фигурировал ближайший родственник Ахмерова —руководитель компартии США Эрл Браудер. В соответствии с элементарными правилами конспирации и безопасности нелегалов Ахмеров и Бородин по указанию руководства разведки в срочном порядке вынуждены были покинуть США, законсервировав мощнейший агентурный аппарат, которым была плотно обложена вся администрация США.

Так что представлять в Америке «длинную руку Москвы» было некому. Даже из Москвы послать было некого — один из самых опытнейших разведчиков-диверсантов, высококлассный профессионал по части особо острых мероприятий, знаменитый и легендарный Яков Серебрянский оказался под следствием, причем именно же из-за предательства Кривицкого. Да и, откровенно говоря, не очень-то за Кривицким и наблюдали — наблюдение за ним было снято по распоряжению Л.П. Берия еще 11 февраля 1939 г. и с тех пор не возобновлялось.

Но если взглянуть на его убийство с другой стороны и учесть ряд обстоятельств, то без труда станет понятно, что 10 февраля **1941** г. произошло «чисто английское убийство». Для этого нам необходимо принять во внимание, что, **во-первых,** со **2** сентября 1939 г. Кривицкий уже официально находился в контакте с представителями британской разведки в

США — работу с ним вела резидентура МИ-6 в Вашингтоне и нью-йоркский разведывательный центр МИ-6. Во-вторых, кроме британских разведчиков, а также комиссии Конгресса США по расследованию подрывной деятельности, где он должен был выступить в очередной раз (выступление как раз и было назначено на 10 февраля 1941 г.), никто не знал его точного адреса места жительства и тем более факта его предстоящего прибытия в Вашингтон.

В-третьих, незадолго до «самоубийства» «мемуарист» получил письмо от какого-то знакомого, еще в 1938 г. оказавшего ему содействие в Старом Свете. «Доброжелатель» предупреждал его, что в Нью-Йорке объявился один из бывших сотрудников Кривицкого, который, как впоследствии глубокомысленно подчеркивала «вся прогрессивная печать», прибыл с «несомненным заданием» свести счеты с бывшим шефом. И если это так, то все подозрения в таком случае падают непосредственно на британскую разведку — больше не на кого грешить. Ибо только она точно знала, кто и чем помог «мемуаристу» в момент предательства и бегства. И они тем более падут на нее, так как весь антураж «самоубийства» более всего свидетельствует о «почерке» британской разведки при проведении столь острых операций. Кто, кроме нее, мог знать о факте покупки Кривицким пистолета указанного калибра, чтобы уже при убийстве использовать оружие именно того же калибра и на основе этого разыграть фарс с самоубийством?! Кто, кроме британской разведки, мог знать о том, кто помог Кривицкому в Европе, и соответственно разыграть фарс с направлением предупреждающего письма?! Кто мог сделать так, что грохот от выстрела из пистолета 38-го калибра никто в отеле не зафиксировал при условии, что в самом отеле «Бельвю» были очень тонкие стены?! Кто мог сделать так, что полиция вообще не обратила никакого внимания на наличие приоткрытого окна в номере, где был найден труп Кривицкого?! Кто мог обеспечить исчезновение пули из номера, где был обнаружен труп Кривицкого?! Кто мог стереть отпечатки пальцев на пистолете, но заляпать его пятнами крови?! Наконец, кому было наиболее выгодно усиленно навязывать всем и вся подозрение в том, что-де к убийству причастна Лубянка?!

Все было сделано именно так, чтобы без особых затруднений любой поверил бы в «длинную руку НКВД и Москвы», якобы инсценировавшей самоубийство. Что и произошло со всей кем-то предрешенной обреченностью. Инсценировка самоубийства при ликвидации неугодных лиц — один из самых излюбленных приемов британской разведки на протяжении веков.

Она неоднократно прибегала к нему даже в конце XX века, в том числе и в отношении советских граждан. Так, по данным бывшего чрезвычайного и полномочного посла СССР в Великобритании В.И. Попова, за те шесть лет, которые он в 1980-х годах возглавлял посольство, три сотрудника советских учреждений в Англии покончили жизнь самоубийством. Однако, как показало патолого-анатомическое исследование, проведенное по настоянию КГБ СССР, двое из них были отравлены, а одна — женщина — специальными психотропными препаратами была доведена до самоубийства. В свою очередь, предпринятая резидентурой КГБ в Лондоне проверка показала, что все трое встречались с представителями британских спецслужб.

Поэтому можно спокойно и с полной уверенностью представить настоящего убийцу Вальтера Германовича Кривицкого — Самуила Гершевича Гинзбурга. Это **ближайший друг Уинстона Черчилля — Уильям Стефенсон, канадский миллионер, бизнесмен, глава британского координационного центра по безопасности (представительство британской разведки в США в годы Второй мировой войны), размещавшегося в Эмпайр Стэйт Билдинг в Нью-Йорке. Именно он, член Комитета 300 Уильям Стефенсон по кличке «Бесстрашный», при содействии одного из ведущих «мастеров» резидентуры МИ-6 в Нью-Йорке по документальным фальсификациям — Х. Монтгомери Хайда — организовал убийство Кривицкого и инсценировку под самоубийство!** Операция, которую они провели, не слишком отличалась интеллектуальным изыском. За месяц до убийства направили ему подложное письмо, которое затравленный страхом предатель показал ближайшему окружению — после смерти оно-то и стало главным доказательством

того, что «длинная рука НКВД» дотянулась до предателя и за океаном. А затем, дождавшись очередного вызова предателя для допроса в комиссии Конгресса, убили его в номере гостиницы, использовав пистолет с глушителем, забрали пулю и через окно улизнули (или же, приоткрыли окно для отвода глаз, а сами же вышли через дверь). Все было сделано именно так, чтобы представить случившееся как сомнительное самоубийство. Которое, видите ли, именно потому сомнительное, что, оказывается, его уже предупреждали о грозящей опасности, а убит он был прямо перед дачей показаний, что должно было и, естественно, тут же и навело на мысль, что тем самым ему хотели помешать выступить в комиссии Конгресса. Но поскольку он был предателем из советской разведки, то кто в этот момент, по автоматически выстраивающейся логике, мог быть больше всех заинтересован в его убийстве? Конечно же, НКВД — на то и был направлен весь «тонкий» намек на «толстые обстоятельства».

Следует также отметить, что **У. Стефенсон и Х. Монтгомери Хайд** не гнушались даже тем, чтобы подложными документами и откровенной фальсификацией дурачить самого президента Рузвельта. Так что в отношении какого-то там переставшего быть нужным предателя из советской разведки и вовсе не задумывались. **Уильям Стефенсон** отличался склонностью к особо резким действиям, в числе которых убийства были для него вполне обыденным делом. Его методы всерьез раздражали директора ФБР Эдгара Гувера, поскольку Стефенсон не считал нужным хоть как-то согласовывать свои действия на территории США с американской полицией, что нарушало положения англо-американского соглашения о сотрудничестве спецслужб. Однако **Бесстрашному** на все это было наплевать, ибо он пользовался мощнейшей поддержкой влиятельнейшего в Вашингтоне тех времен УИЛЬЯМА ДОНОВАНА — впоследствии создателя Управления Стратегических Служб (УСС), предтечи ЦРУ. Именно поэтому, едва ли не с поличным хватая У. Стефенсона и его людей на различного рода преступлениях, глава ФБР Гувер вынужден был тут же пресекать любые попытки какого бы то ни было подобия тщательного полицейского расследования. Абсолютно

точно так же произошло и расследование «самоубийства» Кривицкого: упоминавшийся выше инспектор полиции Бернард В. Томпсон едва ли не с порога заявил, что это самоубийство и что это сомнений не вызывает.

Вполне естественен вопрос: а в чем же был смысл ликвидации Кривицкого непосредственно для британской разведки? Ответ не менее естественный.

1. Все, что было возможно выжать из этого беглого предателя, МИ-6 выжала: от «мемуаров» до сотрудников и агентуры советской разведки.

2. Своими показаниями в комиссии Конгресса Кривицкий мог нанести серьезный ущерб политическим интересам официального Лондона и оперативным интересам самой МИ-6. Прежде всего, в силу того, что при всей «дружбе» с США ни британское правительство, ни тем более МИ-6 не считали нужным делиться с американцами какой-либо информацией. Более того, ничего толком не ведавший, что же написал от его имени «литературный негр», Кривицкий на допросах в комиссии Конгресса мог всерьез проговориться — ведь члены комиссии разрабатывали свои вопросы к нему, опираясь на его же «мемуары». А он-то, подчеркиваю, не знал, что Дон-Левин в письменном виде наплел от его имени. И вся эта неприглядная история с изданием «мемуаров» как специальная акция британской разведки по оказанию влияния на администрацию США и лично Рузвельта в целях втягивания Америки в войну на стороне Великобритании могла выплыть наружу с самыми непредсказуемыми для Лондона последствиями негативного характера.

Первоочередной задачей **У. Стефенсона** как раз и было скорейшее втягивание США в войну против Германии на стороне Великобритании. Она в то время медленно, но верно и даже с некоторым ускорением шла к своей погибели в результате тотальной подводной войны, организованной подводными корсарами Гитлера, — к весне 1941 г. на дне морском покоилась уже почти половина тоннажа британского торгового флота! Именно поэтому беглому предателю и была отведена последняя роль — фактом своей смерти в результате якобы организованного НКВД убийства дать еще одно «убедитель-

ное» свидетельство того, что «демократия ведет смертельный бой с фашизмом и гибнут ее люди», а посему долг США встать на сторону «демократии» — то есть Великобритании. Великобритания в тот момент уже знала о «плане Барбаросса» и потому предпринимала все меры для того, чтобы поскорее стравить в смертельной схватке Германию и СССР, ибо только так она могла выжить. А в таких интригах выжатый как лимон беглый предатель мог сильно навредить своими показаниями в Конгрессе.

Но при чем тут Сталин и советская разведка?

Миф № 86. Заговора военных не было. Сталин купился на грязную провокацию спецслужб Третьего рейха, продавших ему подложный компромат на Тухачевского. Послевоенная версия В. Шелленберга.

Миф № 87. Сталин купил у гестапо подложный компромат на Тухачевского за три миллиона золотых рублей.

Как отмечалось еще во введении к пятитомнику, после Второй мировой войны началось великое противостояние Запад—Восток, добычей в котором должен был стать **Хартленд: «Кто правит Восточной Европой, господствует над Хартлендом; кто правит Хартлендом, господствует над Мировым островом; кто правит Мировым островом, господствует над миром».** Как никто из его преемников, Сталин превосходно понимал, на добычу какого приза нацелился Запад. Еще в 1947 г. в беседе с известным тогда югославским коммунистом М. Джиласом Сталин, проведя рукой по карте мира, на которой СССР был обозначен красным цветом, воскликнул в адрес англичан и американцев: **«Никогда они не смирятся с тем, чтобы такое пространство было красным — никогда, никогда».** Дело, конечно, не в красном цвете, а в том, что Запад принципиально не смирился со своим проигрышем. Однако прекрасно понимая невозможность и тем более катастрофичность военного столкновения с СССР в атомную эпоху, после Второй мировой войны Запад вынуж-

ден был взять на вооружение хорошо известный вывод К. Клаузевица о том, что **«Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, т.е. оккупировать... Такая страна может быть побеждена лишь внутренней слабостью и действием раздоров. Достигнуть же этих слабых мест политического бытия можно лишь путем потрясения, которое проникло бы до самого сердца страны».** Организация потрясения, которое смогло бы достичь самого сердца страны, с 1953 г. осуществлялась в соответствии с уже упоминавшимся планом **«Операции Лиотэ».** Во исполнение этого плана МИ-6 приступила к реализации программы публикаций различных мемуаров, в том числе и советских перебежчиков, воспоминаний нацистов и т.п., пропагандистское острие которых было направлено против СССР. Все они сыграли свою роль и немалую, особенно в создании «черной истории» Советского Союза. Были среди них и так называемые гвозди программы, одним из которых в середине 1950-х гг. стали **«мемуары Шелленберга».**

На них тогда сделало ставку демоническое бешенство Великобритании и Запада в попытках отомстить СССР и лично Сталину (посмертно) за то, что во имя безопасности руководимого им государства и его народов он жестко поменял расписание Второй мировой войны, а следовательно, и послевоенную конфигурацию мироустройства, особенно европейского! За то, что сделал невозможным для англосаксов войти в Восточную Европу как в начале войны, ибо поставил их в ситуацию острой необходимости оборонять Западную Европу, так и после победы для ее изъятия из орбиты СССР. Проще говоря, с помощью этого «гвоздя программы» британская разведка рассчитывала поквитаться за крупнейший провал британской стратегии за весь XX век. За тот самый крупнейший провал британской стратегии за весь XX век, от которого на протяжении всех предвоенных лет Сталин всеми силами пытался удержать Великобританию. **За советско-германский Договор о ненападении от 23 августа 1939 года! И за то, что Великобритания по собственной же дурости первой же и вляпалась во Вторую мировую войну!**

Для этой операции экс-обершпион Третьего рейха был нужен **не** как здравствующий автор собственноручно напи-

санных «мемуаров», а как уже почивший в Бозе поклонник эпистолярного жанра. Правда, он почему-то никак не хотел загибаться, и в конце концов МИ-6 «поторопила» его. После этого путь к изданию его «мемуаров» был открыт. Их «крестным отцом» стал ныне хорошо известный сотрудник Отдела дезинформации МИ-6 Роберт Конквест. Проработав в отделе дезинформации британской разведки с 1947 по 1956 г., на волне невероятного успеха «мемуаров Шелленберга» он покинул разведывательно-пропагандистскую «альма-матер», чтобы стать профессионально специализирующимся на русофобии и антисоветизме историком от МИ-6, дабы впоследствии «осчастливить» наших «демократов» книгой «Большой террор».

Успех первого издания «мемуаров Шелленберга» был оглушительный. Книга была переведена на многие языки мира и издана громадными тиражами. О ней шумела вся западная пресса. Ущерб же, прежде всего моральный, который нанесла эта книга СССР как главному победителю гитлеровской Германии, и вовсе был фантастический. **Самым искуснейшим образом МИ-6 создал ситуацию якобы автоматического подтверждения «версии Шелленберга» лично... Хрущевым!** Прекрасно зная о предстоящем в феврале—марте 1956 г. XX съезде КПСС и о происходящем в стране спонтанном процессе реабилитации, в связи с чем Хрущев уже не мог избежать этой темы на съезде, верная своим традициям бить на упреждение МИ-6 пошла ва-банк. Упреждающими публикациями отдельных частей якобы из «мемуаров Шелленберга» МИ-6 фактически спровоцировала Хрущева на выступление на съезде с тем самым сумбурным докладом, полувековой «юбилей» которого недавно с помпой отмечался в России!

В итоге был обеспечен фантастически гениальный результат. К августу 1956 г., когда «мемуары» уже вышли в свет в виде отдельной книги, то по всему миру, в том числе и Европе, обрастая различными нелепицами, вовсю гуляли всевозможные версии якобы разоблачавшего Сталина доклада Хрущева на XX съезде КПСС!? То есть получилось, что спонтанный доклад Хрущева и «мемуары» как бы взаимно подтверждали «правдивость, объективность и достоверность» друг друга. Вы

только вдумайтесь, что же сделала британская разведка, сварганив вслед за «версией Кривицкого» еще и «версию Шелленберга», выпустив ее впереди идиотского XX съезда КПСС. Используя всего лишь особые технологии ведения психологической войны, СИС в апогее холодной войны сумела ненавязчиво вынудить жаждавшего помериться силами с «мертвым львом» Хрущева добровольно подтвердить достоверность состряпанной ею фальшивки под названием «версия Шелленберга»! Более того, как бы в опережение публикации «версии» в полном объеме не только подтвердить, но и фактически гарантировать на редкость глупой фальшивке долгую русофобскую жизнь в статусе едва ли не истины в последней инстанции! И не просто достичь такого, без преувеличения, гениального результата, но и вынудить Хрущева собственными руками создать одну из самых мощнейших дубин для разрушения не столько даже СССР, сколько именно России!

А мысль-то проста до примитивности, как и пресловутый английский завтрак из овсянки: мол, если бы Сталин не клюнул на фальшивку гестапо, то расстрелянные в 1937 г. высокопоставленные военачальники генералы были бы живы и соответственно не было бы той трагедии, которая, начиная с 22 июня 1941 г., разыгралась на просторах России. В стране, где во время войны погиб каждый седьмой ее гражданин, а в Белоруссии — так и вовсе каждый четвертый, столь прицельно бить по такой болезненной ране народной памяти — это уже бешеное геополитическое противоборство ради безусловного уничтожения России как таковой, как бы она при этом ни называлась. И расчет здесь.сколь гениален, столь и подл в изначальной предопределенности сознательно запланированных на отдаленное будущее результатов: отупев в конце концов от этой боли, общество, в момент смены поколений, самостоятельно разрушит ненавистное Западу государство, а заодно и страну. Что и произошло в 1991 г.!

Вся пропаганда «демократов» только и строилась на том, что-де Сталин перестрелял таких умных, как Тухачевский и К°, потому и столь невиданная трагедия!? Не говоря уже о диких, просто немыслимых цифрах репрессированных и особенно о наиподлейшем тезисе, что-де войну выиграли, лишь

забросав противника трупами. Только сейчас до общества наконец-то стало доходить, что так нельзя, что так убивают настоящее и будущее самого этого общества. Не говоря уже о том, что все сказки «демократов» так и остались ничем не подтвержденными сказками.

С точки зрения профессионального искусства проведения по каналам разведки мощнейшей акции стратегического влияния, приведшей фактически к саморазоблачению руководства СССР, — история с «мемуарами Шелленберга» выдающийся образец. Только после этого в голову Хрущева закралась мысль о необходимости хоть какого-то подобия правовой реабилитации расстрелянных генералов. Да и то не сразу В тексте облагороженной стенограммы выступления Хрущева на XXII съезде КПСС появился такой пассаж: «Как-то в зарубежной печати промелькнуло довольно любопытное сообщение, будто бы Гитлер, готовя нападение на нашу страну, через свою разведку подбросил сфабрикованный документ о том, что товарищи Якир, Тухачевский и другие являются агентами германского генерального штаба. Этот "документ", якобы секретный, попал к президенту Бенешу и тот, в свою очередь, руководствуясь, видимо добрыми намерениями, передал его Сталину».

Но что значит «как-то в зарубежной печати промелькнуло»?! К тому времени —1961 г. — «мемуары Шелленберга» были изданы массовыми тиражами на всех европейских языках, книга заполонила прилавки книжных магазинов Запада, о ней вовсю шумела западная пропаганда. В свою очередь, неслыханно элегантная для обычно сумбурной речи Хрущева фраза в отношении Бенеша есть свидетельство того, что составители его речи были прекрасно знакомы также и с «мемуарами Кривицкого». Ведь именно там было написано: «Эдуард Бенеш, видимо, счел, что он не вправе проверять эти свидетельства». Более того, кто-то не без умысла вложил в уста "вождя" ЦК КПСС «мину замедленного действия» — Хрущев озвучил, что-де был «один документ», хотя у «Кривицкого» фигурирует целое досье, а у «Шелленберга» — объемистое досье. А на самом XXII съезде КПСС было признано, что этого самого «одного документа Бенеша»

якобы нет и не было, хотя он открыто фигурирует в Протоколе заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 24 мая 1937 г. В итоге получилось, что устами Хрущева была озвучена какая-то странность. От Бенеша, мол, то ли вообще не осталось никаких документов, то ли остался якобы один документ, но который невозможно найти. Глупое заявление Хрущева свидетельствовало о том, что в советском руководстве как бы приняли решение согласиться с западной «версией», согласно которой Сталин клюнул на фальшивку гестапо и уничтожил невинных командиров. Вот этот идиотизм и был взят на вооружение. В дальнейшем вся идиотская пропаганда ЦК КПСС и их «наследников» —подонков-«демократов» — строилась и строится именно на этом.

Однако, если бывший глава нацистской внешнеполитической разведки — Вальтер Шелленберг — узнал бы о том, что отего имени опубликовали «эти свиньи из Лондона»*, то, наверное, не раз в гробу перевернулся бы. Вы только вдумайтесь, что же произошло: к моменту выхода в свет «мемуаров Шелленберга», а произошло это в августе 1956 г. в Великобритании, экс-обершпион Третьего рейха уже четыре года как пребывал в могиле! И, выходит, из могилы управлял процессом подготовки «своих мемуаров» к изданию!? Не говоря уже о том, что, лежа в могиле, написал их!?

Как и в случае с Кривицким, советская разведка никакого отношения к его смерти не имела. Нацистского экс-обершпиона на тот свет отправила непосредственно британская разведка — это произошло 31 марта 1952 г. в клинике Форнака, что была в итальянском городе Турине. И вот что характерно: как и Кривицкий, Шелленберг за месяц до кончины тоже жаловался на слежку, установленную за ним британской разведкой. Конечно, сожалеть о том, что Шелленберг весьма быстро приказал долго жить, не приходится. Но вот что интересно. Шелленберг «отправился к праотцам» именно тогда, когда МИ-6 нагло проигнорировала категоричное требование советской разведки предоставить на-

[1] Выражение из легендарного фильма «Семнадцать мгновений весны».

конец возможность допросить экс-шефа нацистской внешнеполитической разведки. Но того «заботливо» свалил-таки «ураганный рак печени»...

В отличие от Кривицкого, который хоть и под конец своей поганой жизни предателя, но подержал-таки в руках свои «мемуары», Шелленбергу и этого дано не было. Но именно это-то в еще большей степени и оттеняет то обстоятельство, что в действительности Шелленберг никаких мемуаров не писал, не редактировал, названия им не давал, а соответственно и не менял их и уж тем более сам лично ничего не издавал. Все, что он успел якобы написать с середины мая 1945 года — свыше 1000 рукописных страниц, — это всего лишь черновые записи адресованного британской разведке «отчетного доклада» по передаче «бесценного опыта» ведения разведывательно-подрывной деятельности, прежде всего против СССР. Назывались они «FINAL REPORT».

В основу же его «мемуаров» была положена собственноручно написанная им по требованию британской разведки еще в период пребывания в плену детальная, многостраничная автобиография и часть «FINAL REPORT». Однако даже сами сотрудники МИ-6 (например, высокопоставленный и высококвалифицированный разведчик, впоследствии политолог и историк Хью Тревор-Роупер) еще в конце 40-х годов XX века считали, что автобиография Шелленберга «не может быть использована как беспристрастный источник свидетельств». К автобиографии были добавлены собственноручные показания Шелленберга на допросах, а на основе всего этого и созданы «мемуары». Собственно говоря, именно поэтому попавшая в руки английского издателя «рукопись находилась в полном беспорядке». Но разве генетически педантичный, аккуратный и вышколенный в спецслужбах Третьего рейха руководитель внешнеполитической разведки нацистской Германии немец Вальтер Шелленберг мог столь бессистемно и хаотично излагать на бумаге свои мысли? Такое могло случиться только в одном случае — когда материал был понадерган из разных протоколов допросов и собственноручных докладов Шелленберга. Что, кстати говоря, очень характерно для пропагандистских акций, осуществляемых в рамках «Операции

Лиотэ». Вот почему все то, что хорошо известно под названием **«Лабиринт»** — есть не что иное, как результат тотальной перекройки и переделки этих «черновиков» в сочетании с крупномасштабными купюрами особо опасных для Великобритании и ее разведки мест. Потому и получилось, что разница между настоящими записями Шелленберга и тем, что в итоге **было** опубликовано, — принципиальная!

Если вкратце резюмировать вышесказанное, то вновь налицо факт широкомасштабного использования «литературных негров». То есть все точно так же, как и в операции **«мемуары Кривицкого».** Разница только в том, что на этот раз работала целая банда «литературных негров», во главе которой стоял упомянутый выше Роберт Конквест. Тем не менее необходимо воздать должное МИ-6. После войны там, очевидно, уже прекрасно осознавали, что от «почерка» никуда не денешься. А потому на удивление вызывающе, прямо в предисловии к «мемуарам» признано, что все то, что опубликовано под названием **«Лабиринт», — не есть нечто аутентичное черновым записям самого Шелленберга!** Более того, вызывающе продемонстрирована и «технология» подготовки черновиков к изданию в статусе «мемуаров». Расчет оказался точным — мало того что никто на это не обращает внимания, так ведь еще и полвека гуляющая по свету фальшивка едва ли не сразу обрела статус практически априори достоверной! Нет ни одного исследования по тому же «делу Тухачевского», где бы не фигурировали ссылки на «мемуары» Шелленберга! Хуже того, как правило, ссылки на этот, с позволения сказать, «источник» занимают едва ли не главенствующее положение в системе доказательств тех или иных исследований! И это при условии, что еще за восемь лет до превращения показаний Шелленберга в «мемуары» в самой МИ-6 считали, что ни сам экс-обершпион, ни тем более его записки не могут быть использованы как беспристрастный источник!?

Однако именно эйфория безнаказанности при проведении операции «Месть» сыграла с британской разведкой очень злую шутку. Дело в том, что при подготовке «мемуаров Шелленберга» к публикации банда «литературных негров» во гла-

ве Р. Конквестом до того переусердствовала в редактировании, что при каждом новом издании, тем более в переводе на другой язык, получалось нечто совершенно иное. Это великолепно иллюстрирует принципиальный разнобой названий посвященной «делу Тухачевского» главы на английском и немецком языках.

На английском языке (естественно, в переводе на русский язык):

1. Глава III

2. Название: «Рейсхвер и Красная Армия»

3. Подзаголовки, они же краткое резюме главы, вынесенное в название: «Мрачное занятие Янки — Сотрудничество между германским и русским штабами — Оппозиция со стороны генерала Гофмана и Рехберга — Маршал Тухачевский под подозрением — Предпосылки русско-германского пакта — Продажа дела Тухачевского посланнику Сталина».

На немецком языке (также в переводе на русский):

1. Нумерация глав отсутствует

2. Название: «Дело Тухачевского»

3. Подзаголовки: «ПомещикЯнке — Рейсхвер и Красная Армия —Германия нелегально вооружается —План Гофмана—Рехберга — Изучение архивов вермахта — Тухачевского бросают на произвол судьбы».

Напоминаю, что к моменту первого издания на английском языке в Англии (август 1956 г.) Шелленберг находился в могиле более четырех лет. А ко времени первого издания на немецком языке (1959 г.) — свыше 7 лет. Вполне понятно, что сам он не мог внести какие-либо правки, дополнения или изменения. Списать же на якобы неудачный перевод на русский язык нельзя! На английском и немецком языках тот же самый принципиальный разнобой в названиях и подзаголовках! Не говоря уже о разнобое в содержании одной и той же главы одного и того же сочинения, написанного якобы одним и тем же лицом.

Однако все рекорды извращенного редактирования побило французское издание 1957 года. Французы даже умудрились перевести Шелленберга с должности главы разведки на пост руководителя контрразведки Третьего рейха, при-

чем, не мудрствуя лукаво, проделали эту нехитрую кадровую рокировку прямо в названии — «**Говорит** шеф нацистс**кой контрразведки» («Le Chef du contre-espionage nazi parle»).**

До своего назначения начальником управления «СД-Заграница» Главного управления имперской безопасности Вальтер Шелленберг действительно возглавлял группу контрразведки в составе гестапо, но в историю Второй мировой войны он вошел именно же как глава нацистской внешнеполитической разведки. Собственно говоря, именно потому-то и были состряпаны «мемуары» Шелленберга.

В принципе-то, как говорится, и черт бы с ним и с ними — как с Шелленбергом, так и с его «мемуарами», если бы не одно «но». Дело в том, что вопреки всем своим правилам ни при каких обстоятельствах не оставлять следов, могущих вывести непосредственно на британскую разведку, она не только оставила следы, но и преподнесла, пожалуй, самое ценное доказательство своей причастности к трагическим событиям в СССР в 1937 г.

Речь идет о геополитической составляющей «почерка» британской разведки при проведении этой операции. МИ-6 умудрилась представить неоспоримое доказательство того, что, **во-первых,** заговор советских военных именно как неотъемлемая часть «двойного заговора» (то есть в союзе с германскими генералами) действительно имел место быть. **Во-вторых,** что в соответствии с указаниями правительства Великобритании своими целенаправленными действиями британская разведка провалила обе части «двойного заговора» в порядке подготовки предпосылок для пролога к Мюнхенскому сговору, а соответственно и ко Второй мировой войне XX века. Все дело в том, что, начиная с самой первой публикации, в разных текстах разных изданий «мемуаров Шелленберга» парадоксальным образом выдерживаются три «железных правила», имеющих прямое отношение к интересующей нас теме.

1. Повествующей о **«деле Тухачевского»** главе в обязательном порядке предшествует повествование о скандальном снятии с поста главнокомандующего сухопутными войскам

вермахта генерал-полковника барона Вернера фон Фрича, который в 1936—1937 гг. возглавлял промонархический антигитлеровский заговор германских генералов. Именно с ним и поддерживали нелегальную связь Кривицкий и Тухачевский. Причем мало того что хронологически непонятно, каким образом оно могло предшествовать «делу Тухачевского», если в реальности было все наоборот, так ведь еще и само повествование о Фриче как бы «утоплено» в массе возможно и интересных, но не имеющих прямого отношения к истории его снятия деталей из жизни нацистских спецслужб.

2. Посвященная «делу Тухачевского» глава в любом издании и на любом языке завершается принципиально одним и тем же выводом.

На английском языке (в переводе на русский):

«Таким образом, дело маршала Тухачевского явилось подготовительным шагом к сближению между Гитлером и Сталиным. Оно явилось поворотным пунктом, ознаменовавшим решение Гитлера обеспечить свой восточный фронт союзом с Россией на время подготовки к нападению на Запад».

На немецком языке (также в переводе на русский):

«Дело Тухачевского явилось первым нелегальным прологом будущего альянса Сталина с Гитлером, который после подписания договора о ненападении 23 августа 1939 года стал событием мирового значения».

То есть в обоих случаях речь идет якобы о «прологе» к Договору от 23 августа 1939 года, на котором, а следовательно, и на СССР, и лично на Сталине, якобы и лежит вся ответственность за Вторую мировую войну. Более того, в любом издании указанному выше выводу немедленно наследует глава, повествующая о разбое гитлеровской Германии в Австрии и Чехословакии. Как будто это произошло после подписания советско-германского Договора о ненападении от 23 августа 1939 года, а не до него. А об открывшем дорогу этому разбою в Чехословакии Мюнхенском сговоре с превеликой неохотой, в буквальном смысле слова процежено сквозь зубы нечто невразумительное, едва уловимое. В этом можно убедиться также путем простого сопоставления названий этих глав, включая и подзаголовки.

На английском языке (в переводе на русский):

1. Глава IV

2. Название: «Оккупация Австрии и Чехословакии»

3. Подзаголовки: «Приготовления к аншлюсу — Прием, оказанный Гитлеру в Вене — Бомба на пути следования — Визит Гитлера к Муссолини — Меры безопасности в Италии — Отношения судетских немцев — Секретный приказ о расчленении Чехословакии — Германия устанавливает протекторат над чехами».

На немецком языке (также в переводе на русский):

1. Нумерация глав отсутствует

2. Название: «Присоединение Австрии и разгром Чехословакии»

3. Подзаголовки: «Подготовка к «аншлюсу» — Вступление в Вену — Гитлер посещает Италию —Конрад Генлейн — Йозеф Тисо —Драматические переговоры с Гахой —Вступление в Прагу — Большой погром 10 ноября 1938 г.».

В названиях одной и той же главы на разных языках, включая и подзаголовки, нет даже и тени намека хоть на какое бы то ни было упоминание Мюнхенского сговора как такового. Ни слова о том, что же стало основой действий Германии при оккупации Чехословакии. Подлинные составители «мемуаров» Шелленберга пытались исподволь сформировать у читателей впечатление, что расстрел Тухачевского и его подельников якобы на основании сфабрикованных нацистами подложных документов,— это не только пролог к Договору 23 августа 1939 г. и Второй мировой войне, но и прежде всего к захвату Австрии и Чехословакии!? Что якобы операцией по подбрасыванию подложного компромата на Тухачевского Гитлер обеспечил себе нейтральность восточного фронта за счет достигнутого союза с Россией, чтобы лучше подготовиться к нападению на Запад!? То есть навязывается мысль о том, что во всем виновата Россия (СССР, Сталин)!? В том числе и в том, что Запад устроил-таки Мюнхенский сговор с Гитлером!?

Столь вольно обойдясь с хронологией, да еще и сопроводив эти «вольности» перестановкой смысловых акцентов в событиях и даже в их очередности, британская разведка стремилась ликвидировать любые возможности для предположе-

ний об иной взаимосвязи между ними. Оно и не случайно. Ведь подлинная история зафиксировала только одну-единственную последовательность событий. Май—июнь 1937 г. —ликвидация заговора Тухачевского. Январь—февраль **1938** г. — ликвидация «бархатной» оппозиции германских генералов во главе с Фричем и Бломбергом. Март **1938** г. — аншлюс Австрии. Сентябрь **1938** г. — Мюнхенский сговор Великобритании и Франции с Гитлером. Октябрь **1938** г. — оккупация гитлеровской Германией Судетской области Чехословакии. Март **1939** г. — оккупация Третьим рейхом оставшейся части Чехии и превращение Словакии в марионеточное, подконтрольное Берлину государство. Далее подготовка к нападению на Польшу, откровенное нежелание западных государств сотрудничать в обуздании агрессора и, как крайняя, вынужденная мера, подписание между Москвой и Берлином Договора о ненападении.

Причина, из-за которой «лондонские мудрецы» пошли на такое вранье, проста: после войны, когда в руки стран — членов антигитлеровской коалиции, в том числе и СССР, попало громадное количество документов Третьего рейха, опасность разоблачения такой связи была громадной. Тем более что Советский Союз сразу же начал систематическую публикацию различных нацистских документов — как в инициативном порядке, так и в качестве «сдачи» на многочисленные хамские выпады Запада, уже тогда пытавшегося переложить на СССР историческую ответственность за возникновение войны. Массированные же нападки на СССР, тем более со стороны Великобритании, означали, что раскрытие ее роли в организации пролога к Мюнхенскому сговору было крайне нежелательно. Еще бы! Ведь именно таким образом и была прорублена прямая магистраль ко Второй мировой войне! А без этого Гитлер ни при каких обстоятельствах не смог бы приблизиться к советским границам.

В 1937 г. Гитлер всерьез еще не помышлял о нападении на СССР, хотя и примеривался, о чем свидетельствуют упоминавшиеся ранее стратегические командно-штабные игры в конце 1936 — начале 1937 гг. Причем по трем довольно банальным причинам. **Во-первых,** у него не было коридора про-

хода к границам СССР. Тем более не было плацдарма для развертывания войск в непосредственной близости от советских границ. Какую бы политику в отношении СССР ни проводили в то время Польша или Чехословакия, объективная геостратегическая реальность была такова, что полностью против своей же антисоветской, а, по сути-то дела, русофобствовавшей воли они служили буферами между гитлеровской Германией и СССР. Для Гитлера первостепенной задачей было ликвидировать эти буферы. Собственно говоря, именно это-то и составляло главную суть выводов по итогам командно-штабных учений конца 1936 — начала **1937** гг.

Так какой же смысл для Гитлера мог быть в том, чтобы ликвидировать столь «высокопоставленную агентуру», если она тоже не только мечтала о «континентальном соглашении» с Германией, но и реально могла способствовать решению всего спектра самых насущных задач рейха, в том числе и военно-геополитических, военно-экономических и т.п.?!

Во-вторых, вермахт того периода хотя и быстро рос как в количественном, так и качественном отношениях, однако именно тогда он был еще весьма слаб. Настолько, что раздавить его могла даже регулярная армия Чехословакии, тем более подкрепленная возможностями готового встать на защиту своей родины двухмиллионного ополчения. А уж при поддержке Франции и СССР, как оно и предусматривалось уже неоднократно упоминавшимися договорами 1935 г., —от вермахта не осталось бы и мокрого места. Даже через год после ликвидации заговора Тухачевского Гитлер по-прежнему панически боялся даже тени намека на возможность вмешательства СССР в его внутриевропейские разборки. **И потому следующий вопрос — какой же был смысл Гитлеру ликвидировать столь «высокопоставленную агентуру», если, опираясь на нее, он мог бы устранить даже саму вероятность участия России в войне против Германии?!**

В-третьих, Гитлеру прекрасно было известно, что СССР ничего не замышляет против Германии, тем более нападения на нее, в том числе и в 1937 г. Кстати говоря, знали об этой осведомленности нацистского руководства и на Западе, а в Кремле знали об осведомленности Запада о том, что Гитлер

знает. В добытой советской разведкой копии телеграммы от 8 января 1937 г. американского посла в Берлине У. Додда на имя госсекретаря США говорилось, что «конфиденциальные доклады, которыми располагает командующий сухопутными войсками Германии Фрич, убеждают руководителей рейхсвера, что Германии не грозит опасность со стороны СССР в течение ряда лет и что вооружения СССР предназначены не для наступательных, а для оборонительных действий...»[1]. Получается, что с какой стороны ни возьми, в первой половине 1937 г. для Гитлера не было никакого резона пускать «под нож» столь «высокопоставленную агентуру» германского рейхсвера, как на том настаивает «версия Шелленберга».

Заиметь такую агентуру, выпестовать ее, дождаться момента, когда она займет высшие и ключевые посты в военной иерархии государства, уничтожение которого являлось сутью смысла существования нацистского режима, и вот запросто так, какой-то фальшивкой сдать, да еще и за четыре года до фактического нападения на СССР?! Понимаете ли, в чем все дело, — при всей нашей праведной ненависти к Гитлеру относить этого омерзительного шакала к клиническим идиотам нет никаких оснований! Да, он многого не понимал и не осознавал, хотя, как и любой щеголь-позер в политике, делал вид, что-де ему известен грядущий ход событий. Однако шакал — он и есть шакал. Но не клинический идиот. По крайней мере, по состоянию на 1937 год — точно не идиот.

Короче говоря, нацистское руководство — от Гитлера до руководства нацистских спецслужб — никакого отношения к провалу заговора Тухачевского не имело. Равно как и к шельмованию Тухачевского фальшивками — поскольку ни шельмования, ни фальшивок попросту не было и никакой такой операции даже не планировалось. Один из наиболее близких к Гитлеру руководителей Третьего рейха —Альберт Шпеер —в своих «Воспоминаниях» указывал, что в 1937 г. Гитлер считал ложными обвинения, предъявленные Тухачевскому и его подельникам!

[1] Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. М., 1997. С. 469 (приложение № 4). То же самое абвер фиксировал и вплоть до 22 июня 1941 г. по всей линии западной границы СССР.

Вы только вдумайтесь, что же он написал! Ведь это могло быть только в одном случае — когда обо всем этом Гитлер узнал постфактум! Что и было в действительности. В противном же случае он просто знал бы, что к чему и не удивлялся бы такому повороту событий. По признанию того же Шпеера, лишь после покушения 20 июля 1944 г. Гитлер стал допускать возможность тайного сотрудничества между германскими и советскими генералами. Но все дело-то в том, что из слов Шпеера вытекает, что до этого фюрер такого не допускал даже в мыслях! Что и было в действительности. Потому что в собственноручно написанных мемуарах Шпеер прямо подчеркнул, что Гитлер не располагал какой-либо информацией о существе тайных связей между германским и советским генералитетами! Тем более по состоянию на 1937 год!

И ведь не только Гитлер не располагал такой информацией. После упоминавшейся выше встречи Шахта с Лейт-Россом, письменно сообщая первому о сделанном Гитлеру докладе по итогам этой встречи, министр иностранных дел Германии Константин фон Нейрат написал: **«Если делам суждено развиваться к установлению абсолютного деспотизма, опирающегося на военных, то в этом случае, мы, конечно, не должны упустить нужный момент, чтобы снова заиметь сторонников в России»!**[1]

[В другом варианте перевода того же самого текста это звучит так — **«совсем другое дело, если ситуация в России будет развиваться дальше в направлении абсолютного деспотизма на военной основе... в этом случае мы, конечно, не упустим случая снова вступить в контакт с Россией»!**]

Все это свидетельствует о том, что до встречи Лейт-Росса с Шахтом высшее нацистское руководство ничего не ведало о заговоре советских генералов и уж тем более не знало о причастности к нему некоторых германских генералов. Иначе Гитлер не стал бы заявлять о том, что он получил вести из России о грядущем перевороте! Если он, как на том настаивает «версия Шелленберга», лично приказал осуществить то-

[1] Documents on German Foreign Policy. London, 1939. Ser. C. Vol. 6. 195.

тальную компрометацию Тухачевского и К°, то куда резонней для него было бы молчать, но не орать на весь мир, что-де он получил известия из России о скором перевороте.

Министр иностранных дел Германии К. фон Нейтрат ни при каких обстоятельствах не написал бы того, что он написал Шахту в личном письме. Цитата из его письма убедительно свидетельствует о том, что он обратился к Шахту как к лицу, не только знающему о факте возможного и скорого военного переворота в СССР, а прежде всего как первому проинформировавшему об этом факте того же Нейрата лицу. А тот соответственно Гитлера. Потому-то, как само собой разумеющееся в личной переписке с человеком, который первым сообщил об этой сногсшибательной новости, Нейрат и позволил себе такие обороты, как «если делам суждено развиваться к установлению абсолютного деспотизма, опирающегося на военных» («совсем другое дело, если ситуация в России будет развиваться в направлении абсолютного деспотизма военных»). Так можно было писать только лицу, которое действительно не только знает, что к чему, но и с которым уже имелся предварительный разговор на эту же тему. А ведь Шахт отчитывался перед Нейратом за все свои встречи — хоть с Канделаки, хоть с Лейт-Россом. Это абсолютно точно.

То обстоятельство, что нацистская верхушка действительно ничего не знала об этом заговоре, особо оттеняет концовка письма Нейрата: **«...то в этом случае, мы, конечно, не должны упустить нужный момент, чтоб снова заиметь сторонников в России» («в этом случае мы, конечно, не упустим случая снова вступить в контакт с Россией»).** Переписка личная, конфиденциальная, ни Нейрату, ни Шахту опасаться некого и нечего. Нейрат употребляет местоимение «мы», что означает, что в момент написания письма он мыслил от имени всего тогдашнего руководства Германии, в первую очередь, естественно, и от имени самого Гитлера, не зная, правда, тайных помыслов некоторых оппозиционно настроенных германских генералов. Использованные им выражения четко свидетельствуют о том, что это было суперновостью для нацистского руководства.

В итоге получается, что Гитлер действительно не ведал ни о заговоре Тухачевского, ни о нем же как о неотъемлемом

компоненте «двойного заговора», пока не в меру «сердобольные» англичане не «слили» ему информацию о возможности крутых перемен в СССР, дабы на том произвести торг по «сдаче в аренду» Чехословакии!

Ретроспективы ради можно, конечно, рискнуть на предположение о том, что сдача фальшивками Тухачевского и К° в руки НКВД могла бы иметь хоть какой-то смысл в самый канун нападения на СССР. **Но ведь не за четыре же года до него!** Такое предположение бессмысленно. За такой срок в одной только Академии Генерального штаба из тех же старших офицеров можно подготовить 200—300 современно мыслящих генералов и еще иметь резерв до тысячи человек не до конца завершивших курс обучения. Не говоря уже о том, что в других академиях и военных училищах можно было подготовить еще десятки тысяч офицеров (что, кстати говоря, и было). Оно лишено всякого смысла еще и в силу соображений военного порядка, в частности, исходя из стратегии блицкрига, на которую столь сильно уповал Гитлер.

Какой смысл задолго до нападения сдавать свою агентуру контрразведке противника, если сам уповаешь только на блицкриг, автоматически подразумевающий разгром основных вооруженных сил противника именно в приграничных сражениях, а занимающая высшие посты в военной иерархии противника твоя агентура вынашивает планы поражения своей же армии именно таким же образом?! Да еще и устраивать «спектакль* с подложным компроматом?!

Ведь Тухачевский до последней секунды своей жизни с невероятным упорством проповедовал как доктрину жесткой обороны именно на линии государственной границы, так и «красного блицкрига» в формате немедленного встречно-лобового контрблицкрига в ответ на нападение в форме коричневого блицкрига. Любая из этих доктрин — верная дорога к военной катастрофе. Потому как статический фронт узкой лентой на линии границы при крайне низкой оперативной плотности войск, особенно первого оперативного эшелона Первого стратегического эшелона и крупных группировках на флангах, которые подвержены самому смертельному в военном деле окружению — по «варианту Канн», — абсолютная га-

рантия тотального разгрома войск непосредственно в приграничных сражениях (что и случилось 22 июня 1941 г.). Зачем «сдавать» такого «стратега»? Он ведь и без подельников-пораженцев в одиночку мог бы стать едва ли не главным залогом успеха блицкрига Гитлера на Востоке. Достаточно вспомнить его безумно преступное отрицание стратегического значения Белорусского направления главного удара вермахта как «совершенно фантастического» для Гитлера! Через четыре года в результате такого же отношения к этому же направлению со стороны странным образом исповедовавших доктринальные взгляды Тухачевского народного комиссара обороны СССР, маршала С.К. Тимошенко и начальника Генерального штаба, генерала армии Г.К. Жукова произошла исторически невиданная, беспрецедентная трагедия, боль от которой не проходит и поныне.

Хорошо, а могло ли, в свою очередь, быть выгодным Гитлеру уничтожение германофильствовавшей агентуры в лице Тухачевского и К° в качестве, например, пролога к заключению с СССР нового договора о ненападении — от 23 августа 1939 г., — на что тычет «версия Шелленберга» в любом издании его «мемуаров»?! За год до истечения пролонгированного до лета 1938 года срока действия Договора о нейтралитете и ненападении от 1926 г. фальшивкой сдать якобы «свою» высокопоставленную агентуру на расправу Лубянке и Сталину в эфемерном — по состоянию на начало 1937 г. — ожидании призрака возможности заключения Договора о ненападении от 23 августа 1939 г.?! Повторяю, нацистское руководство — величайшие преступники всех времен и народов, во веки веков прощения им быть не может. Однако нет и быть не может оснований причислять их к клиническим идиотам. Омерзительно гнусные шакалы — да, но не идиоты. Если бы они пошли на такой шаг, то неминуемо произошел бы грандиозный скандал в межгосударственных отношениях. А в 1930-х гг. Гитлер еще отчаянно боялся Советского Союза и его мощи. Потому и не рисковал идти на откровенно грубые, агрессивные шаги в отношении Москвы.

Кстати говоря, частично такой скандал все-таки произошел, правда, тевтоны тут ни при чем. В связи с разоблачением

и ликвидацией заговора военных во главе с Тухачевским в советской печати появились прозрачные намеки на некоего генерала, военного атташе иностранной державы, с которым заговорщики поддерживали связь. На момент ликвидации этого заговора в Москве был только один военный атташе в генеральском звании — германский военный атташе, генерал Кёстринг, который незамедлительно выступил с официальным протестом. Собственно говоря, а что еще он должен был делать?! Не оформлять же явку с повинной на Лубянке?! Между тем в отечественных исследованиях нередки случаи, когда протест Кёстринга трактуются в пользу... Тухачевского!? Что самым естественным образом внушает серьезные опасения за состояние психического здоровья «адвокатов невинной жертвы сталинизма». Потому что кто и когда видел или слышал, чтобы какая-нибудь разведка по «горячим следам» разоблачения своих агентов открыто признала бы свою причастность?! Даже многие десятилетия спустя и то ничего не признают — разведка есть разведка. Зачем же авторы таких трактовок выставляют себя в крайне неприглядном свете?! Никакими «тридцатью сребрениками» не оправдать этого! Зато запросто можно заработать путевку в дурдом.

Если исходить из вышедопущенного предположения, то тогда следует признать, что Гитлер по собственной инициативе решил вступить в конфликт со своими генералами, которые официально присягнули ему на верность после событий 30 июня 1934 года. Потому что **«сдать агентуру германского рейхсвера»** означало открытую конфронтацию непосредственно с германским генералитетом. Однако на тот момент Гитлер еще не был готов к тому, чтобы начать наступление на своих генералов — это произойдет только в самом начале 1938 г., когда с позором будут изгнаны Бломберг и Фрич, а он сам объявит себя 4 февраля 1938 г. Верховным главнокомандующим.

В этой связи чрезвычайно любопытен факт поразительно «нежной заботы» германского военного ведомства о советском маршале М.Н. Тухачевском?! 29 июня 1936 г. министерство пропаганды Геббельса почему-то запросило у военного ведомства Третьего рейха материалы досье на бывшего воен-

нопленного Первой мировой войны подпоручика Тухачевского. Судя по всему, Геббельс вознамерился провести какую-то пропагандистскую акцию по компрометации Тухачевского — в тот период времени высшее нацистское руководство билось в тисках неразрешимой **задачи, «как бы разрушить едва только ратифицированный франко-советский договор о взаимопомощи в отражении агрессии, увязанный с симметричным советско-чехословацким договором».** Военное министерство прекрасно поняло смысл запроса и 8-го июля 1936 г. ответило следующее: **«В связи со вновь вскрывшимися обстоятельствами штрафная карта лейтенанта Тухачевского выдана быть не может, поскольку персональные нападки на Тухачевского сейчас неуместны»[1].** Что это за **«вновь вскрывшиеся обстоятельства», почему «персональные нападки на Тухачевского»,** по мнению военного министерства, **«сейчас неуместны»?!** При этом следует иметь в виду, что военный министр Бломберг, санкционировавший такой ответ, во-первых, сам был настроен против Гитлера и входил в круг германских заговорщиков из числа генералов, а, во-вторых, он еще с 1928 г. точно знал, что Тухачевского уже тогда **«подозревали в руководстве движением по гос. перевороту»[2].** Надо полагать, что едва ли возникнут какие-либо препятствия для формулирования истинного ответа на поставленные вопросы.

Короче говоря, даже при беглом анализе уже очевидно, что вопреки «версии Шелленберга» Гитлеру ни по каким мотивам не было выгодно сдавать такую агентуру на расправу, тем более с помощью подложного компромата, не говоря уже о том, что о заговоре советских военных он ничего не знал! Но столь же очевидно, что это могло быть выгодно только Великобритании! Потому что именно она-то и была причастна к этому.

Впоследствии У. Черчилль указал в своих мемуарах, что **«осенью 1936 г. Бенешу из высокопоставленного военного**

[1] Bayer. Hauptstaatsarchiv Мыпспеп, Abt. Kriegsarchiv, Gerichtsbestand stellv. II. Brig. N119/1 von 1917 «Abtschrift».

[2] Blombergs P. Privates Archiv. «Reise des Chefs des Truppenamts nach Russland» (August/September, 1928), s. 14—16,46.

источника в Германии передали, что если он хочет воспользоваться предложением Гитлера, то должен спешить, потому что в скором времени в России произойдут события, которые сделают несущественной его возможную помощь Германии».

Речь шла о том, что фюрер выразил готовность уважать целостность Чехословакии в обмен на гарантии, что она останется нейтральной в случае германо-французской войны, однако в действительности это была весьма неуклюжая попытка Адольфа хоть как-то нейтрализовать неоднократно упоминавшиеся выше договора между СССР, Чехословакией и Францией о взаимопомощи в отражении агрессии.

А этим «высокопоставленным военным источником в Германии» был самый ценный агент чехословацкой военной разведки **А-54,** он же **Пауль Тюммель,** майор (впоследствии полковник), глава дрезденского отдела абвера. **Именно через него был осуществлен «слив» полностью достоверного и легко проверяемого компромата на Тухачевского и иных заговорщиков. Причем сначала президенту Чехословакии Бенешу, который, убедившись в том, что доложенная ему информация подлинная и легко проверяемая, сообщил ее Сталину в виде часто упоминаемого в литературе так называемого досье Бенеша! «Слив» информации был организован по указанию британской разведки.**

Пауль Тюммель, член НСДАП с 1928 г. С 1933 г. сотрудник штаба абвера в Берлине. В 1934 г. был переведен в отдел абвера в Дрездене, который занимался Чехословакией. Под псевдонимом «доктор Хольм» возглавлял разведывательные сети абвера **НЕТЦ-1** и **НЕТЦ-2.**10 февраля 1936 г. под псевдонимом **«Карл»** инициативно подставился чехословацкой военной разведке и фактически с первой же встречи с ее главой —полковником Ф. Моравцем — пошел на вербовку. Вплоть до провала передавал стратегически важную, достоверную информацию о военных и военно-политических планах Гитлера и его окружения, а также о деятельности германской военной разведки. Информация автоматически становилась достоянием не только чехословацкого, но и британского правительства. С первых же дней о факте его сотрудничества стало известно также и британской разведке, региональный ре-

зидент которой в Праге майор Гарольд Гибсон был ознакомлен с материалами **П.Тюммеля.** Вплоть до начала реализации Мюнхенского сговора, то есть до 1 октября 1938 г., **А-54** являлся фактически ключевым агентом, на информации которого большей частью и основывалась система мер военной безопасности Чехословакии. С 1939 г. **А-54** фактически стал агентом также и британской разведки под псевдонимами «Фанта», «Рене», «Ева», хотя оперативное руководство по-прежнему осуществлялось по нелегальным каналам чехословацкой военной разведки. До своего провала в 1942 г. **П. Тюммель** являлся одним из ключевых агентов МИ-6 в Центральной и Юго-Восточной Европе. Провал произошел в результате целенаправленных поисков гестапо, которое внедрило свою агентуру в чешское движение Сопротивления.

Советская разведка знала о **Пауле Тюммеле —- как об агенте А-54** (без раскрытия имени) — еще в начале второй половины 1930-х годов. Как указывалось выше, параллельно с советско-чехословацким договором о взаимопомощи в отражении агрессии в том же 1935 г. было подписано и соглашение о сотрудничестве между военными разведками СССР и Чехословакии. А с 27 мая 1936 г. в Праге начал действовать совместный разведывательный центр **ВОНАПО,** переименованный впоследствии в **ВОНАПО-2.** Центр занимался различными видами разведывательной деятельности и постоянным обменом разведывательной информацией. Чехословацкая военная разведка неоднократно представляла советским коллегам информацию, в том числе и от **А-54,** — о германском шпионаже против Советского Союза с территории сопредельных с ним государств, которая неизменно подтверждалась. К глубокому сожалению, как о самом факте сотрудничества между чехословацкой и советской военными разведками, так и тем более о налаженном между ними обмене разведывательной информацией по Германии хорошо было известно британской разведке. В том числе и о том, что советской стороне часто передается информация **А-54.**

В смысле политической проституции глава чехословацкой военной разведки Франтишек Моравец ничем не отличался от президента своей страны — Эдуарда Бенеша. Это очень хоро-

шо иллюстрирует один факт, имеющий прямое отношение к ликвидации заговора Тухачевского. Дело в том, что в соответствии с соглашением о сотрудничестве разведок Чехословакии и СССР от 1935 г. в Праге в декабре 1937 г. состоялась очередная встреча соответствующих делегаций. И вот на этом совещании произошло очень бурное столкновение делегаций по вопросу о репрессиях в отношении высшего командного состава РККА. Первым получивший агентурные данные о заговоре и консультировавшийся по этому вопросу с резидентом британской разведки майором Гибсоном глава чехословацкой военной разведки полковник Франтишек Моравец и сопровождавшие его лица буквально накинулись тогда на советскую делегацию с крайне резкими обвинениями. Их суть сводилась к тому, что как можно было перерезать почти весь высший командный состав по обвинениям, которым-де весь мир не верит и считает ошибочными. Естественно, что советская делегация весьма сдержанно ответила — так ведь весь компромат на Тухачевского сотоварищи поступил из Праги. В тот же день британская разведка была полностью в курсе происшедшей на этой встрече перепалки. То есть этими нападками на советскую делегацию полковник Ф. Моравец, по сути дела, пытался обелить свою разведку. Прежде всего, для того, чтобы не возникло подозрений в том, что при передаче информации по делу Тухачевского он, Ф. Моравец, действовал по указке британской разведки.

Приведя в своих мемуарах историю с информацией, поступившей Бенешу осенью 1936 г., Черчилль отдавал себе отчет, о каком конкретно «высокопоставленном военном источнике в Германии» он пишет, так как прекрасно знал о существовании **А-54,** хотя и не назвал ни имени, ни даже псевдонима этого агента. Более того. Он хорошо знал, что стоит за этой историей. Ведь П. Тюммель был личным, особо доверенным представителем Канариса и именно по его указанию он подставился чехам для вербовки. В принципе сама эта история вряд ли является новостью. Как под собственным именем, так и под псевдонимом **А-54, Пауль Тюммель** достаточно широко представлен в различных трудах по истории Второй мировой войны. **Но никто никогда не обращал внимания на** то, **что**

именно через этого агента и была осуществлена передача достоверной и полностью проверяемой информации о заговоре советских военных чехословацкой военной разведке, которая, естественно, доложила об этом своему президенту — Бенешу, а тот, убедившись в том, что это правда, — Сталину.

Так вот, когда разрабатывалась операция «мемуары Шелленберга», возник вопрос об особой целесообразности сокрытия причастности британской разведки к факту передачи достоверной информации **А-54** о заговоре Тухачевского (возможно даже и копии досье на него) советской разведке. Потому что за этим стояла фигура Канариса, который еще в 1930-х гг. фактически возобновил свои конфиденциальные отношения с британской разведкой и «сливал» ей всю необходимую информацию. Бритты достаточно плотно работали с Канарисом и даже после войны никак не хотели признавать факт такого сотрудничества. Тем более что на Западе он числится как «мученик» нацистского режима, чуть ли не как антифашист. В результате было принято решение прикрыть Канариса и его подставу **П. Тюммеля — «А-54»** в чехословацкой разведке, свалив всю ответственность на другого нацистского негодяя — Р. Гейдриха, тем более что еще в 1942 году сами же бритты и организовали его ликвидацию. В результате вся выдумка о якобы имевшей место операции гестапо по злоумышленной компрометации Тухачевского и его подельников специально была приписана Р. Гейдриху. Расчет бриттов был сколь примитивен, но столь же и абсолютно верен. Кто будет проверять, придумал ли такое Гейдрих или нет, проводил он в действительности такую операцию или нет, особенно если учесть, что факт пожара в военном ведомстве, который фигурирует в «версии Шелленберга», на самом деле был. Более того. Все, кто хоть что-то мог сказать существенное, — мертвецы.

И хотя у автора нет ни малейшего намерения даже на йоту обелить Р. Гейдриха — это был мерзавец из мерзавцев, негодяй из негодяев, преступник из преступников, и что сдох он как собака, так туда ему и дорога, — но в данном случае он абсолютно ни при чем. Однако же попробуйте во всем этом разобраться и установить истину?! То-то и оно, что секреты британской прелюдии Второй мировой войны британская раз-

ведка будет охранять с тем же демоническим бешенством, с каким она до сих пор выполняет поручение Их Британских Величеств о беспрестанной, в порядке мести, демонизации советско-германского Договора о ненападении от 23 августа 1939 года! Вот уж воистину в политике «старой, доброй» Англии вовсю правят насилие, злоба и месть! Ну, что еще в этой чертовой Англии достовернее есть?! Когда-то с большим знанием дела У. Черчилль изрек: «Правда о войне столь драгоценна, что ее должны оберегать телохранители из лжи»! И тут уж даже давно истлевший поганый прах от трупа высокопоставленного нацистского негодяя и то сгодится. Великобритания, понимаете ли...

У великого У. Шекспира есть гениальные строки: «Приливы есть в делах людских, и кто их использует умело, преуспевает в замыслах своих, но в том и дело, что вовремя заметить надо их».

Бритты умело использовали подфартившие им «приливы» в истории с «мемуарами Шелленберга». Эффект — сами знаете какой. У наших же органов государственной безопасности, особенно у разведки, не было возможности вовремя заметить подфартившие бриттам «приливы» в этой операции. Выдающиеся асы советской разведки, разведчики от Бога, для которых не было никаких непреодолимых препятствий, были расфасованы негодяем Хрущевым по «медвежьим углам» необъятного Отечества. Останься эти асы в строю, то немедленно установили бы, как британская разведка умудрилась оставить на виду у всех точнейшие «лоции», используя которые можно спокойно пройти между Сциллой осужденного человечеством нацизма и Харибдой опасности невольного заступничества за проклятых человечеством нацистских извергов. А суть этих «лоций» в том, что, по «версии Шелленберга», выходит, что, хотя и с помощью компромата, но советских военных на расправу «сдало» **РСХА.** Но с какой такой стати **РСХА** должно было лезть в такие дела — ведь это компетенция только и только военной разведки и то с санкции Генерального штаба! Не говоря уже о том, что в **1937** году **РСХА** попросту не было — контора с таким названием появится в Третьем рейхе лишь 27 сентября **1939** года! Одного этого нашим

было бы достаточно, чтобы разоблачить фальшивку, не говоря уже об их знании агента «А-54». Не говоря уже о том, что одного этого вполне достаточно, чтобы убедиться в том, что «мемуары Шелленберга» были «подготовлены» к публикации не Шелленбергом! Вальтер Шелленберг никогда бы и не написал, что **в 1937 г.** функционировало **РСХА.**

Работа против высшего военного командования, особенно его компрометация перед высшими властями противного государства, ни в одной стране мира и ни в какие времена не осуществлялась и не осуществляется без предварительного и тщательного согласования с руководством Генерального штаба и военной разведки своей страны. Ведь у них есть свои, профессиональные интересы в этой сфере, которые именно в этой сфере являются приоритетными по отношению ко всем остальным. Вспомните, как военное ведомство Германии лихо «отбрило» колченогого ублюдка Геббельса, когда он захотел заполучить какие-то документы на Тухачевского.

Главная же, «по Шелленбергу», роль не существовавшего тогда **РСХА** в этой операции тем более удивительна. Ведь на практике-то между спецслужбами Третьего рейха — в лице абвера и СД (прежде всего СД-Заграница, ибо VI Управление — внешняя разведка — появилось только 27 сентября 1939 г.) — действовала «Декларация 10 принципов». Согласно этой «декларации», обе стороны обязывались не вмешиваться в дела друг друга, которые были очерчены этой декларацией следующим образом: военная сфера — целиком за абвером, политическая — за СД. Более того. Именно на тот момент, когда, по «версии Шелленберга», у начальника СД Гейдриха якобы возникла идея компрометации советских военачальников, эту самую декларацию только-только подписали! Едва ли не в прямом смысле слова на ней еще не высохли тогда чернила, ибо она была подписана 21 декабря 1936 г. Но самое главное, конечно же, в том, что в 1937 г. Р. Гейдрих был начальником полиции безопасности (СД), а не РСХА.

Начало самой истории с декларацией было положено еще в 1935 г. устными договоренностями между Канарисом и Гейдрихом. Однако ни тот ни другой вовсе и не собирались чест-

но и скрупулезно во всем следовать смыслу, духу и букве этой декларации — этого в сообществах спецслужб не бывает по определению. Но и разработать план столь грандиозной, нацеленной на достижение фантастических военно-политических последствий операции, а затем и провести ее, да еще и минуя на каждом этапе всесильный в 1930-х гг. абвер, — было невозможно по определению. Абвер возглавлял пребывавший в то время в фаворе у Гитлера Канарис, а германский генштаб — генерал Бек, также пользовавшийся тогда доверием фюрера. Без них провести такую операцию было просто нереально. Между тем в «версии Шелленберга» Канарис и Генштаб выставлены в этой истории едва ли не как идиоты. Мол, налетели супостаты окаянные — гестаповцы, значит — украли какие-то документы, в том числе и у Канариса, а заодно и в военном ведомстве, устроили затем пожар, чтоб замести следы, и были таковы. А потом наштамповали фальшивок и продали их Сталину аж за целых три миллиона рублей золотом (об этом чуть ниже). Бред, да и только, но далеко не простой. С налету за жабры его не взять.

В отечественных исследованиях этот и без того на редкость идиотский вымысел «сдабривается» невесть откуда взявшейся докладной Ежова на имя Сталина, якобы подтверждающей факт пожара в военном ведомстве Германии в ночь на 2 марта 1937 года. «Естественно», что первым эту «докладную» Ежова на белый свет вытащил Д.А. Волкогонов. На стр. 534 первого тома своей книги «Триумф и трагедия. И.В. Сталин. Политический портрет» он привел следующий документ: **«В дополнение к нашему сообщению о пожаре в Германском военном министерстве, направляю подробный материал о происшедшем пожаре и копию рапорта начальника комиссии по диверсиям при гестапо...»**

По известной только ему причине «Туфтогонов» все же воздержался ставить за Ежова дату его подписи. Но за гестапо у него, очевидно, «душа болела» — и он проставил-таки «дату» пожара: после слова «пожаре» в тексте приведенной выше докладной напечатано примечание самого Волкогонова следующего содержания — «(в ночь с 1 на 2 марта 1937 г. — прим. Д.В.)». Из-за своего безумного антисталинского рвения

«Туфтогонов» слишком здорово подыграл британской разведке, умудрившись подтвердить ее «версию Шелленберга». Потому что попытался приклеить к ней реальный факт, действительно зафиксированный советской разведкой, хотя, очевидно, и не знал о нем толком. Однако поскольку ранее этот же факт в «версии Шелленберга» уже обыграла британская разведка, то в итоге получилось, что «душа комиссаришки Туфтогонова болела» еще и за Сикрет Интеллидженс. Что, к слову сказать, вполне «естественно» для «комиссарствовавшего» генералишки от псевдоистории. Но, в отличие от него, у нас «душа» за гестапо и тем более за британскую разведку не «болит». А потому мы расскажем подноготную нехитрой фальсификации «Туфтогонова».

Да, факт пожара действительно имел место. Об этом 5 июня 1937 г. сообщил агент советской разведки **«А/1»** — он же **Александр Дмитриевич Хомутов,** бывший полковник лейб-гвардии Измайловского полка царской армии, сотрудничавший с разведкой ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД еще с начала 1920-х гг. Пожар действительно произошел не без участия гестапо. Действительно в военном ведомстве, точнее в помещении одного из отделов абвера, где хранились особо важные документы. Выгорел целый этаж, провалились полы, огромные несгораемые шкафы рухнули вниз. Цель этого пожара — уничтожение компрометирующих верхушку нацистской партии материалов, главным образом о поджоге рейхстага, событиях 30 июня 1934 г., убийстве генерал фон Шлейхера[1] и т.д. Абвер собрал чрезвычайно обширный и убийственный компромат. Но что-либо спереть из абвера гестаповцам не удалось. То есть никакой спецоперации в связи с «делом Тухачевского» СД не проводило. То была вполне естественная не только для третьего рейха попытка уничтожения компрометирующих материалов на *правящую* верхушку. Старинный способ — пожар. Уж сколько веков и тысячелетий применяется.

[1] 30 июня 1934 года была проведена «ночь длинных ножей», в ходе которой Гитлер уничтожил практически всех своих соратников из числа штурмовиков во главе с Э. Ремом, а заодно шлепнули и генерала Шлейхера и его ближайшего сотрудника, бывшего шефа абвера — генерала фон Бредова.

Но здесь важно то обстоятельство, что за кулисами истории с поджогом рейхстага, как уже отмечалось выше, стоял не кто-нибудь, а сам Генри Детердинг. И ему собранный абвером компромат был совершенно ни к чему. Да и что ему тот же абвер или даже военное министерство, если он организовал поджог рейхстага?! Детердинг располагал прекрасными связями в нацистской верхушке, в том числе и в руководстве СС и СД. Так что организовать еще один поджог для него не являлось проблемой. Но вот на что хотелось бы обратить особое внимание.

Дело в том, что об этом пожаре нашему агенту «А/1» стало известно от крупного германского оппозиционера, резко антигитлеровски и антинацистски настроенного лидера Народной национальной партии Германии Райнгольда Вулле. Но Р. Вулле контактировал и с англичанами, с британской разведкой. А затем обратился еще и к советской разведке с одним крупномасштабным, но очень провокационным предложением. Судя по всему, информацию о пожаре он довел до сведения не только советской, но и британской разведки. Правда, неизвестно, сам ли или же через своего заместителя по партии, восточнопрусского помещика Ганса Церрата. С последним же контактировал агент Альфреда Розенберга — барон Уильям Ропп. Персонаж еще тот. С одной стороны, он был очень близок с главным идеологом нацистов Альфредом Розенбергом (они оба были выходцами из Прибалтики), а с другой — являлся близким другом одного из руководителей британской разведки того времени Фредерика Уинтерботтэма. То есть в сущности-то У. де Ропп был двойным англо-германским агентом.

Как бы там ни было, но у бриттов в архивах осела информация о том, что Советы знают о пожаре в военном ведомстве Германии. И когда в послевоенное время созрел план операции по производству и выпуску в свет «мемуаров Шелленберга», это обстоятельство было тщательно учтено. В МИ-6 понимали, что как только «мемуары Шелленберга» выйдут из печати, советское руководство прикажет своим спецслужбам проверить достоверность опубликованных в книге материалов. Соответственно решили включить в «мемуары» и сам факт

пожара, правда, придав ему совершенно иной смысл — привязали его к «делу Тухачевского». Мол, гестапо сперло какие-то компрометирующие Тухачевского документы из военного ведомства, а чтобы замести следы — устроило пожар. Собственно говоря, точно так же, как и с досье Бенеша, о котором они знали, что тот точно передал его Сталину, но придали всей этой истории характер острой провокации якобы со стороны нацистских спецслужб. Естественно, что факт пожара был подтвержден.

В связи с этим обращаю внимание на особо коварную изощренность британской разведки при проведении таких операций. При необходимости она запросто может пойти на использование практически 100% достоверного факта, лишь слегка передернув смысл, но так, что лишь многие десятилетия спустя появится хоть какая-нибудь возможность разобраться, что же она сделала на самом деле. Опытнейшая «лиса», ничего не скажешь...

МИ-6, к слову сказать, прекрасно знала и о второй причине этого пожара. Дело в том, что в конце 1936 г. между высшим армейским командованием и СД произошла грандиозная стычка: в здании, где размещался абвер на Тирпицуфер-штрассе, 74—76, были обнаружены микрофоны подслушивающих устройств, установленные подчинявшейся непосредственно Гиммлеру Службой безопасности. Причем не просто в помещениях абвера, а именно в том самом отделе военной контрразведки, что надзирал за связями и поведением высшего офицерского состава вермахта. Эта конкретная деталь и вызвала грандиозный масштаб стычки и ее остроту, ибо генералы были задеты за живое: одно дело Канарису, которому подчинялась военная контрразведка, что-то станет известным, но с ним всегда можно договориться, ибо он профессиональный военный, однако совсем иное дело, когда о том же узнает СД. Особую остроту конфликту придавало также и то обстоятельство, что еще в 1933 г. Гитлер официально удовлетворил прошение военного ведомства Германии о том, чтобы оно же, то есть в лице абвера, являвшегося тогда его подразделением, — отвечало бы за контрразведывательное обеспечение военной сферы. Однако ни Гиммлер, ни Гейдрих вовсе не намерева-

лись пунктуально исполнять указ Гитлера по этому вопросу. Уже в 1935 г. в СД было создано специальное управление Штайна, которое проводило расследования различных дел в этой сфере в интересах гестапо и СД, стремясь при этом завладеть правами абвера. Возглавивший с 1 января 1935 г. абвер Канарис, не долго думая, переключил внимание контрразведки абвера на самого Штайна. Сообразив перспективу нелегкого поединка с профессионалами абвера, Штайн улизнул за границу и под псевдонимом «Пфайффер» пытался сотрудничать с британской разведкой, передав ей информацию о настроениях германского генералитета. Более того, судя по всему, именно он и сообщил британской разведке о накопившемся в абвере обширном компромате, о котором говорилось выше. Детердинг мог узнать как раз именно таким путем, благо с руководством британской разведки у него всегда были очень тесные отношения.

СД же отнюдь не случайно установило прослушку в указанных выше помещениях абвера. Помимо вполне обыденной, рутинной практики контрразведывательного наблюдения за военными, тем более за высшими офицерами, помимо чрезвычайно характерной враждебности и конкуренции между спецслужбами Третьего рейха, в основе факта прослушивания были конкретные две причины, связанные со спецификой тогдашней ситуации. Во-первых, именно в этом отделе абвера и были сосредоточены все компрометирующие материалы, о которых говорилось выше. А чтобы узнать, что в каком сейфе хранится, — вот для этого и надо было подслушивать. Во-вторых, в начале осени 1936 г. произошел заметный всплеск активизации замороженных ранее официальных контактов между советскими и германскими военными, в том числе и высшими, вызвавший истерику у Гитлера, который в приступе гнева орал в адрес своих генералов, что они «пьянствуют и водятся с коммунистическими генералами».

Причина истерики заключалась, как уже указывалось выше, в том, что на осенние 1936 г. маневры вермахта в Бад-Киссингене главнокомандующий сухопутными войсками вермахта генерал-полковник барон Вернер фон Фрич пригласил командарма 1-го ранга Иеронима Петровича Уборевича.

Вот почему, желая угодить начальству, СД и установила подслушивающие устройства именно в том отделе военной контрразведки абвера, куда стекались все сведения о настроениях и поведении высшего офицерства. С точки зрения логики контрразведывательного противоборства с генералами — ход правильный. Сам же скандал в связи с разоблачением факта подслушивания в абвере закончился тем, что по прямому указанию Гитлера СД вынужденно пошло на подписание 21 декабря 1936 г. уже упоминавшейся выше «Декларации 10 заповедей» с Абвером. В отместку гестапо и провело операцию с пожаром, тем более что в том был заинтересован лично Детердинг. Но она никак не была связана с никогда не существовавшим намерением Р. Гейдриха организовать провокацию против Тухачевского. Тем более во исполнение никогда не отдававшегося Гитлером приказа на этот счет.

Как уже указывалось выше, у советской разведки был великолепный агент в гестапо — «Брайтенбах», он же Вилли Леман. «Брайтенбах» как раз и был одним из ведущих сотрудников в том самом отделе контрразведывательного обеспечения всего германского ВПК, в том числе и военного ведомства, который входил в состав гестапо (впоследствии IV управления РСХА) и который должен был расследовать этот случай с пожаром. «Брайтенбах» входил в состав комиссии по диверсиям при гестапо. Читатели наверняка обратили внимание, что в цитировавшейся выше докладной Ежова фигурировало выражение «... **и копию рапорта** начальника комиссии по **диверсиям при гестапо».** Это информация «Брайтенбаха». Будучи высококлассным профессионалом, этот агент всегда сообщал уникальные сведения о различных действиях гестапо и данные по другим вопросам.

К слову сказать, в силу характера своих служебных функций «Брайтенбах» находился в постоянном контакте с абвером, особенно с сотрудниками его контрразведки, пользовался у них уважением и как бывший фронтовик (с некоторыми из сотрудников абвера он воевал бок о бок еще во время Первой мировой войны), и как высококлассный профессионал. Но он ничего не сообщал о краже гестаповцами каких бы то ни было документов из абвера в ходе этого пожара.

Если ко всему вышеизложенному об этой истории примем во внимание еще и ряд иных важных деталей, то тогда окончательно станет ясно, как британская разведка из реального факта сделала псевдофакт, увязав его с псевдофактом о псевдоналете гестапо на помещение военного ведомства. Прежде всего следует отметить, что в действительности «версия Шелленберга» не оперирует конкретной датой — она появляется только в дополняющих и разъясняющих ее публикациях. Во всех этих дополнительных разъяснениях она сдвинута на 1—2 марта 1937 года. Кстати, нет точной даты пожара и в сообщении «А/1».

Если вновь обратиться к испытанному методу простейшего сравнительного анализа двух основных вариантов «мемуаров Шелленберга» — английского и немецкого, то увидим следующее:

На английском языке (в переводе на русский):

«И вот однажды Гейдрих послал две специальные группы взломать секретные архивы генерального штаба и абвера, службы военной разведки, возглавлявшейся адмиралом Канарисом».

На немецком языке (также в переводе на русский):

«Поскольку не существовало письменных доказательств таких тайных сношений в целях заговора, по приказу Гитлера (а не Гейдриха) были произведены налеты на архив вермахта и на служебное помещение разведки».

Как видите, ни в том ни в другом варианте точной даты налета нет. Зато налицо иное прямое противоречие. Скорее даже принципиальное. В английском варианте якобы налет был произведен якобы по приказу Гейдриха. Однако в немецком варианте — якобы непосредственно по приказу Гитлера. Да еще и в скобках подчеркивается, что «не Гейдриха». Перед нами стандартный прием запутывания и заметывания следов фальсификации. А о том, что «взломать секретные архивы» невозможно, — очевидно, и говорить не надо. В них можно только проникнуть и похитить, а взлому поддаются или не поддаются только сейфы, шкафы, двери, ведущие в секретные хранилища, и т.д., но никак не сами архивы. На этот раз с «логикой» у «публицистов» почему-то оказалось не все в по-

рядке. Ее только и хватило на то, чтобы на реальный факт пожара навести выгодную британской разведке «тень на плетень». Что в принципе ее стандартный прием — именно так и составляются британские амальгамы. Надеюсь, теперь понятно, что стоит за «версией Шелленберга».

И в заключение в отношении бреда о трех миллионах рублей золотом, которые Сталин якобы выплатил нацистским фальсификаторам за подложный компромат на Тухачевского, который был запущен в пропагандистский оборот со страниц все тех же «мемуаров Шелленберга». Его суть в следующем.

3 миллиона рублей золотом — это 300 тысяч золотых червонцев! С конца XIX века и до свертывания НЭПа в СССР никаких других золотых монет в России не чеканили. И в таком случае, если по царскому червонцу — а это 7,74 грамма золота — то 2322 кг золота, если по советскому — 8,6 грамма золота — так и вовсе 2580 кг! Кто-нибудь должен же был сообразить, что в мире нет таких кошельков, куда можно было бы впихнуть от 2,322 до 2,58 тонн золота и мотаться с таким кошельком через границу!? Не говоря о том, что для транспортировки такого кошелька была бы нужна как минимум мощная бригада из 10 лучших штангистов-тяжеловесов, а то и больше, ибо ни один эмиссар Сталина, сколь ему не приказывай, такой кошелек никогда в жизни поднять ни смог бы. Но ладно бы только это. Кто-то из составителей «версии Шелленберга» додумался до того, что эти три миллиона рублей золотом, то есть по определению металлические деньги, эмиссар Сталина выдавал, оказывается, бумажными купюрами высокого номинала!? Номера же этих купюр были переписаны, из-за чего впоследствии завалилась германская агентура в СССР, так как ей платили именно из этих денег.

Придумать такое мог только форменный болван, ибо, во-**первых,** или три миллиона рублей золотом, или просто три миллиона рублей — третьего не дано по определению. **Во-вторых,** где это гестаповцы такой пресс-нож нашли, под который пустили три миллиона рублей золотом с номерами, чего в банковском деле от сотворения мира никогда не бывало?! Не говоря уже о легендарной немецкой рачительности! Чтобы нем-

цы под нож пустили 300 тысяч золотых червонцев?! Ну, так и в самом-то деле, даже если со всей закономерностью немцы и проиграли войну, это ведь не означает, что они клинические идиоты! Золотые монеты не пускают под нож. Уж если и возникает какая-либо необходимость изменить статус содержащегося в них золота, то это делается с помощью переплавки и нового клейма. Кстати, именно так на Западе ликвидировали все следы своровавнного в ходе Гражданской войны и иностранных интервенций российского золота — просто переплавили и поставили свои клейма.

И еще кое-что о ситуации с **«тремя миллионами рублей золотом».** Если обратиться к соответствующим статьям Большой Советской Энциклопедии — той, настоящей, а не брежневской, и уж тем более не современной, — то придется узнать следующее. На основании декрета Совета народных комиссаров Советской России (СССР тогда еще не был образован) от 11 октября 1922 года была санкционирована эмиссия банковских билетов с наименованием «червонец», золотое содержание которого было приравнено 1 золотнику 78,24 доли чистого золота, то есть такое же, как и в дореволюционной десятирублевой монете. В граммах это 7,74234 г. Проще говоря, один червонец был **приравнен** к 10 рублям золотом. Госбанк осуществлял эмиссию таких червонцев в виде банковских билетов купюрами в 1, 2, 3, 5,10 и 25 червонцев. >

Но тут была одна хитрость, которую многие не замечают, а то и вовсе не понимают. **Банковские билеты указанного номинала лишь на 25% обеспечивались драгоценными металлами, подчеркиваю, драгоценными металлами, а не только одним золотом, а вот на 75% краткосрочными векселями и легко реализуемыми товарами.** Это было сделано для того, чтобы проводить эмиссию червонцев с расчетом на адекватность количества выпускаемых в обращение банковских билетов потребностям товарооборота. Поэтому-то утверждать, что именно этот червонец являлся эквивалентом золота — напоминаю, что истинный смысл слова **«эквивалент»** состоит в том, что это нечто равноценное, равносильное, равнозначное чему-то, — и тем более заменял собой определенное ко ?

личество золота, **неверно.** Понятия **«золотое содержание денежной единицы»** и **«замещения»** определенного количества золота в банковском деле разные. Последнее подразумевает свободный обмен на металлическое золото, что прежде всего означает систему золотого стандарта, который имел место в дореволюционной России. Именно в этом случае оба понятия сливаются.

В Советской России тоже была предпринята попытка чеканки золотого червонца весом в 8,6 г золота. Год его чеканки —1923 г. Более он не чеканился. В 1924 г. были выпущены также и казначейские билеты достоинством в 1,3 и 5 рублей золотом. И хотя казначейские билеты и являют собой наиболее распространенное название бумажных денег, выпускаемых в обращение финансовыми органами государства, тем не менее это прежде **всего неразменные на драгоценные металлы бумажные деньги!** Банковские же билеты — это и вовсе кредитные деньги, которые тем более не размениваются на драгоценные металлы. Их золотое содержание подразумевает всего лишь их покупательную способность, равносильную по значимости покупательной способности количества содержащегося в них золота. До 1924 года включительно в СССР чеканился также и серебряный рубль, содержавший 18 г чистого серебра, после 1924 г. чеканились только фракции серебряного рубля, в том числе вплоть до 1927 г. включительно полтинник, а позже только разменные монеты, которые в 1931 г. были заменены никелевыми. Вследствие быстрого обесценения обращавшихся в тот период советских дензнаков в червонцах стали исчисляться кредитные операции Госбанка, а также основные операции государственных предприятий и организаций. По смыслу этот «технологический прием» эквивалентен тому, что демократы устроили нам в 1997 г., «отрезав » от быстро инфляционировавшего рубля три нуля. Все хорошо помнят эту «Операцию Ы ». Более того, с октября 1923 г. червонное исчисление было применено и в отношении государственного бюджета. В свою очередь, червонное исчисление сделало необходимым и применение червонного рубля — счетной (расчетной) денежной единицы, равной одной десятой червонца.

То есть, если по-современному, в результате все этих мер червонец перешел преимущественно в статус виртуальной валюты для осуществления расчетов, планирования и операций государства, предприятий и организаций. Кроме того, следует иметь в виду, что в начале второй половины 1920-х гг. некоторыми представителями антисоветских организаций была предпринята попытка крупномасштабного фальшивомонетничества в целях подрыва советской денежной системы. Конечно, эти попытки были пресечены органами госбезопасности СССР. Однако это в еще большей степени предопределило переход червонца в статус так называемой виртуальной валюты, используемой только в расчетах. Правда, выпущенные в 1920-х гг. банковские и казначейские билеты и находились в обороте вплоть до денежной реформы 1947 года.

Если все это тщательно учесть, то миф о трех миллионах рублей золотом однозначно должен иметь в виду только металлические деньги, в виде золотого червонца чеканки 1923 г. с содержанием золота в 8,6 г. Ничего другого при таких условиях и в помине-то быть не могло и быть не может по определению!

Когда в международной практике произносят столько-то единиц определенной валюты золотом или в золоте, это означает только одно — на указанную сумму должно быть представлено только металлическое золото! Для иллюстрации непреложности это положения в международной практике возьмем не очень-то благостный для России пример. В результате наиподлейшей политики и интриг «гениального вождя мирового пролетариата» Ульянова-Ленина тевтоны прищучили этого любителя наполеоновских заповедей и вынудили подписать «Дополнительные соглашения» от 27 августа 1918 г., которые в литературе обычно называют вторым Брест-Литовским договором. Так вот, согласно ст. *2* этих «соглашений», Ильич от имени России согласился на выплату шести миллиардов марок золотом в порядке компенсации! Л ст.З этих же «соглашений» уже четко расписывала, что, как и в какой форме выплачивается. Так вот, 1,5 миллиарда марок из этих шести Россия обязывалась выплатить чистым золотом! Вот это и называлось 1,5 миллиарда марок золотом! Тевтоны

скрупулезно расписали эти поставки металлического золота по траншам. Ильич тогда все-таки отправил в Германию 93,5 тонны чистого русского золота![1]

Соответственно, если подставить в это выражение любую иную цифру и наименование любой иной денежной единицы, то опять-таки получится, что речь идет только о чистом золоте, о металлическом золоте! Естественно, что, подставив в такую формулу эти самые «три миллиона рублей золотом», получим абсолютно то же самое. И напоследок вот еще о чем. Как уже было указано выше, один червонец был приравнен к 10 рублям. Следовательно, три миллиона рублей золотом, что могло быть выражено в чеканившихся только в 1923 г. металлических червонцах, означают 300 000 штук таких червонцев! Чтобы Сталин пошел на такую сделку?! Сталин, который как зеницу ока берег каждую народную копеечку?! Ей, право же, если кому-то охота выставлять себя идиотом — на здоровье. Но это вовсе не означает, что даже посмертно Сталин обязан составлять компанию таким идиотам.

К глубокому сожалению, на незнании этих тонкостей поскальзываются даже, казалось бы, и вдумчивые исследователи, например позиционирующий себя знатоком всего и вся Ю.И. Мухин. В своей недавней книге «Если бы не генералы» (М., 2006. С. 122) именно от незнания этих тонкостей он весьма странно представил эту историю, да еще и в полемике с предателем Резуном «Суворовым».

В заключение отметим следующее. Каким же надо было быть болваном, чтобы написать, что агентуре платили купюрами крупного номинала, чего при выдаче наличных денег агентуре не делает ни одна разведка мира, не говоря уже о том, чтобы выдавать агентуре денежные средства из тех ресурсов, которые априори «засвечены» перед контрразведкой противника. По меньшей мере, это означает, что тот, кто воткнул в «версию Шелленберга» этот глупейший пассаж, никогда в жизни в реальной разведке не работал, тем более с агентурой.

---

[1] Кстати, впоследствии оно было украдено Францией и переплавлено, а на новые слитки поставили уже французское клеймо. Последняя переплавка во Франции состоялась еще в 1934 году.

Что и было на самом деле. Роберт Конквест, а именно он и стряпал в британской разведке так называемые мемуары В. Шелленберга, никогда с агентурой не работал.

Миф № 88. Тухачевского на допросах в НКВД избивали, подтверждением чему являются пятна крови на одной из страниц его следственного дела.

Действительно, одно время было модно «глубокомысленно», но мимоходом замечать, что на одном из протоколов допроса Тухачевского были обнаружены бурые пятна, похожие на пятна крови. Намек понятен — били. **Но в том-то все и дело, что никто и никогда не сообщал о том, что эти пятна были обнаружены на третьем экземпляре машинописного текста показаний Тухачевского!** Между тем, в 1937—1938 гг. такой был порядок — перепечатывать собственноручные показания особо важных подследственных, тем более по особо важным делам. Совершенно естественно, что ни одному «реабилитатору» и в голову-то не пришла мысль о необходимости проведения анализа этих пятен на предмет установления, **во-первых, что это за пятна конкретно, и, во-вторых, если это действительно была кровь, то чья конкретно.** Но даже если бы и оказалось, что кровь принадлежит Тухачевскому, то и это не означало бы, что его показания из него выбивали силой. Ведь пятна были обнаружены на третьем машинописном экземпляре, а не на собственноручно написанных Тухачевским показаниях, тем более что последние написаны ровным, четким почерком, с применением всех знаков препинания русского языка. После битья ровного почерка не бывает, не говоря о четкости и ясности изложения, которое интеллектуально точно соответствует уровню самого Тухачевского. Тем более что это все-таки 143 страницы рукописного текста. Не говоря уже о том, что перепечатка осуществлялась с рукописного оригинала собственноручных показаний, который в соответствии с действовавшим тогда (и сейчас тоже) уголовно-процессуальным законодательством был подписан лично Тухачевским! Если оригинал протокола допроса или собственноручные по-

казания подследственных не были ими подписаны, то никто ничего не перепечатывал. Это элементарное правило следствия. Оно не зависит от политических режимов!

Объективности ради должен заметить, что в последнее время опять стали муссировать это обстоятельство. Некая сотрудница Государственного Эрмитажа Юлия Кантор в своей книге «Война **и мир Михаила** Тухачевского» (М., 2005) уделила этому обстоятельству слишком большое внимание, приведя даже фотокопию этой страницы. Со ссылкой на ее книгу это же фото приводится и здесь. «Естественно», что г-жа Кантор вновь вытащила на свет старинную присказку времен Хрущева: «В процессе изучения дела М.Н. Тухачевского на отдельных листах его показаний обнаружены пятна **буро**-коричневого цвета. В заключении **Центральной** судебно-медицинской **лаборатории** Военно-медицинского **управления Министерства обороны СССР от 28 июня 1956 г. говорится: "В пятнах и мазках на листках 165,166 дела... обнаружена кровь... Некоторые пятна крови имеют форму восклицательного знака. Такая форма** пятен крови наблюдается **обычно при попадании крови** с предмета, находящегося в движении, или **при** попадании крови **на** поверхность под углом..."...»

Как видите, нагло врать начали уже тогда, умышленно смешав два понятия: показания Тухачевского, что сугубо в процессуальном смысле, всегда понимается юристами в первую очередь как собственноручные показания, и третий экземпляр машинописной копии этих показаний. Однако г-же Кантор до этого дела нет. Впрочем, нет ей дела и до того, что за такое, в высшей степени идиотское — в силу своей политической ангажированности — заключение Центрально судебно-медицинской лаборатории Военно-медицинского управления Министерства обороны СССР ее экспертов следовало бы примерно наказать. Потому как первейшая их задача состояла не в пресмыкании перед Хрущевым, а в следующем:

— в точном выяснении природы этих пятен — ведь совершенно непонятно, на каком основании **«пятна буро-коричневого цвета»** превратились в однозначные **«пятна крови»;**

— в безукоризненном выяснении, кому принадлежит обнаруженная кровь, — **это же самое главное!**

В архивах были медицинские данные и Тухачевского, и следователей, которые его допрашивали, а следовательно, проще пареной репы было сравнить эти данные и с уверенностью точного знания сказать, чья эта кровь, если, конечно, это кровь! Вместе этого рассуждения насчет **«формы восклицательного знака, предмета, находящегося в движении и попадании крови под углом»!** Зачем нужна такая судебно-медицинская экспертиза? Имелся **«политический** заказ»!

Эксперты это прекрасно понимали — не исключено, что их даже и припугнули, ибо при Хрущеве это было в порядке вещей, и уж, конечно же, с них взяли подписку о неразглашении того, чего они «нароют» своей экспертизой. Но, понимая это, эксперты осознавали и то, что, как эксперты, они не имеют права столь нагло врать — отсюда и идиотические рассуждения насчет **«восклицательных знаков, предметов в движении и угловом попадании крови на поверхность». В** сущности-то, если вдуматься в то, что написали эксперты, то получается, что они исподволь, но явно умышленно дезавуировали свое же заключение, поскольку не имели возможности послать по известному всей России адресу политический заказ лысого подонка Хрущева. Вот почему на самый главный вопрос — кому принадлежит эта кровь — эксперты и не ответили! Ну что ж, если они этого не сделали, сделаем это за них. Методом обычного, житейского, элементарно здравого рассуждения. Иных прав у автора нет. А присваивать полномочия судебно-медицинского эксперта — тем более негоже.

Итак, раз эти пятна были обнаружены на третьем экземпляре машинописной копии, то вот самое простое, но потому и не приходящее на ум ни экспертам, ни Кантор объяснение — сам следователь порезал руку (или палец) и едва замотав ее (его), продолжил работу с документами. Но скорее всего именно палец. Потому что смазанные пятна с левой стороны страницы означают что порезана была левая рука, скорее всего палец на левой руке, потому что именно левой рукой следователь придерживал раскрытое на этой странице следственное дело Тухачевского, а правой что-то писал или делал. Если бы то была кровь Тухачевского, на что намекает заключение экспертов, то эти пятна должны были бы быть в районе подписи

Тухачевского, то есть ближе к правой стороне листа. Потому что сами же эксперты написали — **«...такая форма пятен крови наблюдается обычно при попадании крови с предмета, находящегося в движении, или при попадании крови на поверхность под углом...». Следовательно,** находящимся в движении, к тому же под углом, предметом могла быть только рука самого Тухачевского, подписывавшего этот экземпляр. В соответствии с самой примитивной логикой должно быть именно так. Обратите внимание, что его подпись как раз под углом. Но она-то **справа, а пятна — слева!** Вот и весь фокус экспертов, выполнявших политически крайне ангажированный заказ! Перебинтованная левая рука следователя скользила по странице — вспомните, как любой из нас, если, конечно, он правша, придерживая левой рукой раскрытую на нужной странице книгу, скользит ею по ней, дабы не потерять текст, который необходимо либо запомнить, либо переписать (как правило, такая ситуация бывает именно в последнем случае).

И вот еще что. Если бы эти пятна были бы действительно пятнами крови непосредственно Тухачевского, которого, как подловато намекает заключение экспертизы, избивали, то следователь в обязательном порядке перепечатал бы эту страницу, дабы не провоцировать руководство на ненужные вопросы, — ведь материалы следствия по всем важнейшим делам докладывались не только Ежову, но и Сталину. Кому из следователей хотелось выглядеть неряхой перед большим начальством?! А раз это третий экземпляр машинописной копии, предназначавшийся, как правило, только для подшивки в дело, то, естественно, его и не стали перепечатывать — ведь всегда докладывался только первый экземпляр. И еще. Подозревать кровь Тухачевского в данном случае нет оснований еще и потому, что есть его фотография на суде — выглядит он, конечно, мрачно, радостного, само собой разумеется, ничего не было, коли попал под трибунал. Но нет и следов побоев — ни на лице, ни на руках, нет никаких повязок или порезов. При анализе таких дел экспертам, очевидно, не грех было бы взять в расчет приведенные выше рассуждения и факты. Как, впрочем, и г-же Кантор тоже.

Составив почти 600-страничную книгу, г-жа Кантор сочла более целесообразным уподобиться тем же экспертам, явно не понимая, что ее потуги со всякого рода экспертизами могут вызвать глубоко ироническую улыбку. Прежде всего потому, что перед ней стоял серьезный заказ — исходя из содержания книги, об этом можно говорить едва ли не с абсолютной уверенностью, —любым способом дезавуировать собственноручные показания Тухачевского. Но как это сделать? На серьезный анализ политических, экономических, геополитических, военных и иных обстоятельств автор явно не тянет. Порукой тому — все содержание ее книги. Ведь одно дело искусствоведение и совсем иное — квинтэссенция данных разведки и контрразведки о тайных сторонах политики, геополитики и экономики.

И там, где не хватает ни здравого смысла, ни тем более аргументов, — в ход идут публицистические выверты, рассчитанные только на эмоции. На них ни энергии, ни чернил, ни бумаги г-же Кантор не жаль. В результате читателям ее книги преподнесен еще один «перл» казуистики зоологического антисталинизма — результаты новоявленной графологической экспертизы собственноручных показаний Тухачевского. Полюбопытствуйте, пожалуйста, что же написали графологи — ведь без смеха читать невозможно.

«В результате почерковедческого исследования представленных рукописных текстов и сравнительного анализа их с образцами почерка рукописных текстов 1917 и 1919 гг., представленных на 4-х листах, установлено следующее:... При анализе почерка, которым исполнены исследуемые рукописные тексты "Заявлений", "Показаний Тухачевского М.Н.", в каждом из исследуемых документов наблюдаются:

— тупые начала и окончания движений, извилистость и угловатость штрихов (большая, чем в свободных образцах, несмотря на преобладающую угловатую форму движений); наличие неоправданных остановок и неестественных связей, то есть признаки, свидетельствующие о замедленности движений или — координации движений.

Кроме того, в почерке исследуемых рукописных текстов наблюдаются нарушения координации движений 2-й группы, к которым относятся:

— различные размеры рядом расположенных букв;

— отклонение букв и слов от вертикали влево и вправо;

— неравномерные расстояния между словами — от малого до среднего;

— неустойчивая форма линии строк — извилистая;

— при вариационном направлении линии строк: горизонтальному, нисходящему внизу, восходящему вверх;

— различные расстояния между словами — от малого до большого.

Указанные выявленные признаки в совокупности свидетельствуют о необычном выполнении исследуемых рукописных текстов, которое может быть связано:

— либо с необычными условиями выполнения — выполнение рукописных текстов непривычным пишущим прибором, в неудобной позе, на непривычной подложке и т.п.;

— либо с необычным состоянием исполнителя рукописных текстов — состояние сильного душевного волнения, опьянения, под воздействием лекарственных препаратов и т.п.

Совокупный анализ исследуемых признаков почерка с анализом письменной речи исследуемых документов говорит о доминирующем значении второй причины и позволяет предполагать исполнение исследуемых рукописных текстов лицом, находящимся в необычном состоянии».

Это, так сказать, основополагающая часть выводов графологической экспертизы. *В других цитатах из этого же заключения,* которые особенно приглянулись г-же Кантор, говорится о следующем:

— «В заявлении от 26 мая 1937 года — с обозначениями 8—9 — наблюдаются признаки необычного выполнения, которые значительно большее выражение нашли на листе 8».

— «В Заявлении от 27 мая 1937 года наблюдаются признаки выполнения в необычном состоянии. При этом манера изложения — авторская и присутствует практически неприкрытый сарказм, который свидетельствует пока еще о моральном превосходстве автора над адресатами».

— «Все фамилии выполнены не одномоментно (различный наклон в каждой из фамилий, различные расстояния между словами, а также различный рисунок знаков препинания, в

частности, запятых), то есть такое выполнение возможно под диктовку другого лица ».

— «В тексте Заявления от 10 июня 1937 года наблюдаются те же признаки, свидетельствующие о необычном состоянии исполнителя. При этом данный текст также мог быть выполнен под диктовку, особенно в части фамилий (в них также наблюдаются: в обозначениях фамилий — более дуговые движения, более вертикальный наклон по сравнению с рядом расположенными записями, а также между собственно выполненными фамилиями. "Казенный стиль" изложения, особенно в последних двух абзацах (например, в части уточнения: "то есть по существу, пораженческой деятельности")».

Итак, прежде всего, отметим, что любая экспертиза, проведенная без соответствующего постановления суда, рассматривающего данное дело, — незаконна! Более того, она ангажирована. В данном случае — политически ангажирована. Хуже того — она просто не имеет законной юридической силы! «DURA LEX — SED LEX», — говаривали еще в Древнем Риме. «Закон суров — но это закон!»

Поэтому ссылки г-жи Кантор на Заключение по результатам графологического анализа рукописных текстов показаний Тухачевского М.Н., которое подготовлено главным экспертом ЭКЦ ГУВД СПб. и ЛО Сысоевой Л.А., в принципе безосновательны! Проще говоря, они незаконны, как незаконна и сама эта экспертиза. Закон для всех обязателен — даже при попытке восстановления справедливости, чего в данном случае нет. Почему же эксперты согласились провести и без того всегда сложную и, как правило, неоднозначную в своих выводах графологическую экспертизу, имея в качестве образца документы двадцатилетней, по сравнению с текстом собственноручных показаний, давности? Неужели им, профессиональным экспертам-графологам неизвестно, что с возрастом почерк меняется, а нередко и очень сильно? Как можно было браться за такую экспертизу при столь недоброкачественном характере образцов? Да и получившей каким-то странным образом доступ в ЦА ФСБ г-же Кантор тоже следовало бы озаботиться поиском не стародавних образцов почерка Тухачевского, а непосредственно накануне его ареста, максимум **за**

полгода до его ареста. Тогда экспертиза хоть чего-нибудь да стоила бы. Это обычное правило. Неужели и это непонятно?! Впрочем, миль пардон, «демократия» и искусствоведы от «демократии» еще и не такое могут.

В экстазе «необъяснимого рвения» г-жа Кантор выступила... в роли той самой унтер-офицерской вдовы. Потому что, приведя отстоящие друг от друга на расстоянии двадцати лет образцы почерков, она наглядно показала, что все написано действительно рукой Тухачевского. Что же до некоторой разницы в почерке, так, извините, эксперты и так перстом показали на подлинную причину: необычные условия выполнения, то есть непривычным пишущим прибором, в неудобной позе, на неудобной подложке, в состоянии сильного душевного волнения. Опьянение и лекарственные препараты в расчет не беру. Водку пить в тюрьме Тухачевскому был недосуг, да и не входила она в рацион питания заключенных. Лекарственными препаратами тогда не баловались даже следователи, ибо никаких «сывороток правды» тогда еще не было. Да и многие свидетели судебных процессов начисто отрицали даже саму вероятность применения каких-либо специальных препаратов.

И что же в итоге? Ну, так ведь все верно написал эксперт. В каком еще состоянии должен быть человек, тем более Маршал Советского Союза, который только что слетел с поста первого заместителя народного комиссара обороны, а теперь еще и с поста командующего округом, с которого спороли все знаки воинского различия и отправили в кутузку по обвинению в государственной измене? Только в состоянии сильного душевного волнения! Тюрьма, тем более лубянская, — чай, не санаторий с «курортным романом»! Угодив в кутузку, любой человек, даже имеющий не один десяток «ходок» закоренелый рецидивист и то будет в таком состоянии, особенно в первые дни! Обидно же — свободы лишили. При всем том, что арест, конечно, далеко не самое лучшее событие в жизни любого человека, это никому не дает права делать из этого факта политически ангажированные выводы, да еще и со ссылкой на заключение графологической экспертизы.

Не менее права графологическая экспертиза и насчет непривычного пишущего прибора. Могу подтвердить на соб-

ственном примере — до сих пор не могу писать шариковой ручкой, только чернильной. Шариковой только расписываюсь. Так что вполне естественно, что, оказавшись в тюрьме и получив обычную ручку с пером, которую надо макать в чернильницу — других в тюрьме тогда не было, — Тухачевскому действительно было непривычно. У него-то, поди, была прекрасная самописка-авторучка — сколько его «корешей» перебывало за границей. Уж сувенирчик такой хоть однажды да привезли. Поэтому и с этой точки зрения нет никаких оснований для политически ангажированных выводов, которые г-жа Кантор преспокойно делает. Даже если он и привык обращаться перьевой ручкой и чернильницей, то все равно он же не своей пользовался. Едва ли «открою Америку», что, даже взяв в руки практически аналогичный собственному письменный прибор, любой из нас все равно в первый момент будет испытывать некоторое неудобство — не своя же ручка.

Столь же права графологическая экспертиза и в выводе о неудобной позе. Едва ли нужно объяснять, что в тюрьме удобного кресла первого заместителя наркома обороны не было — была привинченная к полу обыкновенная табуретка, кстати говоря, не очень-то и высокая. Был небольшой столик, тоже не очень высокий, к тому же привинченный к стене. Конечно, человеку высокого роста и крупного телосложения, как Тухачевский, было неудобно писать в таких условиях. Но с какой стати это должно давать право на политически ангажированный вывод? Точно такой же вывод должен быть — потому что он единственно нормальный, — ив отношении непривычной подложки при написании. Вряд ли нужно объяснять, что между удобным, обитым ласкающим взор зеленым сукном письменным столом первого заместителя наркома обороны или даже командующего округом и простым, едва обструганным, некрашеным тюремным столом, тем более в камере, — принципиальная разница. Но разве это дает право на политически ангажированный вывод?!

Что же, например, до «казенщины» в письменной речи такого «интеллектуала», как Тухачевский, то могу сказать только одно — сходите в любой суд, в наш «самый гуманный демократический» суд любой инстанции или в отделение мили-

ции и попробуйте подать хоть какое-нибудь заявление в свободном изложении. Попробовали?! То-то и оно, что господа судьи и защитники правопорядка вас просто не поймут — и заставят написать сугубо казенным языком, как у них полагается, чтобы до их судейских и милицейских мозгов и образа мышления дошло бы, зачем вы к ним пристали! Хуже того. Они вам всучат образец, как надо писать, а то и прямо дадут форму №... — иди и пиши в ней, что тебе надобно от суда или от милиции, не отвлекаясь на всякую лирику. Точно так же вас не поймут и в любом государственном учреждении. В каждом из них своя, десятилетиями складывавшаяся «казенщина».

С какой стати тривиальное явление — казенный язык, который присущ следствию во все времена, — дает хоть какие-то основания для политически ангажированного вывода? Трафаретное мышление, трафаретный образ следствия, трафаретные формулировки действительно имели тогда место. Ну и что из этого следует? Или должно следовать? Ведь не лирические же беседы на философские темы вели, а выясняли тайную, подрывную деятельность, именуемую вполне однозначно. Причем трафарет наименования задается законом. Увы, г-жа Кантор не считает нужным принимать во внимание такие досадные, с ее точки зрения, «мелочи», как его **Величество Закон!** Напоминаю, **«Закон суров, но это закон»!** Кстати говоря, если уж на то пошло, то ведь и столь обильно цитируемое г-жой Кантор заключение экспертов тоже ведь не отнесешь к шедеврам эпистолярного жанра — все тот же казенный язык, те же заданные законом трафаретные выражения.

Ну, а что должно следовать из **«неодномоментности написания фамилий»** и тем более **«различных рисунков запятых»?** Насчет последнего действительно не знаю, потому и не буду ничего говорить. Пусть эксперт и г-жа Кантор сами объясняют, что за «мадонну» или «Код Да Винчи» они узрели в этих рисунках. Что же до первого — «неодномоментности написания фамилий» — так ведь и тут все просто. Подследственный пишет собственноручные показания. По мере написания вспоминает те или иные фамилии, факты и добавляет их в уже написанный текст. Тем более после очных ставок, во время которых Тухачевского уличали во лжи и неискренности. Не

говоря уже о том, что в ходе следствия по таким важнейшим делам очень часто предъявляли полученные по каналам разведки данные зарубежных спецслужб, в том числе и агентурные досье на многих из оказавшихся на Лубянке «борцов со сталинизмом ». Тут уж и впрямь затрясешься от сильного душевного волнения, и рука дрогнет, и вообще не в своей тарелке будешь. Но это обычная практика любого следствия, в каком государстве оно ни происходило бы.

Всегда используются и иные достоверные материалы, чтобы вывести подследственного «на чистую воду». К примеру, в 1939 г. наши войска захватили во львовской тюрьме знаменитого в то время польского разведчика Сосновского. Так вот, во время допросов его постоянно уличали во лжи и неискренности — благо ценнейший агент советской разведки в гестапо «Брайтенбах» передал все материалы своего ведомства по контрразведывательной разработке Сосновского. Короче говоря, ляха довели до того, что он не просто потел — с него от волнения лило в три ручья, он краснел, бледнел и трясся в самом прямом смысле слова и в конце концов просто взмолился, предварительно с восхищением оценив высочайший профессионализм советской разведки. Но, подчеркиваю, с какой стати **«неодномоментность написания фамилий»** может дать право на политически ангажированный вывод? Разве никто из нас никогда не вносил правки и дополнения в уже написанные тексты? И разве не приходилось это делать — хотя бы по соображениям экономии места на уже заполненной текстом странице, — несколько иным почерком? Что тут такого необычного? В конце-то концов, кто из подследственных не понимал всей серьезности переплета, в который они попали в результате разоблачения их заговора? Но ведь человек так устроен, что ему хочется надеяться на лучшее, — он без этого просто не может. Однако от сильного душевного волнения в связи с ясным осознанием возможности и тем более реальности самого сурового приговора их трясло по всем статьям — отсюда и все «специфические особенности » почерка ими написанного. Суть же они изложили верно — у них не было иного выхода, против них были такие неопровержимые данные, что не приведи Господь!

Вот это и есть самое главное, что дает право на серьезные политические и юридические выводы! Но, очевидно, такие соображения в среде почему-то ринувшихся в околополитологию и околоисторию искусствоведов не принято брать в расчет. А зря.

Миф № 89. Сталин поддался влиянию фальсификаций НКВД и обрушил незаконные репрессии против командного состава РККА.

Глупейшей болтовни на эту тему так много, что просто бессмысленно разбирать каждую трепологию бандерлогов антисталинизма. Мы сделаем иначе. Назовем официально рассекреченных агентов и сотрудников разведки, которые внесли весомый вклад в разгром заговора военных. По их количеству и качественному составу сразу станет ясно, что ни о каких выдумках и речи быть не может.

1. Австрийская графиня и коммунистка **Рут фон Майенбург** из военной разведки. В период с 1934 по 1938 г. выполнила серию ответственных заданий ГРУ в Европе. К 1938 г. уже была полковником РККА (всего за четыре года!). Рут фон Майенбург сумела внедриться в оппозиционно настроенные круги вермахта, прежде всего благодаря близкой дружбе с генералом фон Гаммерштейном-Эквордом. Ценность добывавшейся «красной графиней» информации была настолько велика, что она удостоилась личной благодарности наркома обороны Ворошилова. Да и сам факт того, что за четыре года она «доросла» до звания полковника — тоже о многом говорит. Запросто так в разведке звания не присваивают, тем более тогда!

2. Дочери самого генерала фон Гаммерштейн-Экворд: Хельга и Мария Луиза. Вначале были информаторами разведывательного аппарата Компартии Германии, а затем стали сотрудничать и с советской разведкой.

3. Информатор разведаппарата КПГ — саксонский аристократ, бывший офицер, сохранивший связи в военных кругах **Арнольд Фит фон Гольсенау (впоследствии стал известен как писатель Людвиг Ренн).**

4. Агент ГРУ под псевдонимом **«Эльза»,** работавший в Германии и Австрии. Идентифицировать ее имя по литературе не представилось возможным. Известно, что добывавшаяся ею ценнейшая информация наверх «почему-то» не докладывалась. Самый последний доклад «Эльбы », представленный буквально накануне разгрома и ареста руководителей заговора, не был доложен ни Ворошилову, ни Сталину.

5. Дочь американского посла в Берлине — **Марта Додд,** агентурный **псевдоним «Лиза».** Ценность «Лизы» с точки зрения разоблачения заговора была двоякой. С одной стороны, она имела очень широкие, в том числе и интимные, связи среди политической, промышленной и военной верхушки нацистской Германии, многие представители которой были ее любовниками (одним из них был знаменитый германский летчик, генерал Эрнст Удет, заместитель Г. Геринга в министерстве авиации). С другой стороны, ее отец — посол США в нацистской Германии Уильям Додд, к бумагам которого (а также к документации посольства) она имела прямой доступ, — поддерживал близкие личные отношения с ближайшим соратником Гитлера Эрнстом Ханфштенглем по кличке «Путци», впоследствии эмигрировавшим в США и ставшим советником президента Рузвельта. Кстати говоря, эмигрировал он именно после начала провала заговора военных. Как выяснилось из зарубежных материалов, обвинение, которое бросил Сталин в адрес Тухачевского в связи с тем, что тот передал немцам мобилизационный план, было связано именно с Ханфштенглем.

Надо обратить внимание на следующее обстоятельство. Сталин заявил об этом 2 июня 1937 г. на расширенном заседании Военного совета при наркоме обороны. А о том, что именно через Ханфштенгля заговорщики передали советский мобилизационный план, за рубежом широко стало известно только из опубликованной в газете **«Эко де Пари»** 30 августа 1937 г. статьи **«Что же происходит в России?».** Между тем ушедшему на Запад 17 июля 1937 г. предателю И. Рейссу еще тогда, когда он вроде был еще на посту, уже давалось задание изыскать возможность для вступления в контакт с Ханфштенглем на территории третьей страны. Значит, у Сталина были дан-

ные о том, что факт передачи советского мобилизационного плана немцам имел место. Более того, учитывая, что сам Сталин имени Ханфштенгля в своем выступлении не назвал и к тому же все списал на рейхсвер, фактически свидетельствует в пользу того, что у него действительно были серьезные агентурные данные, которые он вынужден был зашифровывать. Кроме того, если учесть, что Рейссу давалось поручение изыскать возможность для вступления в контакт с Ханфштенглем, то, помимо возможности для вполне обоснованного утверждения о том, что источником первоначальной информации на эту тему была именно же Марта Додд, это еще и основание для такого вывода. Во-первых, одновременно с «Планом поражения СССР в войне с Германией» был выдан и мобилизационный план на 1936/37 г. Во-вторых, именно с фактом наличия у германских генералов этих документов и связаны те самые «удивительные» по своей «результативности» командно-штабные учения вермахта. А с августа 1937 г. новый начальник Генштаба Б.М. Шапошников вынужден был немедленно заняться разработкой нового мобилизационного плана.

6. Ныне широкой известный «наш человек в гестапо» — блестящий агент **«Брайтенбах», он** же **Вилли Леман,** и выдающийся ас советской нелегальной разведки, впоследствии генерал-майор **Василий Михайлович Зарубин,** у которого **«Брайтенбах»** был на связи. Этот аспект их совместной деятельности никак не упоминается ни в одной из публикаций. **«Брайтенбах»** был одним из ценнейших агентов советской разведки в Германии того времени. Его информация всегда охватывала столь широчайший круг вопросов — от проблем внешней политики, милитаризации, новых видов вооружений до чисто разведывательных и контрразведывательных вопросов, — что такое явное умолчание вклада этого агента в разгром заговора наводит на серьезные размышления. И вот почему.

Когда в марте 1935 г. по разведывательным каналам промелькнул слух о возможном возвращении знаменитого Вальтера Николаи в абвер, то едва только принявший **«Брайтенбаха»** на связь **Зарубин** первым долгом поставил ему задачу

срочной проверки реальности этого слуха. Не надо быть профессионалом разведки, чтобы уяснить простую истину, что при всей своей важности этот слух по сравнению со слухами и просто данными о назревающем заговоре не более чем мелочь. И что же, «Брайтенбаха» никак не использовали в проверке данных о заговоре, тем более если учесть его высокое положение именно в том отделе гестапо, который отвечал за контрразведывательное обеспечение ВПК и военного руководства Германии, не говоря уже о его широких дружеских связях в абвере?! Это исключено, потому как таких агентов как раз и используют в таких делах. Не говоря уже о том, что сам **«Брайтенбах»** был великолепным асом, чтобы самостоятельно понимать, что интересует Москву.

Более того, **В.М. Зарубин** выехал из Германии в конце марта 1937 г. а уже в мае того же года был награжден орденом Красного Знамени, не так уж и часто в те годы выдававшимся, тем более разведчикам. Нет никаких сомнений, что легендарный ас разведки и патриот своей Родины — **Василий Михайлович Зарубин** — абсолютно заслуженно получил свою высокую награду. Но исходя из широко известных фактов — **его работы в Германии с марта 1935 по март 1937 г., кураторства над агентом «Брайтенбах», отъезда из Германии в марте 1937 г., его награждения высокой правительственной наградой в мае 1937 г., — получается, что реляция к награде в значительной мере была обусловлена его (вместе с «Брайтенбахом») вкладом в разгром заговора военных!**

7. Злостно опороченный генерал Николай Скоблин, он же **«Фермер» (ранее ЕЖ-13)** — руководитель разведки и контрразведки Российского Общевоинского Союза (ЮВС).

8. Агент **«А-270» — австрийский барон Курт фон Позаннер,** профессиональный разведчик, руководящий сотрудник разведки НСДАП, одним из первых сообщивший о заговоре.

9. Агент **«Сюрприз»** — австрийский военный разведчик Адольф Хайровски, которого курировал **«А-270».**

10. Винцент Антонович Илинич, также одним из первых сообщивший о заговоре.

11. Генерал П.П. Дьяконов, имевший прямые выходы на высшее руководство вооруженных сил и спецслужб Фран-

ции, особенно Второго бюро Генштаба, а также располагавший широкими связями в русской эмиграции в Европе, особенно среди бывших военнослужащих царской армии.

12. Агенты советской разведки в ближайшем окружении президента Чехословакии Э. Бенеша — **Людмила Каспарикова и Яромир Смутный.**

13. Доблестный представитель «кембриджской пятерки» — **Дональд Маклин,** имевший прямой допуск ко многим материалам британского МИДа, в том числе и по германской тематике.

14. И многие другие агенты и сотрудники советской разведки, своевременно добывавшие и передававшие в Москву сведения о заговоре.

15. Агентура контрразведывательных органов госбезопасности СССР, о которой в принципе достаточно известно из ряда публикаций.

Конечно, как бы ни хотелось рассказать обо всех, но в рамках одной книги сделать это нереально. Однако на фигуре одного из тех, чье имя вообще никогда не увязывалось с разоблачением заговора военных, хотелось бы задержать внимание. Речь идет о выдающемся патриоте России, еще с царских времен знаменитом военном разведчике, Генерального штаба генерал-майоре (с 15.07.1916), генерал-лейтенанте Советской Армии — графе Алексее Алексеевиче Игнатьеве, до октября 1917 г. являвшемся военным агентом (атташе) России во Франции. Алексей Алексеевич и его младший брат, также профессиональный разведчик Павел Алексеевич, по личному приказу Николая II с 1915 г. занимались тщательным расследованием обстоятельств активно инспирировавшихся за рубежом слухов о сепаратных переговорах между Германией и России, о готовящемся «дворцовом перевороте» прогерманского толка, о грядущей революции под германским патронажем и т.п. Как истинные патриоты России, братья Игнатьевы проделали тогда огромную.работу и очень многое смогли установить достоверно. И не их вина, что добытая ими информация не пошла на пользу России, которая, к слову сказать, могла быть немалая. Ведь они, особенно Павел Алексеевич, первыми в русской разведке еще в 1916 г. смогли дос-

товерно установить факт прямой причастности германской разведки и ее агентуры к работе с Лениным и К\ У Павла Алексеевича была компактная, но очень эффективная нелегальная резидентура с отличным агентурным аппаратом, действовавшая на территории Швейцарии.

К сожалению, подлый удар по его резидентуре и агентурному аппарату нанес предатель России П. Милюков в своей на редкость провокационной речи с трибуны Госдумы 1 ноября 1916 года, после чего о некоторых агентах П.А. Игнатьева стало широко известно. Однако в целом его резидентура сумела выдержать удар и сохранить основные позиции, и как знать, не этой ли резидентуры в том числе, наряду с резидентурой, возглавлявшейся официальным военным агентом генерал-майором С. А. Голованем, опасались германские хозяева Тухачевского и он сам. Ведь проболтавшись почти месяц в Швейцарии, он так и не удосужился появиться перед официальным военным агентом России, отправившись прямиком в Париж к А.А. Игнатьеву, у которого из-за перегруженности делами по координации военных и разведывательных действий России и Франции просто не было времени на проверку сбежавшего из плена подпоручика Тухачевского.

Но что интересно — после октябрьского переворота Алексей Алексеевич перешел на сторону большевиков. В 1924 году — обратите внимание, после смерти Ленина, — передал в распоряжение СССР все банковские счета и лежавшие на них немалые валютные средства, а сам остался работать в советском торгпредстве в Париже. Павел Алексеевич и вовсе остался жить в эмиграции (умер в 1930 г.). Однако в руках у братьев остались практически все нити агентурных и иных оперативных контактов и связей для негласного наблюдения за действиями германской разведки и тайных обществ, а также их агентуры против России. В 1937 г. Алексей Алексеевич возвратился в СССР и, несмотря на 60-летний возраст, из сотрудников торгпредства был зачислен на действительную военную службу инспектором по иностранным языкам Управления военно-учебных заведений РККА. Почему именно в 1937 г. он возвратился в СССР? Не боясь, хотя за рубежом уже в массовом порядке гуляли всевозможные слухи и сплет-

ни об арестах в Москве? Почему, за какие конкретно заслуги его, уже достигшего 60-летнего возраста, зачислили на действительную военную службу в то время, когда из РККА увольняли молодых?

Из одной радиопередачи от 9 мая 2002 г. по случаю Дня Победы выяснилось, что А.А. Игнатьев был очень близок к Сталину и мог обращаться к нему напрямую. Так что же столько лет после революции делали высокопрофессиональные русские разведчики Алексей и Павел Игнатьевы, особенно Алексей? **Судя по всему, они по-прежнему занимались разведывательной деятельностью, причем явно минуя все разведслужбы СССР, выходя прямиком на Сталина.** Об обоих братьях длительное время был своеобразный заговор молчания. В лучшем случае о них, в основном об Алексее Алексеевиче, вспоминали только в связи с передачей им всех банковских счетов. **Но именно факт умолчания — один из самых верных признаков, что они сыграли значительную роль в разоблачении заговора военных. Потому как подобный прием — негласное использование бывших сотрудников бывших спецслужб бывшего государства — вообще очень характерен для мира разведок, а для личной разведки Сталина — особенно.**

И вот еще что. Архив А. А. Игнатьева до сих пор находится в Париже, на хранении у французского государства. Почему? Почему его хотя бы сейчас не заберут в Россию? Ведь Россия в порядке реституции отдала Франции десятки тонн архивных материалов масонских лож и 2-го бюро Генштаба. Неужели нельзя поставить вопрос о возврате архива выдающегося патриота России? А может все дело в том, что эти архивы крайне нежелательны для «демократии»? Похоже на то, потому что если посмотреть, как «оригинально» в России переиздается знаменитая книга А *Л.* Игнатьева «пятьдесят лет в строю», то поневоле придешь к такому выводу. При Сталине это было невозможно, так как не было соответствующей правовой базы для осуществления такого возврата. Но сейчас-то это возможно!

Даже столь краткий, беглый перечень агентуры и сотрудников разведки, участвовавших в разоблачении заговора военных, свидетельствует о том, что ни о каких выдумках НКВД и речи быть не может! По определению быть не может!

И совершенно не случайно, что на допросе 9 июня 1937 г. у прокурора Союза ССР АЛ. Вышинского и помощника главного военного прокурора Субоцкого Тухачевский заявил следующее:

«Свои показания, данные на предварительном следствии о своем руководящем участии в военно-троцкистском заговоре, о своих связях с немцами, о своем участии в прошлом в различных антисоветских группировках, я полностью подтверждаю. Я признаю себя виновным в том, что я сообщил германской разведке секретные сведения, касающиеся обороны СССР. Я подтверждаю также свои связи с Троцким и Домбалем. Задачи военного заговора состояли в проведении указаний троцкистов и правых, направленных к свержению советской власти. Я виновен также в подготовке поражения Красной Армии и СССР в войне, т.е. в совершении государственной измены. Мною был разработан план организации поражения в войне... Я признаю себя виновным в том, что я фактически после 1932 г. был агентом германской разведки. Также я виновен в контрреволюционных связях с Енукидзе в составе военно-троцкистского заговора. Кроме меня, были Якир, Уборевич, Эйдеман, Фельдман, С.С. Каменев и Гамарник. Близок нему был и Примаков. Никаких претензий к следствию не имею. Тухачевский»[1].

Какие уж тут выдумки?

Миф № 90. Без **1937** года, возможно, не было бы вообще войны **в 1941** году. В том, что Гитлер решился начать войну **в 1941-м,** большую роль сыграла оценка того разгрома военных кадров, который произошел в СССР.

---

[1] **Цит. по: Кантор Ю. Война и мир Михаила Тухачевского. М., 2005. С. 406—407. Обратите внимание на то обстоятельство, что допрос производился высшими прокурорскими чиновниками СССР, без участия следователей НКВД. Тухачевский спокойно мог заявить претензии или же вообще отказаться от всего, как это делали многие как на суде, так и на допросах, а также в письменных апелляциях на имя Сталина, руководства НКВД и Прокуратуры. Однако он этого не сделал. Более того, он и на суде ни о чем подобном тоже не заявил. Кстати говоря, ни о чем подобном на суде не заявляли и его подельники.**

Миф № 91. Сталин уничтожил 40 тысяч командиров РККА, вследствие чего произошла трагедия 22 июня 1941 года.

Начало этим мифам положил Троцкий, еще в 1937 г. начавший утверждать, что-де Сталин, видите ли, «обезглавил Красную Армию». «Обезглавил», то есть оставил без головы, без ума, без мозгов. В дальнейшем это подлое утверждение проклятого «беса мировой революции» вновь запустил в оборот лысый подонок и недобитый троцкист Хрущев. Кстати говоря, при очень массированном содействии маршала Г.К. Жукова. При анализе этих мифов следует прежде всего иметь в виду, что оба мифа являют собой как бы две стороны одной медали. И каждая сторона имеет два мифологических пласта.

И в том и в другом случае первый пласт связан с утверждениями об их полководческих способностях. Однако Тухачевский и К° не были ни гениальными, ни бездарными стратегами. Они были всего лишь заурядными, главным образом нахватавшимися верхушек военных знаний военачальниками. Кто-то лучше, кто-то хуже, однако общий уровень их стратегических талантов был таков, что всерьез назвать это стратегическими талантами просто нельзя. Физически нельзя. Вся их так называемая слава полководцев пошла со времен Гражданской войны.

Однако, как свидетельствуют серьезные исследования, М.Н. Тухачевский, И.П. Уборевич, И.Э. Якир, В.К. Блюхер, И.Ф. Федько, П.Е. Дыбенко, А.И. Егоров и т.д., включая полуштатских «героев» Гражданской войны как Г.Я.Сокольникова, М.М. Лашевича, И.Т. Смилгу, Н.И. Муралова, СВ. Мрачковского и т.п., не проявили себя серьезными, по-настоящему талантливыми полководцами. Всеми своими успехами они обязаны кадровым царским офицерам, пришедшим на службу Красной Армии. По данным автора уникальной научной монографии «Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг.» (М., 1988) А.Г. Кавтарадзе, в Красной Армии к концу Гражданской войны служили примерно 75 тысяч военспецов. Их число было огромно в звене младшего и среднего командного состава, но особенно велико среди стар-

шего и высшего комсостава. В период Гражданской войны все главкомы Красной Армии являлись военными специалистами. К примеру, из 20 командующих фронтами 17 являлись военспецами, то есть 85%, среди командующих армиями — 82%, среди начальников штабов армий — 90%, среди начальников штабов дивизий — 70%. Однако здесь следует иметь в виду, что из 75 тысяч военспецов в Красной Армии 65 тысяч являлись офицерами военного времени. То есть сугубо кадровыми, обладавшими высшим военным образованием в Красной Армии было всего 10 тысяч человек. Это столько же, сколько их было у Колчака, но в два раза больше, чем, например, у Миллера или Юденича, однако в три раза меньше, чем у Деникина, кадровый офицерский состав армии которого насчитывал 30 тысяч человек. Преобладание среди военспецов офицеров военного времени прежде всего объясняется тем, что они представляли более демократические слои российского общества, чем кастовое кадровое офицерство.

Однако десятитысячный корпус кадровых офицеров оказался очень внушительной силой. Занимая посты начальников штабов и помощников командующих, именно они и были подлинными руководителями фронтов, армий, корпусов и дивизий. Именно они и являлись организаторами побед Красной Армии в Гражданской войне. И, повторяю, именно им так называемые герои Гражданской войны и обязаны своей славой военачальников.

Их приход в Красную Армию был обусловлен не принуждением, хотя отдельные случаи подобного насилия действительно имели место, а мощным всплеском русского патриотизма, вызванным растущим вмешательством Антанты в Гражданскую войну. Очень многие бывшие царские генералы и офицеры отлично понимали, что от покровительствовавшей всевозможным националистическим сепаратистам и ярым врагам России Антанты ничего хорошего ждать не приходилось. Перешедшие на сторону Красной Армии бывшие царские генералы и офицеры стремились служить в сильной и независимой от иностранцев русской армии, хотя и с чуждой им идеологией. Они не желали служить если и не в марионеточных в полном смысле слова, но тем не менее в полностью подконт-

рольных иностранным державам армиях Колчака, Деникина, Юденича, Миллера, гетмана Скоропадского, Петлюры, Бермондт-Авалова, Врангеля и т.п.

Кстати говоря, принесших им незаслуженную полководческую славу благодетелей на полях сражений Тухачевский и К° поблагодарили, что называется, «от всей души » — ими было спровоцировано позорное дело «Весна», в результате которого многие бывшие царские генералы и офицеры были репрессированы еще в 1930 году. Прекрасно знавшие стратегию и тактику иностранных армий, подлинно кадровые офицеры были изгнаны из армии, а очень многие угодили тогда за решетку.

Ныне покойный выдающийся историк и публицист Вадим Кожинов в своей известной работе «**Великая война России**» отмечал: «Господствует мнение, что в результате репрессий 1937—1938 годов место зрелых и опытных военачальников заняли молодые и неискушенные, и это привело к тяжелейшим поражениям в начале войны. В действительности же на смену погибшим пришли в основном люди **того же поколения, но другие — и с иным опытом.** Так, скажем, Я.Б. Гамарник, В.М. Примаков, М.Н. Тухачевский, И.Ф. Федько. И.Э. Якир родились в 1893—1897 годах, и в те же самые годы, в 1894—1897-м родились Г.К. Жуков, И.С. Конев, PJL Малиновский (на самом деле Родион Яковлевич родился в 1898 г., что принципиально ничего не меняет. — А. *М.*), К.К. Рокоссовский, Ф.И.Толбухин. Но первые, исключая одного только Тухачевского, провоевавшего несколько месяцев в качестве подпоручика, **не участвовали** в Первой мировой войне, а вторые (кроме окончившего школу прапорщиков Толбухина) начали на ней свой боевой путь простыми солдатами.

Далее, первые оказались вскоре после революции на наиболее руководящих постах (хотя им было тогда всего от 21 до 25 лет...) — без сомнения, по "идеологическим", а не собственно "военным" соображениям, — а вторые, медленно поднимаясь по должностной лестнице, обретали реальное умение управлять войсками. Дабы оценить это, вспомним, что Суворов в 18 лет начал свой воинский путь унтер-офицером (тогда—капралом), а 16-летний Кутузов — прапорщиком, и лишь к сорока годам они "дослужились" до генеральского звания ».

Соответственно и армия-то в руках таких, не прошедших должной выучки от простого солдата до командира «героев» Гражданской войны представляла собой плохо управляемый сброд. Свидетельствует архивный документ —РГВА.Ф. 37464. Оп.1.Д. 12. Л. 92, — описывающий состояние РККА в 1936 г.: «... **Плохая боевая выучка войск времен Уборевича и Якира была обусловлена не только низкой квалификацией командиров РККА, но и плохим воинским воспитанием. Об уровне последнего можно судить, например, по коллективному портрету комсостава 110-го стрелкового полка** БВО, **сделанному комдивом К.П. Подласом в октябре 1936 года: "Млад[шие] держатся со старшими фамильярно, распущенно... сидя принимает распоряжение, пререкания... Много рваного обмундирования, грязные, небритые, в рваных** сапогах"».

Между тем, еще 12 лет назад РККА была точно в таком же состоянии, из-за чего руководство СССР вынуждено было, предварительно выгнав Троцкого со всех военных постов, начать глубокую военную реформу. И спустя дюжину лет «опять двадцать пять» — при всех реформах, при всем резком оснащении оружием и техникой, повышении общеобразовательного уровня военнослужащих, при всем резком улучшении материального положения особенно командирского состава — все тот же бардак.

Если же говорить непосредственно о стратегических дарованиях расстрелянных командиров, то, опять-таки, в действительности^© просто не о чем и говорить. Тот же Тухачевский в чистую проиграл Пилсудскому польскую кампанию 1920 г., особенно битву за Варшаву, и потом вплоть до расстрела доказывал, что в этом виноват кто угодно, кроме него. Иная «невиннаяжертва»сталинизма — В.К. Блюхер — был арестован после фактического поражения во время советско-японского вооруженного конфликта на оз. Хасан. Еще одна «невинная жертва» сталинизма, как и оба вышеуказанных военачальника, маршал Егоров с момента назначения начальником Штаба, а потом и Генерального штаба РККА совместно с Тухачевским был занят только тем, что разрабатывал основы будущего поражения советских войск. Именно он родоначальник так дорого обошедшейся советскому народу

концепции так называемых операции вторжения, на базе которой Тухачевский сварганил уже свою концепцию «пограничных сражений». А на основе последней затем был разработан «План поражения СССР в войне с Германией», суть и основные положения которого, в свою очередь, странным образом выплыли в действиях советского командования в начальный период войны и привели к тяжелейшим потерям.

Так что о каких зрелых и опытных военачальниках в лице расстрелянных «героев» Гражданской войны можно говорить?!

Второй пласт формулировок появилась еще в июне 1937 года и принадлежит лично перу Л.Д. Троцкого. Именно он запустил на орбиту миф об **«обезглавливании»** Красной Армии, едва только получил сведения о суровом приговоре Тухачевскому и К° и о его приведении в исполнение. Опубликованная в №№ 56—57 (стр. 3—5) «Бюллетеня оппозиции» статья Троцкого так и называлась — **«Обезглавливание Красной Армии».** С тех пор и идет эта «мода». Когда с трибуны XX съезда недобитый троцкист Хрущев клеветал на Сталина, то он использовал формулировки именно Троцкого. Ни он, ни его подельники по развалу Великой Державы на большее были не способны. **«Цифровая» часть этой клеветы, то есть о якобы 40 тысячах уничтоженных командиров РККА,** — появилась во время подлого доклада Хрущева XX съезду КПСС. И, опять-таки, более чем на плагиат ни он, ни его подельники оказались не способны. Потому что нагло округлили еще при жизни Сталина, то есть в **1951** г., опубликованные в книге **«Военные кадры Советского Союза в Великой Отечественной войне»** данные об увольнении из РККА по разным причинам **36 898 человек.**

С тех пор различные вариации этой троцкистско-хрущевской лжи беспрестанно обрушиваются на головы ничего не ведающих читателей и слушателей. Хуже того, беспрестанно именно с этим якобы фактом увязывают трагедию 22 июня 1941 г. И более полувека всем вдалбливают, что-де репрессии 1937—**1938** гг. подорвали командный состав **РККА,** что-де Сталин уничтожил 40 тысяч командиров РККА, и потому перед войной у нас некому было командовать войсками. Потому, мол, и произошла трагедия 22 июня **1941 г.**

Тем не менее, сколько бы ни лгали конъюнктурные «борцы» со сталинизмом и их подручные, против этой бессовестнейшей лжи есть смертельно убойное разоблачение. И для начала внемлите, пожалуйста, указанным в приводимой ниже таблице цифрам:

Характеристика командиров основных подразделений, частей и соединений войск Красной Армии на 1.1.1941 г. (%)

	Командиры			
	корпусов (105 чел.)	дивизий и бригад (359 чел.)	полков (1833 чел.)	батальонов (8425 чел.)
по возрасту				
до 35 лет		1	9	65
36—40 лет	11	25	53	30
41—45 лет	56	49	33	4
46—50 лет	29	23	5	1
51-55 лет	4	2		
по воинским званиям				
лейтенант				0,1
ст. лейтенант				25,9
капитан			1,0	58,2
майор			54,3	13,9
подполковник		1,7	23,8	1,4
полковник	1,9	61,3	20,9	0,5
генерал-майор	85,7	37,0		
генерал-лейтенант	12,4			
по стажу службы в армии				
до 10лет				9
11-15 лет		3	23	66
16—20 лет	4	15	27	15
21 год и более	96	82	50	10
по военному образованию				
высшее	52	40	14	2
среднее	48	60	60	92
ускоренное			26	6
без образования			3	7
по партийности				
члены и кандидаты вчленыВКП(б)	99	98	86	82

При внимательном отношении к указанным в таблице цифрам из архива Главного Управления кадров РККА по состоянию на 1 января 1941 г. едва ли кому-либо удастся избежать глубоко недоумевающего изумления. Цифры откровенно свидетельствуют, что 94 % из 8425 командиров батальонов имели среднее и высшее образование?! Да, формально 2 % с академическим образованием вроде бы маловато, однако вся суть тут в том, что не цифра важна, а факт — академическое образование стало проникать на уровень комбатов! До «разгрома военных кадров» подобного не было и в помине! Как не впасть в изумление, если из 1833 командиров полков фактически две трети имели за плечами академии и училища (14 % — академии и 60 % — училища) и лишь 26 % — ускоренные курсы?! Как не поразиться тому факту, что 52 % командиров корпусов имели академическое образование, а среднее — 48 %, или, например, тому, что 100 % командиров дивизий и бригад имели высшее (академическое) и среднее образование?! Как не закипеть от возмущения ложью о том, что-де в результате репрессий в РККА не осталось командиров с опытом, если по стажу военной службы 91 % командиров батальонов, 100 % командиров полков, бригад, дивизий и корпусов имели опыт в диапазоне от 15 до 20 и более лет?! Обратите особое внимание на то, что стажем в 21 год и более обладали 96 % командиров корпусов, 82 % командиров дивизий и бригад, 50 % командиров полков. А ведь с 1937 г. по 22 июня 1941 г. численность РККА возросла в 3,75 раза — с 1,433 млн чел. до 5,373 млн человек.

Если столь высокие качественные характеристики командного состава в условиях почти четырехкратного роста численности армии — это что, «результаты репрессий», «разгрома военных кадров»?! Это что, «обезглавливание армии», когда академическое образование стало проникать даже на уровень комбатов, в то время как до этого даже «гениальный стратег» не удосужился окончить военную академию?! Какое отношение еще в 1937 г. Троцким запущенный в оборот ублюдочный «термин» имеет отношение к армии, в которой за период с 1937 по 1941 г. число офицеров с высшим и средним военным образованием выросло более чем

вдвое — со 164 до 385 тыс. человек?! Какое отношение этот подлый, оскорбительный «термин» может иметь к РККА, если доля комсостава без военного образования накануне войны составляла всего лишь 0,1 %?! При столь резком возрастании и численности самой РККА и, естественно, численности офицерского корпуса — к 01.01.1941 г. 580 тыс. чел., а к 22 июня — 680 тыс. чел.

Так что же нужно, если следовать «логике» лжи и фальсификаций, чтобы считать такие кадры действительно образованными и опытными?! **Ничего, просто не надо следовать этой преступной «логике»!** Приведенные в таблице данные свидетельствуют об очень высоком уровне квалификации командных кадров РККА, о том, что все основные части и подразделения армии РККА были укомплектованы опытными и для своего-то времени отличными, в значительной мере уже академически образованными кадрами командиров. Такие кадры чисто интеллектуально не могли устроить столь грандиозную катастрофу. И именно им и их военной доблести воздают хвалу уцелевшие нацистские генералы при описании в своих мемуарах ожесточенно яростного сопротивления наших войск в самом начале войны. Потому как именно они и устроили кровавую «баню» вермахту и его блицкригу! А о подлинных причинах катастрофы — см. мою книгу «Трагедия **22** июня: блицкриг или измена? Правда Сталина» (М., **2006),** а также книгу 1 настоящего пятитомника.

В то же время было бы весьма неверно уклониться от анализа вопроса о реальном количестве выбывших из списков личного состава во второй половине 1930-х гг. командиров РККА, в том числе и о количестве репрессированных и, естественно, «за что».

За именуемое периодом «жестоких репрессий» в отношении командного состава РККА время было уволено всего 36 898 человек. Та же цифра и в книге «Военные кадры Советского Союза в Великой Отечественной войне»(М., 1951). Заметьте, что при Сталине никто не скрывал этой цифры. Ту же цифру внимательный исследователь найдет и в архивах — **РГВА, ф.3783, оп. 19, д. 87, л.42-52; РГВА, ф.37837, оп. 18, д.890,л.4-7.**

Обратите внимание на то, что эта цифра охватывает количество уволенных, а не репрессированных, и уж тем более не расстрелянных.

Однако эта цифра — **36 898** чел. — охватывает период не 1937—1938 гг., а с 1 января 1937 г. по 1 мая 1940 г., т.е. почти за три с половиной года! Из них увольнение **8213** человека. приходится на долю так называемой естественной убыли. Они были уволены вследствие:

а) смерти — к глубокому сожалению, ее еще никто не смог отменить;

б) несовместимых с воинской службой болезней, а также по инвалидности — к сожалению, и такое нередко, от этого еще никто не смог застраховаться;

в) достижения предельного возраста — увы, но законы жизни тем более никому не удавалось отменить;

г) морального разложения — к глубочайшему сожалению, в нашей армии, как, впрочем, и в целом в России пьянствуют, хулиганят, в том числе и с тяжелыми последствиями, а также воруют при любых режимах и формах государственного устройства. Не говоря уже о прочих уголовно наказуемых во все времена «художествах». По изложенным в пп. «а», «б» и «в» основаниям за указанный срок было уволено **4165** чел., по указанной в п. «г» причине — **4048** чел. (см. указанное выше архивное подтверждение). При этом увольнение **6692** из **8213** чел. произошло в период 1937—1938 гг.

В отношении оставшихся **28 682 чел.** может появиться искушение причислить их именно же к репрессированным по политическим мотивам. Но это искушение будет явно от лукавого. На основании решения **ЦК ВКП(б)№ П 47/102** от **29.03.1937** г. по политическим мотивам, то есть в связи с исключением из партии за связь с врагами народа (в том числе и с заговорщиками) в 1937 г. было уволено **11104** человека. Арестовано же **4471 чел.**, причем **1139** из них угодили за решетку за необузданное пьянство, моральное разложение, за изнасилование лиц женского пола, хищения народного достояния. По политическим мотивам за решеткой оказались **не 4471 чел., а 3080** человек. Всего же в 1937 г. по всем основаниям было уволено **18 658** чел. **(13,1%** от общей численности начсостава), из них политсостава — **2194** чел.

В 1938 г. по всем основаниям было уволено **16 362** чел. (9,2% от общей численности начсостава), из них политсостава — **3282 чел.** По указанному выше решению ЦК было уволено **3580 чел.,** как иностранцы — **директива НКО № 200ш от 24.06.38 г. — 4138** чел., арестовано же из общего числа уволенных **5032 чел.,** из них **2671 чел.** опять-таки за пьянство, моральное разложение, хищения народного достояния. Под категорию «политики» подпадают **2361 человек. В** 1939 г. всего было уволено **1878 чел.,** в том числе по политическим мотивом **238** чел., а арестовано — **73.**

По данным Главного Управления по командному и начальствующему составу РККА, к 1 мая 1940 г. арестованных лиц указанных категорий насчитывалось **9576 чел.** Однако, учитывая, что уже в 1939 г. **1457** человек из них были реабилитированы и восстановлены в РККА, следовательно, арестованными (за этот период — с 1 января 1937 г. по 1 мая 1940 г.) остались **8119 человек.** За контрреволюционные преступления («знаменитая» ст. **58** УК РСФСР в редакции 1926 г. со всеми ее «ответвлениями») Военной Коллегией Верховного Суда СССР и военными трибуналами было осуждено — **подчеркиваю, осуждено, а не расстреляно — 9913** лиц высшего, среднего и младшего комсостава, а также рядового состава. Если по годам, то картина такова: в 1937 г. — **4079,** 1938 г. — **3132,** 1939 г. — **1099,** 1940 г. — **1603 человек.**

Что касается расстрелянных, то согласно поименному перечню расстрелянных в те годы за контрреволюционные преступления офицеров к таковым относятся **1634 человека.**

Едва только Л.П. Берия появился на Лубянке[1], так тут же исключительно резко снизились масштабы всех видов репрессий, в том числе и против командного состава РККА. Как арестов, так и увольнений по политическим мотивам. Последние

---

[1] *22* августа 1938 г. Л.П. Берия был назначен на должность Первого заместителя наркома внутренних дел СССР, 29 сентября — по совместительству еще и начальником Главного Управления Государственной Безопасности СССР, а с 25 ноября 1938 г. — наркомом внутренних дел СССР.

снизились без малого в 10 раз. Аресты — более чем в 61 раз по сравнению с пиком арестов 1937 г. лишь комсостава — с 4474 до 73!!! А нам все Берия да Берия!

То же самое происходило и с «репрессиями» в отношении гражданского населения. Подонок Ежов с подачи таких же подонков, как Хрущев, Эйхе и прочая партсволочь, наарестовал за 1937—1938 гг. 1 372 **392** чел. «врагов народа»!? Из них **681 692** чел. были расстреляны. Берия же только за 1939 г. и первый квартал 1940 г. способствовал освобождению из тюрем **381178 чел.,** а к началу войны еще примерно 130 тыс. человек! И это не говоря уже о десятках тысяч реабилитированных.

Генеральный прокурор СССР в 1939—1940 гг. М. Панкратов дважды строчил доносы на Берию, что-де он умышленно прекращает дела на «врагов народа» и освобождает их. Дважды этим вопросом занималась авторитетная партийно-государственная комиссия и дважды же подтвердила абсолютную законность и обоснованность действий Берии и возглавляемого им НКВД СССР. Все пришло в соответствие с законами того времени. Если при Ежове за 1937—1938 гг. за контрреволюционные преступления (ст. 58 УК РСФСР во всех ее ипостасях) было осуждено, подчеркиваю, 1 372 392 чел., то за весь 1939 г. только **63 889** чел., т.е. в 21,5 раз меньше!

Свыше **80 %** арестованных в 1939 г. за контрреволюционные преступления приходится на конец этого года, то есть на период освобождения и присоединения к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии, кишмя кишевшими всевозможными подрывными элементами, националистами, агентурой польской и германской разведок и т.п. дрянью, сожалеть об арестах которых едва ли приходится. Вот вам и «злодей» Берия.

Итак, что же получилось в итоге? Из уволенных в 1937—39 гг. **36 898** чел. на долю «естественной убыли» приходится **8213,** по политическим мотивам — **16 690** человек. Дело в том, что из **19106 чел.,** уволенных по этим основаниям, **2416 чел.** была изменена статья увольнения, восстановлены в РККА к 1 мая 1940 г. — **12 461** чел., к 22 июня 1941 г. — **15** тыс. человек!

С какой стати увольнение по целому ряду оснований **17,91 %** от общей численности командно-начальствующего

состава РККА в начале 1937 г. в **206 тыс. чел.** должно являть собой якобы факт «разгрома военных кадров»?! Да-да, с какой такой стати, если из 19 106 чел. уволенных, репрессированных по политическим мотивам 15 тыс. человек было восстановлено в РККА к началу войны?!

За весь постсталинский период и вплоть до наших дней командно-начальствующий состав наших вооруженных сил дважды подвергся чудовищному разгрому: при Хрущеве и при его нынешних «наследничках»! Свыше 2/3 офицерского корпуса изгнали, просто выкинув их на улицу! Дважды! А за оба раза более миллиона человек. Это значит демократия — ведь 75 % офицерского корпуса ни за что выгнали на улицу, а 17,91 % — это жестокие и необоснованные репрессии?!

Если за контрреволюционные преступления под расстрел угодило всего 0,79 % от общего числа командного состава РККА на начало 1937 г. — это что, «незаконные репрессии»?!

Если даже по официальным данным было подано свыше 30 тысяч жалоб и прошений о пересмотре дел по увольнению (а также арестов и приговоров суда) — это что, тоже «жестокие репрессии»?! Чтобы такое количество жалоб и прошений было подано, необходимо, чтобы их подавшие остались бы живы! Неужели это непонятно?!

Тогда где же те невероятные цифры якобы репрессированных, в основном якобы расстрелянных, коими бандерлоги антисталинской пропаганды до сих пор стращают народ?! На чем были основаны цифры этих негодяев?! Да только на зоологическом антисталинизме!

Разве это «обезглавливание армии», если из уволенных по различным основаниям **36 898 чел. 33,77 %** достаточно быстро были реабилитированы и восстановлены в РККА — уже в 1939—1940 гг., а к 22 июня 1941 г. их количество возросло до **40,65 %?! Разве это бесчеловечное отношение к командным кадрам, если власть нашла в себе мужество признать свои ошибки, внимательно рассмотреть жалобы и прошения, и из уволенных по политическим мотивам 19 106 чел. к 22 июня реабилитировала 15 тыс. человек?!** Да-да, в чем конкретно бесчеловечное отношение, если в условиях резкого пополнения РККА офицерскими кадрами — с 206 тыс. в

1937 г. до 680 тыс. к 22 июня 1941 г. — шла борьба фактически за каждого офицера, попавшего под увольнение?! Ведь, казалось бы, какую «погоду» могли сделать те же 15 тыс. реабилитированных и восстановленных в РККА, если, к примеру, одних только офицеров запаса с 1937 по 1940 г. было подготовлено 448 тыс. человек?! Ведь эти 15 тыс. чел. составили всего-то 3,35 % от числа подготовленных офицеров запаса! Ан, нет, власть была заинтересована разобраться во всем и с каждым тщательно, признавая допущенные ошибки. Потому и вернулись в строй эти 15 тыс. лиц командно-начальствующего состава.

Одним из важнейших и первых приказов Л.П. Берии на посту главы НКВД СССР был приказ от 17 июня 1939 г. «О порядке вызова военнослужащих в органы **НКВД»,** которым было запрещено вызывать военнослужащих в НКВД без согласия и ведома комиссаров воинских частей. В преамбуле этого приказа Берия прямо указал, что имевшая до этого место практика вызовов военнослужащих в НКВД «нервирует личный состав РККА и РККФ»[1]. А до этого — 13 января 1939 г. — по инициативе того же Л.П. Берии был издан совместный приказ НКВД и НКО СССР «О работе особых отделов **НКВД».** Согласно этому приказу, аресты рядового и младшего начальствующего состава должны были согласовываться с Военными советами округов, а среднего, старшего и высшего начсостава — с наркомом обороны. Еще один приказ Берии — «Об упорядочении проверки военнослужащих и вольнонаемных, **проводимых** через **особые отделы НКВД»** от 28 августа 1939 г., — положил конец массовой проверке, сохранив ее только для номенклатуры ЦК ВКП(б), командного и политического состава, а также вольнонаемных, имеющих допуск к секретной и шифровальной работе[2]. Начиная с середины января 1939 г. за все аресты военнослужащих органами госбе-

*См.: Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. I. Накануне. Кн. 1. Ноябрь 1938—декабрь 1940 г. М., 1995. С. 51-52.

[2] В отношении двух последних приказов см.: Абрамов В. Лубянка. Открытые материалы СМЕРШ. Советская военная контрразведка против разведки Третьего рейха. М., 2005. С. 54—55.

зопасности в равной степени отвечали как Военные советы округов, так и лично нарком обороны. Поэтому списывать все на Лубянку и Берию не только нечестно, но и подло.

В то же время было бы явно не по-человечески отмахнуться от того факта, что даже просто досрочное увольнение из рядов вооруженных сил для лиц, связавших с армией свою жизнь и судьбу, — событие горькое и неприятное. А что уж говорить о тех, кто так и остался арестованным и осужденным на различные сроки. Особенно о тех **1634** офицерах, которые завершили свой жизненный путь трагически: ведь не на поле же битвы с посягнувшим на Родину врагом сложили свои головы, а в расстрельном подвале как посягнувшие на честь, свободу, независимость и суверенитет все давшей им Родины изменники и «враги народа»?!

Но виноват ли в том Сталин, который свыше полутора десятка лет кряду терпел всевозможные заговоры в РККА, вдохновлявшиеся и организовывавшиеся в основном Троцким и К?!

Виноват ли Сталин в том, что длительное время терпел это, даже невзирая на многочисленные сообщения органов госбезопасности о зреющем заговоре. Терпел в надежде, что они со временем угомонятся.

Виноват ли Сталин в том, что все это время пытался увещевать оппозицию (включая, естественно, и генеральскую), применяя до 1937 г., как правило, мягкие меры, хотя и без арестов тоже не обходилось?!

Виноват ли Сталин в их трагедии, если он еще **4-го мая 1935** г. открыто предупредил генералов, что ему хорошо известно, как они **«угрожали свергнуть нынешнее руководство, угрожали убить кое-кого из высшего руководства»?! Ведь он же ясно дал** понять, что если и не все, то очень многое об их заговоре ему известно. Более того, дал реальный шанс прекратить свою заговорщическую, подрывную деятельность?![1]

Виноват ли Сталин в их трагедии, если он опять-таки открыто же предупредил их еще и **15 мая 1935** г. о том, что если они ни чего не поймут и не прекратят своей заговорщической

[1] **Застольные речи Сталина: Документы и материалы. / Сост. В.А. Невежин. М., 2003. С. 78.**

деятельности, то их ожидает печальная участь «врагов народа»?! Речь идет о постановлении Политбюро ЦК ВКП(б), о котором уже говорилось выше.

Виноват ли Сталин в их трагедии, если спустя всего семь месяцев после упомянутого выше постановления, в декабре 1935 г., даже не Лубянка, а военная разведка положила ему на стол полностью совпавшие с ранее докладывавшимися чекистскими данными неопровержимые сведения о совместном с германскими генералами заговоре высокопоставленных советских военных. Они были добыты в недрах 2-го Бюро Генерального штаба (военная разведка) Франции[1]. Как и прежде, они свидетельствовали о планах по свержению советской власти и физической ликвидации ее высшего руководства в результате военного переворота, который должен был быть осуществлен в ходе предполагавшейся войны с Германией на фоне едва ли не молниеносного поражения РККА, которое они же, заговорщики, сами же и подготавливали?!

Виноват ли Сталин в том, что и эти, неоднократно подтвержденные иными сведениями данные к моменту разгрома заговора генералов многократно вновь подтвердились, после чего уже никак нельзя было терпеть заговор?!

Виноват ли Сталин в том, что именно Тухачевский назначил военный переворот на **12 мая 1937 г.?**

Виноват ли Сталин в том, что главари оппозиции и их соучастники договорились между собой о том, что в случае провала и ареста они будут «закладывать» максимально большее количество людей, прежде всего ни в чем не виновных, дабы в их невинных страданиях «растворить» свою вину и ответственность за преступления перед государством?! Ведь каждый из них «сдавал» в среднем от 70 доЮО человек, большая часть из которых вообще никакого понятия ни о заговоре, ни о чем-либо подобном не имела! **Разве виноват Сталин** в том, что они целенаправленно приняли именно такую ***{(тактику защиты»* —- чем больше посадят невинных, тем быстрее прекратятся репрессии против истинных заговорщиков и непримиримых оппозиционеров?!** Не шибко умная от природы вдова

[1] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 740. Л. 170—180.

Н.И. Бухарина — Ларина А.М. — открыто проболталась об этом в своих мемуарах под названием «Незабываемое», даже впоследствии так и не поняв, что пригвоздила тем самым все эти «невинные жертвы» сталинизма к позорному столбу Истории! **Разве Сталин виноват** в том, что «ленинские гвардейцы» даже ответственность за содеянное и то не могли и не умели нести по-человечески?!

Между прочим, задолго до того, как Хрущев вверг всю страну в состояние «межеумочного бытия» — именно таким презрительным термином светочи русской культуры еще в середине XIX в. обозначали всякие «оттепели», **—Сталин сам пришел к выводу о том, что надо открыто покаяться перед народом. «Война показала, — сказал Сталин в узком кругу членов Политбюро, анализируя итоги прошедшей войны, — что в стране не было столько внутренних врагов, как нам докладывали и как мы считали. Многие пострадали напрасно. Народ должен был бы нас за это прогнать. Коленом по зад. Надо покаяться!».**

Это свидетельство не кого-то там, а бывшего зятя Сталина — Юрия Жданова, сына ближайшего соратника Сталина А.А. Жданова. И говорит оно о беспрецедентном политическом мужестве Сталина. Интересно было бы узнать, есть ли в Истории еще один политический и государственный деятель сопоставимого со Сталиным всемирного масштаба, который в ореоле Величайшей Славы и Могущества хотя бы просто подумал о том, чтобы открыто покаяться перед народом за допущенные, в том числе и тяжелые, ошибки?!

Так что же выходит, что Сталин ни в чем не виноват? Прежде всего, отметим то обстоятельство, что Сталин не нуждается ни в нашем осуждении, ни в нашем одобрении. А уж мерить такого гиганта крошечным кукурузным аршинчиком тем более нельзя. Мы обязаны всего лишь просто понять его — чтобы, быть может, понять что-то в самих себе, например то, как мы все, 300-миллионный советский народ, умудрились прос.ть свою Великую Родину, отдав ее на растерзание современным вандалам. Ведь Сталин-то тогда ее не отдал на заклание их предкам, в том числе и идейным. Ну а если уж так охота все-таки бросить ретроспективный упрек в адрес Ста-

лина, то для начала не грех бы и уяснить, что тогда и время было иное, и люди были иные, и законы тоже были иные. И с современной «демократической» меркой к ним нельзя подходить — ну никак нельзя.

Что же до неуместно глупых выпадов Хрущева и Василевского, то обязан сообщить читателям о следующем. Как выяснилось только 24 февраля 1941 г. из данных **«Экстерна»,** проверенного агента берлинской резидентуры советской внешней разведки, вскоре после подписания советско-германского Договора о ненападении от 23 августа 1939 года германский генеральный штаб заказал известному белоэмигранту генералу П. Краснову аналитический обзор на тему **«Поход Наполеона на Москву в 1812 году. Теоретический разбор вопроса о возможности такого похода в XX в. и возможные последствия подобной акции»**[1]. Им бы, супостатам окаянным, озаботиться «оценкой той степени разгрома военных кадров, который у нас произошел», а их, вишь, куда понесло-то... — анализировать поход Наполеона на Москву, да еще и прикинуть возможные последствия такой акции в XX веке! И дело не только в том, что летом и осенью 1939 г. они увидели РККА не только в состоянии боевых действий на разных театрах военных действий, но и прежде всего после так называемого «разгрома военных кадров». Причем в ходе польской кампании вермахт, в ряде случаев на своей шкуре, испытал, что у **«разгромленных военных кадров» «броня крепка и танки быстры», а артиллерия РККА даже в рамках договора о ненападении не без удовольствия может вести «убойно-дружественный» огонь по нацистам! Не менее впечатлял и разгром японцев на Халхин-Голе.**

Причина такого заказа проистекала из настойчивых, но осторожных попыток Сталина переориентировать новое поколение советских генералов на использование активной, маневренной стратегической обороны (в сочетании, естественно, с классической стратегической обороной) в противовес концепции так называемых пограничных сражений. **Уже в на-**

[1] Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. М., 1997. С. 286.

чале 1938 г. Сталин стал обращать внимание генералитета на то, что армия, которая умеет наступать, но не умеет отступать — потерпит поражение.

Вот потому-то они и заказали П. Краснову такой аналитический разбор с акцентом на возможные последствия попытки повторения похода Наполеона на Москву в XX веке. Ибо их интересовала не «та степень разгрома военных кадров, который у нас произошел», а взгляды пришедшего на смену «разгромленным военным кадрам» генералитета на оборону СССР. Вот истинная причина странного заказа германского генштаба генералу Краснову — тевтонов интересовало изменение стратегических взглядов **СССР** на оборону!

Так что бред о том, что-де «без тридцать седьмого года, возможно, не было бы вообще войны в сорок первом году. В том, что Гитлер решился начать войну в сорок первом году, большую роль сыграла оценка той степени разгрома военных кадров, который у нас произошел» — пора оставить. Даже невзирая на то, что он сошел с уст уважаемого маршала, — это все равно бред.

Миф № 92. Сталинские репрессии 1930-х гг. носили характер государственного антисемитизма.

Еще в 1930-х гг. этот миф неоднократно пытался запустить в пропагандистский оборот лично Лев Давидович Троцкий-Бронштейн. Оно и понятно — очень уж ему хотелось списать действия Сталина по борьбе с подрывной деятельностью оппозиции, в том числе и ее троцкистского ядра, именно на это. Цель — взъярить против Сталина и Советского Союза весь Запад, где еврейские общины обладают громадным влиянием на общественное мнение и правящие круги. Расчет оказался неверным.

К слову сказать, эту же тему пытались поднять и беглые предатели из советской разведки — евреи по национальности. Например, тот же Кривицкий-Гинзбург или «замоченный» при его содействии его же друг детства Натан Маркович Порецкий, он же Игнаций Рейсе. Те глубокие изменения, ко-

торые происходили в СССР в середине 1930-х гг., они воспринимали только через призму антисемитизма, а уже через призму последнего — и отказ Сталина от курса на мировую революцию!? И ведь так и писали в своих подлых книжонках, изданных на Западе. Уже упоминавшаяся выше Элизабет Порецки в своих мемуарах сообщила, например, что, возвратившись из Москвы в 1935 г., тот же Кривицкий заявил ей и ее мужу следующее: **«Они нам не доверяют... они не могут доверять коммунистам-интернационалистам. Они заменят** нас **русскими, для которых революционное движение в Европе ничего не значит».**

Любопытно, что чем больше Троцкий нападал на СССР и Сталина, тем меньше Западу хотелось его поддерживать всерьез. В этом смысле очень характерны поведение и заявления именно же видных в то время евреев Запада. Так, едва только Троцкий оказался выкинутым из СССР, как сразу видный еврейский писатель — Эмиль Людвиг (Эмиль Коэн) — обоснованно обвинил его в сотрудничестве с фашистами. Известный же американский сионистский деятель Стефан Уайз в свою очередь мотивировал свой отказ принять участие в созданной Троцким комиссии по расследованию московских процессов тем, что Троцкий ведет себя недобросовестно, поднимая в связи с этими процессами еврейскую тему. **«Если и другие его обвинения,** — заявлял Уайз, — **столь же беспочвенны, как его жалоба по поводу антисемитизма, ему вообще нечего сказать»**[1]. Ему вторил главный редактор нью-йоркской газеты «ДерТог» Б.Ц. Гольдберг, который писал: **«Чтобы победить Сталина, Троцкий находит возможным изображать СССР страной антисемитизма... Разве честно писать об этом, когда это не так?.. Непростительно, что Троцкий предъявляет такие необоснованные обвинения Сталину»**[2].

Когда в 1933 году «кореш» Троцкого — известный американский публицист Макс Истмэн — обратился к выдающемуся американскому писателю Теодору Драйзеру с просьбой выступить в защиту арестованных в СССР сторонников Троц-

[1] **Негава И. Вечный комиссар. Иерусалим, 1989. С. 151—152.**
[2] **Там же.**

кого, то писатель ответствовал следующее: «Я поразмыслил, серьезно, как на молитве, об этом деле, касающемся Троцкого. Я очень сочувствую его сторонникам в том положении, в которое они попали, но тут встает вопрос выбора. Какова бы ни была природа нынешней диктатуры в России — несправедливая или как хотите, — победа России важнее всего. Я согласен с Линкольном: нельзя менять лошадей при переправе через поток. Пока нынешнее напряженное военное положение не смягчится — если только существует возможность его смягчения — и пока вопрос о японской опасности не прояснится, я не хотел бы делать ничего такого, что могло бы нанести ущерб положению России. И, с божьей помощью, не сделаю».

На Западе и тогда прекрасно понимали то, что только в наше время стало доходить до многих, в том числе и до закоренелых, зоологических антисталинистов. К примеру, уж на что ярые антисталинисты братья Жорес и Рой Медведевы, но и они в один голос теперь твердят, что антисемитизма за Сталиным не числилось! Специально занимавшийся этой проблемой Жорес Медведев даже издал книгу «Сталин и еврейский вопрос» и, как глубоко изучивший проблему человек, совершенно однозначно и категорически заявил в одном из недавних интервью: «Ни антисемитом, ни тем более юдофобом Сталин не был. ...у Сталина этого не было. Нет ни одного высказывания ни в официальных его выступлениях, ни в архивных документах, которое можно было бы процитировать как антисемитское»[1].

Вы только вдумайтесь, из чьих же уст прозвучало это однозначное и категоричное признание! Братья Медведевы не просто антисталинисты — они сыновья одного из репрессированных подельников Тухачевского Александра Медведева. И на своем веку немало натерпелись из-за этого. Это во-первых. Во-вторых, казалось бы, им-то, полукровкам, — их мать Юлия Рейман была еврейкой, — и сыновьям репрессированного по делу Тухачевского военачальника, что называется, и карты в руки для обвинений Сталина в юдофобии.

[1] Интервью Ж. Медведева газете «АиФ». 2003. № 51. С. 13.

Ан нет, не опустились братья до глупостей дубовой пропаганды «демократов». На основании точного документального знания категорически отвергают подобные обвинения в адрес Сталина! Более того, даже те дела, по которым фигуранты были евреи, рассматривают не с позиций якобы имевшей место сталинской юдофобии, а только с позиций внешней и внутренней политической конъюнктуры того времени и настоятельно всем рекомендуют подходить к этим вопросам именно так и только так. А в целом надо сказать, что со времен выхода в свет их книги «Неизвестный Сталин» (М., 2001) братья Медведевы начали закономерный и глубокий дрейф в сторону объективного восприятия и анализа фигуры Сталина и его политики. Да и не только они. Образно говоря, «ветер истории», о котором 60 лет назад говорил Сталин, освежающе действует даже на таких людей — в прошлом ярых диссидентов...

Сталин прекрасно знал и понимал, куда клонит Троцкий, выдвигая обвинения в проведении политики государственного антисемитизма. Именно этим и следует объяснять то обстоятельство, что именно видному представителю одной из самых могущественных еврейских масонских лож мира — «Бнай-Брита» — знаменитому немецкому писателю еврейского происхождения Лиону Фейхтвангеру он предложил приехать в СССР и детально ознакомиться с законностью судебного преследования ряда оппозиционеров, в том числе и евреев по национальности. Цель именно в том и состояла, чтобы он лично убедился бы в том, что никакого преследования евреев по этническому признаку в СССР нет и что на скамье подсудимых находятся лица, совершившие предусмотренные уголовным законодательством преступления.

Итогом пребывания Л. Фейхтвангера в СССР стала знаменитая книга «Москва, 1937. Отчет о поездке для моих друзей», которая из-за своей потрясающей объективности и точности наблюдений до сих пор вызывает приступы бешенства у ярых поклонников зоологического антисталинизма. Вплоть до того, что даже в наше время непрерывно пытаются самыми грязными методами опорочить имя этого выдающего представителя еврейской интеллигенции. Например, тем, что-де он

негласно получил от Сталина 100 тысяч долларов США за написание этой книги (по нынешним временам это примерно то же самое, что 1,5—2 млн долларов США). Те, кто бросает такие грязные обвинения в адрес этого выдающегося писателя, не в ладах с элементарными фактами. Находясь в СССР, Л. Фейхтвангер вовсе не скрывал своего негативного отношения к ряду обстоятельств и фактов советской жизни. Что было вполне естественно. С какой стати выросший на Западе и привыкший ко всем атрибутам западной цивилизации человек должен был огульно радоваться всему, что увидел. Он достаточно критично оценивал все, что видел, и все, что ему говорили. И это тоже вполне нормально.

Тем не менее Л. Фейхтвангер написал и издал свою книгу, будучи уже за границей, в Амстердаме (Нидерланды), где ему никто и ничто не мешало отказаться от написания и издания книги именно того содержания, которое и вызывает такое бешенство у бандерлогов антисталинизма.

Кстати говоря, такие случаи были. Например, не менее знаменитый немецкий писатель еврейского происхождения Эмиль Людвиг (он же Эмиль Коэн), намеревавшийся еще в начале 1930-х гг. написать книгу о Сталине и ради этого даже встречавшийся с ним в 1931 г., в конечном итоге не сделал этого тогда же, в тридцатых годах. Хотя у него, специализировавшегося на исследовании выдающихся личностей, явно был серьезный заказ от кого-то на Западе. Его книга о Сталине вышла уже после войны и, невзирая на весь ореол славы победителя фашизма вокруг Сталина, Э. Людвиг издал весьма критическую книгу о нем, во многом нелицеприятную для Сталина.

Во- вторых, Л. Фейхтвангер совершенно не нуждался в подобных подачках — он был весьма состоятельным человеком. К тому же его книга и на иностранных языках разошлась массовыми тиражами. Ведь он же был всемирно известным писателем, и его произведения всегда привлекали серьезное внимание широкой читательской аудитории. Соответственно он получил вполне приличные, исчисляемые не одним нулем гонорары. Когда же книга была переведена и издана в СССР, а только первый ее тираж в конце 1937 г. составлял 200 тысяч

экземпляров, то в соответствии с действовавшим тогда законодательством по авторскому праву Л. Фейхтвангер получил причитающийся ему немалый гонорар. К слову сказать, в охаиваемом всеми сталинском СССР труд писателей ценился очень высоко, и издававшиеся в Советском Союзе как советские, так и иностранные авторы получали громадные гонорары. Естественно, что Л. Фейхтвангер получил свой гонорар не в рублях, а в иностранной валюте, в долларах. Так что унижаться получением фактически взятки от Сталина Фейхтвангеру не было никакого резона. Как и не было смысла извращать суть увиденного в СССР. Он ведь и до этого резко выступал против Троцкого и его пособников в СССР, остро критиковал его за наглую связь с нацистами.

В то же время, очевидно, было бы глупо отрицать, что в ходе своего визита в СССР Фейхтвангер не использовал свой статус видного деятеля «Бнай-Брита». То обстоятельство, что близкого родственника одного из лидеров **«Бнай-Брита»** — основателя современной израильской поэзии **Хаима Бялика** — Я.Б. Гамарника, который был женат на его сестре, не арестовали, дав ему возможность застрелиться, дабы не вытаскивать его на судебный процесс, скорее всего, должно объясняться именно тем, что незадолго до этого в СССР побывал видный деятель **«Бнай-Брита»** Лион Фейхтвангер.

Кстати говоря, с этим связана одна глупость Хрущева. Первым из военных он реабилитировал именно Я. Гамарника, причем еще за год до пресловутого XX съезда КПСС, то есть в 1955 году. Эта реабилитация была особенно нелепа в силу именно того, что в отношении Гамарника не было никакого судебного приговора. Мертвых в СССР не судили. Однако в экстазе зоологического антисталинизма троцкист Хрущев пошел-таки на несусветный юридический казус и реабилитировал человека, в отношении которого не было ни следствия, ни судебного приговора.

Что же касается принципиальной стороны обвинений Троцкого в адрес Сталина из-за якобы проводившейся им политики государственного антисемитизма, то умнее и мудрее всех на этот счет высказался один из самых выдающихся раввинов еврейской общины России — московский раввин Маазе. Еще в

1920-х гг. этот мудрый человек сказал, что **«революции делают Троцкие, а расплачиваются Бронштейны».** И, как бы в разъяснение того, что сказал ребе Маазе, уже цитировавшийся выше Х.Г. Раковский на допросе в НКВД СССР 26 января 1938 г. заговорил об участии евреев во многих революциях, обозначив, к слову сказать, их людьми, **«которые от рождения не были христианами, но зато космополитами».**

Да, действительно, некуда деться от того факта истории, что в подавляющем большинстве революций было задействовано огромное количество евреев. Раковский именно в такой связке открыто описывал теневые стороны заговора против России, постоянно, кстати говоря, добавляя к этому и масонов. Дабы сразу же воспрепятствовать всякого рода юдофобским и иным негативным ожиданиям различных «ужастиков» на тему «жидомасонского заговора», считаю крайне необходимым немедленно указать на следующее. **Во-первых,** заговор против России был и остается. По-прежнему предпринимаются исключительно интенсивные меры по его реализации. Единственное, в чем Запад принципиален по отношению к России, так это в своей патологической ненависти — **агрессия** - как сущность Запада ни при каких обстоятельствах не возлюбит безопасность, потому как она есть сущность России! А какие средства и методы выбирает Запад для выражения своей сущности — агрессии — по отношению к России, так это, к глубочайшему сожалению, и сие надо правильно понимать, сугубо его, Запада, компетенция. Наше же дело в упреждающем порядке видеть и понимать то, что Запад еще только собирается делать и соответственно своевременно, а лучше всего заблаговременно выставить непреодолимые для него заслоны. Желательно силовые, потому как такая сволочь, как Запад, понимает только язык силы.

Во-вторых, по мнению самого выдающегося лидера сионизма в XX в. и первого президента Израиля **Хаима Вейцмана (кстати, тоже члена Комитета 300), «...в крупных интригах евреев (в особенности) использовали как абордажные крюки»![1]** Соответственно вся историческая, политическая и уго-

[1] Weizman Ch. Trial and Error. London, 1949. P. 142—143.

ловная ответственность за многочисленные негативные последствия подобного использования евреев ложится именно на тех, кто с легкостью идет на это, считая, что-де **«...евреи полезны, когда они подчинены интересам целого»**[1].

И, наконец, **в-третьих,** то же самое полностью относится и к масонам. Потому что и они являют собой те же самые **«абордажные крюки»** в ожесточенно свирепом геополитическом противоборстве религиозно-цивилизационного характера между **АГРЕССИЕЙ** как сущностью Запада и **БЕЗОПАСНОСТЬЮ** как сущностью России. Разница в одном — как правило, масоны используются на так называемом подготовительном этапе, поскольку обладают уникальнейшим опытом незаметного **«взрыхления»** социально-политической «почвы» для последующих крупномасштабных потрясений. В дальнейшем они уже действуют как теневая координирующая сила (нередко с функцией **«цементирования»),** подставляя подответный удар исполнителей, в том числе, естественно, и евреев, если они были задействованы в той или иной операции по осуществлению той или иной «революции». Кстати говоря, Сталин прекрасно знал и о роли масонов в событиях 1917—1922 гг., а также о том, что подавляющее большинство так называемых ленинских гвардейцев являлись членами масонских лож, в том числе и зарубежных, или же их рекрутами. Тем не менее, так же как и еврейская, масонская тема не всплывала на основных процессах 1936—1938 гг., за исключением одного небольшого эпизода.

Еще раз обращаю внимание на то, что Запад прекрасно понимал законность и обоснованность борьбы Сталина с подрывной подпольной деятельностью оппозиции внутри СССР. И именно то обстоятельство, что ни еврейская, ни масонская, ни тем более «жидомасонская » темы никак не поднимались и не муссировались в Советском Союзе, уже в годы Великой Отечественной войны позволило Сталину в интересах всеобщего мира и на благо СССР активно включить еврейский фактор в общие усилия по борьбе с фашизмом. В том числе с по-

[1] Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 28. С. ПО. Ленин цитировал книгу Е. Агада «Крупные банки и всемирный рынок».

мощью советских еврейских организаций настроить в пользу СССР влиятельные еврейские круги на Западе. Ну, а после войны лидеры сионизма получили самую серьезную поддержку от Сталина в вопросе о создании государства Израиль. И, слава Богу, никто в Израиле об этом не забывает.

Такова подлинная правда в этом очень сложном и тонком вопросе.

Миф № 93. Сталин виновен в смерти «видного представителя ленинской гвардии», посла СССР в Болгарии Ф.Ф. Раскольникова.

Федор Раскольников —еще «тот фрукт». Психически ненормальный человек с тяжелой наследственностью. Один только его псевдоним чего стоит! Ведь Раскольников — фамилия убийцы из известного романа Ф. Достоевского. Разве нормальный человек возьмет себе в качестве псевдонима фамилию убийцы, пускай даже и книжного? Настоящая же фамилия психопата Раскольникова — Ильин.

Тем не менее этот прирожденный психопат под патронажем Троцкого («бес», между прочим, на глазах у Раскольникова открыто сожительствовал с его женой — знаменитой «шлюхой революции» Ларисой Рейснер) пошел «в гору». Во время начавшейся Гражданской войны и иностранной интервенции с подачи «беса» угодил в британский плен. Англичане вывезли его к себе на острова, а всех остальных захваченных вместе с ним моряков расстреляли. Предусмотрительная британская разведка завербовала Раскольникова на перспективу. В его вербовке принимал участие знаменитый британский разведчик Брюс Локкарт, а также будущий глава британской дипломатической разведки — Реджинальд Липер.

По возвращении из плена, а за него, между прочим, особенно ходатайствовал его тесть Михаил Рейснер, тесно связанный с российскими и зарубежными масонскими кругами, некоторое время находился на дипломатической работе в Афганистане, антибританская политика Советов в отношении которого тогда очень интересовала Лондон.

После подавления Кронштадтского мятежа 1921 г. Раскольникова перебросили «командовать» Реперткомом, где он «прославился» лишь одним — едва не застрелил знаменитого писателя М.А. Булгакова за то, что тот посмел ему возразить. «Революционная совесть» — маузер — у него всегда была наготове...

По настоянию еще одного видного «ленинского гвардейца» — наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова (Финкельштейн), которого британские историки всерьез подозревают в причастности к агентуре британской разведки, Раскольникова вернули обратно на дипломатическую службу. И в самом начале 1930 г. в Эстонии появился новый советский посол — Федор Раскольников. Прибалтийские страны тогда очень интересовали Великобританию — еще в 1925 г. советская разведка располагала неопровержимыми данными о том, что **Великобритания пытается сделать из них плацдарм для нападения на СССР.** Между прочим, к 1930 г. уже открыто стоял вопрос об участии немногочисленных вооруженных сил Эстонии в нападении на СССР консолидированными силами Запада. Самое время для британской разведки заиметь своего человека в такой точке. И Литвинов сделал это. На связь в Таллин к Раскольникову часто приезжал именно Брюс Локкарт, а также знаменитая Мария Будберг — не столько любовница Горького, сколько агентесса британской разведки, умудрявшаяся одновременно сотрудничать и с советской разведкой.

Затем была Дания, где в период пребывания Раскольникова послом СССР почему-то один за другим происходили провалы советских разведчиков. Вины за их собственные упущения снять невозможно. Но и не заметить странного совпадения времени этих провалов с пребыванием там Раскольникова — тоже. Ведь он очень многих знал и в военной разведке, и в ИНО ОГПУ, и в Коминтерне. А тихий Копенгаген был перевалочной базой для советских спецслужб.

К концу первой половины 1930-х гг. для Великобритании резко обострился вопрос Балкан. И, как по заказу, Литвинов направляет послом в Болгарию все того же психопата Раскольникова. И все тот же Брюс Локкарт частенько

навещает его в Софии. В 1937—1938 гг. Раскольников, наконец, сообразил, что и его вот-вот разоблачат — НКВД СССР уже шел по его следу, ибо к тому времени благодаря разведке стали поступать весьма красноречивые данные из Лондона. И будучи патологическим психопатом, постоянно пребывавшим в диком страхе перед неумолимым возмездием, Раскольников с помощью тех же англичан бежал со своего поста в Софии и перебрался во Францию, где на их же средства некоторое время снимал фешенебельную виллу в Ницце. Чуть позже, свихнувшись окончательно, предатель не без помощи бриттов угодил в местный дурдом, со второго этажа которого якобы и сиганул вниз головой, покончив жизнь самоубийством. На самом же деле он уже просто надоел британской разведке, так как толку от него как от агента было мало — ну, они и «помогли» ему, вниз головой-то... Однако его имя было использовано для распространения очередной фальшивки — «Открытого письма Сталину».

По указке А.Н. Яковлева в 1987 году эту фальшивку на свет вытащил пресловутый журнал «Огонек» (№ 26). Главная цель — резко усилить антисталинскую истерию, которую "главный идеолог" ЦК раздувал в Советском Союзе. Естественно, что тут же и прокололись с этой фальшивкой. Потому, что по «огоньковской версии» выходило, что Раскольников сам написал это письмо и затем отправил его в агентство Гавас (предтеча современного «Франс Пресс»), Но чуть позже, когда взяли интервью у еще здравствовавшей тогда вдовы Раскольникова Музы, выяснилось, что не то он сам писал, не то она под диктовку записала его бред! Публикатор этой фальшивки — некий не то журналист, не то доктор исторических наук В. Поликарпов — заверил всех читателей, что он лично видел оригинал письма. Но на вопрос о том, проводилась ли графологическая экспертиза этого письма, Поликарпов разразился такой жуткой бранью, что невозможно ее привести в печатном виде. Между тем вдова Раскольникова никогда, ни при каких обстоятельствах и никому не показывала оригинал письма, хотя и утверждала, что он находится у нее. Более того, оригинал этого письма

Раскольникова до сих пор недоступен для исследователей. В чем, конечно же, ничего удивительно нет. Потому, что вдову просто заставили сказать, что оригинал письма якобы у нее. А попробуй она сделать иначе и не поддержать брехологию британской разведки, так ведь и ее бы «вниз головой», как в свое время муженька — британская разведка шуток не терпит. Уж если любимицу всего мира принцессу Диану не пощадили, то уж какую-то вдову беглого предателя из СССР тем более прикончили бы.

Но суть дела не только в этом. На письме якобы стоит дата — 17 августа 1939 года. Вся суть фальшивки и бодяги вокруг патологического психопата именно в этом. Дело в том, что эта была пропагандистская акция британской разведки. Она являла собой одну из судорожных попыток Великобритании упредить и предотвратить уже неизбежное в то время заключение Договора о ненападении между СССР и Германией. Правда, использовать фальшивку именно в таком ракурсе не удалось. Для этой цели она просто опоздала. Зато на редкость ювелирно точно совпала с иной пропагандистской акцией британской разведки — публикацией в США книги еще одного предателя, Вальтера Кривицкого (Самуила Гершевича Гинзбурга) из разведки, с которым Раскольников был очень близок, в том числе и по заговору против Сталина. Также написанная агентом британской разведки книга Кривицкого беспочвенно обвиняла Сталина в репрессиях и сговоре с Гитлером. **Такова вкратце** подлинная **правда по данному вопросу.**

Миф № 94. По указанию Сталина был ликвидирован выдающийся деятель Коминтерна Вильгельм (Вилли) Мюнценберг.

Вильгельм (Вилли) Мюнценберг (1881—1940). Деятель рабочего и коммунистического движения Швейцарии и Германии, а также международного молодежного и коммунистического движения. По профессии рабочий-обувщик. В 1915—1919 гг. — секретарь Социалистического интернационала

молодежи.В Первую мировую войну стоял на интернационалистских позициях. В 1919—1921 гг. — секретарь Коммунистического Интернационала Молодежи (КИМа). Делегат II—VII конгрессов Коминтерна. В 1921 г. основатель и руководитель Межрабпома (Международной организации помощи рабочих). С 1924 г. —депутат рейхстага (парламента) Германии. Член ЦК Коммунистической партии Германии (КПГ). Руководитель всей агитационно-пропагандистской индустрии КПГ и Коминтерна. После привода Гитлера к власти эмигрировал во Францию. В 1939 г. выведен из состава ЦК КПГ, а затем и вовсе исключен из ее рядов. В начале Второй мировой войны был интернирован. Содержался в одном из французских лагерей для интернированных. Убит при невыясненных обстоятельствах после бегства из лагеря.

На чем построен этот миф — трудно сказать. Очевидно, приписывание НКВД какой-то роли в его убийстве связано с тем, что В. Мюнценберг еще во второй половине 1930-х гг. отказался приехать в Москву по вызову руководства Коминтерна. Однако это не так.

В. Мюнценберга действительно вызывали в Москву в 1936, 1937 и 1938 гг. и вот по какому поводу. Дело в том, что являвшийся сотрудником британского МИДа один из ценнейших агентов советской разведки —Дональд Маклейн —документально установил, что английской разведке МИ-6 удалось к марту 1936 г. агентурным путем проникнуть в окружение В. Мюнценберга, находившегося тогда в Париже в эмиграции. К слову сказать, эти данные случайно подтвердил даже курировавший британскую разведку заместитель министра иностранных дел Великобритании Р. Ванситтарт. В беседе с сотрудником полпредства СССР в Лондоне С. Коганом в мае 1936 г. он, в частности, заявил, что от своих секретных агентов британская разведка располагает информацией о масштабах помощи, в том числе и финансового субсидирования, деятельности коммунистического и народного фронтов в Европе. А именно этим-то тогда и занимался В. Мюнценберг. Далее С. Коган указал в своей информации, что аналогичные сведения получены и от других «ответственных и полностью ин-

формированных лиц»[1]. В. Мюнценберг хорошо был известен британской разведке. Она не только чрезвычайно опасалась его могучего таланта пропагандиста, который, к слову сказать, не раз испытывала на собственной шкуре, но и имела на него «сильный зуб». Естественно, что когда поступила такая информация, то в Москве всполошились. Мюнценберг чрезвычайно много знал об операциях советских разведслужб и Коминтерна. Потому решили с ним побеседовать, чтобы прояснить ситуацию. А заодно обсудить и вопросы его же безопасности.

В конце октября 1936 г. он действительно прибыл в Москву и действительно «схлопотал» обвинение в «недостатке революционной бдительности». На том, собственно говоря, его приключения в центральном аппарате Коминтерна и закончились. Над этим фактом по сию пору потешаются многие исследователи, хотя на самом-то деле потешаться надо над ними самими. Ведь причина-то вызова была нешуточная — британская разведка ведь не какая-то там муха или комар, от жужжания которых можно отмахнуться. Целенаправленное агентурное проникновение британской разведки в ближайшее окружение такого видного деятеля Коминтерна и Компартии Германии — факт более чем настораживающий. Ни одна разведка просто так подобные операции не осуществляет. Тем более столь многоопытная, как британская разведка.

Но вместо серьезного отношения к вопросу, В. Мюнценберг встал в позу, даже несмотря на то, что никто не собирался применять по отношению к нему какие-либо репрессивные меры. Всеми правдами и неправдами, в том числе и с помощью находившегося тогда в руководстве Коминтерна видного итальянского коммуниста П. Тольятти, он в буквальном смысле слова смылся из СССР.

Однако британская же разведка, как, впрочем, и гитлеровские спецслужбы, расценили факт возвращения Мюнценберга в Париж иначе — как начало исполнения им какого-то крупномасштабного плана, для согласования деталей которого он и ездил в Москву. Оснований для таких подозрений у

[1] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 873. Л. 115.

них было достаточно. Дело в том, что еще в 1935 г. В. Мюнценберг инициировал издание в Париже книги, содержавшей итоговые данные о деятельности нацистской агентуры в Западной Европе. Она так и называлась — «Коричневая сеть. Как работают гитлеровские агенты за границей, подготавливая войну». В ней, в частности, сообщалось о прошедшем в марте месяце 1935 г. совещании руководителей немецких «пятых колонн » в Европе, которым руководил лично Гиммлер. Из опубликованного на страницах книги протокола совещания следовало, что в Западной Европе к тому времени имелось 2500 платных агентов и 20 тысяч «добровольцев », работавших на германские спецслужбы по так называемым «идеологическим соображениям». Кроме того, в книге поименно были названы 590 крупных нацистских пропагандистов, агентов, осведомителей и шпионов, действовавших за пределами Германии.

Книга наделал много шуму, но больше всего в Англии, поскольку с ее страниц прозвучали прямые обвинения в адрес Лондона, который открыто толкал Гитлера на Восток — именно в марте 1935 г., во время встречи министра иностранных дел Великобритании Дж. Саймона с Гитлером, последнему впервые от имени Англии был выдан карт-бланш на «Дранг нах Остен». Кроме того, в книге была указана и агентура из числа англичан, в том числе и из числа аристократов. Это-то, очевидно, и послужило толчком к началу операции по агентурному проникновению британской разведки в окружение В. Мюнценберга, которое впоследствии немало способствовало его компрометации в глазах французских властей.

Так что под плотное агентурное наблюдение британской разведки Мюнценберг попал не случайно. Агентурные сообщения о нем, поступавшие от английских агентов, передавались на ознакомление не только в соответствующие правительственные органы Великобритании. МИ-6 передавало их даже в Госдепартамент США, причем даже в 1940 году, когда он пребывал в лагере для интернированных в местечке Ла Вернье, куда был заключен французскими властями вместе с другими немецкими политэмигрантами после нападения Гитлера на Францию.

Что же касается его убийства, то он был умерщвлен изуверским способом — сначала удушили, затем изуродовали до неузнаваемости, потом повесили мертвое тело. В советской разведке, если ей и приходилось выполнять специальные акции по ликвидации врагов Советского Союза, подобные методы никогда не применялись. Так что «почерк» жестокого убийства, а также «ненавязчивое» распространение по всему свету версии о якобы имевшей место причастности НКВД к его смерти и ряд других обстоятельств говорят о том, что подлинным убийцей Вильгельма Мюнценберга являлась МИ-6. К слову сказать, из-за нападения Германии на Францию в 1940 г. НКВД вообще было не до того.

Ну, и при чем тут Сталин и НКВД?!

Миф № 95. Сталин приказал советской разведке ликвидировать сына Троцкого Льва Седова.

В первую очередь в возникновении мифа виноват лично нарком внутренних дел СССР пресловутый Николай Иванович Ежов, представивший банальную смерть из-за послеоперационных осложнений как некий успех советской разведки.

16 февраля 1938 г. в Париже скончался сын Троцкого — Лев Седов. Обстоятельства его смерти были установлены французской полицией и в принципе-то не должны были вызывать подозрений. 8 февраля у него резко обострились боли в аппендиксе, так как он долго не обращался к врачам. Его положили в небольшую частную клинику русских врачей-эмигрантов, причем в целях безопасности под именем некоего месье Мартена. Потому как узнай кто-либо из эмигрантов о том, что это сын самого Троцкого, его с колоссальным удовольствием прирезали бы, не рассуждая. Эмиграция всегда пылала особой ненавистью и злобой к Троцкому. Кроме жены Льва Седова Жанны, никто не знал, в какой клинике он лежит. Операция прошла успешно, и он быстро пошел на поправку. Однако 13 февраля у него началось сильное обострение. 14 февраля ему сделали повторную операцию, но улучшения не последовало, и 16 февраля в 11 ч. 30 мин. он скончался.

Проведенным парижской полицией расследованием было установлено, что он скончался от послеоперационных инфекционных осложнений, побороть которые ослабленный организм Седова не смог из-за низкой резистентности (сопротивляемости) организма. Когда информация о смерти Л. Седова поступила в Москву, то ее, естественно, доложили Ежову. Ознакомившись с сообщением парижской резидентуры о смерти Л. Седова, Ежов, по свидетельству одного из руководителей советской разведки Сергея Шпигельгласа, заявил ему: **«Хорошая операция. Вот здорово мы его,** а?»

Между тем сообщивший об этом во время следствия С. Шпигельглас **особо подчеркивал, что Седов умер естественной смертью.** Тем не менее в немалой степени из-за указанной выше реакции Ежова появился новый миф. Конечно, сожалеть о смерти ярого врага Советского Союза не приходится. Но миф остался. Со временем он даже оброс новыми деталями, часть из которых опирается на реальные факты.

Прежде всего, всегда кивают на то, что Л. Седов находился под очень плотным наблюдением агентуры советской разведки, а его ближайшим помощником был агент советской разведки Марк Зборовский — агентурный псевдоним «Тюльпан». Почему-то акцент делается на то, что именно он уговорил Л. Седова лечь именно в русскую клинику, которая, вполне вероятно, принадлежала «Обществу репатриации русских эмигрантов». Ну, и что это доказывает, если его поместили туда под французским именем, а операция прошла успешно, а когда потребовалась вторая, то врачи без всяких уговоров сделали и вторую. Ведь если следовать логике намека, что-де врачи знали, что за пациент у них на столе, то им куда легче было аккуратно устроить ему перитонит или просто прирезать на операционном столе, и дело с концом. Но ведь он же сразу пошел на поправку, а плохо ему стало только через четыре дня. Перитонит же проявляется очень быстро, едва ли не мгновенно после операции. Значит, эта версия с врачами должна быть отсечена. Тем более что по просьбе Троцкого один авторитетный врач, являвшийся его другом, изучив медицинскую документацию, полностью согласился с выводами коллег из парижской клиники. Тем не менее Троцкие не

поверили даже своему врачу и стали настаивать на версии о том, что к смерти Л. Седова причастна советская разведка. Это еще больше «упрочило» миф, и с тех пор во многих публикациях как на Западе, так и в России звучит один общий лейтмотив — Седов умер «при весьма загадочных (странных, невыясненных, подозрительных и т.п.) обстоятельствах». По неуместно сложившейся «традиции», обычно подобные утверждения сдабриваются прозрачными намеками на «руку Москвы».

Вторая версия связана с деятельностью знаменитой по истории советской разведки Особой группы при наркоме внутренних дел, которую возглавлял легендарный ас советской разведки Яков Исаакович Серебрянский. Дело в том, что в 1937 г. его группе был отдан приказ о доставке Льва Седова в Москву живым. В связи с этим были разработаны два варианта проведения операции, подобрана соответствующая агентура, подготовлены маршруты отхода и переправки Л. Седова в СССР, а также осуществлены иные подготовительные мероприятия. Однако неожиданная смерть после операции внезапно поставила точку на этих планах. Но Москве-то он был нужен живым, а не мертвым. Что толку-то от трупа. Его и так могли ликвидировать запросто, без особых усилий, просто как муху. Он находился под столь плотным агентурным и техническим контролем советской разведки, что ни один его чих не оставался незамеченным, ни одно его движение не оставалось не зафиксированным, ни одно поступавшее ему или исходившее от него письмо не проходило мимо советской разведки. Так что, опираясь на заявление редакционной коллегии по составлению «Очерков истории российской внешней разведки», вновь подчеркиваю, что Седов был нужен живым. Из него планировали вытряхнуть все сведения о троцкистском подполье в СССР и других странах, о связях Троцкого и Седова с иностранными разведками и прочими влиятельными кругами западных стран, чтобы затем устроить показательный процесс с использованием массы документальных данных.

Дело в том, что с конца 1936 г. советская внешняя разведка осуществляла крупномасштабную операцию по изъя-

тию архивов Троцкого, старого и нового текущего архивов Седова, архива Международного секретариата IV Интернационала, созданного Троцким и его приспешниками. На этом направлении работала мобильная нелегальная резидентура легендарного советского разведчика Бориса Манойловича Афанасьева. В результате осуществленных его резидентурой мероприятий эти архивы были изъяты. Были добыты документы переписки о состоянии работы троцкистского подполья в Советском Союзе и Западной Европе, зашифрованные письма Седова к Троцкому о встречах и беседах с представителями троцкистских групп, приезжавшими из СССР, в том числе и написанные тайнописью, документы со списками и адресами лиц в СССР, сотрудничавших или намечавшихся к сотрудничеству с аппаратом Троцкого, инструкции ряду функционеров в других странах, планы мероприятий, записи бесед со многими лицами, а также списки адресов для нелегальной переписки с троцкистским активом во всех странах, где осуществлялась деятельность троцкистов. Некоторые материалы были опубликованы в советской и зарубежной прессе, что наряду с утратой самих архивов нанесло колоссальный урон троцкистскому движению, серьезно подорвало его авторитет, особенно непосредственно Троцкого и Седова. Кстати говоря, значительная часть арестованных и ликвидированных в СССР подпольных троцкистов была выявлена именно таким образом.

Как видите, ни одна из версий не проходит даже по минимуму. И всего лишь по той простой причине, что в архивах советской внешней разведки (ныне СВР РФ) нет абсолютно никаких данных о какой-либо ее причастности к смерти Льва Седова. Материалы по разработке операции по ликвидации его отца — Льва Давидовича Троцкого-Бронштейна — есть и ныне они известны. А на Льва Седова — нет. Вот и весь пустопорожний миф.

Миф № 96. Чтобы скрыть свои ошибки, Сталин приказал расправиться с командующим Западным

фронтом генералом Д .Г. Павловым и другими генералами этого фронта в начале войны, сделав из них «козлов отпущения».

Этот бред гуляет давно. В широкий пропагандистский оборот его ввел Н.С. Хрущев, правда, с подачи Г.К. Жукова.

Мало кому известно, что санкцию на арест и предание суду военного трибунала бывшего командующего Западным фронтом генерала Павлова Д.Г. подписал лично Г.К. Жуков, перепрыгнув через голову первого на войне Главнокомандующего, то есть наркома обороны Тимошенко. И ареста командующего 4-й армией этого фронта — генерала Коробкова — первым же потребовал опять-таки лично Жуков. Причем в адресованной члену Политбюро Г.М. Маленкову резолюции Жукова говорилось, что «Коробкова нужно арестовать и судить как труса и предателя ». Впоследствии, будучи не в силах отмести тот факт, что резолюция была начертана на, документе, на котором стоит штамп входящей регистрации не просто Генштаба, а именно же секретариата начальника Генштаба, то есть самого Жукова, его «адвокаты» придумали несусветную глупость: «Есть большая вероятность того, что резолюция принадлежит Жукову, хотя графические признаки подписи на документе не полностью совпадают с образцами его почерка».

Дело в том, что Жуков всегда заявлял, что нигде нет ни одной его подписи на документах, связанных с репрессиями. Вот «адвокаты » и спасали его самым неуклюжим образом. Но все дело-то в том, что Жуков врал, что называется, напролом. С конца 1938 г. санкцию на арест военнослужащих, тем более в генеральском звании, по закону могло дать только руководство наркомата обороны. И оно давало эти санкции как непосредственно накануне войны, так и в начале войны — до того момента, как Сталин стал Верховным главнокомандующим и наркомом обороны.

В действительности же никакой незаконной расправы над Павловым не было. За то, что он натворил, — и десятка-то смертных приговоров было бы мало. **За одно то, что не была выполнена санкционированная лично Сталиным директива Генштаба от 18 июня 1941 г. о приведении войск приграничн-**

ных округов в боевую готовность в связи с возможным внезапным нападением Германии в ближайшие дни — уже расстрел полагался. Тем более что накануне нападения Павлов отправился в театр, вместо того чтобы подготовить войска к отражению нападения. В результате, обладая 44 дивизиями, громадным количеством танков, мощной артиллерией и авиацией, фронт под его командованием рухнул за четыре с небольшим дня. Никакой растерянностью или внезапностью нападения это не объяснить. Как могло случиться так, что менее чем за две недели боев потери в живой силе составили **417 729** чел., в том числе безвозвратные **341 012** человек? Чуть ли не весь наличный состав округа! Как могло случиться, что авиация округа была вдребезги разгромлена? Ведь командование округа было знакомо с суровыми выводами комиссии, проверявшей состояние ВВС округа, о чем говорилось еще при анализе мифа № 17 (см. книгу 1). Как могло случиться, что аэродромы авиации этого округа были захвачены гитлеровцами в первые же часы войны и без малейшего сопротивления? Как могло случиться, что с самолетов передового базирования этого округа прямо накануне нападения было снято вооружение и боезапас, а в баках оказалась вода? Как могло случиться, что практически три тысячи танков этого округа вообще не приняли никакого участия в боях и были просто брошены?

Наконец, как могло случиться такое, что гитлеровцы в соответствии с разработанным еще в конце 1936 г. графиком агрессии взяли Минск на пятые сутки? Ведь в 1936 году они добились такого немыслимого успеха в картографической тогда агрессии только благодаря полученному от Тухачевского и К° «Плану поражения СССР в войне с Германией». И через четыре с небольшим года уже на практике 100% повторили тот же успех. Что хотите думайте, но это ничем не объяснить, кроме как предательством. И за такие потери, за такой урон обороне, за такой ущерб стране — ведь то, что немцы в конце концов появились едва ли не у стен Кремля, вина прежде всего командования Западного фронта, прикрывавшего Белорусское направление, на котором разворачивалось главное направление удара вермахта, — действительно необходим был самый суровый приговор.

Но судили Павлова не по 58-й статье УК. В процессе закрытого судебного заседания Военной коллегии Верховного Суда СССР **22** июля **1941** г. были переквалифицированы статьи уголовного кодекса, по которым обвинялось командование ЗапОВО. Их арестовали по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. 63—2 и 76 УК Белорусской ССР (аналог знаменитой ст. 58 в УК РСФСР). Однако суровый приговор был вынесен на основании ст.ст. **193—17/6 и 193—20/6** УК РСФСР. Формулировка обвинения в приговоре была такова: **«за проявленную трусость, бездействие власти, нераспорядительность, допущение развала управления войсками, сдачу оружия противнику без боя, самовольное оставление боевых позиций частями Красной Армии и создание противнику возможности для прорыва фронта Красной Армии». «Создание противнику возможности для прорыва фронта Красной Армии»** вменялось только самому Павлову как командующему Западным фронтом.

Конечно, не один Павлов был виноват — к ответу следовало бы призвать еще и наркома обороны Тимошенко и начальника Генштаба Жукова. Бардак в подготовке к отражению агрессии происходил с их ведома. Хуже того. Именно на них лежит вся полнота ответственности за то, что Советский Союз вступил в войну с беспрецедентно безграмотным сценарием. Впоследствии Тимошенко открыто это признал.

Сталин же поступил очень правильно, дав указание о переквалификации преступления командования Западного фронта на другие статьи УК. Тем самым он ясно дал понять генералитету, что устраивать силовые разборки с ним он не намерен, но при необходимости спокойно может обойтись и без знаменитой 58-й статьи. С большим трудом, но генералы поняли, что пора и воевать.

Миф № 97. Сталин жестоко расправился с генералами, попавшими в плен.

Кто автор этой глупости — неизвестно. Зато известно следующее. До сих пор происходит форменное издеватель-

ство над фактами. В одной из недавно изданных книг указано, что в плен попали 80 советских генералов и комбригов и двое просто остались на оккупированной территории, не вступая в контакт с оккупационными властями. В плену погибли 23 генерала. На Родину вернулись 37 генералов и комбригов. В правах были восстановлены **только 26. Вот так намекают на некую жестокость советских органов госбезопасности.** Однако же это просто поразительно, как всего одним словом — **«только»** — автор упомянутой книги взял да и обмазал в дерьме всю тогдашнюю систему контрразведки СССР! За что?! За то, что из вернувшихся из плена генералов после крайне необходимой проверки **70,27%,** по его же данным, были восстановлены в правах!? Что это за неуместный намек на жестокость советской контрразведки?! Неужели непонятно, что после такой страшной войны проверка всех побывавших в плену была крайне необходима?! Да, эта процедура малоприятная, но, подчеркиваю, она была чрезвычайно необходима. А для генералитета особенно. С него и спрос куда выше, чем с рядовых. Зачем же такие экивоки устраивать — **«только 26 генералов были восстановлены в правах»?!** Ведь фактически **две трети спокойно прошли проверку.** Какое-то неистребимое желание у современных авторов в любом событии сталинского периода, в любом действии сталинских спецслужб найти нечто якобы порочащее их и весь тот период, и выставить это как обоснование сталинской якобы жестокости и тирании. Когда же остынете-то, господа?

Впрочем, оставим риторику. По имеющимся данным, во время войны в гитлеровском плену по разным причинам оказались 83 советских генерала. 26 генералов погибло — расстреляны, убиты охраной концлагерей, умерли от болезней и издевательств гитлеровцев. Из оставшихся к концу войны в живых 57 генералов 32 были репрессированы: 7 — повешены по делу предателя Власова, 17 — расстреляны на основании приказа Ставки № 270 от 16 августа 1941 г., 8 — получили различные сроки тюремного заключения.

25 генералов, то есть фактически 44% возвращенных из плена, после всего лишь полугодовой проверки оправдали и

восстановили в правах. То есть вопреки всем мифам ни Лубянка, ни СМЕРШ, ни тем более Сталин после войны не зверствовали в отношении генералов.

А теперь полюбопытствуйте, за что были репрессированы (расстреляны) некоторые генералы (поименно и по данным СМЕРШ):

1. Генерал-майор Понеделин П.Г. — бывший командующий 12-й армией. «В период пребывания в плену немцы изъяли у Понеделина дневник, в котором он излагал свои антисоветские взгляды по вопросам политики ВКП(б) и Советского правительства». Следствие по делу Понеделина длилось целых пять лет — он был расстрелян по приговору суда только 25 августа 1950 года. Вот и попытайтесь представить себе масштаб и глубину проверки, проведенной органами госбезопасности. Это к тому, что ныне раздаются голоса, что-де приговор был неправедный, что с гитлеровцами он не сотрудничал, а те фотографии, на которых он изображен с офицерами и солдатами вермахта и которые распространялись на советских позициях для разложения наших войск, — мол, были сделаны насильно, то есть его силой принудили.

За годы войны советская разведка и контрразведка накопили такие обширные материалы, так вверх дном перевернули Германию, в том числе и архивы спецслужб Третьего рейха, а заодно и пленных гитлеровцев, что трудно сказать, что же могло ускользнуть от их внимания. Ведь пять лет потратили на проверку, но, очевидно, нашли то, что искали. Не говоря уже о самом факте тщательности следствия тех лет. Потому и суровый приговор. Ведь никто и ничто не мешало поставить его к стенке тогда же, в 1945 г., как тех 17 генералов. **И вот еще что. Генерал Понеделин — один из ближайших дружков Г.К. Жукова...**

2. Генерал-майор Артеменко П.Д. — бывший командир 27-го стрелкового корпуса. «Артеменко советовал немцам, как лучше организовать действия германских войск в борьбе против Красной Армии, клеветал на Советское правительство, политико-моральное состояние Советского народа и военнослужащих Красной Армии, а также заявлял о неизбежном поражении СССР в войне с Германией. Преступная деятель-

ность Дртеменко подтверждается захваченными органами СМЕРШ показаниями Артеменко, которые он давал немцам на допросах».

3. Генерал-майор Егоров Е.А. — бывший командир 4-го стрелкового корпуса. «Егоров также признал, что под влиянием Трухина и Благовещенского он в сентябре 1941 г. вступил в созданную немцами в Хаммельсбургском лагере военнопленных антисоветскую организацию "Русская трудовая народная партия" и впоследствии являлся членом комитета этой организации и председателем партийного суда. В ноябре 1941 г.Егоров участвовал в составлении обращения к германскому командованию, в котором группа предателей — бывших военнослужащих Красной Армии—просила разрешить им сформировать из числа военнопленных "добровольческие отряды" для вооруженной борьбы против Советского Союза. Впоследствии при "Русской трудовой народной партии" под руководством Егорова был создан специальный штаб, занимавшийся антисоветской обработкой военнопленных и вербовкой их в так называемые "добровольческие отряды". Егоров признал, что за период существования возглавляемого им штаба в "добровольческие отряды" было завербовано около 800 человек ».

4. Генерал-майор Зыбин Е.С. — бывший командир 36-й кавалерийской дивизии. «В ноябре 1941 г. под влиянием своих враждебных убеждений Зыбин вступил в созданную немцами в лагерях антисоветскую организацию "Русская трудовая народная партия" и являлся инициатором формирования из числа военнопленных так называемых "добровольческих отрядов" для борьбы против Красной Армии. Зыбин признал, что обработал и завербовал для враждебной деятельности против СССР около 40 военнопленных — бывших военнослужащих Красной Армии ».

5. Генерал-майор Крупенников И.П. — бывший начальник штаба 3-й гвардейской армии. «В начале 1943 года, находясь в Летценском лагере военнопленных, по собственной инициативе поступил на службу в качестве преподавателя на созданные немцами курсы офицерского состава и пропагандистов так называемой "русской освободительной армии"» (ЮА Власова. — *А. М.*).

6. Генерал-майор авиации Белешев М.А. — бывший командующий ВВС 2-й ударной армии (командующий А.А. Власов. — А. М.). «Белешев сознался, что на допросе в разведотделе Ставки германской армии он одобрил предложение немцев об использовании пленных советских летчиков для борьбы против Красной Армии, после чего был назначен немцами на должность коменданта лагеря военнопленных в городе Мариенфельд, где содержались военнослужащие частей ВВС Красной Армии».

7. Генерал-майор Самохин А.Г. — бывший начальник 2-го управления Главного разведывательного управления Красной Армии.

Примечание автора: В представленной Сталину справке начальник СМЕРШ В. Абакумов указал, что по состоянию на 21 декабря 1945 г. «компрометирующих данных о поведении в плену практически не было». Однако что-то тут не вяжется. Генерал-майор Самохин А.Г. попал в плен не в указанном выше статусе, а в должности только что назначенного командующего 48-й армией. Его попадание в плен стало основой для мифа о том, что якобы в начале 1942 г. Сталин посредством разведки вступил в сепаратные переговоры с гитлеровцами, пытаясь договориться с ними как о сепаратном мире, так и о совместной борьбе с мировым еврейством. Так что позиция занятая В. Абакумовым, очень странная. Подробно о Самохине см. миф № **44** в первой книге настоящего пятитомника.

8. Комбриг Лазутин Н.Г. — бывший начальник артиллерии 61-го стрелкового корпуса. «Находясь в лагере военнопленных в городе Замостье, Лазутин в конце 1941 г. установил связь с немцами, после чего был назначен комендантом блока (отделения) лагеря, где руководил полицией и выполнял указания немцев по созданию тяжелых условий содержания военнопленных в лагере. Впоследствии Лазутин использовался немцами в должности коменданта и в других лагерях военнопленных. Лазутин признал, что в Хаммельсбургском лагере подчинявшаяся ему полиция издевалась над советскими военнопленными, но он лично участия в этом не принимал».

9. Генерал-майор Богданов П.В. — командир 48-й стрелковой дивизии 11-го стрелкового корпуса 8-й армии Северо-Западного фронта. 17 июля 1941 г. сдался в плен немецкому разъезду. 22 июля Богданова поместили в лагере военнопленных в Сувалках, где назначили старшим. Буквально через несколько дней он выдал немцам своего комиссара и старшего политрука. 18 сентября Богданова перевели в одну из берлинских тюрем, где он написал заявление с предложением сформировать из военнопленных отряд для борьбы с Красной Армией. После этого его перевели в лагерь министерства пропаганды в Вульхайде, а летом 1942-го в агентурно-политическую организацию «Боевой Союз русских националистов», который опекал «Цеппелин» (отдел VI Управления РСХА). В августе Богданов написал два воззвания, а в декабре 1942-го вступил рядовым во «2-ю русскую дружину СС». В январе 1943 г. его произвели в чин поручика и назначили заместителем начальника штаба дружины. В марте после объединения 1-й и 2-й русских дружин в 1-й русский национальный полк СС Богданов был назначен начальником контрразведки и произведен в майоры. Уже в апреле он становится генералом и принимает участие в карательных операциях против партизан и местного населения. В июне 1943 г. Богданова назначают начальником контрразведки «1-й русской национальной бригады СС». В середине августа командир бригады Гиль-РодионЬв накануне перехода к партизанам арестовал своего зама и благополучно доставил командиру партизанского отряда, выполнив одно из его условий.

Примечание автора: Ордер на арест Богданова был оформлен еще 20 августа 1943 г. и с тех пор шло следствие по его делу. К расстрелу он был приговорен лишь 24 апреля 1950 г. Приговор приведен в исполнение. Как видите, даже по делу такого откровенного подонка и предателя следствие длилось очень долго, во всем разбирались очень тщательно, скрупулезно. Потому и обоснованно суровый приговор.

10. Комбриг Бессонов И.Г — командир 102-й стрелковой дивизии. 26 августа 1941 г. сдался охране медсанбата в селе Раги Гомельской области. После пребывания в лагерях Гоме-

ля, Бобруйска, Минска и Белостока в середине ноября 1941 г. его доставили в Хаммельсбургский офицерский лагерь. Зимой 1942-го он принял участие в работе «кабинета военной истории», созданного с целью сбора разведданных о Красной Армии. В апреле Бессонов предложил свои услуги по формированию из военнопленных карательного корпуса для подавления партизанского движения. В сентябре его освободили и направили в распоряжение «Цеппелина», где он принял участие в создании «Политического центра борьбы с большевизмом», созданного для организации повстанческого движения в глубоком советском тылу путем десантирования вооруженных групп, сформированных из советских военнопленных. Акцию планировалось провести в районе от Северной Двины до Енисея и от Крайнего Севера до Транссибирской магистрали. Диверсионным отрядам ставилась задача овладеть промышленными центрами Урала, вывести из строя Транссибирскую магистраль и лишить фронт стратегической базы на Урале. Этот район был разбит на три оперативные зоны: правобережный район среднего течения Северной Двины, район р. Печоры и район Енисея. Численность десанта предполагалось довести до 50 тыс. человек. При подготовке акции учитывалась служба Бессонова в войсках НКВД, хорошие знания дислокации и системы охраны лагерей ГУЛАГа. Десант должен был захватывать лагеря, освобождать и вооружать заключенных и ссыльных и двигаться в южном направлении, расширяя свои действия. Однако акция фактически провалилась из-за того, что удалось собрать всего лишь около 300 человек десанта. Уже в июне 1943 г. Бессонова арестовали и посадили в концлагерь Заксенхаузен, в особый блок «А» для привилегированных заключенных (свободный режим содержания), где он содержался до апреля 1945 года.

Примечание автора: следствие по делу этого подонка также длилось пять лет. 19 апреля 1950 г. Бессонов был приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день.

11. Генерал-майор Будыхо А.Е — бывший командир 171-й стрелковой дивизии. В плен попал 22 октября 1941 г. в Белго-

роде. Был задержан немецким патрулем. После пребывания в Полтавском и Владимиро-Волынском лагерях в апреле 1942 г. Будыхо доставили в Хаммельсбургский лагерь. В июне он принимает предложение Бессонова вступить в «Политический центр борьбы с большевизмом». С февраля и до конца апреля 1943 г. Будыхо исполнял обязанности начальника контрразведки и выявлял лиц, настроенных просоветски. После расформирования организации он написал заявление о вступлении в Р О А. Вскоре «генерал восточных войск» (судя по всему, речь идет о Власове. — А. *М.*) утвердил его в звании генерал-майор, после чего Будыхо принял присягу и убыл в отдел формирования «восточных частей » при штабе 16-й армии (вермахта. — Л. М.) в Ленинградской области. Однако 10 октября два «русских батальона » перебили немцев и ушли к партизанам. 12 октября, не дожидаясь возвращения обратно в лагерь, которое планировалось на 14 октября, Будыхо бежал, сговорившись с денщиком. Через неделю его встретили партизаны, а 23 ноября 1943 г. впервые допросили в контрразведке СМЕРШ.

Примечание автора: И этого подонка тоже приговорили к расстрелу 19 апреля 1950 г. Приговор приведен в исполнение в тот же день.

12. Генерал-майор Наумов А.З. — бывший командир 13-й стрелковой дивизии. Захвачен в плен 18 октября 1941 г. на квартире (в Минске. — *А.М.) и* доставлен в минскую тюрьму. Через два месяца его перевели в лагерь для военнопленных, где он высказал желание проводить шпионскую работу против СССР. В апреле 1942 г. Наумова перевели в лагерь в Литву, а затем в Хаммельсбург. В лагере он осуществлял вербовку военнопленных в «восточные» батальоны. 24 сентября 1942 г. Наумов написал коменданту лагеря заявление:

«Доношу, что среди русских военнопленных лагеря ведется сильная советская агитация против тех людей, которые с оружием в руках хотят помогать немецкому командованию в деле освобождения нашей родины от большевистского ига. Эта агитация исходит главным образом от лиц, принадлежащих к генералам и со стороны русской комендатуры. После-

дняя стремится всеми средствами дискредитировать тех военнопленных, которые поступают на службу к немцам в качестве добровольцев, употребляя по отношению к ним слова "Эти добровольцы всего-навсего продажные души". Тех, которые работают в историческом кабинете, также игнорируют и оскорбляют такими словами, как: "Вы продались за чечевичную похлебку". При таком положении дел русская комендатура вместо оказания помощи этим людям в поднятии производительности труда совершает обратное. Она находится под влиянием генералов и всячески старается препятствовать работе. Активное участие в этой агитации принимают генералы Шепетов, Тхор, Тонконогов, полковник Продимов, подполковник Новодаров. Все вышеприведенное соответствует действительности, и я надеюсь, что комендатура лагеря благодаря принятию соответствующих мер обеспечит успешное выполнение порученных ей задач. Генерал А. Наумов».

После этого доноса остался в живых только Тонконогов. С октября Наумов работал начальником строевого отдела лагеря в военно-строительной организации ТОДТ, а затем комендантом участка работ. В 1943 г. после побега военнопленных его сняли с должности и направили в лагерь для «фолькс-дойче ». С осени 1944 г. Наумов работал чернорабочим на трикотажной фабрике, а 23 июля 1945 г. был арестован в лагере для репатриированных.

Примечание автора: И эта мразь тоже была расстреляна по приговору суда 19 апреля 1950 г.

К глубокому сожалению, вот такими подонками оказались некоторые из советских генералов. За совершенные тяжкие государственные и воинские преступления они получили по заслугам. Но обратите внимание на то, сколь же тщательно и скрупулезно велось тогда следствие. Ведь пять лет оно длилось, хотя и так было ясно, что их давно пора расстрелять. Ан нет, все досконально выясняли чекисты, все тщательно проверяли и только потом отдавали этих предателей в руки правосудия.

Но с какой стати все это смеют называть зверствами органов госбезопасности и сталинского режима?

Миф № 98. В начале войны Сталин жестоко обошелся с советскими немцами[1].

В принципе миф существует давно. Однако в наиболее «демократическом виде» его сформулировал один А.Н. Яковлев. В книге «По мощам и елей» он написал: «Народ был обвинен только в том, что он принадлежал к нации, государство которой — фашистская Германия — вела войну против СССР». Такая позиция не только неверна в корне, она просто ложна. Заявлять, что советские немцы принадлежали к нации, «государство которой — фашистская Германия...», уже несусветная ложь. Потому как государством германской нации является Германия. Термин же «фашистская» относится к режиму, воцарившемуся в Германии. К тому же называть гитлеровский режим фашистским — неверно. Фашистский режим был в Италии, а в Германии режим был нацистский. Не говоря уже о том, что до великого 9 мая 1945 г. Советский Союз воевал, если уж быть юридически принципиально точным, с так называемой «демократической» Веймарской Германией —ее-то никто не отменял, даже Гитлер, приведенный к власти на основе Веймарской Конституции.

А вот нам, чтобы не попадаться на «туфту» пропагандистов зоологического антисталинизма, необходимо знать следующее. К началу войны в СССР проживало примерно 1,5 млн немцев (если точно — 1 427 222 человека), в том числе в Российской Федерации 700 231 человек. Исходя из данных советских органов государственной безопасности, Советскому правительству было хорошо известно, что еще сразу же после окончания военных действий против Франции в 1940 г. германская разведка, особенно Абвер, резко активизировала свою деятельность против СССР, абвер особенно стремился координировать деятельность немецких поселенцев и колонистов, рассматривая их и как отличную вербовочную базу, особенно в приграничных районах, и как «пятую колонну», способную на серьезные подрывные действия.

[1] О выселении других народов будет сказано в следующих книгах пятитомника.

Это огромная сила, которая могла натворить много бед. Тем более что органы госбезопасности непрерывно фиксировали как попытки вербовок лиц немецкой национальности германскими разведслужбами, так и их внедрение на стратегические объекты, что было очень характерно для вновь вошедших в состав СССР территорий Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии и Прибалтики. Причем основным способом воздействия на немцев в СССР был метод разжигания националистических чувств на базе «принципа принадлежности к немецкой крови». Националистический же сепаратизм вне зависимости от своей этнической окраски чрезвычайно опасен для любого государства. И любое государство борется с ним самыми крутыми мерами. Тем более в условиях войны. В СССР же действительно создалась ситуация, когда под воздействием разжигавшей националистические чувства нацистской пропаганды немцы могли поддаться гитлеровским посулам и стать пособниками агрессора. С другой стороны, не менее опасным, в условиях начавшейся войны именно с Германией, было бы и проявление крайней враждебности со стороны советских людей к ним как к немцам, что, к слову сказать, нацистская агентура откровенно пыталась спровоцировать, дабы поднять широкие слои советских немцев на борьбу с Советской властью изнутри государства. Полтора миллиона человек — это не шутка и, не приведи, конечно, Господь Бог, все это могло привести к крайне негативным последствиям, к ослаблению устойчивости тыла, так как громадное, практически абсолютное большинство немцев проживало в Поволжье, Саратовской и Сталинградской областях.

Первое решение о выселении немцев Поволжья было принято 12 августа 1941 года — их предполагалось выселить в районы Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахской и Киргизской ССР, а также в другие регионы. 27 августа 1941 года НКВД СССР приступило к реализации приказа «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей». Считается, что переселение немцев было осуществлено в жестокой форме. Может, оно так и было, но о какой иной форме могла бы идти речь, если война

шла именно с Германией, тем более на фоне катастрофы 22 июня 1941 года?! Нацистское руководство Германии не только возлагало серьезные надежды, но и прилагало усилия для создания из советских немцев «пятой колонны» в тылу СССР. И угроза участия советских немцев в войне на стороне Германии действительно была нешуточная. Только благодаря переселению удалось этого избежать. Более того. Именно благодаря переселению советские немцы и остались-то живы. В противном случае с ними поступили бы очень круто, как на войне с врагом.

И вот еще о чем. Об аналогичных мерах царской России английская «Times» еще в 1887 г. писала: «...не надо забывать, что большинство выселенных колонистов состоит в резерве германской армии и что в случае войны они могли бы неожиданно образовать враждебные банды, уже знакомые с топографией края, с его средствами и спокойно занимающие самые важные стратегические пункты».

Почему англичанам это было понятно еще в конце XIX века, а нашим «демократам» непонятно до сих пор?

СОДЕРЖАНИЕ

200 МИФОВ
СТАЛИНЕ

Научно-популярное издание

200 мифов о Сталине

Мартиросян Арсен Беникович

СТАЛИН И РЕПРЕССИИ 1920-1930-х гг.

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н.Дмитриев*
Корректор *О.Н. Богачева*
Дизайн обложки ДА *Трушин*
Верстка *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече 2000»
ЗАО «Издательство «Вече»
ООО «Издательский дом «Вече»

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.98.953.Д.012232.12.06 от 21.12.2006 г.
E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche. ru

Подписано в печать 18.10.2007. Формат 84x108 $^{1}/_{i2}$.
Гарнитура «MyslC». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 13. Тираж 7000 экз. Заказ № 5967.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Накануне Советско-финляндской войны И.В. Сталин в беседе с послом СССР в Швеции А.М. Коллонтай отметил: «Многие дела нашей партии и народа будут извращены и оплеваны прежде всего за рубежом, да и в нашей стране тоже... И мое имя тоже будет оболгано, оклеветано. Мне припишут множество злодеяний». Сталина постоянно пытаются убить вновь и вновь, выдумывая всевозможные порочащие его имя и дела мифы, а то и просто стряпая грязные фальсификации. Но сколько бы противники Сталина ни стремились превратить количество своей лжи и клеветы в качество, у них ничего не получится. Этот поистине выдающийся деятель никогда не будет вычеркнут из истории. Автор уникального пятитомного проекта военный историк А.Б. Мартиросян взял на себя труд развеять 200 наиболее расхожих мифов антисталинианы, разоблачить ряд «документальных» фальшивок. Вторая книга проекта — «Сталин и репрессии 1920—1930-х годов».